

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ИСТОРІЯ РАБСТВА,

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ДО НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Сочиненіе **Дж. К. Ингрэма.**

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

Съ дополненіями изъ трудовъ Валлона, Турманя, Рамбо и Лависса. въ переводѣ Н. П. Новоборской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая скоропечатня А. Пороховщикова Гороховая, № 12.
1896.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Новый духъ, проникающій историческія изслѣдованія послѣдняго времени, сказывается главнымъ образомъ въ томъ, что объектомъ изслѣдованія служитъ теперь вся жизнь человѣчества въ ея послѣдовательномъ развитіи. Правда, художественное и драматическое изображеніе отдѣльныхъ событій также имѣетъ свою цѣнность и находитъ себѣ мѣсто въ историческомъ изслѣдованіи, но теперь оно все болѣе и болѣе отступаетъ на второй планъ передъ изученіемъ основного соціальнаго движенія, понять и объяснить которое—конечная цѣль историка.

Хотя для вполнѣ раціональнаго изслѣдованія такого движенія необходимо разсмотрѣть въ общей сложности всѣ его составные элементы и найти связующую нить между прогрессомъ отдѣльныхъ соціальныхъ факторовъ и прогрессомъ вообще,—въ видахъ удобства приходится разсматривать каждый изъ этихъ факторовъ отдѣльно, не теряя, однако же, изъ виду его зависимости отъ другихъ факторовъ, и обратно. Главная задача автора этой книги состоитъ въ томъ, чтобы выдѣлить одну такую

линію развитія, которая можетъ быть проведена черезъ всю исторію западно-европейскихъ націй и, по воздѣйствію своему на судьбы нашей расы, стоитъ не ниже всякой другой, а именно—переходъ отъ рабства древнихъ временъ къ современной системѣ свободнаго труда. Кромѣ изслѣдованія этого великаго переворота, книга наша содержитъ въ себѣ описаніе вредной системы колоніальнаго рабства, его повсемѣстнаго уничтоженія и усилій, которыя употребляются въ наше время, чтобы произвести подобный-же переворотъ на Востокѣ, гдѣ существуетъ еще понынѣ первобытная форма рабства. Въ виду этого, мы съ особеннымъ вниманіемъ отнеслись къ послѣднимъ событіямъ въ Африкѣ, ибо, еслибы удалось разъ навсегда положить конецъ травлѣ и продажѣ человѣческихъ существъ на африканскомъ континентѣ, то къ домашнему рабству у мусульманскихъ націй Востока можно было-бы относиться съ извѣстной терпимостью: оно вѣроятно прекратилось-бы мало по малу само собой, въ силу тѣхъ-же причинъ, которыя обусловливали прекращеніе его въ древней Римской Имперіи.

Въ первой части книги я старался держаться главнымъ образомъ исторической, а не антикварной точки зрѣнія и нигдѣ не вдавался въ подробности, хотя ихъ накопилось у меня множество, и притомъ весьма любопытныхъ. Вообще я не пытался выказывать эрудицію, на которую, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ моего изслѣдованія, не могу предъявлять притязаній. Я писалъ не для школьниковъ, но для массы мыслящихъ

и образованныхъ мужчинъ и женщинъ, и потому стремился, по отношенію къ исторіи рабства, дать широкіе взгляды и общія идеи, какія должны входить въ составъ умственной пищи каждаго развитого человѣка. Въ то же время я старался соблюдать величайшую точность въ изложеніи фактовъ и буду весьма удивленъ и огорченъ, если мнѣ укажутъ на какую-нибудь серьезную ошибку въ этомъ отношеніи. Я свободно пользовался трудами тѣхъ, кто, до меня, разсматривалъ вопросъ о рабствѣ въ цѣломъ или въ частностяхъ; библіографическій перечень источниковъ, приложенный къ книгѣ, показываетъ, что изъ трудовъ моихъ предшественниковъ я пренебрегъ весьма немногими, доступными для изученія. Я долженъ выразить особую благодарность двумъ изъ нижепоименованныхъ авторовъ, изслѣдовавшихъ, весьма внимательно и добросовѣстно, бо́льшую часть той области, въ которой приходилось двигаться мнѣ, — Г. Валлону, въ его L'Esclavage dans l'Antiquité, и З. Сугенгейму, въ его Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft.

Нѣсколько примѣчаній, которыя имѣютъ отношеніе къ главному предмету изслѣдованія и заслуживаютъ вниманія, но которыя, будучи помѣщены въ текстѣ книги, нарушили-бы правильный ходъ разсказа, — помѣщены особо.

Слѣдуетъ прибавить, что настоящая книга есть воспроизведеніе, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, статьи «Рабство», вошедшей въ девятое изданіе Ency-

clopœdia Britannica. Эта статья была, сколько мнѣ извѣстно, первой попыткой на англійскомъ языкѣ дать полный, хотя и краткій очеркъ рабства и крѣпостного права древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ.

Дж. К. Ингрэмъ.

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ.

Знаменитый французскій экономистъ Дюнуайе [1]) утверждаетъ, что экономическій режимъ каждаго общества, въ началѣ его осѣдлой жизни, непремѣнно основывается на рабствѣ въ рабочихъ профессіяхъ, и самыя обширныя историческія изслѣдованія подтверждаютъ эту его мысль. Въ охотничій періодъ воинъ-дикарь не обращаетъ въ рабство побѣжденнаго врага, а убиваетъ его; женщинъ покореннаго племени онъ уводитъ къ себѣ и дѣлаетъ ихъ женами или служанками, такъ какъ въ этотъ періодъ домашнія работы почти исключительно выполняются женщинами. Въ пастушескій періодъ, рабовъ держатъ только для продажи, за исключеніемъ немногихъ, которые могутъ понадобиться для охраненія стадъ или для слабыхъ попытокъ къ только-что нарождающемуся земледѣлію. Но, по мѣрѣ того, какъ укореняется осѣдлая жизнь и земледѣліе начинаетъ практиковаться въ болѣе широкихъ размѣрахъ, — а люди по прежнему остаются проникнутыми воинственнымъ духомъ,—усиливается потребность въ трудѣ рабовъ: они добываютъ пищу для господина и въ то же время избавляютъ его отъ утомительной домашней работы. На этой стадіи обществен-

1) De la Liberté du Travail, L. IV. chap. IV. § 1.

наго развитія рабство является повсемѣстнымъ и неизбѣжнымъ.

Но тамъ, гдѣ установилась теократическая организація, рабство, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, не могло сдѣлаться жизненнымъ элементомъ общественнаго строя. Въ странахъ, гдѣ населеніе раздѣляется на касты, гдѣ между этими кастами распредѣлены всѣ общественныя повинности, ручной трудъ и ремесла,—не остается мѣста для рабовъ; ихъ употребляютъ лишь въ ограниченномъ количествѣ, для домашнихъ услугъ, или-же, большими массами, для гигантскихъ сооруженій, которыя по временамъ предпринимаютъ вожди такихъ общинъ. При соціальномъ устройствѣ такого рода, низшая каста можетъ быть угнетенной и презираемой, но она не находится въ состояніи рабства: члены ея подчинены высшимъ классамъ не индивидуально, а коллективно.

Зато въ общинахъ, организованныхъ спеціально для войны, въ общинахъ, гдѣ военное сословіе преобладаетъ надъ сословіемъ жрецовъ, рабство является вполнѣ естественнымъ и понятнымъ. А такъ какъ войны въ исторіи человѣчества играютъ весьма важную роль, мы, при всемъ нашемъ справедливомъ отвращеніи ко всѣмъ видамъ рабства, должны признать его необходимой ступенью общественнаго развитія. Наибольшимъ препятствіемъ къ признанію этой важной истины была вполнѣ основательная ненависть общества къ современному рабству, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ колоніяхъ европейскихъ государствъ. Но современное рабство не представляло собою, подобно древнему, временной необходимости, непроизвольно вытекающей изъ условій извѣстнаго общественнаго строя и ведущей къ счастливымъ послѣдствіямъ; оно было чудовищнымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей, созданнымъ искусственно и враждебнымъ интересамъ цивилизаціи.

Что рабство играло весьма существенную роль въ соціальной экономіи древнихъ, это мы можемъ заключить

уже изъ того факта, что самые замѣчательные политики и мыслители древнихъ временъ въ принципѣ признаютъ его неизбѣжнымъ. Но если мы самостоятельно разсмотримъ послѣдовательный ходъ развитія человѣчества, мы придемъ къ подобному-же заключенію. Не говоримъ уже о томъ, что при всемъ томъ отвращеніи, которое оно внушаетъ современному человѣку, все же рабство, разсматриваемое относительно, было громаднымъ шагомъ впередъ на пути прогресса, такъ какъ, съ его водвореніемъ, убіеніе плѣнныхъ, часто сопровождаемое каннибализмомъ, замѣнилось пожизненной работой или службой побѣдителю [1]). Это всѣми признанная заслуга рабства. Любопытна старинная, хотя и неправильная этимологія этого слова [2]). Но далеко не всѣ еще убѣждены въ томъ, что рабство оказало также относительно важныя услуги въ позднѣйшій періодъ соціальной эволюціи. Такъ напр., нѣкоторые указываютъ на то, что — во первыхъ, рабство сообщило военному сословію, въ его стремленіяхъ къ господству, интенсивность и стойкость, что необходимо для системы подчиненія одного народа другимъ, посред-

---

1) Hor. Ep. 1. XVI. 69.
«Vendere cum possis captivum, occidere noli:
Serviet utiliter».
«Il est fort probable que, sans une telle transformation, l'aveugle passion guerrière du premier âge social aurait determiné depuis longtemps la destruction presque entière de notre espèce». Контъ, Philosophie positive, 53 leçon.

2) «Servi autem ex eo appellati sunt quod imperatores captivos vendere ac per hoc servare nec occidere solent». Юстиніанъ, Inst. I tit. 3. § 3. Но слово servus вовсе не одного происхожденія съ словомъ servare; въ сущности, оно родственно Гомерическому Εἴρερος и глаголу Εἴρω, однородному съ латинскимъ sero. Не мѣшаетъ замѣтить, что англійское слово slave (рабъ) употреблялось первоначально для обозначенія національности; такъ назывались славяне, попавшіе въ плѣнъ къ германцамъ и обращенные ими въ крѣпостное состояніе. «Отъ Эвксинскаго порта до Адріатики, въ качествѣ военноплѣнныхъ или рабовъ... они (т. е. славяне) распространились по всей странѣ; случай или злой умыселъ измѣнилъ значеніе національнаго имени, и слово slave (отъ слава) стало обозначать — рабъ». Гиббонъ, Decline and Fall, ch. I v. (Рус. пер.).

ствомъ завоеваній—къ чему, въ сущности, и сводились эти стремленія; во вторыхъ, что будто-бы оно принуждало плѣнныхъ, потомки которыхъ, мало по малу, составили большинство населенія покорившей ихъ страны, вести дѣятельную, трудовую жизнь, несмотря на отвращеніе къ правильной и продолжительной работѣ, присущее человѣческой природѣ, въ особенности въ раннихъ стадіяхъ соціальнаго развитія, когда беззаботность является чуть ли не общей характерной чертой, а освобожденіе отъ всякой отвѣтственности—желаннымъ и благодѣтельнымъ. Впрочемъ, съ такими предположеніями согласны далеко не всѣ соціологи.

Относительно этой послѣдней заслуги рабства слѣдуетъ замѣтить, что производительная промышленность не создавалась лишь добровольными усиліями человѣка; во всѣхъ, сколько нибудь извѣстныхъ намъ странахъ, сильный принуждалъ къ труду слабаго, и привычка трудиться воспитывалась въ народѣ только строгой дисциплиной насилія [1]). Съ первобытной точки зрѣнія, свободный человѣкъ, который въ то время былъ непремѣнно воиномъ, и рабъ—были союзниками, одновременно выполнявшими различные функціи и взаимно дополнявшими другъ друга: каждый былъ необходимъ для поддержанія жизни и дѣятельности другаго, и слѣдовательно, оба, безъ всякихъ столкновеній и соперничества, работали на пользу общую. Въ современномъ же рабствѣ въ колоніяхъ, гдѣ занятія господъ и рабовъ болѣе или менѣе одинаковы, существованіе класса рабовъ, не освобождая хозяевъ настолько, чтобы они могли съ пользою приложить свои силы на другомъ поприщѣ служенія обществу, только оберегаетъ самодовольный покой и благосостояніе нѣкоторыхъ, обрекая въ то-же время другихъ на праздность и нищету.

---

1) Въ данномъ случаѣ авторъ несомнѣнно заблуждается, приписывая рабству такія заслуги, въ какихъ оно не повинно. Есть мѣстности, гдѣ рабства никогда не существовало, хотя «правильныя и продолжительныя работы» представляютъ общее правило. Пр. ред.

Дѣятельность военнаго сословія въ Греціи была безсистемна, часто безцѣльна, и, за исключеніемъ сопротивленія Персіи, закончившагося походомъ Александра, не дала, въ сущности, никакихъ результатовъ. Только въ Римской имперіи это сословіе выполнило соціальную миссію, оправдывающую его существованіе; Римъ-же былъ главнымъ разсадникомъ рабства, во все время выполненія этой миссіи. Лишь только побѣдное шествіе Римлянъ и сопровождающее его присоединеніе къ нимъ покоренныхъ народовъ достигли своихъ естественныхъ предѣловъ, рабство начало видоизмѣняться; когда-же имперія распалась на отдѣльныя государства, развившіяся подъ ея охраной, и система обороны, характеризующая средніе вѣка, замѣнила наступательную систему древнихъ, рабство постепенно исчезло, уступивъ мѣсто крѣпостному или ленному праву, которое, въ свою очередь, съ развитіемъ современной промышленной жизни, уступило мѣсто личной свободѣ.

Контъ доказалъ [1]), что политеизмъ и осѣдлость распространялись одновременно и что образованіе осѣдлыхъ общинъ непремѣнно влекло за собою политеизмъ, какъ религію; изъ этого мы можемъ заключить, что появленіе политеистическихъ ученій соотвѣтствуетъ, по времени, введенію систематическаго рабства. И дѣйствительно, между ними существуетъ естественное соотношеніе, такъ-же какъ между фетишизмомъ и убіеніемъ плѣнныхъ, между монотеизмомъ и свободой. Фетишизмъ, какъ религія строго мѣстная (племенная), не могъ связать побѣжденныхъ и побѣдителей никакими духовными узами, способными противостоять импульсу разрушенія и потому требовалъ истребленія плѣнныхъ. Но каждая форма политеизма обладаетъ извѣстной степенью приспособляемости и не вполнѣ исключаетъ другія формы: по-

---

1) Phil. pos. L. 52. L. 53—мастерской трактатъ о древнемъ политеизмѣ вообще.

этому въ религіозныхъ понятіяхъ побѣдителей и побѣжденныхъ оказывалось достаточно общаго, чтобы между господиномъ и рабомъ могла установиться извѣстная гармонія привычекъ, но въ то же время и достаточно разницы, чтобы поддерживать ихъ на приличномъ разстояніи другъ отъ друга. Самое покореніе побѣжденнаго уже показывало, что его боги находятся на низшей ступени достоинства, и этого было достаточно, чтобы оправдать и освятить его подчиненное состояніе.

Подобное-же соотношеніе существуетъ между рабствомъ и сліяніемъ духовной и свѣтской властей, характеризующимъ древность. Строгая и стойкая внутренняя дисциплина обществъ, проникнутыхъ воинскимъ духомъ, подкрѣплялась соединеніемъ матерьяльнаго господства съ религіознымъ авторитетомъ. Это соединеніе, особенно въ области домашнихъ отношеній, давало власти господина санкцію свыше и въ то-же время избавляло его отъ вмѣшательства въ его поступки жрецовъ, что неминуемо подорвало-бы его авторитетъ. Вездѣ, гдѣ рабство, являясь результатомъ завоеваній, существовало наравнѣ съ монотеизмомъ, мы встрѣчаемъ также и соединеніе властей; въ принципѣ, оно противно монотеизму, но иногда, въ силу особыхъ условій, уживается съ нимъ.

До сихъ поръ мы разсматривали политическіе результаты древняго рабства и нашли, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно было не только полезно, но и неизбѣжно. Но если мы разсмотримъ это учрежденіе относительно его нравственнаго воздѣйствія на человѣчество, при всемъ стараніи избѣгать преувеличеній, мы должны будемъ признать, что оно имѣло крайне пагубное вліяніе, какъ на рабовъ, такъ и на господъ. Благодѣтельныя послѣдствія привычки къ труду парализовались для раба тѣмъ, что въ немъ не могло развиться чувство человѣческаго достоинства, которое есть основаніе всякой нравственности; такъ какъ никто не давалъ себѣ труда заботиться о воспитаніи понятій и чувствъ раба, а слишкомъ

часто онъ былъ лишенъ и естественнаго воспитанія, вытекающаго изъ нормальныхъ семейныхъ отношеній. На нравственность господъ—личную, семейную и общественную—рабство также оказало самое печальное вліяніе.

Привычка къ абсолютному господству, вообще опасная для нашей природы, особенно пагубно дѣйствовала тамъ, гдѣ это господство сказывалось въ каждой мелочи житейскаго обихода и гдѣ ничье вмѣшательство извнѣ не могло помѣшать господину распоряжаться по своей прихоти чувствами и судьбой своихъ подчиненныхъ. Подвергая господина разрушительному дѣйствію мести, рабство уничтожало въ немъ способность сдерживаться и владѣть собой—первое условіе нравственнаго совершенствованія. Въ семьѣ рабство потворствовало и способствовало распущенности нравовъ; рабыни сплошь и рядомъ падали жертвами животной страсти господина или же развращались, едва выйдя изъ дѣтства. Оно вносило разладъ въ супружескія отношенія, компрометтируя достоинство и разрушая счастье жены. Оно въ раннемъ возрастѣ подтачивало цѣломудріе сыновей, и общій уровень чувствъ и понятій молодого поколѣнія понижался, благодаря его интимнымъ сношеніямъ съ презираемымъ и униженнымъ классомъ. Особенно-же сильно отражалась эта воспитанная семьею привычка къ жестокому или, по крайней мѣрѣ, суровому отношенію къ низшимъ, въ нравственности общественной. Юмъ указываетъ намъ на то, какъ «мало человѣчности наблюдается у людей, привыкшихъ съ дѣтства безконтрольно властвовать надъ подобными себѣ и попирать ногами человѣческую природу.... Суровые, даже варварскіе нравы древнихъ временъ объясняются всего удовлетворительнѣе привычкой къ домашнему рабству, благодаря которому всякій знатный человѣкъ дѣлался маленькимъ тираномъ и воспитывался среди мести, угодливости и низкопоклонства своихъ рабовъ [1]).

---

[1]) Essay on the Populousness of Ancient Nations.

Да и какъ иначе объяснить эти двѣ прискорбныя черты характера древнихъ — суровость и жестокость, проявлявшіяся не только въ частыхъ политическихъ звѣрствахъ, но и въ общественныхъ развлеченіяхъ, и обезображивавшіе нравственный образъ лучшихъ типовъ, какіе даетъ намъ древняя исторія? Прискорбныя послѣдствія рабства, описанныя нами, разумѣется, не были повсемѣстнымъ явленіемъ; какъ между господами, такъ и между рабами встрѣчаются замѣчательныя исключенія— примѣры доброжелательнаго покровительства съ одной стороны и безкорыстной преданности съ другой [1]), дѣлающія честь человѣческой природѣ, но все-же дурные результаты неизмѣримо перевѣшивали хорошіе.

---

[1]) См. Платонъ, Legg. VI. 776 d.

ГЛАВА II.

Рабство въ древней Греціи.

Разсмотрѣвъ политическое и нравственное воздѣйствіе на человѣчество древняго рабства вообще, обратимся теперь къ изученію этого учрежденія въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало собственно у Грековъ и Римлянъ.

Въ Гомерическій періодъ рабство является уже вполнѣ установившимся фактомъ. Побѣдитель обращаетъ военноплѣнныхъ [1]) въ рабовъ, или продаетъ ихъ [2]), или возвращаетъ роднымъ за извѣстный выкупъ [3]). Иногда въ завоеванномъ городѣ или области побѣдители убиваютъ всѣхъ мужчинъ, а женщинъ уводятъ въ плѣнъ [4]). Нерѣдко пираты захватывали въ плѣнъ свободныхъ людей и продавали ихъ въ другія страны (Эвмей въ Одиссеѣ). Такимъ образомъ рабъ по происхожденію могъ быть равенъ своему господину, и та-же судьба могла постигнуть этого послѣдняго или кого-нибудь изъ членовъ его семьи. У Гомера рабство не является особенно суровымъ, тѣмъ болѣе, если мы примемъ въ соображеніе

---

[1]) Δμῶς, излюбленный терминъ, употребляемый Гомеромъ для обозначенія раба, происходитъ отъ корня δμα, отсюда δαμάω, и означаетъ собственно: человѣкъ, побѣжденный въ бою и лишенный свободы. Δοῦλος не встрѣчается у Гомера, но мы находимъ у него женскій родъ этого слова δούλη (Od., iii, 12) и производныя δούλιοςς и δουλοσύνη.

[2]) Иліада, XXIV. 752.

[3]) Ib., VI. 427.

[4]) Одиссея, IX 40.

(по указанію Грота), что «всѣ классы общества были почти на одномъ уровнѣ вкусовъ, чувствъ и образованія». Рабы мужчины обработывали землю и присматривали за скотомъ; рабыни занимались домашнимъ хозяйствомъ, рукодѣліемъ и прислуживали своей госпожѣ. Часто рабы пользовались полнымъ довѣріемъ своего господина; на нихъ возлагались весьма важныя обязанности; за долголѣтнюю и усердную службу ихъ отпускали на волю, награждая при этомъ домами и помѣстьями [1]). Мнѣніе Грота, что женщины рабыни находились въ болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ рабы мужчины, повидимому, неосновательно, за исключеніемъ, развѣ, алетридъ, размалывавшихъ зерно на ручныхъ мельницахъ и приготовлявшихъ муку для домашняго потребленія; эти рабыни, у жестокихъ хозяевъ, дѣйствительно, иногда изнемогали подъ бременемъ непосильнаго труда [2]). Часть земледѣльческихъ работъ выполнялась иногда наемными рабочими (тэтами); то были свободные люди, но жалкіе бѣдняки, нанимавшіеся почти исключительно къ мелкимъ землевладѣльцамъ; древніе поэты отзываются о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о паріяхъ [3]). Не имѣя могущественнаго покровителя и завися отъ случайной работы, эти люди могли позавидовать положенію обыкновенныхъ рабовъ, хотя Гомеръ и находитъ участь послѣднихъ горчайшей [4]); надо принимать во вниманіе, что въ его описаніяхъ неизбѣжнымъ элементомъ является переходъ къ неволѣ отъ болѣе высокаго общественнаго положенія. Въ знаменитой пѣснѣ [5]) онъ прекрасно характеризуетъ чувство нравственнаго униженія, испытываемое обыкновенно рабомъ.

И все же для насъ въ высшей степени важно изучить рабство въ древней Греціи, о которой мы имѣемъ много

---

1) Одиссея, XIV. 64.
2) Ib., XX. 110—119.
3) Ib, XI. 490.
4) Одиссея, XIII 528; Иліада, XIX. 302.
5) Одиссея, XVII. 322.

документальныхъ свѣдѣній, и въ особенности въ Аѳинахъ, гдѣ греческая цивилизація достигла своего апогея. Спарта въ этомъ отношеніи имѣетъ свои особенности и должна быть разсмотрѣна особо.

Источниками рабства въ Греціи были:

1. Рожденіе, такъ какъ неволя была наслѣдственной. Это былъ источникъ не обильный, ибо рабынь насчитывалось значительно меньше, чѣмъ рабовъ, и мудрый господинъ разрѣшалъ своимъ рабамъ вступать между собою въ бракъ скорѣе въ видѣ награды за усердную службу, чѣмъ въ видахъ спекуляціи [1]). Вообще, дешевле было купить раба, чѣмъ воспитывать его до того возраста, когда онъ станетъ годенъ къ работѣ.

2) Продажа дѣтей свободными родителями, терпимая повсюду, за исключеніемъ Аттики [2]), и подкидываніе ихъ, дозволенное вездѣ, кромѣ Ѳивъ [3]). Результатомъ послѣдняго являлось иногда развращеніе дѣвочекъ, какъ это мы видимъ въ комедіяхъ Плавта и Теренція, какъ извѣстно, рисовавшихъ не римскіе, а греческіе нравы.

3) Законъ. Въ Аѳинахъ, до Солона, несостоятельный должникъ дѣлался рабомъ кредитора. Аѳинскіе вольноотпущенники и метэки, т. е. проживающіе въ Аѳинахъ иностранные подданные, не выполнившіе своихъ обязательствъ по отношенію къ государству, продавались въ рабство, точно такъ-же, какъ и заѣзжіе чужестранцы, обманомъ присвоившіе себѣ права гражданъ.

4) Взятіе въ плѣнъ. Рабами становились не только

---

1) Ксен. Œcon., IX, 5.

2) Законы Солона ограничивали это родительское право правомъ отца продать дочь, обезчестившую себя незаконной связью.

3) Въ Ѳивахъ существовалъ законъ, воспрещавшій подкидывать дѣтей, но дозволявшій отцу, страдавшему подъ гнетомъ крайней нищеты, принести свое новорожденное дитя городскимъ властямъ, которые и продавали его; причемъ покупатель, непремѣнно гражданинъ, принималъ на себя обязательство воспитать ребенка и за это получалъ право считать воспитанника своимъ рабомъ.

плѣнные Азіаты или Ѳракійцы, но во многихъ войнахъ между греческими государствами, на континентѣ или въ колоніяхъ, сами греки попадали въ рабство къ своимъ-же соотечественникамъ. Такимъ образомъ, спартанцы оказывались рабами въ Тегеѣ, а Гелонъ продалъ и выселилъ изъ отечества всѣхъ обитателей Hyblaean Megara. Въ Платеѣ, въ Сикіонѣ, въ Мелосѣ, мужчины были перебиты или отправлены въ изгнаніе, а женщины обращены въ рабство. Аѳинянъ, послѣ неудачнаго окончанія ихъ экспедиціи, продавали на о. Самосъ и въ Сицилію. Въ борьбѣ партій на Корцирѣ, каждая партія, въ періодъ своего торжества, осуждала другую на смерть или рабство. Калликратидъ возсталъ противъ порабощенія грековъ греками же, но самъ первый измѣнилъ своему убѣжденію; зато Эпаминондъ и Пелопидъ, повидимому, всю жизнь оставались вѣрны ему. Филиппъ продалъ захваченныхъ въ плѣнъ Олинѳійцевъ, а послѣ взятія Ѳивъ Александромъ, продано было, говорятъ, около 30,000 женщинъ и дѣтей.

5) Морское разбойничество и похищеніе дѣтей. Нападенія пиратовъ на берега постоянно грозили опасностью жителямъ; продавалъ-ли пиратъ своихъ плѣнныхъ, или бралъ съ нихъ выкупъ, онъ всегда оставался въ выигрышѣ. Выкупленный плѣнный, по Аѳинскому закону, становился рабомъ своего избавителя и оставался имъ до тѣхъ поръ, покуда не возвращалъ заплоченныхъ за него денегъ или не отрабатывалъ ихъ. Похитители дѣтей (andrapodistae) съ успѣхомъ дѣйствовали даже и въ городахъ и воспитывали украденныхъ дѣтей, какъ рабовъ. Война, пираты, кража дѣтей — словомъ, опасность сдѣлаться рабомъ грозила каждому греку; надъ головой его всю жизнь висѣлъ Дамокловъ мечъ рабства [1]).

[1]) Напомнимъ замѣчательное мѣсто въ книгѣ Адама Смита, «Теорія нравственныхъ чувствъ» (Рус. пер.), ч. VII, сек. II, гдѣ, объясняя, почему древніе считали, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, самоубійство дозволи-

б) Торговля. Помимо продажи рабовъ, являвшейся результатомъ захвата городовъ и вообще войны, въ Грецiи производилась и систематическая торговля рабами. Закупали ихъ въ Сирiи, Понтѣ, Фригiи, Лидiи, Галатiи, Пафлагонiи и, въ особенности, во Ѳракiи. Египетъ и Эфiопiя также поставляли значительное число рабовъ, а отчасти и Италiя. Изъ иностранцевъ, цѣнились дороже другихъ азiаты, какъ наиболѣе послушные и знакомые со всѣми ухищренiями утонченной роскоши. Но выше всѣхъ цѣнились греки, которыхъ сбывали главнымъ образомъ за границу. Собственно Грецiя и Іонiя снабжали наложницами, музыкантшами и пѣвицами гаремы избалованныхъ восточныхъ государей. Важнымъ рынкомъ работорговли были Аѳины, причемъ городъ взималъ извѣстный налогъ съ каждой продажи; но главными центрами ея были Кипръ, Самосъ, Эфесъ и, въ особенности, Хiосъ. Въ позднѣйшее время прiобрѣлъ большое значенiе также

тельнымъ и даже необходимымъ, авторъ указываетъ на присущее всѣмъ грекамъ чувство неувѣренности и тревоги, обусловленное самымъ строемъ греческой жизни. «Всѣ греческiя республики», говоритъ онъ, «у себя дома страдали отъ крамолы и жестокихъ распрей, а внѣ вели кровавыя войны съ сосѣдями, причемъ каждая стремилась не только захватить въ свои руки власть и господство, но также уничтожить съ корнемъ всѣхъ своихъ враговъ, или, что не менѣе жестоко, обратить ихъ въ худшее изъ всѣхъ состоянiй, свойственныхъ человѣку, въ состоянiе домашняго рабства; мужчины, женщины и дѣти продавались на рынкѣ, какъ скотъ, тому, кто дастъ больше. Большинство этихъ мелкихъ государствъ были такъ малы, что каждое изъ нихъ подвергалось весьма вѣроятной опасности испытать на себѣ всѣ ужасы бѣдствiя, на которое оно обрекало, или, по крайней мѣрѣ стремилось обречь своего сосѣда. При такой неурядицѣ, даже полная невинность, въ соединенiи съ высокимъ положенiемъ и важными заслугами обществу, не могла внушить человѣку увѣренности въ томъ, что когда нибудь, въ случаѣ, если въ государствѣ возьметъ перевѣсъ враждебная ему партiя, его не оторвутъ отъ семьи, родныхъ и согражданъ, и не подвергнутъ самому жестокому и позорному наказанiю. Если онъ попадалъ въ плѣнъ во время войны, или если враги захватывали его родной городъ, онъ подвергался, если возможно, еще худшимъ оскорбленiямъ и обидамъ.. Всякiй греческiй патрiотъ и герой не могъ не сознавать опасности своего положенiя и долженъ былъ прiучить себя къ мысли, что его ждутъ всевозможныя бѣдствiя».

Делосъ; разсказываютъ, что тамъ, втеченіе одного дня, продавалось иногда до десяти тысячъ рабовъ.

* Торговля рабами была очень распространеннымъ явленіемъ въ древнемъ мірѣ. Она особенно поддерживалась въ государствахъ, гдѣ господствовали внутреннія войны и разныя злоупотребленія царской и родительской властью. Всѣ греческія колоніи посылали на рынки цѣлыя толпы рабовъ.

Особенно цѣнились греками рабы восточные, еще на родинѣ привыкшіе къ послушанію. Сами греки, по требованію сластолюбивыхъ азіатскихъ государей, посылали на востокъ, для ихъ удовольствій и празднествъ, своихъ дѣтей. Въ постыдной торговлѣ людьми соперничали съ греками сирійскіе и другіе иностранные купцы. Они являлись въ завоеванные города или вслѣдъ за побѣдителями, или даже и въ мирное время, разсчитывая на силу золота съ одной стороны и силу нищеты съ другой. Часто покупали для перепродажи молодыхъ дѣвушекъ и торговали ихъ невинностью, всячески заботясь, ради собственной выгоды, о сохраненіи ихъ молодости и красоты.

При продажѣ купцы всегда старались показать товаръ въ возможно лучшемъ видѣ, выставляя его достоинства и скрывая недостатки. Для привлеченія вниманія публики, рабовъ одѣвали въ блестящія платья; безобразныхъ вродѣ Эзопа, ставили такъ, чтобы ихъ безобразіе еще болѣе поддерживало красоту и статность стоящихъ рядомъ. Рабъ, на которомъ останавливалось вниманіе покупателя, выступалъ изъ рядовъ и, подобно домашнему животному, подвергался самому тщательному осмотру, до глазъ и рта включительно. Его раздѣвали, осматривали, ощупывали, заставляли ходить, прыгать, бѣгать, какъ это дѣлаютъ съ лошадьми, и вообще проявлять

---

*) Текстъ, заключенный между звѣздочками (*) представляетъ дополненія, сдѣланныя изъ книгъ Tourmagne (Hist. de l' esclavage, Hist. de servage), Wallon; Aubé, Boissier, Duruy и др.

свою ловкость и всѣ свои таланты подъ сверкающимъ взоромъ и угрожающимъ кнутомъ хозяина. Были извѣстные пороки, за которые рабовъ возвращали обратно. По окончаніи торга несчастный слѣдовалъ за своимъ новымъ господиномъ, оставляя навсегда въ неизвѣстности жену и дѣтей.

Въ Аѳинахъ продажа рабовъ производилась на площади среди огороженнаго пространства, гдѣ, по словамъ Гезихія «продавали домашнюю утварь и тѣла» (рабовъ). Хозяева употребляли разныя усилія, чтобы вытравить въ рабахъ все человѣческое и тѣмъ легче низвести ихъ до животныхъ на этомъ гнусномъ рынкѣ.

Рабы, какъ предметъ купли и продажи, имѣли свою стоимость, которая для рабовъ труда зависѣла отъ рода ихъ занятій, а для рабовъ роскоши и удовольствія—отъ каприза или фантазіи покупателя. Безобразный и безполезный рабъ, какъ Эзопъ, стоилъ по преданію 60 оболовъ (3 рубля). Рабы роскоши и удовольствій цѣнились дороже всѣхъ остальныхъ; далѣе слѣдовали рабы, занимающіеся какими нибудь промыслами и, наконецъ, работавшіе на поляхъ, на мельницахъ и въ рудникахъ. По Ксенофонту рудокопы приносили своему господину по одному оболу чистаго дохода ежедневно. Если считать по 20 % на капиталъ,—а таковъ былъ дозволенный закономъ процентъ того времени,—то выходитъ, что подобный рабъ стоилъ 75 рублей. Такова же была цѣна полевого и городского раба въ періодъ Пелопонесскихъ войнъ. Рабы ремесленники стоили приблизительно вдвое дороже: 3—4 мины (91—121 р.), а главные мастеровые 5—6 минъ (152—218 рублей), смотря по роду занятій. Рабы просвѣщенные, какъ софисты, продавались за 10—15 минъ (304—451 руб.), а рабы роскоши и удовольствій 20—30 минъ (609—919 руб.). Одна коринфская куртизанка куплена за 919 рублей. Но при продажѣ большими партіями средняя цѣна всякаго раба безъ различія была 2—5 минъ (61—152 рубля). Во времена Филиппа, когда цѣны вообще

возвысились, выкупъ солдата равнялся 4-мъ минамъ, выкупъ Платона —700 р. Цѣна ученаго во времена Демосфена равнялась цѣнѣ лошади. При предложеніи, значительно превышавшемъ спросъ, цѣна иногда падала невѣроятно низко. Такъ во Фракіи, случалось, людей вымѣнивали на соль. *

Рабы исполняли всевозможныя домашнія работы—завѣдывали хозяйствомъ, прислуживали за столомъ, составляли личную свиту [1]), исполняли обязанности нянекъ, грумовъ и т. д. Большая часть земледѣльческихъ работъ также выполнялась рабами. До Перикла, землевладѣльцы Аттики жили въ своихъ помѣстьяхъ. Пелопонесская война измѣнила этотъ порядокъ вещей: помѣщики переселились въ Аѳины, и сельское хозяйство перешло въ руки рабовъ, причемъ одному изъ нихъ нерѣдко поручалось управленіе фермой и даже цѣлымъ имѣніемъ. Въ области промышленности и торговли трудъ рабовъ также постепенно вытѣснилъ свободный трудъ. Спекуляторы или сами эксплуатировали своихъ рабовъ-ремесленниковъ или торговыхъ и банковыхъ агентовъ, часто поручая имъ важныя дѣла и крупныя цѣнности: или-же отдавали ихъ внаймы—то для работъ въ рудникахъ и на фабрикахъ, то для службы въ частныхъ домахъ, въ качествѣ поваровъ, флейтистовъ и т. д., или-же для болѣе низкихъ цѣлей. Были также рабы общественные: одни изъ нихъ принадлежали храмамъ, которымъ они были поднесены въ даръ—между ними куртизанки, исполнявшія обязанности гіеродулъ въ Коринѳѣ и Эриксѣ, въ Сициліи: другіе состояли на службѣ у городскихъ правленій, финансовыхъ компаній и т. д., или же употреблялись для

---

1) При выходѣ изъ дому и въ путешествіи, господина и госпожу непремѣнно сопровождали одинъ или нѣсколько человѣкъ рабовъ. Уже во времена Гомера, женщина не выходила изъ дому безъ свиты изъ двухъ служанокъ. Въ Аѳинахъ, мальчиковъ отправляли въ школы и гимназіи въ сопровожденіи раба—т. наз. педагога.

общественныхъ работъ. Въ Аѳинахъ до 1200 стрѣлковъ, носившихъ имя Скифовъ, (хотя. безъ сомнѣнія, не всѣ они были одной національности) составляли городскую полицію; рабы служили также въ арміи и во флотѣ—обыкновенно, какъ чернорабочіе, въ исключительныхъ случаяхъ, какъ солдаты.

* Вообще говоря, въ своей общественной и домашней жизни Греки пользовались рабами для всевозможныхъ занятій, начиная съ самыхъ позорныхъ и унизительныхъ и кончая самыми благородными. Рабы служили евнухами, проститутами; привязанные у дверей, они замѣняли сторожевыхъ собакъ; рабы гребли на галерахъ, работали въ рудникахъ, въ случаѣ крайней опасности даже ходили на войну. Кромѣ того, они служили средствомъ существованія и наживы для многихъ гражданъ и въ качествѣ непосредственнаго предмета торговли. Торговля ихъ профессіями была очень распространена. Такъ многіе посылали практиковать своихъ рабовъ-врачей отъ своего имени и въ свою пользу. Иногда рабы возвышались до званія ученыхъ и философовъ. Протагоръ былъ носильщикомъ, когда Демокритъ открылъ въ немъ философа по его манерѣ складывать дрова. По зову богача, молодыя сладострастныя дѣвушки плясали вокругъ гостей, а дѣти, выдрессированныя недостойными учителями, изображали, почти голыя, разныя нескромныя сцены. Ксенофонтъ, не смущаясь, выводитъ подобную сцену на пиру, гдѣ фигурируетъ между прочимъ и Сократъ. Нерѣдко граждане покупали рабынь—куртизанокъ, а Солонъ покупалъ женщинъ для основанія въ Аѳинахъ домовъ терпимости. Храмы тоже владѣли не только рабынями (гіеродулы), но и рабами, извѣстными подъ священнымъ именемъ гіеродуловъ.. Эти рабы жертвовались частными лицами изъ благочестія или изъ тщеславія. * Ксенофонтъ Эфесскій, отправляясь на Олимпійскія игры, обѣщаетъ въ случаѣ побѣды принести молодыхъ дѣвушекъ въ даръ Венерѣ своего отечества. Объ исполненіи

этого обѣта свидѣтельствуетъ такой нетлѣнный и вѣчный памятникъ, какъ пѣсни Пиндара.

Города и республики такъ же, какъ и отдѣльныя лица, владѣли рабами труда и рабами удовольствій. Нерѣдки случаи, когда рабы становились даже повѣренными господина. Подобныя положенія, обусловливаемыя рѣдкимъ достоинствомъ или рѣдкимъ счастьемъ, смягчали суровую долю раба и подавали надежду на освобожденіе и даже на полную свободу.

Число рабовъ въ Греціи, или хотя-бы въ самыхъ Аѳинахъ, трудно опредѣлить даже приблизительно. Атеней (VI. 20), опираясь на авторитетъ Ктезикла, утверждаетъ, будто, по народной переписи при Деметріи Фалерѣ, въ 309 г. до Р. Х. въ Аѳинахъ насчитывалось 21,000 гражданъ, 10,000 метэковъ (постоянно живущихъ въ городѣ иностранцевъ) и 400,000 рабовъ. Тотъ-же авторъ сообщаетъ, что въ Коринѳѣ было до 460,000 рабовъ, а въ Эгинѣ 470,000. Юмъ, въ своемъ «Essay on the Populousness of Ancient Nations», находитъ это утвержденіе Атенея относительно Аѳинъ совершенно невѣроятнымъ; онъ говоритъ, что число рабовъ преувеличено по крайней мѣрѣ въ 10 разъ и что ихъ не могло быть болѣе 40,000. Boeckh и Letronne спеціально занимались изученіемъ этого вопроса. Первый опредѣлилъ число рабовъ въ Аттикѣ въ 365,000; второй въ 100,000 или 120,000. M. Walonn, разсмотрѣвъ работы этихъ ученыхъ, дополнилъ ихъ своими собственными примѣчаніями [1]. По его мнѣнію, число рабовъ, употребляемыхъ во всей Аттикѣ для домашнихъ работъ, равнялось 40,000; для земледѣльческихъ работъ—35,000; въ рудникахъ—10,000; въ промышленности и торговлѣ—20,000. Къ этому надо прибавить 6,000 стариковъ и 20,000 дѣтей

---

[1]) Докторъ W. Richter (Die Sclaverei im griechischen Alterthume, 1886) признаетъ справедливость увѣренія Атенея; его поддерживаетъ также Büchenschütz въ своемъ прекрасномъ сочиненіи Besitz und Erwerb im griechischen Alterthume.

до двѣнадцатилѣтняго возраста, а также общественныхъ рабовъ, изъ которыхъ, какъ намъ уже извѣстно, 1200 скифскихъ стрѣлковъ составляли аѳинскую полицію. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ заключенію, что количество рабовъ въ Аттикѣ колебалось между 188,000 и 203,000 душъ; число свободныхъ гражданъ достигало 67,000, а метэковъ 40.000. Слѣдовательно, между рабами и свободнымъ населеніемъ существовало отношеніе 3 : 1. Хотя Boeckh и подтверждаетъ данныя Атенея относительно Коринфа и Эгины, все же эти данныя кажутся преувеличенными; по крайней мѣрѣ Клинтонъ и М. Валлонъ отвергаютъ ихъ; подлинныя цифры были, безъ сомнѣнія, значительны, но мы не имѣемъ возможности опредѣлить ихъ даже приблизительно. Ближе всѣхъ къ этимъ городамъ, по количеству рабовъ, стояли—на континентѣ, Мегара, а изъ острововъ—Хіосъ и Родосъ. Милетъ, Фокея, Тарентъ, Сибарисъ, Цирена также владѣли значительными количествами рабовъ. Пока оставляемъ въ сторонѣ Спарту, гдѣ илоты были поставлены въ особыя условія и не могли идти въ сравненіе съ рабами въ другихъ греческихъ общинахъ.

* Богатые аѳинскіе граждане, по сообщенію Платона, владѣли болѣе чѣмъ 50-ю рабами, которыхъ они употребляли для разныхъ домашнихъ услугъ. На этомъ основаніи Демокритъ говорилъ, что онъ пользуется рабами, какъ членами своего тѣла, каждымъ для извѣстной надобности. Ксенофонтъ утверждаетъ, что въ рудникахъ нѣкоторыхъ изъ его согражданъ работало по 300, 600 и по 1000 рабовъ. Но Греки, избѣгая особеннаго блеска, умѣренно пользовались рабами при своихъ выходахъ. Было въ обычаѣ, чтобъ за господиномъ всегда слѣдовалъ одинъ рабъ; не имѣть возлѣ себя ни одного раба считалось признакомъ бѣдности, а имѣть троихъ было уже доказательствомъ роскоши. Вообще нужно замѣтить, что количество рабовъ въ домашнемъ обиходѣ не переходило извѣстныхъ предѣловъ. Греки, во главѣ съ Ари-

стотелемъ, находили, что большое количестве слугъ скорѣе обременительно, чѣмъ полезно, и потому ихъ дома не походили въ этомъ отношеніи на дома знатныхъ римскихъ граждан, представлявшіе изъ себя настоящіе дворцы. У Аристотеля было 13 рабовъ, изъ которыхъ 5 онъ завѣщалъ освободить, 8 отказалъ по завѣщанію, а остающихся еще нѣсколько человѣкъ дѣтей запретилъ продавать и велѣлъ воспитать и освободить впослѣдствіи сообразно ихъ достоинству. Теофрастъ, глава школы послѣ Аристотеля, владѣлъ девятью рабами; 5 онъ освободилъ, 3 подарилъ, а послѣдняго продалъ. При Филиппѣ число рабовъ въ домахъ дѣлается больше. Общественное мнѣніе смотритъ на обладаніе рабами, какъ на положительную необходимость. Лукіанъ смѣется надъ тѣми, которые сами мѣсятъ муку и сами несутъ въ баню сосудъ съ масломъ. *

Положеніе рабовъ въ Аѳинахъ было, въ общемъ, не особенно печальне [1]). Демосфенъ [2]) говоритъ, что если бы варвары, продавшіе рабовъ, узнали, какъ мягко обходятся съ ними новые владѣльцы, они прониклись-бы большимъ уваженіемъ къ Аѳинянамъ. Плавтъ въ своихъ пьесахъ нѣсколько разъ [3]) находитъ себя вынужденнымъ пояснить зрителямъ, что рабы въ Аѳинахъ пользуются такими привилегіями и даже вольностями, которыя, несомнѣнно, должны удивлять зрителей—римлянъ. Существовалъ извѣстный ритуалъ для введенія раба въ исполненіе его

---

1) См. приложеніе къ этой главѣ, изъ котораго видно, что относительная точка зрѣнія, усвоенная Ингремомъ, мѣшаетъ видѣть нѣкоторыя темныя стороны рабства. Пр. ред.

2) In Mid. стр. 530.

3) Въ Stich., 446 : —
Atque id ne vos miremini, homines servulos.
Potare, amare, atque ad cenam condicere.
Licet hoc Athenis nobis.
Демосфенъ увѣряетъ, что рабы въ Аѳинахъ пользовались большей свободой слова, чѣмъ граждане въ другихъ государствахъ. Фил., III, стр. 111.

обязанностей въ семьѣ. * Рабъ, входя въ первый разъ въ домъ своего господина, садился у очага, а хозяйка дома высыпала надъ его головой сушеные плоды и лакомства, выражая пожеланія, чтобъ эти издержки не пропали даромъ. Этотъ обрядъ какъ бы имѣлъ цѣлью расположить раба къ дому хозяина. * Если не законъ, то практика дозволяла ему имѣть собственность и увеличивать ее посредствомъ пріобрѣтенія; обычай признавалъ его бракъ законнымъ. Вообще, рабы не могли присутствовать при священныхъ церемоніяхъ и общественныхъ жертвоприношеніяхъ, но они принимали участіе въ домашнихъ торжествахъ и допускались въ религіозныя собранія частнаго свойства; имъ разрѣшено было принимать участіе въ нѣкоторыхъ народныхъ празднествахъ [1]); для нихъ даже были установлены особыя празднества, какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ другихъ большихъ центрахъ Греціи. Смертные останки рабовъ покоились въ фамильномъ склепѣ господина; нерѣдко этотъ послѣдній, въ знакъ скорби и признательности, воздвигалъ даже памятники своимъ рабамъ.

Часто между рабами и главой семьи или младшими членами ея существовала тѣсная близость и дружба; хотя слѣдуетъ бояться, что короткость эта обусловливалась не взаимнымъ уваженіемъ, какъ въ героическомъ примѣрѣ Улисса и Эвмея, но наглой самоувѣренностью съ одной стороны и недостойнымъ потворствомъ съ другой; послѣднее имѣло свой raison d'être въ унизительныхъ услугахъ, оказываемыхъ рабами. Несмотря на такое, вообще гуманное отношеніе къ рабамъ, Аристофанъ и Плавтъ

---

[1]) Демосф. In Neoeram, стр. 1374. Эта рѣчь принадлежитъ если не Демосфену, то во всякомъ случаѣ его современнику.

Рабъ, если онъ былъ грекомъ по рожденію, кажется, могъ быть посвященъ даже въ элевзинскія таинства. Рабы принимали участіе въ празднествахъ въ честь Діонисія въ Аѳинахъ. На праздникѣ Гермеса на островѣ Критѣ, имъ прислуживали господа; подобный же обычай существовалъ на празднествахъ въ Трезенѣ.

показываютъ намъ, какъ часто, даже въ домашнемъ обиходѣ, рабы подвергались наказанію кнутомъ. Участь невольниковъ, работавшихъ въ мастерскихъ, гдѣ надсмотрщики обыкновенно сами выходили изъ рабскаго сословія, вѣроятно, была еще тяжелѣе участи домашнихъ слугъ; рабовъ, обрабатывавшихъ землю, нерѣдко заковывали въ цѣпи и вообще обращались съ ними не лучше, чѣмъ съ рабочимъ скотомъ. Рабы, возбудившіе недовольство своего господина, ссылались на болѣе тяжелыя работы, на мельницы или въ рудники. Впрочемъ, они могли найти защиту отъ жестокаго обращенія въ храмахъ, у алтарей боговъ и героевъ и у священныхъ могилъ. Аѳинскій законъ также до извѣстной степени покровительствовалъ рабу [1]). Демосфенъ [2]) хвастаетъ тѣмъ, что рабъ имѣлъ право, какъ и свободный человѣкъ, за личное оскорбленіе притянуть къ суду обидчика; за смерть его отъ руки чужестранца государство мстило, какъ и за смерть гражданина (Эврип., Гес., 228); если господинъ, въ припадкѣ гнѣва, убивалъ раба, онъ искупалъ это эпитеміей или даже временнымъ изгнаніемъ. Даже въ томъ случаѣ, когда рабъ убивалъ своего господина, родственники убитаго не имѣли права сами наказывать его: они обязаны были предать его въ руки мѣстныхъ властей и его судили легальнымъ порядкомъ. Рабъ, имѣвшій уважительныя причины быть недовольнымъ своимъ господиномъ, могъ требовать, чтобы его продали другому; въ случаѣ, если онъ предъявлялъ право на свободу, законъ давалъ ему дарового защитника, а святилища—пріютъ до произнесенія приговора.

Оберегая себя отъ возмущенія рабовъ, хозяева избѣгали соединять невольниковъ, принадлежавшихъ къ одному племени и говорившихъ однимъ языкомъ; для пре-

---

[1]) Въ Гомерическій періодъ, господинъ повидимому имѣлъ абсолютную власть надъ жизнью и смертью своихъ рабовъ. См. Одиссея, IV. 743, XIX. 489.

[2]) Mid., стр. 530.

дупрежденія побѣговъ, рабовъ иногда заковывали въ цѣпи, и послѣ первой же попытки къ бѣгству, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы потомъ легче было найти бѣглеца. Государства и отдѣльныя лица, для взаимнаго обезпеченія, заключали между собою условія относительно выдачи бѣглыхъ невольниковъ. Насколько послѣдніе пользовались каждымъ случаемъ для освобожденія, мы видимъ изъ того, что, когда Спартанцы заняли Децелею, изъ Аѳинъ бѣжали и присоединились къ нимъ до 20,000 рабовъ. Возмущенія рабовъ въ копяхъ Лавріума и на островѣ Хіосѣ не разъ принимали значительные размѣры [1]). При допросѣ рабовъ—и мужчинъ и женщинъ—сплошь и рядомъ прибѣгали къ пыткѣ, разумѣется, съ согласія ихъ хозяевъ; ораторы обыкновенно рекомендовали этотъ способъ, какъ вѣрное средство добиться правды, и только иногда, если того требовали ихъ интересы, начинали утверждать обратное. Различные способы пытки перечислены въ «Лягушкахъ» Аристофана. Если послѣ такого допроса «съ пристрастіемъ», рабъ оказывался изувѣченнымъ, лицо, потребовавшее пытки, обязано было вознаградить за это—не его, а его господина.

По соглашенію съ господиномъ, рабъ могъ откупиться на свободу. Освободить раба можно было по завѣщанію; если господинъ желалъ освободить его еще при жизни, онъ приказывалъ глашатому провозгласить объ этомъ въ театрѣ, въ судахъ и иныхъ общественныхъ мѣстахъ, или заносилъ его имя въ общественные списки, или-же, какъ дѣлалось въ позднѣйшее время, продавалъ его тому или другому божеству: такая продажа дѣлала раба не гіеродуломъ, но вольноотпущенникомъ. Иногда отпускъ на волю сопровождался условіями—напр. обязательствомъ оставаться пожизненно или временно въ домѣ прежняго господина, или кого онъ укажетъ; иногда вольноотпущенникъ долженъ былъ нести какую-нибудь спеціальную

---

[1]) См. дополненіе къ этой главѣ.

службу: права на его заработокъ и наслѣдованіе имущества часто также удерживались господиномъ. Послѣ освобожденія аѳинскій рабъ становился, по отношенію къ государству,—метэкомъ, по отношенію къ своему бывшему господину,—кліентомъ. Получалось нѣчто среднее между рабствомъ и полною свободой. Если вольноотпущенникъ нарушалъ свои обязательства по отношенію къ господину, послѣдній подавалъ на него въ судъ и, въ случаѣ обвинительнаго приговора, недавній свободный гражданинъ снять становился рабомъ. Полноправнымъ гражданиномъ, онъ, подобно иностранцамъ, могъ сдѣлаться только по баллотировкѣ въ собраніи изъ шести тысячъ гражданъ; да и это его избраніе могло быть признано недѣйствительнымъ посредствомъ такъ наз. graphê paranomôn. Рабы, оказавшіе важныя услуги государству, напр. сражавшіеся при Аргинузѣ и Херонеѣ, принимались въ число гражданъ, въ сословіе т. наз. платеянъ [1]). По повидимому и въ этомъ случаѣ, гражданскія права освобожденнаго раба были ограничены и переходили полностью только къ его дѣтямъ, при условіи брака съ свободной гражданкой. Число вольноотпущенниковъ въ Аѳинахъ никогда не достигало значительныхъ размѣровъ.

Извѣстно, что Аристотель считалъ рабство естественнымъ и необходимымъ, а, при правильной постановкѣ вопроса, не считалъ его и выгоднымъ для обѣихъ сторонъ. Если принять въ соображеніе условія его времени, то, съ политической точки зрѣнія, до нѣкоторой степени онъ былъ правъ. Практическій совѣтъ его таковъ: «Ни обидъ, ни фамильярности» [2]). Рабу всегда слѣдуетъ подавать надежду, что, въ награду за свою службу, онъ будетъ отпущенъ на волю [3]). Платонъ осуждаетъ обычай Грековъ имѣть у себя рабами своихъ-же единоплеменниковъ: тео-

---

[1]). Въ такихъ случаяхъ стоимость раба выплачивалась господину изъ государственной сокровищницы.

[2]) Платонъ говоритъ то-же: Legg. VI. стр. 777.

[3]) Polit. VII, § 9.

рія Аристотеля, уже по самой сущности своей. также не допускаетъ этого обычая. Въ Законахъ Платонъ объявляетъ рабство необходимымъ, но обременительнымъ, и совѣтуетъ, въ интересахъ безопасности хозяевъ, смѣшивать рабовъ разныхъ національностей и хорошо обращаться со всѣми. Но. осуждая жестокость по отношенію къ рабамъ, онъ въ то же время поощряетъ чувства сословнаго презрѣнія къ нимъ [1]).

* Платонъ не оправдываетъ рабства, ни отвергаетъ его, а признаетъ, какъ существующій фактъ. Государствамъ, обремененнымъ рабствомъ, онъ противопоставляетъ свою «Республику», гдѣ всѣ государственныя нужды удовлетворяются свободнымъ трудомъ. Платонъ не признаетъ рабства тѣмъ естественнымъ правомъ, въ которомъ старались найти основаніе для его оправданія. Философская мысль Платона свободна отъ этого общественнаго предразсудка. Въ его политической теоріи философъ преобладаетъ надъ государственнымъ человѣкомъ. Въ теоріи же Аристотеля наоборотъ: государственный человѣкъ преобладаетъ надъ философомъ. Аристотель не возвышается въ этомъ вопросѣ надъ понятіями своихъ современниковъ: онъ говоритъ, что рабство заложено въ самой природѣ человѣка. Отношенія раба къ господину онъ сравниваетъ съ отношеніемъ тѣла къ душѣ. Рабъ—это тѣло, отдѣленное отъ господина (души) какъ бы для того. чтобъ освободить его отъ печати той усталости и скорби, которыя сообщаются душѣ тѣломъ, но тѣло это настолько связано съ природой души, что даже видъ ея не имѣетъ собственной реальности. И не въ смыслѣ одной только чистой абстракціи и идеи Аристотель говоритъ слѣдующее: «господинъ—есть господинъ только по отношенію къ рабу, рабъ же, напротивъ, есть не только рабъ по отношенію къ господину, но и въ совершенной зависимости отъ него». Въ домашнемъ оби-

[1]) Legg. VI. p. 786.

ходѣ человѣка рабы, по его мнѣнію, играютъ роль живой собственности, роль перваго изъ одушевленныхъ орудій. Аристотель не предполагаетъ, чтобъ можно было обойтись безъ этихъ одушевленныхъ орудій. Это было бы возможно при условіи, чтобъ неодушевленныя орудія получили силу двигаться сами собой, а это немыслимо безъ нарушенія физическихъ законовъ природы. Сама природа однихъ создала для того, чтобъ повелѣвать, другихъ—чтобъ повиноваться: такъ въ человѣкѣ тѣло повинуется душѣ, въ семьѣ женщина мужчинѣ, въ природѣ—животное человѣку, въ обществѣ рабъ господину. Словомъ, тѣ отношенія, которыя существовали въ современномъ ему обществѣ, Аристотель возводитъ въ естественный и непреложный законъ. Въ томъ обществѣ рабъ было существо настолько презрѣнное, что презрѣніе иногда слѣдовало за нимъ и по ту сторону могилы: въ Марсели были двѣ погребальныя колесницы—для людей свободныхъ и для рабовъ: самъ Харонъ, у Аристофана, отказываетъ рабу въ лодкѣ для перевоза въ страну тѣней. *

Ксенофонтъ, рекомендуя мягкое обращеніе съ рабами, повидимому, заботится не объ ихъ благосостояніи, но лишь о выгодѣ господина [1]). Послѣднія нравственныя школы Греціи почти не занимаются этимъ учрежденіемъ. Эпикуреецъ нисколько не смущаются рабскимъ состояніемъ тѣхъ, чьи труды доставляютъ ему покой и удобства; онъ только старается быть съ ними ласковымъ. Для стоика же свобода и рабство—лишь внѣшнія формы жизни, не представляющія важности для мудреца; онъ не видитъ повода гордиться свободой или жаловаться на неволю; изъ нестерпимаго униженія есть всегда выходъ—самоубійство.

Поэты, въ особенности авторы Новой Комедіи, сурово увѣщевали человѣчество, настаивая на всеобщемъ равенствѣ, включающемъ и рабовъ. Знаменитое «homo sum» —

---

1) Œcon. X. и XII.

свободный переводъ изъ Алексиса [1]), и духомъ этого изреченія проникнуты многія мѣста въ греческихъ драмахъ. Въ одномъ отрывкѣ, Филемонъ [2]), какъ бы возражая Аристотелю, говоритъ, что «не природа, а судьба дѣлаетъ человѣка рабомъ». Эврипидъ, вообще «опередившій свое время», какъ и слѣдовало ожидать отъ его гуманитарнаго направленія, въ своихъ сужденіяхъ о рабствѣ возвышается надъ уровнемъ понятій своихъ современниковъ. По словамъ м-ра Пэли (Pally), онъ любитъ подчеркивать въ рабахъ «вѣрность хозяину, преданность ему въ житейскихъ испытаніяхъ, ихъ признательность за доброе и ласковое обхожденіе, ихъ стремленіе составить себѣ хорошую репутацію»... Онъ позволяетъ рабамъ разсуждать, совѣтовать, направлять, позволяетъ имъ даже философствовать по поводу глупостей или промаховъ своихъ господъ. Но трудно предположить, чтобы даже этотъ свободный мыслитель и новаторъ могъ допускать возможность уничтоженія рабства, пустившаго такіе глубокіе корни какъ въ общественной жизни, такъ и въ умахъ его современниковъ.

Положеніе илотовъ въ Лаконіи довольно рѣзко отличалось отъ положенія рабовъ вообще въ другихъ государствахъ Греціи. Относительно происхожденія илотовъ мнѣнія расходятся, и мы не станемъ здѣсь вступать въ разбирательство этихъ пререканій. Илоты считались собственностью государства, которое отдавало ихъ въ пользованіе частнымъ лицамъ, но всегда оставляло за собою право освободить ихъ. Илоты исполняли обязанности домашней прислуги у Спартанцевъ; они-же служили своимъ господамъ за сисситіей или общественной трапезой. Но главнымъ образомъ они жили въ деревняхъ и на фермахъ, обрабатывали земли спартанцевъ-помѣщиковъ и выплачивали своимъ хозяевамъ извѣстную, опредѣлен-

---

[1]) Meineke. Fragm. Com. Gr. т. III. стр. 453.

[2]) Meineke. т. IV. стр. 47 Φύσει γὰρ οὐδεὶς δοῦλος ἐγενήθη ποτέ, Ἡ δ᾽ αὖ τύχη τὸ σῶμα κατεδουλώσατο.

ную часть доходовъ; часть эта не могла быть увеличена по произволу. Имъ разрѣшалось имѣть свои собственные дома, женъ, семью, пріобрѣтать имущество; ихъ не могли продать въ другія страны, да, кажется, и вовсе не продавали. Илотами, безъ сомнѣнія, пользовались для общественныхъ работъ; во время войны, изъ нихъ обыкновенно формировались легко вооруженные отряды, присоединявшіеся къ гоплитамъ-спартанцамъ или періэкамъ, но въ крайнихъ случаяхъ они сами замѣняли гоплитовъ. Приходилось имъ подчасъ нести и службу на морѣ. За усердную службу илотовъ иногда отпускали на волю, но и тутъ они не становились періэками, а образовывали особое сословіе, извѣстное подъ именемъ Neodamôdeis [1]). Повидимому, это сословіе составляло революціонный элементъ въ государствѣ [2]). Часть дѣтей илотовъ воспитывалась вмѣстѣ съ дѣтьми ихъ хозяевъ спартанцевъ; эти назывались мотаками (Mothakes) и, кажется, лично были свободны, хотя и не имѣли гражданскихъ правъ, которыя даровались имъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ видѣ особой милости. Весьма возможно, что въ это сословіе включены были и дѣти спартанцевъ, рожденные отъ матерей илотокъ. Экономическое положеніе илотовъ едва-ли было особенно тягостно; но сознаніе своего греческаго происхожденія, которое, по мнѣнію Грота, должно было облегчать ихъ участь, на самомъ дѣлѣ, вызывало въ нихъ очень горькое чувство, тѣмъ болѣе, что это сознаніе постоянно поддерживало въ ихъ господахъ-спартанцахъ боязнь возстанія илотовъ и слѣдовательно ненависть къ нимъ. Такимъ образомъ, отношенія между спартанцемъ и илотомъ были гораздо менѣе просты и естественны, чѣмъ отношенія между

---

[1]) Плутархъ сообщаетъ, что когда Клеоменъ обѣщалъ свободу всякому илоту, который внесетъ за себя выкупъ въ пять аттическихъ минъ, то такимъ путемъ было собрано пятьсотъ талантовъ, т. е. шесть тысячъ илотовъ внесли требуемый выкупъ.

[2]) Ксен., Hellen. III, 3, 6.

обыкновеннымъ хозяиномъ грекомъ и рабомъ принадлежащимъ къ чуждой ему и менѣе цивилизованной расѣ. Правительство Спарты никогда не довѣряло илотамъ, какъ сословію, и однажды около двухъ тысячъ илотовъ, отличившихся своими воинскими заслугами, были тайно умерщвлены. Плутархъ утверждаетъ, хотя его свидѣтельству не всегда можно вѣрить, будто эфоры каждый годъ объявляли войну илотамъ, и по обычаю, называемому криптейя, поручали небольшому отряду, составленному изъ юношей-спартанцевъ, умертвить тѣхъ изъ илотовъ, которые считались особенно опасными. Валлонъ насчитываетъ въ Спартѣ 220,000 илотовъ и 32.000 спартанцевъ. Пенесты (Penestae) въ Ѳессаліи и Кляроты (Clarotae) на о. Критѣ, повидимому, находились въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ илотовъ въ Лаконіи. Въ Греціи существовали также мелкія общины, всѣ члены которыхъ были крѣпостными какого-нибудь божества, большею частью Аполлона, и обязаны были платить дань или нести службу при одномъ изъ его храмовъ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ II ГЛАВѢ.

Положеніе рабовъ въ Греціи.

(Изъ Wallon, Tourmagne и др.).

Чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе о положеніи рабовъ въ древней Греціи, необходимо познакомиться съ нѣкоторыми фактами, освѣщающими это положеніе болѣе детально.

Въ классической Элладѣ, даже въ демократическихъ Аѳинахъ, всякій рабъ безъ различія, что бы ни послужило причиной рабства, поступалъ въ полное распоряженіе господина: въ его рукахъ онъ становился вещью или собственностью, на которую господинъ имѣлъ такія же права, какъ и на всякую другую собственность: онъ могъ продать раба, отдать его въ наймы, бить, казнить смертью, и все это такъ же безнаказанно, какъ если бы дѣло касалось животнаго. Право собственности на раба, какъ и на другой предметъ, было наслѣдственно и вѣчно. Все, чѣмъ владѣлъ или что могъ пріобрѣсти рабъ, всѣ дѣти, рождаемыя отъ него, все это было такой же собственностью господина, какъ и онъ самъ. Такъ какъ рабъ былъ только вещью, то и личность его не играла никакой роли ни въ государствѣ, ни въ обществѣ, ни въ семьѣ. У него не было ни правъ, ни установленныхъ обязанностей. Если рабу доставалось какое нибудь наслѣдство или награда за оказанныя услуги, то и другое принадлежало его господину. У рабовъ не существовало ни семьи, ни брака. Иногда союзы между мужчиной и женщиной рабами разрѣшались:

Плавтъ сообщаетъ даже о свадьбахъ, праздновавшихся рабами, но союзы эти были только терпимы и всегда могли быть отмѣнены господиномъ. Также иногда за рабами признавалось и нѣкоторое право собственности: имъ дозволялось дѣлать сбереженія. Для составленія этихъ сбереженій они откладывали часть достававшихся имъ продуктовъ, подачки, получаемыя за разныя мелкія услуги, награды, достающіяся отъ великодушныхъ господъ; часто они даже ограничивали себя въ пищѣ, лишаясь необходимаго, иногда также пользовались небрежнымъ отношеніемъ господина къ своей собственности. Но подобныя сбереженія, какой бы подъ часъ дорогой цѣной они ни доставались рабу, не были обезпечены за нимъ. Его peculium, *) какъ и онъ самъ, всецѣло принадлежало господину. Этотъ послѣдній, получая такимъ образомъ выгоду отъ бережливости раба и боясь неумѣреннымъ пользованіемъ лишиться ея, не злоупотреблялъ своимъ правомъ и прибѣгалъ къ нему въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, какъ напр. въ дни рожденія или дни свадьбы кого либо изъ членовъ семьи.

Женщины рабыни, какъ и куртизанки, не имѣли права носить именъ священныхъ или національныхъ предметовъ. Рабы были исключены изъ религіозныхъ церемоній и жертвоприношеній; если ихъ и допускали въ храмы, то лишь для услуженія. Иногда же одно присутствіе ихъ уже считалось святотатствомъ: въ Аѳинахъ, въ праздники Эвменидъ и во время мистерій Цереры, ихъ изгоняли изъ храма Венеры во время жертвоприношеній этой богинѣ. Но у рабовъ были и свои праздники, когда имъ дозволялось смѣшиваться съ гражданами въ играхъ, на пирахъ садиться за столъ своихъ господъ, а на одномъ изъ праздниковъ имъ даже прислуживали господа. Былъ у рабовъ свой верховный жрецъ, непремѣнно бѣглый

*) Peculium—это римскій терминъ для обозначенія сбереженій раба. У Грековъ же не существовало даже термина для выраженія этого понятія. См. гл. III

плѣнникъ, оказавшійся побѣдителемъ въ единоборствѣ; онъ находился въ Эпидаврѣ, при храмѣ Минервы. На Олимпѣ у рабовъ также были свои боги: Меркурій, покровительствовавшій кражамъ и раздѣлявшій ихъ съ рабами, и Сатурнъ, переносившій ихъ въ свои годовые праздники въ тотъ золотой вѣкъ, когда не было рабства.

Демосѳенъ говоритъ, что въ Аѳинахъ рабы пользовались большей свободой слова, чѣмъ граждане во многихъ другихъ городахъ, но эта свобода была жалкая иллюзія, быстро исчезавшая подъ палкой господина. Въ одной изъ своихъ комедій Аристофанъ хвалится тѣмъ, что «удалены тѣ рабы, которые всегда кричали, чтобы этимъ дать поводъ товарищамъ говорить имъ, смѣясь надъ получаемыми ими ударами: «несчастный бѣднякъ, что съ твоей кожей? Не напала ли на твою поясницу и не изборонила ли тебѣ спину цѣлая армія дикообразовъ?» Въ «Осахъ» одинъ рабъ восклицаетъ: «О черепаха! какъ я завидую чешуѣ, защищающей твою спину!» Въ минуты дурного расположенія господъ, рабы служили предметами, на которыхъ они изливали свой гнѣвъ. Въ «Лягушкахъ» есть такое выраженіе: «Когда наши господа живо чѣмъ нибудь интересуются, на насъ сыплятся удары». Домашніе рабы были постоянной жертвой нерасположенія духа своихъ господъ и старались вознаградить себя извѣстной фамильярностью въ обращеніи.

Если рабъ не исполнялъ какой нибудь обязанности, господинъ въ гнѣвѣ билъ его, морилъ голодомъ или подвергалъ болѣе тяжелымъ работамъ. Въ случаѣ болѣе тяжкой вины со стороны раба, его ожидали: тюрьма, бичъ, розги, висѣлица, колесованіе, при которомъ растягивались члены и трещали кости, и все это примѣнялось по усмотрѣнію господина, въ прямые интересы котораго входило беречь раба. Не было также недостатка въ средствахъ для усмиренія или возвращенія раба въ случаѣ возмущенія или бѣгства: оковы на ноги, кольца на руки, желѣзный ошейникъ, клеймо на лобъ.

Заботы господина о рабахъ ограничивались самымъ необходимымъ для жизни. На ихъ пропитаніе выдавались еженедѣльно: мѣра муки, винныя ягоды, взвѣшиваемыя рукой господина, чеснокъ, который съ ними же раздѣлялъ и господинъ, немного разныхъ плодовъ. Затѣмъ смотря по странѣ, падавшія съ дерева маслины, а за недостаткомъ ихъ — просоленныя. Одеждой рабамъ служилъ кусокъ полотна, превращенный въ поясъ, короткій плащъ, шерстяная туника, колпакъ изъ собачьей кожи и грубая обувь. О жилищахъ рабовъ ничего не говорятъ греческіе авторы, но Катонъ, а за нимъ Варронъ ставятъ ихъ на ряду съ хлѣвомъ для быковъ, а по Колумеллѣ непослушные рабы, закованные въ цѣпи, жили въ подземельяхъ, освѣщаемыхъ маленькими окнами, находящимися довольно высоко надъ землей.

Существо безправное, рабъ не могъ взывать къ суду, такъ какъ суда для него не существовало. Господинъ— былъ его единственнымъ судьей. Такъ какъ рабъ былъ вещью, только «тѣломъ», то и при допросѣ обращались только къ его тѣлу, подвергая всевозможнымъ пыткамъ и получая такимъ образомъ, по выраженію Демосфена, «свидѣтельскія показанія тѣла». Казалось, чѣмъ больше страданія и горечи выражалось въ крикахъ этихъ несчастныхъ, тѣмъ искреннѣе и справедливѣе были эти показанія тѣла и крови. Въ одной изъ комедій Аристофана упоминаются, въ качествѣ орудій допроса и пытки, висѣлица, блокъ, длинный и узкій ремень, и даются такія указанія: «бей, рви, крути, наливай уксусъ въ ноздри, прикладывай къ бокамъ раскаленную черепицу» и пр. Одинъ господинъ, отказавшійся подвергнуть раба пыткѣ, самъ былъ заподозрѣнъ и уличенъ въ преступленіи, въ которомъ его обвиняли. Исключеній не допускалось ни для пола, ни для возраста: женщины, можетъ быть, даже чаще подвергались пыткѣ, такъ какъ онѣ чаще бывали свидѣтельницами разныхъ домашнихъ сценъ. Подобные допросы производились или особыми палачами, или самими

тяжущимися. За ущербъ, нанесенный рабу, отвѣчали какъ и за раненое животное предъ его господиномъ. А въ Аѳинахъ, по признанію Грековъ, было еще особенно много гуманности въ обращеніи съ рабами!

Законъ былъ строгъ, а жизнь и обычаи мягче и снисходительнѣе: они иногда признавали за рабомъ права мужа и отца и права на peculium. Въ свободное отъ труда время, которое такъ рѣдко выпадало рабу, онъ какъ бы желалъ вознаградить себя за всѣ невзгоды рабской доли, предаваясь всякимъ излишествамъ и разгулу. Въ возрастѣ полнаго расцвѣта силъ рабъ былъ предаваемъ труду или порокамъ, смотря по капризу владѣльца, — болѣе грубые—труду, болѣе деликатные—пороку. Пресытившись самъ, господинъ торговалъ рабами въ свою пользу; въ старости рабъ становился жертвою дряхлости и нищеты. Иногда умершихъ рабовъ даже оставляли безъ погребенія, на большихъ дорогахъ, такъ что господа получали приказаніе убирать оттуда трупы.

Хотя во время праздниковъ рабы и не допускались въ священныя мѣста, но въ нуждѣ они всегда могли находить въ нихъ убѣжище; по словамъ оракула, «проситель святъ и чистъ». Одно уже соприкосновеніе съ такими священными предметами, какъ повязка, лавровый вѣнокъ Аполлона, обезпечивало раба отъ гнѣва господина и вводило его подъ защиту боговъ. Нѣкоторые храмы даже возвращали рабовъ на свободу, и тогда они вѣшали свои цѣпи на деревьяхъ священнаго лѣса. Но господа очень заботились о томъ, чтобъ не выпускать изъ своихъ рукъ рабовъ и не давать имъ широко пользоваться этимъ правомъ убѣжища. Бить раба, обладающаго видимыми знаками покровительства боговъ, считалось оскверненіемъ святыни; поэтому, прежде чѣмъ бить, съ него все это снимали. Отторгнуть раба отъ алтаря также считалось невозможнымъ, — его заставляли уйти оттуда посредствомъ голода или огня. «Я пойду къ Вулкану, врагу Венеры», говоритъ господинъ, угрожая рабу, просителю

богини. Въ концѣ концовъ рабу трудно было найти убѣжище даже противъ злоупотребленій господина, хотя Аѳины, въ противоположность Спартѣ, и давали нѣкорыя гарантіи рабамъ. Послѣднее являлось гораздо больше результатомъ мудрой политики, чѣмъ чувства гуманности. Благодаря сравнительной свободѣ рабовъ, въ Аѳинахъ возстаній не было. Но тамъ, гдѣ господствовало жестокое обращеніе съ ними, возстанія часто вспыхивали, и тѣмъ болѣе угрожающія, что число рабовъ превосходило число свободныхъ гражданъ въ три, въ четыре, даже въ десять разъ. Такъ рудокопы въ Лавріумѣ умертвили своихъ сторожей, овладѣли крѣпостью и опустошали страну въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Тоже самое не разъ происходило на о. Хіосѣ, гдѣ было особенно много рабовъ, и гдѣ они содержались чрезвычайно строго. Свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ возстаній сообщаетъ Сиракузянинъ Нимфодоръ. Возмутившіеся рабы, укрывшись въ горахъ, нападали на жилища своихъ господъ, разоряли и грабили ихъ. Предводитель возставшихъ бѣглыхъ рабовъ, Дримакусъ, принудилъ жителей къ отдачѣ имъ всего имущества. Въ договорѣ, заключенномъ между обѣими сторонами, защищались интересы всѣхъ рабовъ: для себя и своихъ Дримакусъ выговорилъ право воспользоваться всѣмъ, что содержалось въ ихъ амбарахъ, въ такомъ количествѣ, какое онъ признаетъ необходимымъ и справедливымъ; что касается другихъ рабовъ, то имъ возставшіе должны обезпечить пріютъ у себя въ томъ случаѣ, если тѣ имѣли достаточно основаній быть недовольными и искать выхода въ бѣгствѣ. Впрочемъ, убѣжавшіе безъ причины подлежали возвращенію. Такимъ образомъ, и грабежъ и бѣгство допускались только въ извѣстныхъ узаконенныхъ границахъ. Оброкъ, который побѣжденные должны были выплачивать новому господину, опредѣлялся этимъ послѣднимъ ежегодно послѣ жатвы, а не былъ установленъ разъ навсегда. Кромѣ этого оброка, съ нихъ не взимали никакихъ другихъ повинностей. Въ качествѣ

господина. Дримакусъ расхаживалъ въ праздники по деревнямъ, получая всякіе дары и наказывая заговоры, направленные противъ него. Это продолжительное и унизительное для подчиненныхъ господство вызвало взрывъ негодованія и кончилось тѣмъ, что голова Дримакуса была оцѣнена, и этотъ послѣдній, человѣкъ уже пожилой, не то отъ утомленія жизнью, не то отъ недовѣрія къ рабамъ, призвалъ къ себѣ одного молодого раба и велѣлъ тому отрубить ему, Дримакусу, голову. Жители Хіоса съ радостью уплатили за это убійство, но ликовать имъ пришлось не долго: революціонныя силы, сдерживаемыя Дримакусомъ, далеко не были исчерпаны: бѣгство рабовъ и грабежи продолжались, но уже безъ всякаго контроля и безъ мѣры. Тогда только жители прониклись почитаніемъ къ памяти Дримакуса, окружили ее извѣстнымъ ореоломъ и даже воздвигли жертвенникъ «Благодѣтельному герою»; бѣглые рабы стали приносить ему первинку отъ добычи, а господа говорили, что онъ предупреждалъ ихъ о готовящихся грабежахъ со стороны рабовъ и тѣмъ давалъ возможность принимать предохранительныя мѣры. Впослѣдствіи жители о. Хіоса, прославившіеся введеніемъ работорговли, сами погибли въ рабствѣ, будучи переведены, какъ рабы, Митридатомъ въ Колхиду.

Наиболѣе ясно выразился характеръ отношеній между побѣжденными и побѣдителями въ Лаконіи. Какъ извѣстно, побѣжденные раздѣлялись здѣсь на періэковъ и илотовъ. Періэки—это были покорившіеся Ахейцы, сохранившіе за собой свои города и часть деревень. Они могли участвовать въ Олимпійскихъ играхъ, пользовались въ ограниченной сферѣ извѣстнымъ самоуправленіемъ, но политическихъ правъ не имѣли. Они занимались промышленностью, искусствами, составляли легкіе отряды въ арміи, а иногда служили и въ рядахъ гоплитовъ. Торговля также была въ ихъ рукахъ. Часто періэки проявляли недовольство спартіатами и бывали во враждѣ съ ними. Тѣмъ не менѣе періэки какъ бы составляли особое общество рядомъ со

спартанцами, управляемое ими, но живущее своей особой жизнью. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находились илоты. Самое слово илотъ обозначаетъ плѣнника, сдѣлавшагося рабомъ. Илоты были рабы общественные. Часть ихъ была раздѣлена между гражданами для занятія земледѣліемъ, пастушествомъ и домашними работами. Илоты слѣдовали за господиномъ на войну. Въ битвѣ при Платеѣ каждый спартіатъ былъ окруженъ семью илотами. Илоты же исполняли и морскую службу. Высшія права надъ илотами принадлежали государству. Господинъ по собственной волѣ не могъ продать ихъ на чужую территорію, но не могъ и освободить. Они обрабатывали землю, платили извѣстный оброкъ, разъ навсегда установленный государствомъ въ количествѣ, достаточномъ для содержанія спартіата со всей челядью, живущей въ его домѣ. Оброкъ этотъ состоялъ изъ зерна, жидкостей, вродѣ масла и вина, и фруктовъ. Только остатокъ отъ оброка принадлежалъ илоту; такимъ образомъ жизнь спартіата всегда была обезпечена, существованіе же илота — подвержено всякимъ невзгодамъ и находилось въ полной зависимости отъ количества урожая. На обязанности илотовъ, говоритъ Миронъ, лежали самыя позорныя и черныя работы. Ихъ заставляли носить колпакъ изъ собачьей кожи и одѣваться въ кожу животныхъ. Ежегодно, безъ всякой вины съ ихъ стороны, имъ опредѣлялось извѣстное количество ударовъ только для напоминанія о томъ, что они рабы. Болѣе того: если кто-либо изъ нихъ превосходилъ ту норму силы, которая приличествовала рабу, его наказывали смертью, а господина штрафомъ за то, что онъ не съумѣлъ задержать его физическаго развитія.

Илотамъ запрещены были мужественныя пѣсни Дорянъ и ихъ воинственныя пляски. Пьянствомъ ихъ и другими пороками пользовались, какъ отрицательнымъ примѣромъ для юношества. Нѣкоторые авторы даже думаютъ, что среди илотовъ нарочно поощрялось пьянство, чтобъ этимъ вызывать въ молодыхъ людяхъ чувство от-

вращенія къ этому пороку. —Илотовъ въ Спартѣ было 220 тысячъ, періэковъ 120 т. и спартіатовъ 32 т. Такое несоотвѣтствіе между количествомъ свободныхъ гражданъ и несвободнаго населенія грозило постоянной опасностью Спартѣ. Илоты всегда готовы были подняться противъ своихъ притѣснителей. Это положеніе вещей очень хорошо понимали граждане и употребляли цѣлый рядъ предосторожностей; такъ подъ разными предлогами они удаляли изъ отечества тѣхъ, которые имъ казались наиболѣе опасными: другихъ, даже награждая ихъ титулами, отсылали кому нибудь на помощь, тѣхъ допускали въ ряды гоплитовъ или освобождали за услуги отечеству. Однажды, по сообщенію Өукидида, двѣ тысячи самыхъ славныхъ и храбрыхъ илотовъ были созваны въ храмъ будто для освобожденія. Они явились съ вѣнками на головахъ, какъ это требовалось обычаемъ, а затѣмъ исчезли неизвѣстно куда; полагаютъ, что они были умерщвлены. Крайнимъ выраженіемъ чувства страха по отношенію къ илотамъ были такіе террористическія упражненія, какъ криптейя.

Не смотря на всѣ эти мѣры, и здѣсь дѣло не обходилось безъ заговоровъ, такъ какъ слишкомъ уже велико было количество недовольныхъ. Всѣхъ недовольныхъ (отпущенниковъ, періэковъ, илотовъ и лишенныхъ наслѣдства гражданъ, терявшихъ вмѣстѣ съ этимъ свои гражданскія права) объединилъ заговоръ Цинадона. Эфоры спросили доносчика, открывшаго заговоръ, какими средствами располагали заговорщики. Тотъ отвѣчалъ слѣдующее: Цинадонъ, отведя его на край площади, велѣлъ сосчитать, сколько на ней находилось спартіатовъ; ихъ оказалось около сорока, включая царя, эфоровъ и сенаторовъ. «На этихъ сорокъ, сказалъ Цинадонъ, смотри какъ на враговъ; всѣ остальные (а ихъ было на площади болѣе четырехъ тысячъ) союзники». При этомъ онъ прибавилъ, что и на улицѣ можетъ указать тамъ одного, тамъ двухъ враговъ, а остальные тоже союзники: въ деревнѣ врагъ

только хозяинъ. Заговоръ не удался: Цинадонъ признался и выдалъ участниковъ. Какъ на причину заговора, онъ указалъ на желаніе не быть лишеннымъ наслѣдства. Такимъ образомъ, имъ руководили причины личнаго, а не общественнаго свойства.

Подобные илотамъ рабы существовали какъ въ каждомъ изъ болѣе мелкихъ греческихъ государствъ, такъ и въ колоніяхъ, подъ разными названіями. Положеніе ихъ всегда было болѣе или менѣе одинаково. Всюду побѣдители господствовали надъ побѣжденными и жили ихъ трудами. Въ одной старой пѣснѣ критянъ говорится: «стрѣлой я обрабатываю землю и собираю жатву съ поля и съ виноградника».

Рабство совершенно убило свободный трудъ въ Греціи, а бѣдные граждане, побуждаемые необходимостью, должны были искать иныхъ средствъ къ существованію,—помимо труда. Свободные классы обезсилѣли въ праздности и лѣни, а мѣсто народа, живущаго трудомъ, замѣнила та испорченная и продажная чернь, которую застали при своемъ появленіи римскіе легіоны. Греція, склонившаяся подъ игомъ Македоніи, была превращена Римлянами безъ всякихъ усилій въ провинцію, а многіе жители обращены въ рабство (146 г.).

ГЛАВА III.

Рабство въ древнемъ Римѣ.

Мы уже замѣтили, что, при томъ строѣ жизни, какой сложился у Римлянъ, рабство являлось явленіемъ, вполнѣ объясняющимся весьма глубокими причинами и въ этомъ смыслѣ слова естественнымъ. Въ Римѣ [1]), рабство приняло болѣе широкіе размѣры. чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ и нѣкоторымъ образомъ даже было приведено въ систему. Но нашего особеннаго вниманія, оно заслуживаетъ не только на этомъ основаніи, а еще потому, что современный пролетаріатъ исторически развился и вышелъ именно изъ сословія рабовъ, благодаря той организаціи, какую оно получило въ странахъ подвластныхъ римской имперіи.

Мы должны различать рабство позднѣйшихъ временъ отъ «стараго и до нѣкоторой степени невиннаго» рабства [2]) при которомъ фермеръ, воздѣлывая землю, шелъ за плугомъ рядомъ съ своимъ рабомъ, или если у него было земли столько, что онъ самъ не могъ съ нею управиться, поселялъ раба на отдѣльной фермѣ—въ качествѣ управляющаго, или арендатора, который обязанъ былъ отдавать хозяину извѣстную часть урожая. Хотя первыя же побѣды римлянъ надъ своими итальянскими сосѣдями доставили Риму порядочное количество рабовъ, рабовъ

---

1) Slavery among the Romans, гл. I.

2) Mommsen. History of Rome, кн. IV гл. II. (Рус. пер. изд. Солдатенкова).

на мызахъ и хуторахъ въ этотъ періодъ римской исторіи было немного. Но владѣнія патриціевъ все росли, а постоянныя отлучки гражданъ, обусловливаемыя системой завоеваній, все расширяющей свое дѣйствіе, по необходимости вызывали большой спросъ на подневольный трудъ: соотвѣтственно этому постепенно расло и количество военно-плѣнныхъ. О томъ, какимъ обильнымъ источникомъ рабства была война, могутъ дать понятіе нѣсколько статистическихъ данныхъ изъ временъ зрѣлости республики и перваго вѣка имперіи.

Въ Эпирѣ, послѣ побѣдъ Эмилія Павла было продано 150,000 плѣнныхъ [1]). При Аквѣ Секстіѣ и Верцеллѣ (Aquæ Sextiæ и Vercellæ) было взято въ плѣнъ 90,000 тевтоновъ и 60,000 кимвровъ [2]). Цезарь однажды продалъ въ Галліи 63,000 плѣнныхъ [3]); Августъ вывезъ изъ страны Салассовъ (Salassi) 44,000 плѣнныхъ [4]); огромное количество ихъ погибло отъ голода, тяжкихъ трудовъ и въ поединкахъ на аренѣ цирка, но все пополнило война съ Іудеями, давшая Риму 97,000 рабовъ [5]).

Другая причина рабства, болѣе распространенная въ Римѣ, чѣмъ въ Аѳинахъ, и можетъ быть болѣе постоянная, заключалась въ правѣ кредитора обратить въ рабство своего должника. По закону 12 таблицъ отецъ пользовался неограниченной властью надъ дѣтьми, а кредиторъ надъ должниками. По особому соглашенію должникъ могъ обязываться, не теряя своихъ политическихъ правъ, исполнять кредитору различныя работы въ счетъ уплаты своего долга. По истеченіи срока уплаты, если мировой сдѣлки не заключалось или не являлся поручитель, должникъ вполнѣ присуждался кредитору и, окованный, содержался на его счетъ въ заключеніи въ

1) Лив., XLV. 34.
2) Лив., Epit LXVIII.
3) De Bello Gall., III. 16.
4) Страбонъ, IV. стр. 205.
5) Іосифъ, Bell. Jud.

теченіе шестидесяти дней. Предусмотрительный законъ опредѣлялъ даже для такихъ случаевъ количество хлѣба (не менѣе 1 фунта въ день) и вѣсъ оковъ (не болѣе 15 фунтовъ). Во время содержанія должника въ темницѣ кредитора, послѣдній долженъ былъ въ продолженіи трехъ рыночныхъ дней выводить его на площадь и объявлять публично, какой за нимъ числится долгъ, и не найдется ли желающихъ уплатить долгъ и тѣмъ выкупить должника. Если никто не трогался его несчастнымъ положеніемъ, то его казнили или продавали за предѣлы города. Такіе рабы, свидѣтельствующіе объ упадкѣ города, служили прообразомъ того печальнаго будущаго, которое могло ожидать каждаго плебея, изнуреннаго трудами и войной. Вотъ почему законъ не допускалъ большого скопленія ихъ въ Римѣ. При существованіи нѣсколькихъ кредиторовъ «пусть раздѣлятъ его (тѣло должника) на части» говорилось въ законѣ. Римскіе писатели подтверждаютъ фактъ существованія въ законахъ 12 таблицъ такого варварскаго постановленія; но постановленіе это не исполнялось буквально. Римское право умѣло дѣлить и такіе недѣлимые предметы, какъ человѣка: его продавали, а выручка раздѣлялась между кредиторами.

* Addictus (порабощенный должникъ), какъ и сынъ, проданный отцомъ, находились скорѣе въ крѣпостномъ состояніи, чѣмъ въ настоящемъ рабствѣ, и состояніе это всегда было временное. Съ потерей свободы они не теряли всѣхъ правъ, не теряли того права свободнаго рожденія, которое никогда не могло быть сообщено рабу отпущеніемъ его на волю. Рабъ получившій свободу, дѣлался отпущенникомъ, а addictus—свободнорожденнымъ (ingenuus). Addictus могъ выкупиться на свободу и помимо воли господина, на что не имѣлъ права рабъ. Кромѣ того, addictus пользовался признаніемъ закона (рабъ былъ внѣ его) и сохранялъ свое имя, прозваніе и названіе племени, что составляло привилегію только свободнаго чело-

вѣка. Но бывали и такіе случаи, когда гражданинъ превращался въ полнаго раба: это наказаніе постигало его за уклоненіе отъ народной переписи (incensus), въ которую не вносились рабы, и за отказъ вписаться въ списки легіона. По общему правилу, свободный человѣкъ не могъ продать себя въ рабство. Если гражданинъ, старше 20 лѣтъ, выдавалъ себя за раба своего товарища и продавался этимъ послѣднимъ третьему лицу съ цѣлью воспользоваться сообща вырученными деньгами, а потомъ заявлялъ, на правахъ гражданина, о своей свободѣ, то за подобный обманъ онъ наказывался рабствомъ.

* Въ то время, когда государственная власть и имущество находились почти исключительно въ рукахъ патриціевъ, а большинство народа бѣдствовало, порабощеніе должника и сына, проданнаго отцомъ, было обыкновеннымъ и очень распространеннымъ явленіемъ. Безпрерывныя войны ложились всей своей тяжестью на плебеевъ и разоряли ихъ. Гражданинъ, отвлекаемый отъ труда постоянными походами, долженъ былъ занимать у болѣе богатыхъ для пропитанія своего семейства. Благодаря лихоимству, долгъ этотъ настолько возросталъ за продолжительное отсутствіе должника, что послѣдній по своемъ возвращеніи не въ состояніи былъ уплатить его. При этомъ условіи трудно было избѣжать всей строгости законовъ о долгахъ, угрожавшихъ рабствомъ, какъ несостоятельному должнику, такъ и всей его семьѣ, тѣсно съ нимъ связанной. Въ постепенной продажѣ каждаго изъ членовъ своей семьи, несчастный искалъ средствъ отдалить отъ себя наступленіе этого ужаснаго момента. Вотъ гдѣ нужно видѣть причину той жестокой необходимости, которая такъ часто вынуждала и отца продавать своихъ дѣтей.[1] Война отнимала у гражданина все, даже его личную свободу. Этихъ честныхъ людей, сражавшихся за предѣлами своего отечества за независимость и господство, ожидали на родинѣ гнетъ и неволя, достойныя награды за военные подвиги. У Тита Ливія

подобныя внутреннія картины тогдашняго общества отмѣчены самыми драматическими чертами. Такое положеніе дѣлъ вызывало въ народѣ чувство глубокаго недовольства и жажду мести. Недоставало только случая для ихъ проявленія, и случай этотъ представился въ 495 г. при наступленіи Вольсковъ. Вотъ какую картину рисуетъ Титъ Ливій.

«Въ толпу бросился блѣдный, изможденный страданіями старикъ и разсказалъ свою недолгую повѣсть, подтверждая ее кровавыми слѣдами позорнаго бичеванія, виднѣющимися рядомъ съ благородными рубцами. Благодаря Сабинской войнѣ, въ которой онъ самъ принималъ участіе, онъ лишился своей жатвы, усадьбы, имущества и скота: одно было истреблено, другое предано огню и грабежу. Для уплаты налоговъ, необходимо было прибѣгнуть къ займу на покрытіе котораго пошло не только поле и все, что у старика оставалось, но потребовалось и его тѣло, его личность. Народъ пришелъ въ страшное негодованіе и возмущеніе. Толпа должниковъ, еще окованныхъ или уже освободившихся отъ оковъ, распространилась по городу и угрожала возстаніемъ. Сенатъ предоставилъ консуламъ успокоить толпу какимъ нибудь эдиктомъ. Заключенные должники получили свободу для того, чтобы выступить противъ непріятеля. Въ эту критическую минуту имъ гарантирована была, на все время похода, неприкосновенность ихъ дѣтей и цѣлость имущества, но по возвращеніи ихъ подвергли тѣмъ же оковамъ. Такимъ образомъ недобросовѣстность сената только скомпрометтировала двухъ консуловъ, но Валерій, въ качествѣ диктатора, не желая жертвовать этой политикѣ популярностью своего имени, отказался отъ своихъ словъ, не будучи въ состояніи сдержать ихъ. Народъ снова пришелъ въ негодованіе. Онъ увидѣлъ и понялъ, что ему нужно надѣяться только на самого себя, и удалился на священную гору, откуда вернулся съ трибунатомъ (493 г.) Но и трибунатъ не улучшилъ положенія должниковъ. Кредиторы продолжали

по прежнему ежедневно толпами уводить ихъ съ форума; при домѣ каждаго патриція находилась для нихъ тюрьма. Оставалось то же очень строгое долговое право, та же личная кабала должника, и пока существовала послѣдняя, были безсильны и законы Лицинія, по которымъ проценты, уплаченные по долговымъ обязательствамъ, зачислялись въ уплату капитала. Для уничтоженія зла нужно было обезпечить личную неприкосновенность должника, и вотъ какимъ обстоятельствомъ была вызвана эта мѣра. Одинъ изъ кредиторовъ патриціевъ слишкомъ злоупотребилъ своей властью надъ юношей плебеемъ, доставшимся ему въ кабалу Этотъ патрицій смотрѣлъ на него, какъ на своего раба и, придя въ ярость, велѣлъ обнажить и избить его розгами. Истерзанный юноша предсталъ предъ народомъ и разсказалъ ему о жестокостяхъ кредитора. Вся толпа тѣмъ болѣе была тронута состраданіемъ къ несчастной жертвѣ, что подобной участи могъ подвергнуться каждый изъ плебеевъ и его дѣтей. Всѣ устремились на форумъ, а оттуда въ курію. Внезапное волненіе народа побудило консуловъ пригласить сенаторовъ, и по мѣрѣ того, какъ появлялись послѣдніе, народъ бросался къ ихъ ногамъ, указывая на окровавленное тѣло юноши. «Въ этотъ день, говоритъ Титъ Ливій, плохо сдержанное насиліе одного человѣка расторгло страшныя узы кредита». Изданъ былъ законъ Петилія (325 г.), по которому не могъ быть заключенъ въ оковы ни одинъ гражданинъ, не уличенный въ преступленіи и не подвергающійся за это наказанію. Ручательствомъ кредитору должно служить только имущество должника, но не личность его. Это событіе Титъ Ливій называетъ «новой эрой свободы» для римскаго плебса *.

Кромѣ вышеозначенныхъ были и другіе источники, снабжавшіе Римъ рабами, хотя и въ гораздо меньшихъ размѣрахъ: такъ напр. за нѣкоторыя преступленія виновныхъ обращали въ рабство (servi pœnæ) и отправляли на общественныя работы, въ рудники или каменоломни.

По законамъ 12 таблицъ. отецъ имѣлъ право продавать своихъ дѣтей. Осужденные на казнь преступники также дѣлались рабами, потому что въ Римѣ только раба можно было передать въ руки палача. Впослѣдствіи, когда подобнымъ рабамъ оставлялась жизнь, ихъ отсылали на работы въ рудники или каменоломни. Если свободная женщина вступала въ связь съ рабомъ и не прекращала ея, не смотря на троекратный протестъ господина, она считалась рабыней того, кому принадлежалъ рабъ. Если вольно-отпущенникъ оказывался непочтительнымъ или неблагодарнымъ по отношенію къ господину, преторъ возвращалъ его въ рабство *.

Еще Юмъ доказалъ, что рабство не благопріятствуетъ приросту народонаселенія, и даже римскія войны въ состояніи были поддерживать его постоянно на одномъ уровнѣ. пополняя убыль плѣнными. Въ виду этого была установлена правильная торговля рабами, основанная на «систематической охотѣ за человѣкомъ»; это было уже полное извращеніе примитивной формы рабства, неразрывно связанной съ войной.

Крупнымъ рынкомъ торговли рабами явился Делосъ [1]), куда этотъ товаръ въ огромномъ количествѣ поставляли пираты; то-же продолжалось, хотя и не такъ явно, и послѣ удачнаго похода Помпея. Въ Римъ періодически ввозились рабы отчасти изъ Африки, Испаніи и Галліи, но главнымъ образомъ изъ Азіатскихъ земель—Виоиніи, Галатіи, Каппадокіи и Сиріи. При ввозѣ и вывозѣ за каждаго раба платилась пошлина — 1/8 стоимости, за евнуха, 1/4 за остальныхъ; при продажѣ государство взимало отъ 2—4 % [2]).

* Благодаря огромному количеству рабовъ, доставляемому изъ разныхъ источниковъ, работорговля развилась въ Римѣ быстро и широко. Во время войны предводители иногда сзывали купцовъ со всего міра непосредственно на поле битвы и тамъ оптомъ продавали имъ свой

1) Strabo, IV, p. 205. 2) Іос. Флав. Bell. jud., VI, IX, 2, VII, II, 1.

живой товаръ. Товаръ этотъ потомъ появлялся на рынкахъ и Греціи, и Италіи. Въ мирное время купцы тоже разъѣзжали по всѣмъ странамъ, гдѣ можно было купить рабовъ, и особенно посѣщали азіатскія государства, такъ какъ тамъ, вслѣдствіе крайней нищеты, рабство сдѣлалось явленіемъ повальнымъ. Самый крупный рынокъ работорговли, Делосъ, затмилъ собой, какъ складочное мѣсто, всѣ другіе рынки. Въ Делосѣ имѣлись помѣщенія на десять тысячъ рабовъ, а въ гавани соотвѣтствующее количество кораблей для единовременной нагрузки. Торговля рабами была однимъ изъ самыхъ выгодныхъ занятій, и ей отдавались самые знатные римляне. При Августѣ одинъ изъ работорговцевъ пользовался большой извѣстностью. Катонъ Цензоръ рекомендовалъ ради большей доходности скупать и дрессировать рабовъ для перепродажи. Но первое мѣсто на рынкѣ принадлежало Грекамъ, за которыми въ этомъ отношеніи было преимущество опыта. Въ Римѣ ихъ купцы располагались на священной дорогѣ (via sacra) или возлѣ храма Кастора въ жалкихъ тавернахъ и всецѣло предавались своему промыслу. Это были жестокіе, алчные люди, не знавшіе ни жалости, ни состраданія, заклейменные и общественнымъ мнѣніемъ, и закономъ. Законъ принималъ различныя мѣры для предупрежденія обмановъ въ торговлѣ и огражденія интересовъ и государства, и частныхъ лицъ. Такъ какъ работорговля подлежала извѣстному налогу, то купцы часто скрывали настоящую цѣну своего товара и даже иногда переодѣвали рабовъ въ подходящее платье съ цѣлью выдать ихъ за свободныхъ: такимъ способомъ былъ проданъ въ Римѣ одинъ молодой рабъ, но когда обманъ открылся, ему предоставили свободу.

* Рабовъ выводили на рынокъ съ ногами, обмазанными бѣлой краской въ знакъ рабства. Иногда предводители брали съ собой и на войну мѣлъ, чтобы помѣчать плѣнныхъ. Предназначенныхъ для продажи рабовъ обыкновенно выставляли на подмосткахъ, а если они бывали поцѣннѣе,

то иногда держали въ особыхъ помѣщеніяхъ вродѣ клѣтки, чтобъ этой таинственностью привлечь вниманіе серьозныхъ любителей. Оба эти способа выставки рабовъ назывались однимъ именемъ catasta, такъ какъ собственно одна и та же вещь имѣла двоякое примѣненіе: клѣтка внутри и платформа сверху. Помѣщенные на глазахъ у всѣхъ, на платформѣ, имѣли какіе нибудь общіе знаки: вѣнокъ (этотъ символъ побѣды обозначалъ военноплѣнныхъ) или колпакъ (знакъ того, что за нихъ не ручались); надпись, висящая на шеѣ, указывала происхожденіе раба, его качества, способности, а, по требованію градоначальника, и недостатки. Продавали рабовъ и обыкновеннымъ порядкомъ, или съ аукціона (о послѣднемъ случаѣ объявлялось заранѣе), оптомъ или враздробь. При продажѣ рабовъ цѣлыми партіями, все равно были ли это рабы труда или удовольствія, въ придачу прибавлялось нѣсколько стариковъ, представлявшихъ изъ себя настоящіе скелеты. При розничной продажѣ въ то время, когда рабы одинъ за другимъ, по требованію продавца, поворачивались, прыгали или давали какое нибудь другое доказательство «гимнастики или литературы», особый герольдъ, взойдя на камень, объявлялъ ихъ происхожденіе и имена, возвышалъ ихъ достоинства, а если возможно, то и цѣну. Продавцы пускались на всякія хитрости, чтобы показать товаръ лицомъ. Они умѣли придать членамъ гладкость, округлость или блескъ, продлить дѣтство или, по крайней мѣрѣ, задержать первыя проявленія возмужалости. Обо всемъ этомъ зналъ и покупатель. Но продавецъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ остерегаться: если онъ выступалъ изъ рамокъ общей похвалы и останавливался на какихъ нибудь опредѣленныхъ качествахъ, то въ случаѣ лжи и обмана, покупатель могъ предъявить противъ него искъ. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ даже простое молчаніе уничтожало продажу. Недовѣріе къ работорговцамъ вызвало со стороны эдиловъ цѣлый рядъ эдиктовъ, устанавливающихъ отвѣтственность про-

давца за разные недостатки товара, лишающіе возможности должнымъ образомъ пользоваться имъ. Эдикты опредѣляли также случаи уничтоженія договора (actio redhibitoria), а юристы въ своихъ комментаріяхъ развивали ихъ смыслъ и значеніе. Эдиктами вмѣнялось продавцамъ въ обязанность во всеуслышаніе предупреждать во время продажи о болѣзняхъ или недостаткахъ каждаго изъ рабовъ, о томъ кто изъ нихъ бѣглый или бродяга, кто спускался на арену для борьбы съ дикими звѣрями (такая смѣлость могла внушать опасенія господину) или покушался на самоубійство, на комъ тяготѣло преступленіе. Лицамъ, продающимъ рабовъ безъ соблюденія этихъ предписаній или съ обманомъ, угрожали отвѣтственностью. Въ число недостатковъ, уничтожающихъ договоръ, римскіе юристы включали слѣдующіе: нѣмота, глухота, близорукость или та слабость зрѣнія, которая замѣчается при слабомъ утреннемъ или вечернемъ свѣтѣ, трехдневная или четырехдневная лихорадка, подагра, эпилепсія, полипъ, чирьи, расширеніе венъ, органическій порокъ въ ногахъ или бедрахъ, дыханіе, указывающее на болѣзнь легкихъ или печени, для женщинъ безплодіе, выкидыши вслѣдствіе какихъ нибудь органическихъ пороковъ или разные другіе недостатки въ ихъ тѣлосложеніи. Легкая же уредливость, ускользавшая при первомъ осмотрѣ, какъ напр.: слишкомъ широкая грудь, слишкомъ сильное плечо, сгорбленный станъ, не совсѣмъ прямыя ноги, не очень здоровая кожа, нѣкоторое несходство глазъ или челюстей не мѣшавшее видѣть или ѣсть, нѣсколько затрудненная рѣчь или слухъ, незначительное изуродованіе, недостающее или излишнее количество пальцевъ на рукахъ или ногахъ, не считались уважительной причиной для уничтоженія договора. Но и въ данномъ случаѣ покупатель не оставался безъ защиты: путемъ иска онъ могъ вознаградить себя за убытокъ (ex empto). По объясненію юристовъ, точно также не имѣли значенія и моральные афекты, по крайней мѣрѣ поскольку они являлись результа-

томъ физической причины или поскольку они не влекли за собой дѣйствительной неспособности, какъ нѣкоторые случаи сумасшествія. Что же касается такихъ пороковъ, какъ страсть къ игрѣ, къ вину, къ хорошему столу, наклонность къ хитрости, ко лжи, ссорамъ и воровству, то они были слишкомъ обыкновенны для раба, чтобы вмѣнять продавцу въ обязанность объявлять о нихъ подъ страхомъ уничтоженія договора. Но эти же самые пороки рядомъ съ нѣкоторыми чертами характера, какъ напр.: излишнія робость, корыстолюбіе, скупость, привычка къ гнѣву или меланхоліи влекли за собой искъ о вознагражденіи (ex empto), въ случаѣ простого умолчанія, и уничтоженіе договора, если утверждалось противное. Если при продажѣ воръ выдавался за честнаго человѣка, простой писецъ за ученаго, лѣнивый за трудолюбиваго и т. п., то покупатель имѣлъ право на уничтоженіе договора или на уменьшеніе цѣны (aestimatoria, actio quanti minoris). Эдиктами требовалось, чтобъ продавецъ объявлялъ о бѣглыхъ, а юристы толковали, что самое намѣреніе бѣжать, если оно даже не было приведено въ исполненіе, равносильно бѣгству; раскаяніе и даже возвращеніе не заглаживали вины. Къ формальнымъ предписаніямъ эдиктовъ еще нѣкоторыя добавлены были уже юристами: напримѣръ, должна быть названа родина раба, такъ какъ та или другая страна говоритъ за раба или противъ него, привлекаетъ или отдаляетъ покупателя. Жители нѣкоторыхъ странъ пользовались по своимъ нравамъ и привычкамъ болѣе или менѣе дурной славой. Критянинъ считался лгуномъ, фригіецъ былъ робокъ, мавръ суетенъ, далматинецъ свирѣпъ и пр. За сирійцами признавалась сила, за іонянами красота. Имѣло также значеніе, былъ ли рабъ новичокъ или «подержанный». Подержаннаго раба запрещалось продавать за новичка. Рабы новички цѣнились дороже, такъ какъ предполагалось, что они способнѣе къ работѣ, послушнѣе и сподручнѣе ко всякой службѣ, тогда какъ «подержанныхъ»

рабовъ нужно еще передѣлывать, а это гораздо труднѣе. Actio redhibitoria имѣло мѣсто въ теченіе шести мѣсяцевъ, а actio quanti minoris въ теченіе года, а то и больше. Даже смерть раба не прекращала дѣла. Тѣ многочисленныя полицейскія мѣры, къ которымъ прибѣгало законодательство, имѣли въ виду соблюденіе договора, защиту интересовъ покупателя, поддержаніе законныхъ правъ продавца, но совершенно игнорировали самый объектъ купли-продажи. Хотя законъ и отказалъ ему въ названіи товара, но помѣстилъ на ряду съ низшими существами, среди которыхъ ему принадлежало первое мѣсто какъ по виду, такъ и по употребленію, потому что онъ при нуждѣ замѣнялъ всѣхъ четвероногихъ: осла подъ тяжестью, лошадь при жерновѣ, вола въ полевыхъ работахъ, сторожевую собаку у двери *).

*) Что касается до цѣнъ на рабовъ, то въ первые вѣка Рима онѣ приближались къ цѣнамъ, существовавшимъ въ Греціи, но впослѣдствіи поднялись вмѣстѣ съ поднятіемъ стоимости всѣхъ предметовъ. Послѣ битвы при Каннахъ, Ганнибалъ продавалъ всадниковъ по 136 р., легіонеровъ по 82 р. и рабовъ по 27 р. Позднѣе, когда цѣны повысились, Катонъ, по сообщенію Плутарха, продавалъ своихъ самыхъ лучшихъ рабовъ дороже чѣмъ по 350 р. Съ теченіемъ времени изобиліе рабовъ понизило цѣны и ко времени Антониновъ обыкновенный рабъ стоилъ отъ 2 р. до 210 р. Но если рабъ обладалъ какими нибудь исключительными талантами, если это была граціозная молодая дѣвушка, или прекрасный юноша, или ученый, въ такихъ случаяхъ цѣна поднималась отъ 350 рублей до 8750 руб. Антоній купилъ какъ близнецовъ двухъ юношей, одного изъ Азіи, другаго изъ Галліи, заплативши 17,500 рублей. Когда обманъ открылся, продавецъ объяснилъ высокую цѣну тѣмъ рѣдкимъ сходствомъ между этими двумя чужими другъ другу людьми, которое позволило выдать ихъ за близнецовъ. При Юстиніанѣ о назначеніи цѣнъ позаботился законъ. Рабъ старше

10 лѣтъ стоилъ 100 рублей; человѣкъ, умѣющій писать 250 рублей: медикъ или акушерка 315 рублей; взрослый евнухъ 350 рублей. Цѣны эти очень высоки для того времени и заставляютъ предполагать большое богатство *.

Въ Римѣ существовали рабы, принадлежавшіе частнымъ лицамъ (servi privati), но были и т. наз. рабы общественные (servi publici). Служба при магистратахъ находилась сначала въ рукахъ свободныхъ людей, но на низшія должности, какъ то: посыльныхъ, вѣстниковъ, прислужниковъ при судахъ, тюрьмахъ и храмахъ впослѣдствіи назначались рабы. Въ общественныхъ работахъ рабы также играли важную роль; такъ, имъ были поручены: проведеніе дорогъ, очистка клоакъ и надзоръ за водопроводами,—не только въ Римѣ, но также въ провинціальныхъ и сельскихъ муниципалитетахъ. Частные рабы состоятельнаго римлянина обыкновенно дѣлились на familia rustica и familia urbana. Во главѣ familia rustica стоялъ т. наз. villicus, также рабъ; въ помощь ему, а также для того, чтобы привязать его къ его обязанностямъ, ему давалась жена. Ему были подчинены различныя группы рабовъ; у каждой было свое специальное занятіе: обработка земли, уходъ за рогатымъ скотомъ, овцами и лошадьми, приготовленіе пищи, одежды и орудій для всего состава служащихъ, ремонтъ строеній, наконецъ услуги господину при различныхъ видахъ сельскаго спорта. При сельской колоніи непремѣнно находилась тюрьма для рабовъ (ergastulum) и на обязанности избранныхъ рабовъ лежало наказывать проступки своихъ сотоварищей. Familia urbana также дѣлилась на группы: одни рабы исполняли всякую домашнюю работу, другіе прислуживали за столомъ, при туалетѣ, въ баняхъ, въ кухнѣ, наконецъ, иные развлекали своего господина и его гостей пѣніемъ, танцами и другими искусствами. Особо къ тому приставленные рабы сопровождали господина и госпожу при выходѣ изъ дому; наиболѣе красивые и граціозные составляли почетную стражу; наиболѣе силь-

ные назначались носильщиками; рабы, отличавшіеся своей расторопностью и способностью запоминать имена, выполняли различнаго рода порученія, передавали письма, привѣтствія и т. д. При большихъ домахъ состояли также доктора, артисты, секретари, библіотекари, переписчики, выдѣлыватели пергамента, педагоги и наставники всѣхъ родовъ—чтецы, грамматики, литераторы и даже философы—все изъ рабовъ, не говоря уже о счетчикахъ, экономахъ и всевозможныхъ агентахъ по торговымъ дѣламъ. Многіе богачи, подобно Крассу и Аттику, тратили большія деньги на воспитаніе избранныхъ рабовъ и на подготовку ихъ къ этимъ, болѣе высокимъ обязанностямъ. Актеры, комическіе и трагическіе, пантомимы и акробаты въ циркахъ были большею частью рабами, также и гладіаторы. Послѣдніе набирались изъ самыхъ воинственныхъ племенъ—Самнитовъ, Галловъ и Фракійцевъ. Гладіаторами владѣли обыкновенно частныя лица, спекулировавшія ими, отдавая ихъ внаймы; иногда это были люди знатные и высокаго положенія въ обществѣ.

Сенека рисуетъ хозяевъ богатыхъ римскихъ домовъ людьми совершенно разслабленными отъ вѣчной праздности, такъ какъ рабы дѣлали для нихъ все, а они не дѣлали безъ нихъ ничего. Одна служба за столомъ римлянина требовала уже большого количества рабовъ; особые рабы пробовали кушанье, прежде чѣмъ предложить его гостямъ. изъ разливавшихъ вино были даже рабы, о волоса которыхъ господа вытирали руки. Одни молодые рабы сидѣли у ногъ господъ, чтобы исполнять ихъ приказанія или развлекать ихъ разными забавными шутками; другіе, съ кудрями до плечъ, въ бѣлыхъ легкихъ туникахъ, раздѣленные на группы по возрасту, росту и цвѣту, разливали вино въ чаши или холодную воду на руки и благовонія на голову гостей. Для подобной службы требовались самые рѣдкіе рабы изъ всѣхъ странъ. Молодыя дѣвушки услаждали пиры пѣніемъ и плясками. Къ этому нужно присоединить еще грубыхъ шутовъ, карликовъ, и т. п.

Цѣлая свита рабовъ сопровождала выходъ господина, слѣдуя за нимъ спереди и сзади, предупреждая о томъ, гдѣ нужно подниматься въ гору, гдѣ спускаться. Вечеромъ рабы съ факелами выходили на встрѣчу господину. Списокъ всѣхъ рабовъ велъ тоже рабъ. Строгой специализаціи занятій между рабами не было, а почти каждый могъ исполнять разныя обязанности.

* У женщинъ были также свои рабы, не считая тѣхъ, которыхъ онѣ получили въ приданое и которые часто пользовались съ ихъ стороны большимъ довѣріемъ, чѣмъ мужья. Эти рабы составляли какъ бы особый домъ въ домѣ. У женъ были также свои сторожа, привратники, часто подозрительные евнухи, акушерка, кормилица, няня, носильщики. Далѣе слѣдовали женщины для разныхъ домашнихъ работъ, на обязанности которыхъ было прясть, молоть, колоть дрова и—получать удары палкой, какъ говорилъ Плавтъ. Женщины рабыни шили, ткали, изготовляли одежду подъ руководствомъ особо приставленныхъ для этого надсмотрщицъ. Рабыни же чесали госпожу, красили ея волосы, кропили благовоніями, заботились о ея красотѣ, махали вѣеромъ, носили зонтикъ и сандаліи. Къ маленькой собачкѣ жены Августа, Ливіи, была приставлена особая рабыня. Женщины часто воспитывали молодыхъ рабовъ, чтобы забавляться ихъ болтовней, а впослѣдствіи составлять изъ нихъ свиту при своемъ выходѣ. У Плавта одинъ старикъ ищетъ для сопровожденія матери семейства непремѣнно старую безобразную дѣвушку, virago, такъ какъ красота иногда давала поводъ для скандаловъ. Но римскія матроны не особенно любили некрасивыхъ рабынь. У нихъ очень было развито желаніе блистать. Выходъ изъ дому служилъ для нихъ средствомъ выказать предъ публикой все великолѣпіе своего дома и тонкость вкуса. Въ день тріумфа побѣдителей, возлѣ носилокъ матроны, фигурировали всевозможныя расы въ качествѣ лакеевъ, носильщиковъ, курьеровъ.

* Въ богатыхъ домахъ были рабы философы, ученые, артисты. Одинъ богачъ, который не могъ удержать въ памяти даже именъ Ахилла, Улисса и Пріама, думалъ достигнуть учености тѣмъ, что за очень дорогую цѣну купилъ себѣ рабовъ, знавшихъ Гомера, Гезіода и девять лириковъ. Эти рабы должны были подсказывать ему стихи, которые онъ коверкалъ и угощалъ ими своихъ гостей. Одинъ шутникъ, услышавъ, что рабы эти стоили милліонъ, сказалъ ихъ владѣльцу: «отчего ты не купилъ столько ящиковъ съ книгами?» Женщины также хвастались наукой, которая такъ легко имъ доставалась. Онѣ нанимали или покупали философа, эту говорящую книгу, и заставляли произносить для себя разныя разсужденія, а сами часто отрывались для того, чтобы отвѣтить на какую нибудь любовную записку. Нерѣдко, отправляясь на свиданіе, онѣ брали съ собой въ носилки вмѣстѣ съ карликомъ и обезьяной, также и философа. Въ пользу своихъ господъ рабы занимались также мелочной торговлей. Въ числѣ лавочниковъ, разнощиковъ, банкировъ, мѣнялъ, ростовщиковъ, ссужавшихъ бѣднякамъ деньги за большіе проценты, было также не мало рабовъ. Рабовъ дрессировали для главныхъ ролей въ театрѣ, составляли изъ нихъ цѣлыя труппы, которыя такъ цѣликомъ и продавались. Иногда хозяева возили ихъ, съ разрѣшенія эдиловъ, изъ города въ городъ для представленій.

* Что касается до положенія рабовъ въ помѣстьяхъ, то оно было не лучше, чѣмъ въ городахъ. Посредникомъ между господиномъ и рабами, населявшими обширныя помѣстья римскихъ гражданъ, являлся т. наз. Villicus. Это былъ тоже рабъ, который не меньше другихъ долженъ былъ повиноваться своему господину. Но въ то же время онъ и самъ являлся господиномъ по отношенію ко всѣмъ сельскимъ рабамъ, состоящимъ подъ его властью. Колюмелла совѣтуетъ выбирать подходящаго для этихъ обязанностей раба еще въ дѣтскомъ возрастѣ и позаботиться о томъ, чтобы соотвѣтствующимъ образомъ воспитать его. Такой

рабъ долженъ отличаться умѣренностью, послушаніемъ, трудолюбіемъ, бережливостью, все въ интересахъ господина, и повелѣвать, по мнѣнію Варрона, не столько путемъ ударовъ и насилія, сколько путемъ слова. На обязанности villicus'а лежало всегда находиться среди рабовъ, слѣдить строго за ихъ работами, разбирать ихъ ссоры, удовлетворять законныя нужды, поощрять трудолюбивыхъ и наказывать лѣнивыхъ и небрежныхъ. Въ его вѣдѣніи находился и трудъ и отдыхъ рабовъ. Колюмелла находитъ нужнымъ, чтобы и самъ господинъ отъ времени до времени являлся въ свои владѣнія, посѣщалъ тюрьмы, смотрѣлъ. —хорошо ли закованы рабы, не уменьшилъ-ли или не увеличилъ ли villicus, по собственному произволу, вѣсъ кандаловъ,—отвѣдалъ-бы ихъ пищу и питье, осмотрѣлъ платье и обувь, освѣдомился у рабовъ, заслуживающихъ довѣрія, получаютъ ли они все, что имъ положено, наконецъ, выслушалъ-бы ихъ жалобы. Самъ Колюмелла все это исполнялъ. Онъ устроилъ среди своихъ рабовъ цѣлую систему наказаній и наградъ, которыя вносили въ ихъ безправную среду какое то подобіе справедливости *.

Съ теченіемъ времени положеніе сельскихъ рабовъ ухудшилось, господа совершенно не заглядывали въ свои владѣнія, а управляющіе сдѣлались настоящими деспотами. Ихъ чрезмѣрная суровость въ обращеніи съ рабами не знала никакого сдерживающаго начала: у нихъ не было даже того сознанія необходимости беречь раба, какъ полезную собственность, какое существовало у господъ. Подобно господамъ, и рабы начали стремиться въ городъ, и на свое пребываніе тамъ смотрѣли, какъ на ссылку и наказаніе. Даже второстепенные рабы изъ familia urbana, попадавшіе на мѣста фермеровъ, когда то столь привлекательныя для нихъ, стали тяготиться этимъ и только и жили воспоминаніями о городѣ и его удовольствіяхъ, хотя этихъ послѣднихъ и тамъ выпадало на ихъ долю несравненно меньше, чѣмъ тюремъ и тяжелыхъ работъ. Сельскіе рабы, работающіе на полѣ въ кандалахъ, поль-

зовались по крайней мѣрѣ свѣжимъ воздухомъ и свѣтомъ солнца, чего были лишены рабы городскіе, содержащіеся въ еще большей строгости и подъ еще болѣе тщательнымъ надзоромъ; для нихъ никогда не расширялись стѣны ихъ ergastulum'а. Особенно было ужасно положеніе рабовъ на мельницахъ и въ булочныхъ.

* Вотъ какое зрѣлище представилось ослу (изъ «Метаморфозъ» Апулея) при переходѣ его изъ мельницы въ булочную: «Какіе выродки людей! Кожа исполосована багровыми слѣдами бича: искалѣченная спина едва прикрыта лохмотьями плаща; на нѣкоторыхъ надѣтъ только узкій поясъ, но у всѣхъ сквозь рубища просвѣчиваетъ тѣло: клейменый лобъ, полуобритая голова, сжатыя желѣзнымъ кольцомъ ноги; ужасная блѣдность, вѣки такъ изъѣдены дымомъ и парами, что глаза съ трудомъ могутъ видѣть».

* Была изобрѣтена даже особая машина въ формѣ колеса, которую надѣвали на шею рабамъ, подносящимъ руку ко рту для отвѣдыванія муки во время работы. А философъ Анаксархъ надѣвалъ намордникъ на раба, занятаго приготовленіемъ хлѣба, изъ боязни чтобы тѣсто не было осквернено его дыханіемъ.

* О положеніи рабовъ и въ городахъ, и въ помѣстьяхъ имѣются у древнихъ писателей многочисленныя данныя, позволяющія составить о немъ вполнѣ отчетливое представленіе. Ни душа, ни тѣло раба не принадлежали ему самому. Насиліе надъ ними было освящено преданіями, обычаями, закономъ. Только въ праздники или очень небольшіе промежутки времени, выпадавшіе на долю рабовъ, эти послѣдніе могли забывать свою неволю. Тогда они пріобрѣтали внѣшній видъ свободнаго человѣка, надѣвая шапку отпущенника, сажались господами за ихъ столъ и господа даже оказывали имъ разныя почести Изъ такихъ праздниковъ особенной извѣстностью пользовались Сатурналіи въ честь Сатурна. Все же остальное время рабы были преданы полнѣйшему произволу своихъ господъ. За малѣй-

шія провинности имъ угрожали ручныя цѣпи, кандалы, удары палкой и бичеваніе; нерѣдки бывали и изуродованія. Искать выхода изъ своего тяжелаго положенія въ бѣгствѣ было очень рисковано для раба: побѣгъ считался однимъ изъ наибольшихъ преступленій. Законъ въ Римѣ имѣлъ такую силу, что даже храмы не давали права убѣжища, какъ это было въ Греціи. Рабу позволялось пойти просить защиты предъ своимъ господиномъ у друга этого послѣдняго; нужно только, чтобъ въ этомъ поступкѣ не было усмотрѣно покушенія на бѣгство. Въ противномъ случаѣ онъ не находилъ пощады даже у изображеній императоровъ. Тогда господинъ уже не ограничивался обыкновеннымъ наказаніемъ и могъ отдать свою жертву на арену амфитеатра. Извѣстенъ также случай, когда одного бѣглеца, укрывшагося случайно на аренѣ и предпочитавшаго быть растерзаннымъ дикими звѣрями, извлекли оттуда, чтобъ возвратить его господину. Когда чувство злобы и мести заглушало въ господинѣ сознаніе собственной выгоды, раба бросали въ колодезь, въ печь; изъ жестокаго желанія насладиться муками рабовъ и для большаго назиданія другимъ, ихъ заставляли умирать на вилахъ или на крестѣ за городомъ. Иногда ихъ сжигали въ засмоленныхъ платьяхъ, какъ это дѣлалъ Неронъ съ первыми христіанскими мучениками. Для поддержанія интереса къ театру и для большаго возбужденія зрителей, рабы представляли въ натуральномъ видѣ страданія молодаго Атиса (Atys), или Геркулеса на кострѣ и Прометея на скалѣ, только коршунъ былъ замѣненъ медвѣдемъ. Подобная участь постигала осужденныхъ, но господинъ во всякій данный моментъ могъ осудить своего раба только потому, что это въ его власти. Одинъ отпущенникъ, Ведій Полліонъ, бросалъ своихъ рабовъ на съѣденіе муренамъ: ему доставляло удовольствіе смотрѣть, какъ рабы пожирались ими, а для того, чтобъ подвергнуться такому безчеловѣчному наказанію, достаточно было самой незначитель-

ной провинности. У того же отпущенника, въ присутствіи Августа, одинъ изъ рабовъ уронилъ хрустальную вазу и былъ приговоренъ къ подобной казни. Несчастный бросился къ ногамъ Августа, умоляя его только объ одномъ: не быть отданнымъ на съѣденіе. Августъ простилъ раба и въ гнѣвѣ велѣлъ разбить всѣ хрустальные сосуды въ домѣ Ведія, но ничего не предпринялъ для устраненія самой возможности подобныхъ явленій. Самъ Августъ распялъ на мачтѣ своего корабля одного изъ своихъ управляющихъ за то, что онъ изжарилъ и съѣлъ перепелку, прославившуюся побѣдами въ птичьихъ бояхъ, до которыхъ Римляне были такими страстными охотниками. Для приведенія въ исполненіе казней нанимались палачи, и даже сами матроны участвовали въ такихъ зрѣлищахъ, не переставая болтать съ друзьями, любоваться своимъ платьемъ, или накладывать румяна. Причина осужденія раба на самую жестокую казнь могла заключаться только въ одномъ желаніи, или въ прихоти господина. Нѣкоторые господа доходили до того, что отрѣзывали рабамъ языки чтобъ тѣ молчали. Суевѣріе побуждало искать разныхъ примѣтъ во внутренностяхъ дѣтей, рожденныхъ отъ рабовъ.

* По сообщенію Плинія, въ амфитеатрѣ нѣкоторые граждане пили кровь изъ ранъ гладіаторовъ, въ которыхъ еще почти трепетала жизнь. Эта кровь считалась лекарствомъ отъ припадковъ эпилепсіи, и къ тому же самымъ дѣйствительнымъ средствомъ отъ этой болѣзни. Свидѣтельство Плинія подтверждается и медиками, рекомендовавшими употреблять въ извѣстныхъ дозахъ частицу печени убитаго гладіатора.

* Рабъ былъ движущейся собственностью, которая приносила господину извѣстный доходъ; поэтому и въ обращеніи съ нею руководствовались исключительно принципомъ пользы. Вотъ почему было возможно, чтобы казуисты обсуждали и такіе вопросы: слѣдуетъ ли кормить рабовъ во время большого голода? Если необходимо

бываетъ выбросить въ море часть груза, что предпочесть: цѣнную лошадь или ненужнаго раба? При осадѣ Перузы, когда не достало жизненныхъ припасовъ, Антоній запретилъ кормить рабовъ, а чтобъ они не донесли объ этомъ непріятелю, приказалъ ихъ задержать: несчастные валялись на улицѣ, питаясь травой, а когда перемерли, ихъ похоронили во рву, изъ опасенія, чтобъ непріятель не замѣтилъ пламени костровъ. Катонъ совѣтуетъ продавать наравнѣ со всякими ненужными вещами и хламомъ стараго и больного раба. Если нельзя бывало его продать, господинъ выгонялъ его на улицу. Иногда Римляне прикрывали свою жестокость маской человѣчности: такъ милостыня считалась плохой услугой нищему, потому что удлиняла его жалкое существованіе. Больныхъ рабовъ высаживали иногда на ближайшемъ островѣ, гдѣ находился храмъ Эскулапа, и поручали его заботамъ этого бога здоровья. Императоръ Клавдій объявилъ такихъ рабовъ свободными, но они имѣли свободу только умереть: господа опять овладѣвали ими въ случаѣ ихъ выздоровленія. Для того, чтобъ изъ этой одушевленной собственности можно было извлекать наибольшія выгоды, она должна была отличаться и нѣкоторыми душевными качествами. Какая напр., польза господину отъ раба крѣпкаго и здороваго, но лѣниваго и небрежнаго? Отъ рабовъ требовалось послушаніе, трудолюбіе, усердіе, бережливость и пр. Хорошій рабъ долженъ былъ не только исполнять желанія господина, но и угадывать ихъ.

* Какъ вещь, какъ собственность, рабъ находился въ полномъ подчиненіи у господина. Приказанія, прихоти, капризы господина—законъ для раба. Никакого нравственнаго закона онъ не зналъ и не могъ знать. Результатомъ такого положенія получалась полная деморализація рабовъ; удовлетвореніе грубыхъ низшихъ чувствъ,— вотъ главныя стремленія рабовъ. Для нихъ ничего не стоило ложно клясться именами всѣхъ извѣстныхъ боговъ Греціи и Рима. Что для него клятвопреступленіе? Одинъ

пустой звукъ, одни пустыя слова. Тѣ излишества, которымъ при всякомъ удобномъ случаѣ предавались рабы, лучше всего свидѣтельствовали объ ихъ привычкѣ къ распущенности, пріобрѣтаемой въ домѣ господина. Сами Римляне не могли не подпасть подъ вліяніе своихъ рабовъ. Сдерживающимъ началомъ для раба служилъ только страхъ наказанія. Но и къ наказаніямъ и страданіямъ рабы такъ привыкали, что относились къ нимъ иногда съ пассивной безчувственностью и даже иногда предпочитали умереть подъ ударами, чѣмъ жить такъ постоянно. О философѣ Эпиктетѣ извѣстно, что его господинъ развлекался однажды тѣмъ, что истязалъ ему ногу. Эпиктетъ замѣтилъ, что такъ можно переломить ее: когда это дѣйствительно случилось, философъ только спокойно констатировалъ фактъ. Валерій Максимъ разсказываетъ о рабѣ, который даже не оправдывался отъ взводимыхъ на него обвиненій въ убійствѣ и былъ казненъ: оказалось, что онъ былъ совершенно невиновенъ, такъ какъ мнимая жертва убійства вернулась немного спустя. Одинъ рабъ въ комедіи Плавта говоритъ: «я знаю, что моимъ послѣднимъ жилищемъ будетъ крестъ: на немъ покоятся мой отецъ, дѣдъ, прадѣдъ и всѣ мои предки». Рабство развращало человѣка и физически, и духовно. Распущенность считалась преступленіемъ для свободнорожденнаго, обязанностью для отпущенника и необходимостью для раба.

* Результатомъ безчеловѣчнаго обращенія съ рабами было накопленіе въ нихъ чувствъ ненависти и злобы, проявлявшихся при всякомъ удобномъ случаѣ. Діодоръ Сицилійскій говорилъ, что если не изъ чувства долга, то по крайней мѣрѣ изъ чувства благоразумія нужно гуманно обращаться съ рабами, чтобы не сдѣлать изъ нихъ своихъ враговъ и не вызвать возстанія. * Колюмелла подобно, Ксенофонту, поощряетъ дружеское и даже фамильярное отношеніе къ членамъ familia rustica[1]). Катонъ питался той же грубой пищей, какъ

[1]) I VIII, 15.

и его рабы, и даже приказывалъ своей женѣ кормить ихъ дѣтей своей грудью, чтобы они могли всосать въ себя преданность и привязанность къ семейству господина. Но во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ рабамъ этотъ суровый старый экономистъ прежде всего соблюдаетъ собственную выгоду. [1]) Онъ допускаетъ сожительство между рабомъ и рабыней, но за извѣстное вознагражденіе, которое рабъ долженъ уплачивать господину звонкой монетой изъ своего peculium'а. Колюмелла считалъ выгоду отъ рожденія дѣтей достаточной причиной для поощренія подобнаго рода союзовъ и находилъ, что плодовитость женщинъ слѣдуетъ вознаграждать облегченіемъ въ работѣ и даже отпускомъ на волю. Варронъ также совѣтуетъ разрѣшать браки, видя въ нихъ гарантію хорошаго поведенія и вѣрной службы [2]). Благоразумные и добрые хозяева сами иногда помогали рабамъ составить себѣ peculium; но личная нравственность немногихъ отдѣльныхъ владѣльцевъ не помогала положенію дѣла. Большинство изъ нихъ рѣдко посѣщали свои имѣнія, и рабы были предоставлены въ полное распоряженіе villicus'а, на произволъ его прихоти. Помѣстья часто занимали такое огромное пространство земли, что господину было и фактически невозможно узнать всѣхъ своихъ рабовъ, если бы даже онъ захотѣлъ дать себѣ трудъ познакомиться съ ними. Съ расширеніемъ имѣній даже и надсмотрщикамъ становилось не легко слѣдить за рабами. Были введены цѣпи; рабы не только носили ихъ въ полѣ, въ рабочіе часы, но не снимали ихъ даже и ночью, въ ergastulum'ѣ, гдѣ они спали. Плиній [5]) скорбитъ объ этомъ обычаѣ, какъ таковомъ, который унижаетъ не раба, а земледѣліе. Мы видѣли, какова была жизнь городскихъ рабовъ: особенно она была тя-

---

1) Plut, Cato, 3 21
2) I. VIII. 18.
3) II X. 6–9 и I XVII. 5.
4) XVIII. IV 4, 5 и VII. 4.
5) XVIII. IV. 4, 5, и VII. 4

жела для тѣхъ, которые работали на ремесленниковъ спекуляторовъ. Въ частныхъ домахъ, даже во времена Овидія [1]), привратниковъ держали въ цѣпяхъ. Въ familia urbana у каждаго господина, конечно, находились свои любимцы, съ которыми онъ обращался хорошо; имъ жилось легче другихъ; подчасъ они пріобрѣтали даже большое вліяніе на хозяина, и тѣ, кому нуженъ былъ его голосъ или поддержка старались задобрить ихъ лестью и подарками. Безъ сомнѣнія бывали примѣры и совершенно безкорыстной взаимной привязанности; во время гражданскихъ войнъ бывали случаи, когда рабы выказывали большое благородство души и преданность господину и для спасенія его жизни даже жертвовали своей. Рабы, которые не жили въ самомъ домѣ, но служили внѣ его, шкиперами на судахъ, приказчиками въ магазинахъ или завѣдывали мастерскими, конечно, пользовались преимуществомъ большей свободы дѣйствій. Рабы, принадлежавшие leno и lanista, были по всей вѣроятности въ большинствѣ случаевъ не только унижены, но и несчастны. За легкія провинности господинъ наказывалъ раба собственноручно или ссылалъ его изъ города въ деревню; за серьезныя служила наказаніемъ работа на мельницѣ (pistrinum) или ссылка въ рудники и каменоломни, гдѣ, судя по дошедшимъ до насъ описаніямъ египетскихъ рудниковъ, до владычества римлянъ, — а при нихъ едва-ли положеніе вещей измѣнилось — люди работали полунагіе, мужчины и женщины вмѣстѣ, въ цѣпяхъ, подъ надзоромъ и кнутомъ солдатъ и надсмотрщиковъ [2]). Во время республики господинъ могъ послать своего раба на битву съ дикими звѣрями въ амфитеатрѣ. Извѣстны примѣры, когда хозяева увѣчили и даже распинали своихъ рабовъ. Злоупотребленія властью были, разумѣется, не рѣдкими исключеніями, но и гуманное отношеніе къ рабамъ обусловливалось часто

---

1) Amor. I, VI, 1.

2) Діод., III. 12. 13. Относительно каменоломень см. Плавта, Capt. V. 3, 932.

не добротой, а соблюденіемъ собственныхъ интересовъ. А этотъ самый мотивъ обращался и противъ раба, когда тотъ, вслѣдствіе старости или болѣзни, становился неспособнымъ къ труду. Катонъ совѣтуетъ земледѣльцу продавать старыхъ быковъ и старыхъ рабовъ, точно также и больныхъ.

Какъ исключенія, бывали примѣры безкорыстной преданности со стороны рабовъ. Извѣстны рабы, выведшіе изъ города во время осады свою госпожу подъ предлогомъ, что ведутъ ее на казнь. Рабы Корнута бросили въ пламя трупъ неизвѣстнаго человѣка, сказавши, что это ихъ господинъ. Другіе рабы спасали жизнь своимъ господамъ цѣною своей собственной. Но несравненно чаще бывали обратныя явленія, которыя часто не проходили безнаказанно. Одинъ рабъ, донесшій на своего господина во время борьбы Марія и Суллы, хотя и былъ награжденъ свободой, но потомъ казненъ какъ измѣнникъ. Въ періодъ втораго тріумвирата былъ распятъ одинъ рабъ, обнаружившій употребленную его товарищемъ хитрость для спасенія своего господина. По сообщенію историковъ, наибольшей вѣрностью отличались женщины, средней—отпущенники и наименьшей—рабы. Послѣ уничтоженія закона, запрещавшаго рабу показывать противъ господина, въ большомъ изобиліи посыпались со стороны рабовъ обвиненія противъ господъ. Впрочемъ, по словамъ Сенеки, число господъ, павшихъ жертвой мщенія рабовъ, далеко не превышало числа погибшихъ рабовъ. Въ смутныя времена рабы прибѣгали къ измѣнѣ, въ эпохи тираніи—къ доносу, а въ обыкновенное время пользовались ядомъ и тайными кознями.

Опредѣлить съ точностью, хотя-бы даже приблизительной, число рабовъ въ Римѣ или въ Италіи вообще, очень трудно. Гиббонъ [1]) предполагаетъ, что въ Римѣ, въ царствованіе Клавдія, было по крайней мѣрѣ столько-

---

[1]) Decline and Fall, гл. II. (Рус. пер.).

же рабовъ, сколько и свободныхъ жителей. Но, по нашему мнѣнію, Блеръ [1]) правъ, утверждая, что цифра эта, можетъ быть и справедливая относительно болѣе ранняго періода, далеко ниже истинной для эпохи, о которой идетъ рѣчь. Онъ опредѣляетъ отношеніе рабовъ къ свободнымъ гражданамъ, какъ 3 : 1, для періода между покореніемъ Греціи (146 до Р. Х.) и царствованіемъ Александра Севера (222—235 по Р. Х.). При Клавдіи, свободныхъ гражданъ насчитывалось 6,944,000 и слѣдовательно, число рабовъ должно было достигать 20,832,000.

Относительно количества рабовъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ хозяевамъ, римскіе авторы не сообщаютъ намъ ничего опредѣленнаго, а свѣдѣнія, сообщенныя Петроніемъ и другими, несомнѣнно кажутся преувеличенными; тѣмъ не менѣе по нѣкоторымъ достойнымъ вѣры даннымъ и различнымъ косвеннымъ указаніямъ можно заключить, что богатые люди обладали очень большими familiæ.

Для возмущенія, служившаго прелюдіей ко Второй Войнѣ Рабовъ [2]), Ветціусъ вооружилъ четыреста человѣкъ своихъ собственныхъ рабовъ. Послѣ смерти Педанія Секунда, рабы его, въ количествѣ 400 человѣкъ, были всѣ умерщвлены, Этотъ звѣрскій поступокъ чуть было не вызвалъ взрыва народнаго негодованія, такъ какъ рабы были умерщвлены только за то, что находились подъ кровлей своего господина въ то время, какъ его убивали [3]). Плиній сообщаетъ, что Цецилій, вольноотпущенникъ временъ Августа, оставилъ послѣ себя ни болѣе, ни менѣе, какъ 4116 рабовъ [4]).

Тоже заключеніе о числѣ рабовъ можно вывести и изъ описанія columbaria дома Ливіи и другихъ большихъ домовъ *. Columbarii—это были высокія и боль-

---

1) Slavery among the Romans, гл. 1.
2) Diod., Fr. XXXI II. 3. (Didot).
3) Tac., Ann. XIV. 43.
4) Hist. Nat., XXXIII 47.

шія гробницы, въ которыхъ въ нѣсколько этажей располагались похоронныя урны рабовъ или отпущенниковъ. Въ XVIII столѣтіи подъ однимъ изъ холмовъ была открыта подъ виноградниками Columbaria Ливіи, жены Августа. По сохранившимся надписямъ и номерамъ можно судить о занятіяхъ и количествѣ ея рабовъ. Это все были рабы, исполнявшіе всевозможныя домашнія службы, прислуживавшіе при всѣхъ тонкостяхъ туалета. Одна нескромная урна открыла даже раба, на обязанности котораго было румянить и красить Ливію. Количество рабовъ, помѣщенныхъ въ этой колумбаріи, было очень значительно, не смотря на то, что туда вошли только высшіе рабы, начальники десятковъ. Columbaria Ливіи была въ два этажа, въ каждомъ этажѣ болѣе чѣмъ по 500 отдѣленій, каждое на двѣ урны. Число урнъ было меньше числа умершихъ, такъ какъ часто, по желанію друзей или родственниковъ, одна урна заключала въ себѣ смертные останки нѣсколькихъ человѣкъ. Частныя лица также имѣли свои мавзолеи для рабовъ *.

* Что количество рабовъ, которыми располагали богатые римскіе граждане, было очень велико, доказательствомъ тому служатъ еще два закона изъ временъ Августа: одинъ запрещалъ отправляющимся въ ссылку увозить съ собой болѣе 20 рабовъ, другой имѣлъ цѣлью ограничить освобожденіе рабовъ: по духовному завѣщанію дозволялось, смотря по количеству рабовъ, отпускать на волю $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_5$ часть ихъ, чтобъ число отпущенниковъ ни въ какомъ случаѣ не превышало 100. Изъ этого видно, что 500 рабовъ далеко не были рѣдкостью для одного гражданина. Одни удовлетворяли большимъ количествомъ рабовъ свое честолюбіе, доставляя народу удовольствія (бои гладіаторовъ) или оказывая ему услуги (напр. на пожарахъ); для другихъ рабы были предметомъ спекуляціи. Такъ Крассъ скупалъ участки земли послѣ пожаровъ, строилъ на нихъ руками своихъ рабовъ дома и такимъ образомъ сдѣлался обладателемъ большей

части Рима. Онъ самъ ихъ обучалъ, дрессировалъ и всячески извлекалъ выгоду изъ разныхъ ихъ талантовъ. И этимъ занимался не одинъ только Крассъ. Рабами владѣли не только богатые граждане, но и бѣдные; даже у высшихъ рабовъ бывали свои рабы, данные имъ господами въ видѣ peculium'а какъ бы для того, чтобы скрасить его положеніе внѣшними признаками господства. Тацитъ указываетъ на возростаніе числа рабовъ и уменьшеніе числа свободныхъ гражданъ, какъ на одну изъ серьезныхъ опасностей, угрожающихъ Риму. По свидѣтельству Сенеки, этотъ фактъ не мало тревожилъ римскихъ патриціевъ. Однажды въ сенатѣ рѣшили назначить для всѣхъ рабовъ одинаковое платье, но вскорѣ отказались отъ этой мѣры изъ опасенія, что въ такомъ случаѣ рабы могутъ сосчитать всѣхъ господъ. *

Римскій законъ высказывался о рабахъ очень опредѣленно и предоставлялъ господину неограниченную власть надъ рабомъ, надъ его жизнью и смертью; да это и не удивительно, если мы примемъ во вниманіе свойства patria potestas. Рабу не дозволялось имѣть никакой собственности; все, что онъ пріобрѣталъ, по закону принадлежало его господину. Впрочемъ, на практикѣ ему разрѣшалось имѣть свой peculium, включавшій его заработки, сбереженія и причитающуюся на его долю часть продуктовъ его труда. Господинъ не могъ заключить контракта съ своимъ рабомъ, не могъ также обвинить раба въ воровствѣ передъ судомъ, ибо, если рабъ присвоивалъ себѣ добро господина, это было не похищеніе, а только перемѣщеніе собственности. Союзъ раба и рабыни не имѣлъ легальнаго характера брака; это было только сожительство (contubernium), которое господинъ могъ терпѣть, или прекратить по произволу; слѣдовательно, рабъ не могъ быть повиненъ въ прелюбодѣяніи. Впрочемъ, общественное мнѣніе санкціонировало этого рода союзы; на сценѣ, въ надписяхъ на надгробныхъ памятникахъ и даже въ законахъ рабамъ сплошь и ря-

домъ даются названія мужа и жены. За вступленіе въ военную службу или принятіе на себя какой-либо государственной должности, рабъ предавался смерти. Вообще, онъ не могъ быть свидѣтелемъ на судѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда допросъ сопровождался пыткой. Если господина обвиняли въ какомъ-нибудь преступленіи, онъ могъ прислать на судъ своихъ рабовъ для допроса подъ пыткой, или потребовать, чтобы такимъ образомъ допросили рабовъ обвинителя; въ послѣднемъ случаѣ за увѣчье или смерть раба владѣлецъ его получалъ вознагражденіе. Рабъ не могъ обвинить своего господина ни въ одномъ преступленіи, кромѣ прелюбодѣянія и кровосмѣшенія (послѣднее включало также оскверненіе священныхъ мѣстъ и сосудовъ); впослѣдствіи сюда былъ присоединенъ еще третій случай—государственной измѣны. Обвиненный рабъ не могъ обратиться за помощью къ трибунамъ [1]. Всякое преступленіе раба каралось сильнѣе, чѣмъ преступленіе свободнаго человѣка; «majores nostri», говорятъ юристы, «in omni supplicio severius servos quam liberos punierunt». Въ случаѣ смертнаго приговора свободнаго гражданина ждали мечъ или пропасть; раба—топоръ или крестъ. По закону Аквилія господинъ могъ требовать вознагражденіе за смерть или увѣчье раба; этотъ законъ ставилъ обиду раба на одну доску съ поврежденіемъ четвероногаго («servis nostris exæquat quadrupedes quæ pecudum numero sunt»). Законъ Корнелія [2]) каралъ одинаково за убійство раба и свободнаго человѣка; но этотъ законъ не могъ быть примѣненъ къ господину, убившему своего собственнаго раба.

Римскихъ рабовъ не удерживали въ повиновеніи систематическимъ терроризмомъ, подобно спартанскимъ илотамъ, но все-же значительное численное преобладаніе ихъ

---

1) Seneca, Controv., III. 9.
2) De sicariis et veneficis. B. C. 62.

надъ свободными гражданами служило постояннымъ источникомъ заботъ и тревогъ для правительства послѣднихъ временъ республики и начала имперіи. Законъ, въ силу котораго рабы Педанія были преданы смерти, впервые примѣненный, по всей вѣроятности, Августомъ и окончательно вошедшій въ силу при Неронѣ—явное доказательство этой тревоги; то-же утверждаетъ и Тацитъ, повѣствуя объ этомъ событіи [1]). Развитіе latifundia постепенно увеличивало силы и численность рабовъ. Свободный трудъ былъ совсѣмъ въ загонѣ. Катонъ, Варронъ и Колюмелла — всѣ совѣтуютъ предпочитать свободному труду подневольный, за исключеніемъ работы въ нездоровыхъ мѣстностяхъ и большихъ предпріятій, превосходящихъ способности и пониманіе постояннаго состава familia rustica [2]). Цицеронъ и Ливій свидѣтельствуютъ объ исчезновеніи въ провинціяхъ свободнаго плебса и замѣнѣ его толпами рабовъ, работающихъ въ большихъ помѣстьяхъ [3]). Гракхи и преемники ихъ, стоявшіе во главѣ народной партіи, были противъ такой убыли свободно-трудящагося населенія, и вся политика ихъ клонилась къ тому, чтобы продиводѣйствовать ей аграрными законами и колонизацией на широкую ногу; но проэкты ихъ не могли осуществиться на дѣлѣ, пока гражданская власть не соединилась съ военной въ рукахъ единаго народнаго главы; и даже когда имперія удовлетворила этому условію, такихъ мѣръ оказалось слишкомъ недостаточно, чтобы бороться со зломъ.

Начиная съ первыхъ вѣковъ республики, рабы не переставали устраивать заговоры, имѣвшіе цѣлью сжечь

---

[1]) Ann. XIV. 42—44. См. также IV. 27. «Indicta est aliquando a senatu sententia ut servos a liberis cultus distingueret; deinde apparuit quantum periculum immineret, si servi nostri numerare nos coepissent». Seneca, De Clem. I. 24.

[2]) Катонъ, V. 4; Варронъ, I XVII. 2; Колюм. I. VII. 4—6.

[3]) Cicer. II. c. Rulle 30, 31; Liv. VI. XII.

городъ, завладѣть Капитоліемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ этому еще присоединялось намѣреніе избить господъ и водвориться на ихъ мѣстѣ, завладѣвши ихъ женами и имуществомъ. Исторія Рима даетъ намъ много примѣровъ заговоровъ между рабами, а также нѣсколько открытыхъ возстаній. Мы читаемъ, напримѣръ, о заговорѣ въ 500 г. до Р. X. и о другомъ, въ 419 г. до Р. X.; потомъ еще были заговоры передъ морской битвой при Дуллiѣ и между сраженіями при Тразименѣ и Каннахъ. Въ 198 г. до Р. X. чуть было не вспыхнула война рабовъ; въ 196 г. было возстаніе въ Этруріи, а въ 185 г. въ Апуліи. Заговоры не удавались, заговорщики платились жизнью. Еще до Пуническихъ войнъ упоминается о нѣсколькихъ заговорахъ. Разъ даже чуть было не вспыхнула война рабовъ у самыхъ воротъ Рима, но, благодаря доносу двухъ рабовъ, до войны не дошло, а было казнено 500 человѣкъ *

Худшая форма земледѣльческаго рабства существовала въ Сициліи: Моммсенъ предполагаетъ, что самыя жестокія черты ея были заимствованы у Карфагенянъ [1]). Оттого то въ Сициліи и вспыхнулъ первый серьезный мятежъ рабовъ, вызванный ихъ бѣдственнымъ положеніемъ и облегченный привычкой къ разбойничеству, которое терпѣли и, говорятъ, даже поощряли сами хозяева, такъ какъ оно сокращало расходы на содержаніе рабовъ.

* Въ Сициліи рабы были слишкомъ обременены непосильнымъ безпрестаннымъ трудомъ и недостаточно обезпечены даже необходимымъ платьемъ и пропитаніемъ. Сами господа рекомендовали имъ заботиться о себѣ путемъ грабежа и насилій; поэтому грабежи въ Сициліи распространились до такой степени, что не безопасно было отправляться въ путь, чуть только начинало темнѣть. Пастухи, по самому роду занятій проводившіе всю жизнь на открытомъ воздухѣ, вооружались чѣмъ могли

1) History of Rome, IV. II (Рус. пер.).

съ ногъ до головы. Начальники провинцій безсильны были въ борьбѣ съ этимъ зломъ, такъ какъ они ничего не могли подѣлать противъ богатыхъ римскихъ гражданъ, владѣльцевъ Сициліи. Недовольство скоплялось среди рабовъ и тѣмъ легче соединяло ихъ, что противъ нихъ не употреблялось никакихъ мѣръ предосторожности. Слишкомъ безвыходное положеніе этихъ несчастныхъ сдѣлало ихъ очень воспріимчивыми ко всякимъ броженіямъ и мятежамъ. Послѣдніе то и дѣло вспыхивали при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ напр. однажды среди нихъ проявился нѣкій рабъ Эвней, который, по его словамъ, получилъ во снѣ откровеніе будущаго и этимъ привлекъ къ себѣ вниманіе не только рабовъ, но и господъ. Онъ увѣрялъ, что имѣетъ прямое сообщеніе съ богами и въ подтвержденіе этого давалъ разные отвѣты не иначе, какъ извергая изо рта искры и пламя. Себѣ лично Эвней предрекалъ царскую будущность. Господа часто потѣшались надъ этимъ оракуломъ, а рабы возлагали на него всѣ свои надежды. Для возстанія рабовъ не доставало только его слова. Выведенные изъ терпѣнія жестокостями Дамофила, одного изъ первыхъ сицилійскихъ богачей, рабы обратились къ Эвнею съ вопросомъ, не разрѣшатъ ли имъ боги устроить заговоръ. Оракулъ отвѣтилъ, что боги не только разрѣшаютъ, но даже приказываютъ возстать сейчасъ же, не теряя ни минуты. Самъ онъ сталъ во главѣ рабовъ. Повсюду пошли грабежи, насиліе и убійства. Самого Дамофила завлекли въ театръ и тамъ умертвили, а жену его женщины низвергли съ башни. Дочь же ихъ, не разъ проявлявшая свою доброту по отношенію къ рабамъ, была не только оставлена въ живыхъ, но и окружена извѣстной заботой. По словамъ Діодора, этотъ фактъ свидѣтельствуетъ о томъ, что чрезмѣрная жестокость, проявляемая рабами, была не прирожденной чертой ихъ характера, а только отвѣтомъ на все то, что имъ пришлось перенести и выстрадать. Количество мя-

тежниковъ возросло до 200 тысячъ. Римскіе полководцы были обращены въ бѣгство. Это возстаніе встрѣтило горячее сочувствіе и среди сицилійской черни, тоже слишкомъ свыкшейся съ нищетой. Только благодаря измѣнѣ, Рутилію удалось подавить возстаніе. Эвней убѣжалъ въ горы, но былъ найденъ и сгноенъ въ тюрьмѣ (133 г. до Р. Х.).

* Не смотря на эту неудачу, Сицилія не могла не быть главнымъ ядромъ возстаній, пока еще существовало рабство. Во время борьбы съ Югуртой Марію необходимо было увеличить свои военныя силы. Не ограничившись включеніемъ въ свое войско пролетаріевъ, онъ получилъ отъ сената разрѣшеніе набрать себѣ вспомогательныя войска въ земляхъ по ту сторону Средиземнаго моря. Царь Виѳинскій отвѣтилъ, что у него нѣтъ подданныхъ, такъ какъ большая часть гражданъ за долги, понадобившіеся для уплаты налоговъ, продана въ рабство. Сенатъ, по крайней мѣрѣ для виду, не могъ признать этого явленія законнымъ, и особымъ постановленіемъ запретилъ обращать въ рабство свободнорожденныхъ. Когда это стало извѣстнымъ въ Сициліи, считавшейся провинціей Рима, 800 рабовъ провозгласили себя свободными. Господа подняли тревогу. Запротестовавшіе рабы получили отъ начальника провинціи приказаніе вернуться назадъ къ своимъ господамъ, но они не повиновались, а удалились въ священный лѣсъ и обдумывали тамъ планъ возстанія. На этотъ разъ возстаніе не достигло большихъ размѣровъ, такъ какъ изъ ихъ собственной среды вышелъ предатель, погубившій все дѣло: это былъ человѣкъ, котораго они сами поставили во главѣ. Не желая отдаться живыми, мятежники бросились съ утеса въ пропасть.

* Не успѣлъ преторъ распустить войско, какъ пронесся слухъ, что рабы убили одного римскаго всадника и снова подняли возстаніе. Мятежники провозгласили своимъ королемъ флейтиста Сальвія, человѣка сердеч-

наго и талантливаго, снискавшаго своими пророчествами и сумасбродствами общую любовь. Какъ и въ первую войну, число мятежниковъ быстро увеличивалось, привлекая сочувствіе и городской черни. Одновременно съ этимъ происходило возстаніе и на другомъ концѣ Сициліи подъ предводительствомъ нѣкоего Атеніона, популярность котораго основывалась на его мужественности и астрономическихъ познаніяхъ. Онъ образовалъ вокругъ себя новую банду изъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ рабовъ, предоставивши остальнымъ домашнія работы. Всѣмъ рабамъ грабежи и насилія были безусловно запрещены. Оба предводителя соединились вмѣстѣ для осады Тріокаля. Сальвій сдѣлалъ этотъ городъ своей столицей: тамъ былъ дворецъ для него и Форумъ для народныхъ собраній. Онъ заботился много объ украшеніи своей новой столицы: у него даже былъ нѣкоторый планъ государственнаго устройства: онъ засѣдалъ въ совѣтѣ, а при выходахъ появлялся не иначе, какъ въ сопровожденіи ликторовъ, въ тогѣ претекстѣ, окрашенной пурпуромъ, съ обычными эмблемами царской власти. Это было странное сочетаніе республиканскихъ обычаевъ съ формами азіатской деспотіи. Другъ Марія Аквилій подавилъ возстаніе, и оба предводителя погибли. Тысяча рабовъ, способныхъ еще оказать противодѣйствіе, были оставлены въ живыхъ и предназначены для потѣхи римскихъ гражданъ, въ борьбѣ съ дикими животными. Но подобная смерть являлась для нихъ слишкомъ унизительной, и они сами перебили на аренѣ другъ друга. Предводитель же ихъ былъ умерщвленъ, по его собственному приказанію, послѣ всѣхъ послѣднимъ рабомъ, который уже самъ покончилъ съ собой.

* Хотя возстаніе и было подавлено, но грабежи не прекращались и составляли какъ бы продолженіе войнъ рабовъ *. За нимъ послѣдовали отдѣльныя вспышки мятежа въ различныхъ мѣстностяхъ Италіи. Затѣмъ въ самую критическую для Италіи минуту, разразилась Война

рабовъ, явившаяся суровымъ испытаніемъ для военныхъ силъ Рима *). Въ послѣдующихъ гражданскихъ смутахъ, обѣ стороны искали помощи рабовъ, даже самъ Марій [1]) и впослѣдствіи Катилина [2]), впрочемъ, послѣдній въ концѣ концовъ отказался отъ ихъ услугъ. Клодій и Милонъ, бунтуя городъ, прибѣгали къ помощи гладіаторовъ, и такой образъ дѣйствій послѣдняго одобряетъ Цицеронъ [3]). Въ первую гражданскую войну мы встрѣчаемъ гладіаторовъ въ обоихъ лагеряхъ; они-же сопровождали въ Капитолій убійцъ Цезаря этихъ soi-disant мстителей за свободу. Во вторую гражданскую войну ихъ призывали Антоній, Октавій и Секстъ Помпей; Августъ въ надписи на Monumentum Ancyranum говоритъ, что онъ выдалъ обратно хозяевамъ до 30,000 бѣглыхъ рабовъ, поднявшихъ оружіе противъ государства. При Тиверіѣ, затѣмъ послѣ смерти Калигулы и при Неронѣ ропотъ и недовольство рабовъ каждую минуту грозили возстаніемъ. Опасность эта, нависшая надъ имперіей, не исчезала и въ послѣдующія эпохи. Во время нашествія Готовъ, къ нимъ присоединились всѣ ихъ земляки, купленные или взятые въ плѣнъ римлянами. Рабы въ Галліи почти en masse приняли участіе въ возстаніи Багодек, и сорокъ тысячъ рабовъ бѣжали къ Алариху во время осады Рима.

О нравственномъ вліяніи рабства вообще, мы уже говорили. Въ частности, относительно Рима, нельзя сомнѣваться, что оно сильно благопріятствовало разврату, грязнившему частную жизнь римлянъ, по свидѣтельству Ювенала, Марціала и Петронія. Оно также способствовало развращенію юношества, потворствуя его слабостямъ, развивая въ подросткахъ скрытность и склонность къ интригамъ. Воспитателемъ ребенка былъ рабъ, часто человѣкъ недостойный: посредствомъ лести и по-

---

*) См. дополненіе къ этой главѣ.
1) Plut., Sull, 9.
2) Sall., Cat, 24 и 56.
3) De off, II, VII.

творства онъ мало по малу овладѣвалъ довѣріемъ своего питомца, становился его совѣтникомъ и добровольнымъ орудіемъ его распущенности. Въ то время, какъ одни благодаря такимъ позорнымъ услугамъ, пріобрѣтали чрезмѣрное и опасное вліяніе на своихъ господъ, другіе становились беззащитными жертвами ихъ чувственности. Просто совѣстно читать, какимъ тономъ Горацій, человѣкъ вообще такой веселый и добродушный, говоритъ о подчиненіи рабовъ животнымъ страстямъ своихъ хозяевъ [1]). Ожесточающее вліяніе рабства сказывалось можетъ быть нагляднѣе всего въ варварскихъ зрѣлищахъ въ амфитеатрѣ: даже женщины находили удовольствіе въ такихъ зрѣлищахъ и требовали смерти гладіатора, своимъ отчаяннымъ удальствомъ не удовлетворившаго требованіямъ кровожадной черни. Политическое вліяніе рабства въ ту эпоху также было печальное. Оно влекло за собой униженіе свободнаго труда: даже земледѣліе мало по малу перестало пользоваться уваженіемъ [2]). Рабы, успѣшно конкурируя съ гражданами во всякой городской работѣ, способствовали умноженію въ Римѣ праздной и разгульной черни, требовавшей только «хлѣба и зрѣлищъ». При республикѣ эта чернь содержалась на общественныя средства—императоры также не рѣшились положить конецъ публичной раздачѣ милостыни—и на щедроты своихъ патроновъ, и, подобно «mean whites» въ современной Америкѣ, чернь образовала изъ себя опасный классъ людей—продажныхъ, проникнутыхъ мелкимъ, эгоистическимъ честолюбіемъ и готовыхъ раздуть каждую гражданскую смуту [*]).

Блеръ, сравнивая между собой рабство у грековъ и римлянъ [4]), по справедливости отдаетъ предпочтеніе по-

[1]) Sat., I, 2, 116.
[2]) «Quum sit publice accepta et confirmata jam vulgaris existimatio, rem rusticam sordidum opus». Col., I, proef. 20.
[*]) См. дополненіе къ этой главѣ.
[4]) Slavery among the Romans, гл. XI.

слѣднему въ одномъ отношеніи,—именно въ виду большей легкости и болѣе частыхъ случаевъ эмансипаціи. По словамъ его, ни одинъ римскій рабъ «не могъ отчаяваться въ томъ, что онъ когда-нибудь сдѣлается свободнымъ человѣкомъ и гражданиномъ». Освобожденіе было двухъ родовъ—justa или правильное, и minus justa. Manumissio justa могло совершиться слѣдующимъ образомъ:—1) посредствомъ усыновленія, но къ этому средству прибѣгали рѣдко; 2) по завѣщанію; 3) посредствомъ census (представленія цензору и внесенія въ списки гражданъ): къ census прибѣгали въ исключительныхъ случаяхъ и послѣ Веспасіана этотъ способъ былъ совсѣмъ оставленъ; и 4) посредствомъ т. наз. vindicta—самый употребительный способъ. Онъ состоялъ въ томъ, что господинъ поворачивалъ своего раба на-лѣво кругомъ, со словами «liber esto», въ присутствіи претора или другаго представителя власти, причемъ этотъ послѣдній или его ликторъ ударялъ раба пучкомъ прутьевъ. Для manumissio minus justa достаточно было господину выразить свое желаніе освободить раба—письменно, или на словахъ, въ кругу друзей, или надѣть ему на голову pileus (головной уборъ, присвоенный свободнымъ людямъ),—вообще продѣлать ту или другую формальность, въ силу обычая выражающую собой намѣреніе отпустить на волю, или-же наконецъ, назначить раба опекуномъ своихъ дѣтей. Этотъ, такъ сказать, экстралегальный видъ отпуска на волю имѣлъ лишь неполное и спорное значеніе; даже послѣ того, какъ законъ Юлія Норбана (19 г. по Р. X.) приравнялъ освобожденнымъ этимъ путемъ рабовъ къ латинскимъ колонистамъ, подъ именемъ Latini juniores, они до самой смерти продолжали оставаться въ глазахъ закона рабами и не могли располагать своимъ peculium'омъ.

Вольноотпущенникъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его освобождалъ самъ законъ, становился кліентомъ своего господина, и эти новыя отношенія налагали на обоихъ

извѣстныя обязанности. Обязанности эти были одинаковы и для отпущенныхъ на волю государствомъ, городами, храмами и корпораціями. Господинъ — нынѣ патронъ должень былъ покровительствовать своему кліенту и защищать его въ судѣ, а также быть его опекуномъ, если кліентъ былъ несовершеннолѣтній, и кормить его, если онъ не имѣлъ средствъ къ жизни. Вольноотпущенникъ носилъ фамилію своего прежняго господина, обязанъ былъ оказывать ему почтеніе (obsequium) и помощь (officium)—въ нѣкоторыхъ случаяхъ денежную: нарушеніе этихъ обязанностей наказывалось: крайней мѣрой наказанія было лишеніе свободы и новое рабство. При отпускѣ на волю господинъ могъ ставить условіе—напр. обязать раба жить въ его домѣ, служить ему вообще или заниматься какимъ нибудь спеціальнымъ дѣломъ, или наконецъ, потребовать съ него денежный выкупъ. Но преторъ Рутилій, въ началѣ 1-го столѣтія до Р. Х. ограничилъ права хозяевъ, злоупотреблявшихъ такими условіями; позднѣе, эти ограниченія были подтверждены юристами и законами имперіи. Въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ, имущество умершаго кліента наслѣдовалъ его патронъ и бывшій хозяинъ; да и вообще вольноотпущенникъ могъ располагать по духовной только половиной своего имущества: другая половина, по закону, доставалась патрону. Гражданскія права вольноотпущенниковъ и дѣтей ихъ были ограничены: только третье поколѣніе становилось ingenua (полноправными гражданами). Этимъ процессомъ постепенной инфильтраціи рабскій элементъ стремился впитаться въ народный организмъ и Сципіонъ Эмиліанъ имѣлъ право отвѣтить на ропотъ черни: «Taceant quibus Italia noverca est: non efficietis ut solutos verear quos alligatos adduxi» [1]).

Господину часто бывало въ матеріальномъ отношеніи выгодно освободить раба: онъ получалъ выкупъ, на ко-

[1]) Val. Max., VI. 2, 3.

торый могъ купить другаго раба, взамѣнъ освобожденнаго, и въ то-же время пріобрѣталъ кліента. Разумѣется, тутъ предполагается, что рабъ имѣлъ признанное право на свой peculium: тоже подразумѣваетъ и Цицеронъ, утверждая, что умный рабъ въ шесть лѣтъ можетъ откупиться на волю. Августъ самъ возставалъ противъ слишкомъ широкаго пользованія правомъ отпуска на волю, вѣроятно, находя быстрый приростъ новыхъ гражданъ источникомъ государственной неустойчивости, и рекомендовалъ подобную-же политику своему преемнику. Законъ Ælia Sentia (около 3 г по Р. X.) запрещаетъ отпускать на волю раба моложе 30 лѣтъ и не давалъ права на отпускъ господину моложе 20 лѣтъ; законъ Furia Caninia (около 7 г. по Р. X.) устанавливалъ количество рабовъ, которые могли получить свободу по духовной пропорціонально общему количеству ихъ, и не дозволялъ отпускать такимъ образомъ болѣе сотни, какъ-бы ни была велика familia господина. Во времена имперіи вольноотпущенники постепенно добились большаго вліянія; они получили доступъ въ сенатъ и въ сословіе всадниковъ (equites); имъ поручали управленіе провинціями и такія должности при дворѣ императора, которыя фактически ставили ихъ въ главѣ административныхъ учрежденій. Представителями недостойныхъ членовъ сословія вольноотпущенниковъ могутъ служить Палласъ и Нарциссъ; многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, и внѣ оффиціальной жизни обнаруживали чванство и дерзость, присущія выскочкамъ, или безсовѣстную низость паразитовъ: но были и другіе, заслуживавшіе полнаго уваженія. Болѣе скромные вольноотпущенники занимали мелкія должности въ администраціи, служили въ городскихъ когортахъ и въ арміи; мы находимъ ихъ въ большомъ количествѣ во всѣхъ профессіяхъ и во всѣхъ отрасляхъ ремеслъ, гдѣ началъ оживать свободный трудъ. Выступали они и въ литературѣ; извѣстно много историческихъ и біографическихъ мемуаровъ, написанныхъ

вольноотпущенниками, во времена республики и начала имперіи: многіе изъ нихъ были профессорами грамматики и родственныхъ ей наукъ, какъ напр. Тиронъ—amanuensis Цицерона, и Гигиній (Hyginus)—библіотекарь Августа; есть и болѣе громкія имена—Ливій Андроникъ, Стацій Цецилій, Теренцій, Публій Сиръ (Syrus), Федръ и Эпиктетъ.

Во второмъ вѣкѣ христіанской эры мы находимъ замѣтную перемѣну по отношенію къ рабству, какъ въ области мысли, такъ и въ области закона. Въ разсужденіяхъ о рабствѣ принципы разума и гуманности впервые были примѣнены уже Сенекой [1]; что-бы мы ни думали о немъ, какъ о человѣкѣ, мы должны быть благодарны ему за его справедливое и либеральное отношеніе къ рабамъ, которыхъ, по его словамъ, мы должны считать своими «смиренными друзьями», и въ особенности за его энергическій протестъ противъ гладіаторскихъ боевъ и жестокостей толпы, упивающейся такими кровавыми зрѣлищами [2]. Его образъ мыслей такъ близокъ къ духу христіанства, что Тертулліанъ говорилъ о немъ «Seneca, sæpe noster» [3]. Существуетъ преданіе, будто онъ находился въ дружбѣ со св. Павломъ, не подтверждаемое впрочемъ, ничѣмъ, кромѣ апокрифовъ; Тролонъ (Troplong) [4] и другіе изъ его сочиненій, проникнутыхъ христіанскимъ духомъ, выводятъ заключеніе,—но, повидимому, безъ достаточныхъ основаній—что онъ читалъ священное писаніе и вдохновлялся имъ. Но лишь во второмъ столѣтіи «нравственныя идеи одержали рѣшительную побѣду какъ въ этой, такъ и въ другихъ областяхъ жизни...

Діонъ Хризостомъ, совѣтникъ Траяна—первый грече-

---

[1] См. дополненіе къ этой главѣ.

[2] Цицеронъ осуждалъ ихъ довольно двусмысленно: «Crudele gladiatorium spectaculum et inhumanum nonnullis videri solet, et haud scio an ita sit ut nunc fit». Tusc., II. 17.

[3] De anima, 20.

[4] Sur l'influence du Christianisme dans le droit romain, стр. 71—79.

скій писатель объявившій [1]) рабство противнымъ естественному закону» [2]). Соотвѣтственно этому измѣняло свое отношеніе къ нимъ и правительство. Римъ выполнилъ свое завоевательное призваніе: владѣнія его достигли естественныхъ предѣловъ: за вѣкомъ побѣдъ послѣдовалъ вѣкъ администраціи: императоры, сознавая необходимость развитія промышленности и торговли, насколько было возможно, подготовляли уничтоженіе рабства, оказывая почеть вольноотпущенникамъ, принимая подъ свое покровительство рабовъ угнетаемыхъ господами, и облегчая имъ отпускъ на волю.

За отсутствіемъ признанной духовной власти въ римской имперіи, обязанности ея по своему исполняли юристы, приводя въ систему различныя указанія практической морали: полезнымъ напоминаніемъ объ jus naturale они смягчали суровое высокомѣріе закона и мѣшали его недостойнымъ служителямъ толковать его въ свою пользу [3]). Какъ императоры, такъ и законодатели во всѣхъ своихъ постановленіяхъ высказывались въ пользу свободы [4]).

Продажа дѣтей и выдача ихъ въ качествѣ заложниковъ при займѣ денегъ, были запрещены. Эдиктомъ Діоклетіана запрещалось свободному человѣку отдавать себя въ кабалу. Похитители взрослыхъ людей и дѣтей (plagiarii) предавались смерти. Законъ исторгалъ неоплатнаго должника изъ оковъ кредитора. Торговля рабами была еще разрѣшена, но столь часто практикуемое изувѣчиваніе мальчиковъ и юношей каралось изгнаніемъ, ссылкой въ рудники и даже смертью. Въ случаѣ отмѣны

1) Orat. XV стр. 258.

2) Mark Pattison, University sermons, стр. 158.

3) «Quod ad jus naturale attinet, omnes homines aequales sunt». Ulpian.

«Servitus est constitutio juris gentium, qua quis dominio alieno contra naturam subjicitur.»—Florentinus

4) «Nec ignotum est quod multa contra juris rigorem pro libertate sint constituta».—Ulpian.

торговой сдѣлки. если покупатель возвращалъ раба продавцу, то долженъ былъ вернуть также и его родителей, братьевъ и personam contubernio conjunctam. При составленіи духовной, нельзя было разъединить семью, отказавъ отдѣльныхъ членовъ ея разнымъ лицамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ охранялъ также неприкосновенность peculium'a, хотя въ принципѣ это послѣднее все еще оставалось собственностію господина. Общественнымъ рабамъ государство предоставляло право располагать по завѣщанію половиной своего имущества; такимъ-же правомъ, и даже въ большихъ размѣрахъ, часто пользовались рабы частныхъ лицъ, хотя наслѣдство не должно было выходить изъ предѣловъ familia [1]). Адріанъ отнялъ у хозяевъ власть надъ жизнью и смертью рабовъ и уничтожилъ подземныя тюрьмы. Антонинъ Пій наказывалъ хозяина, безъ законнаго повода (sine causa) убившаго своего раба, такъ-же строго, какъ и за убійство чужого. Уже во времена Нерона судьямъ приказано было принимать жалобы рабовъ на дурное обращеніе съ ними хозяевъ, а законъ Петронія, относящійся къ той-же или даже къ болѣе ранней эпохѣ, запрещалъ хозяевамъ посылать своихъ рабовъ въ циркъ на борьбу съ дикими звѣрями. Антонинъ повелѣлъ продавать въ другія руки рабовъ, которые бѣжали отъ жестокости своихъ хозяевъ и нашли пріютъ у алтарей боговъ, или у подножія статуи императора; это-же постановленіе примѣнялось и въ тѣхъ случаяхъ, когда господинъ требовалъ отъ раба поступковъ позорящихъ и унизительныхъ для него.

Маркъ Аврелій требовалъ, чтобы рабовладѣльцы со всякими жалобами обращались прямо въ судъ, отдавая такимъ образомъ отношенія рабовъ и хозяевъ подъ наблюденіе закона и общественнаго мнѣнія. Клятва раба все еще не имѣла значенія на судѣ; его допрашивали

---

1) «Dumtaxat intra domum», Plin. Epist. VIII, 16.

подъ пыткой: но императоры и юристы старались разными путями ограничить примѣненіе пытки и прибавили къ двумъ случаямъ, когда показаніе раба принималось во вниманіе, еще третій — оскорбленіе величества. За нѣкоторыя тяжкія обиды со стороны господина, рабъ также могъ завести съ нимъ процессъ, причемъ его на судѣ представлялъ adsertor. Правительство поощряло освобожденіе рабовъ: большинство прежнихъ формальностей были уничтожены, препятствія и затрудненія со стороны закона по возможности устранены.

Право хозяина ставить условія при отпускѣ на волю по духовной было также ограничено, и эти условія толковались въ смыслѣ благопріятномъ для отпущенника. Императоръ могъ дать свободу рабу, подаривъ ему золотое кольцо, съ согласія его господина, а послѣ судебнаго процесса, называемаго restitutio natalium, такой рабъ становился полноправнымъ гражданиномъ.

Ко времени распространенія христіанства среди римлянъ, положеніе рабовъ постепенно улучшалось [1]). Чувства, внушаемыя новой религіей, не только вызывали гуманное отношеніе къ рабамъ въ настоящемъ, но и носили въ себѣ зародыши грядущаго освобожденія. Христіанскую Церковь часто и несправедливо упрекали въ томъ, что она не объявила сразу рабство преступленіемъ противъ общества и не настояла на его немедленномъ уничтоженіи, а напротивъ, какъ-бы поощряла его: лица духовнаго званія и религіозныя общины сами владѣли рабами [2]). Мы уже видѣли, что рабство было основнымъ элементомъ старо-римскаго государственнаго устройства, не только пустившимъ глубокіе корни въ законахъ, но и неизбѣжно вытекающимъ изъ воинствен-

---

[1]) См. дополненіе къ этой главѣ. Не вполнѣ соглашаясь въ послѣдующемъ изложеніи съ мнѣніемъ почтеннаго автора, позволяемъ себѣ оставить его безъ измѣненій, а въ приложенія къ этой главѣ, приводимъ мнѣнія другихъ авторовъ, держащихся нѣсколько другой точки зрѣнія. Ред.

[2]) См. дополненіе къ этой главѣ.

ной миссіи государства. Дѣло завоеванія наконецъ завершилось, но нельзя же было ожидать быстрой и радикальной перемѣны, какъ въ общественномъ строѣ, отлично уживавшемся съ рабствомъ, такъ и въ воззрѣніяхъ общества, сложившихся подъ вліяніемъ его. Время подтачивало послѣднія постепенно; мы уже прослѣдили измѣненія въ законѣ, указывавшія на измѣнившееся отношеніе общества къ сословію рабовъ: эта перемѣна совершилась, повидимому, вовсе не подъ вліяніемъ новаго ученія, но находилась въ зависимости отъ измѣнившихся условій жизни и смягченія нравовъ, обусловленнаго въ свою очередь болѣе мирнымъ режимомъ. Но все-же этого учрежденія нельзя было разрушить сразу: оно пустило слишкомъ глубокіе корни и было слишкомъ тѣсно связано съ существующимъ порядкомъ вещей. Еслибы рабство было уничтожено вдругъ, весьма возможно, что результаты получились-бы не только свѣтлые, но и печальные, главнымъ образомъ—для самихъ-же рабовъ. Прежде всего, необходима была существенная перемѣна въ государственномъ строѣ: государство, организація котораго была приспособлена прежде всего для нападенія на другіе народы, нужно было приспособить теперь и организовать для защиты, а такая перемѣна не можетъ совершиться въ одинъ день. Въ ожиданіи же ея, многое могло быть сдѣлано, а кое что отчасти и дѣлалось для смягченія зла: въ особенности важно было точнѣе опредѣлить взаимныя обязанности раба и господина; важно было наблюдать за выполненіемъ ихъ, установивъ надъ тѣми и другими независимый нравственный авторитетъ [1]). Вотъ какая задача предстояла христіанскому духовенству, и нельзя отрицать, что оно выполнило ее болѣе или менѣе добросовѣстно. Оно не могло, конечно,

[1]) Взаимныя обязанности господина и раба съ христіанской точки зрѣнія, устанавливаетъ св. Павелъ съ отличающимъ его благородствомъ чувства. См. Посл. къ Ефес. гл. VI, 5–9; къ Кол., гл. III, 22, VI, 1; а также Посл. къ Филимону.

кореннымъ образомъ преобразовать это учрежденіе, но мѣшать его вредному вліянію на нравственность и предотвратить злоупотребленія, имѣвшія мѣсто среди язычниковъ и послѣ введенія новой вѣры, но оно могло уменьшить и ослабить ихъ.

Отцы церкви въ своихъ воззрѣніяхъ на рабство приближаются къ стоикамъ второго столѣтія: они также считаютъ рабство или свободу несущественными съ точки зрѣнія религіи и морали, но вмѣсто презрѣнія, которое слишкомъ часто выказывали стоики по отношенію къ сословію рабовъ, они питаютъ къ рабамъ искреннюю симпатію. Они возстаютъ противъ тщеславія вельможъ, стремящихся умножить число своихъ рабовъ, противъ поединковъ гладіаторовъ (впослѣдствіи воспрещенныхъ благодаря высокому самоотверженію одного монаха [1]) а также противъ отдачи рабовъ въ театральныя школы, которыя часто становились школами разврата. Церковь покровительствовала также освобожденію рабовъ и выкупу плѣнныхъ. Вліяніе ея сказалось въ законодательствѣ христіанскихъ императоровъ, которое смягчило еще уцѣлѣвшія жестокія черты рабства. Нельзя сказать, чтобы это законодательство неуклонно шло по пути прогресса; порою мы замѣчаемъ даже регрессъ—напримѣръ при Константинѣ, возобновившемъ право отца продавать своихъ дѣтей (сохраняя за собой право когда угодно выкупить ихъ) и право того, кто нашелъ подкинутаго ребенка, считать его своимъ рабомъ; эти уступки нѣкоторые стараются оправдать крайней бѣдностью населенія въ ту эпоху. Болѣе сильное вліяніе имѣло христіанство на Өеодосія, а своего апогея это вліяніе достигло въ кодексѣ Юстиніана, систематически стремившагося, по его собственнымъ словамъ «pro libertate, quam et

---

1) Телемакъ, въ царствованіе Гонорія. Онъ бросился на арену, чтобы разнять гладіаторовъ; народъ забросалъ его камнями, но это самоотверженіе повело къ запрещенію поединковъ. Вся исторія разсказана въ одной изъ поэмъ Теннисона.

fovere et tueri Romanis legibus et praecipue nostro numini peculiare est».

Законъ все еще въ принципѣ не признавалъ браковъ между рабами: но Юстиніанъ призналъ ихъ законными послѣ освобожденія, предоставивъ дѣтямъ право наслѣдовать имущество освобожденныхъ родителей.

Союзы между рабами и свободными женщинами или между свободными гражданами и рабынями долго были запрещены и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже наказывались съ варварской жестокостью. Но бракъ господина съ его вольноотпущенницей освобождалъ и узаконялъ ихъ дѣтей, рожденныхъ въ рабствѣ, и, если даже безъ брака рабыня жила съ господиномъ всю жизнь, какъ жена, дѣти ихъ считались свободными. Какъ свидѣтеля, раба все еще допрашивали подъ пыткой: какъ преступникъ—онъ несъ болѣе суровую кару, чѣмъ свободный человѣкъ. Раба, обвинявшаго своего господина въ какомъ-нибудь преступленіи (кромѣ преступленія государственной измѣны), сжигали на кострѣ. Но теперь рабъ получилъ право передъ судомъ отстаивать свою свободу и уже не черезъ adsertora, а лично. Рабыня все еще не могла быть обвинена въ прелюбодѣяніи, но кодексъ Юстиніана одинаково наказывалъ смертью какъ похищеніе свободной дѣвушки, такъ и похищеніе рабыни или вольноотпущенницы. Господинъ теперь уже наказывался за убійство своего раба, какъ за убійство вообще,—за исключеніемъ случаевъ непредумышленнаго убійства, когда рабъ умиралъ подъ наказаніемъ. Константинъ считалъ нѣкоторые, спеціально перечисленные проявленія жестокости равносильными убійству. Еще и при Өеодосіѣ правительство если не поощряло, то допускало поединки въ амфитеатрѣ: честолюбцы, добивающіеся общественныхъ почестей, даже какъ-бы обязаны были публично выказать свою силу и мужество. Дальше всего удержалась борьба людей съ дикими звѣрями,—даже до первыхъ лѣтъ царствованія Юстиніана.

Константинъ ввелъ новый способъ освобожденія — совершавшагося въ церкви, при участіи священниковъ; позднѣе лицамъ духовнаго званія даровано было право освобождать рабовъ въ какое угодно время, однимъ словеснымъ выраженіемъ своей воли. Рабъ, поступавшій въ члены какого-либо ордена или въ монастырь, становился свободнымъ человѣкомъ, съ извѣстными ограниченіями, въ предупрежденіе обмана или несправедливости. Юстиніанъ отмѣнилъ личныя условія (возраста), которымъ, по декрету Августа, должны были удовлетворять хозяинъ и рабъ при отпускѣ на волю послѣдняго, и разрѣшилъ отпускать на волю неограниченное число рабовъ. Переходная стадія между рабствомъ и свободой также была уничтожена. Послѣ отпуска на волю, какимъ-бы путемъ ни досталась ему свобода, рабъ сразу становился свободнымъ гражданиномъ, но бывшій господинъ его все-таки удерживалъ надъ нимъ права патрона; лишеніе хозяевъ этихъ правъ по всей вѣроятности задержало-бы эманципацію.

I ДОПОЛНЕНІЕ КО II ГЛАВѢ.

Хлѣбъ, зрѣлища, гладіаторы и возстаніе ихъ.

(Tourmagnes. Histoire de l'esclavage)

Въ первомъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія римское общество заключало въ себѣ два класса людей: господъ и рабовъ. Первые владѣли богатствомъ и почестями, вторые ничѣмъ: они даже не располагали собственнымъ трудомъ, такъ какъ должны были работать даромъ. Рабовъ покупали какъ скотъ и кормили, не платя имъ. Варронъ называетъ ихъ машинами съ человѣческимъ голосомъ. Дѣйствительно, они играли въ античной промышленности ту же роль, какая въ новѣйшей принадлежитъ машинамъ, съ той однако разницей, что ихъ работа, не нуждавшаяся ни въ какихъ пособіяхъ, изгоняла свободный трудъ, тогда какъ новѣйшая машина его требуетъ. Таково было положеніе большей части римскаго населенія въ началѣ нашей эры. Къ этимъ двумъ элементамъ общества прибавился третій: народъ. Могущественный во время республики, но мало-по-малу уменьшившійся количественно, благодаря войнамъ, лихоимству и конкурренціи съ рабами, онъ потерялъ всякое вліяніе, политическое и общественное. Не владѣя больше ничѣмъ, онъ жилъ не заработкомъ, а подачками отъ знати, отъ своихъ патроновъ или городскихъ эдиловъ. Онъ составлялъ четвертую часть населенія Рима. Его можно назвать переходной ступенью между классомъ рабовъ и господъ въ Римѣ. Но это

были уже не тѣ плебеи, которые добивались и добились когда-то расширенія своихъ правъ. Это былъ плебсъ, потерявшій права и спустившійся до положенія, близкаго къ положенію рабовъ. Плебеи теперь имѣли болѣе общаго съ рабами, чѣмъ съ свободными гражданами. И у нихъ была таже нищета, таже ненависть къ высшему классу. Въ минуты опасности плебсъ больше былъ на сторонѣ рабовъ, чѣмъ на сторонѣ этого послѣдняго.

И такъ, богачи, заставлявшіе работать, рабы, работавшіе на нихъ, и нищіе, которые не могли трудиться— вотъ составные элементы населенія Рима и его провинцій во время имперіи [1]).

Вотъ происхожденіе этого явленія. При каждой побѣдѣ, при каждомъ присоединеніи территоріи, Римляне часть земли оставляли побѣжденнымъ, а часть распредѣляли между солдатами и колонами. Послѣ этого раздѣла неплодородные или невоздѣланные участки оставлялись для желающихъ обработывать ихъ за извѣстный оброкъ. Но патриціи, побуждаемые собственной выгодой, округляли свои владѣнія на счетъ всѣхъ прилегавшихъ къ нимъ полей, легко удаляя владѣтелей, а потомъ и прямо захватывая земли. Частью обманомъ, частью благодаря попустительству, они вскорѣ овладѣли общественной землей (ager publicus) и создали тѣ обширныя помѣстья, которыя, будучи обращены въ пастбища или населены рабами, совершенно отстранили солдата, гражданина мало свѣдущаго. Свободное населеніе, изгнанное отъ сельскаго труда, нашло послѣднее убѣжище въ колонатѣ, получая за трудъ девятую и maximum пятую часть плодовъ [2]). Вся эта толпа нищихъ нахлынула изъ деревни въ городъ, чтобы тамъ просить милостыни или продавать свои голоса. Такой порядокъ вещей угрожалъ Риму большой опасностью въ будущемъ. Гракхи пыта-

1) Ciceron, Plaidoyers.—Sallust., Catilina, 37.
2) Dureau de la Malle. Ec. pol., II, 59.

лись отклонить эту опасность своими аграрными законами, требовавшими раздѣла между всѣми гражданами оставшихся еще общественныхъ земель и тѣхъ, которыя уже были захвачены патриціями. Это была самая справедливая и своевременная мѣра; въ ней заключалось спасеніе Рима и Италіи [1]). Но она стоила жизни обоимъ братьямъ и, предлагаемая послѣ нихъ другими, имѣла не больше успѣха. Цезарь сдѣлалъ робкій и запоздалый опытъ приложенія ея на практикѣ

Въ теченіе этого времени населеніе, изгнанное изъ деревень, безпрестанно стекалось въ города, которые привлекали всѣхъ праздныхъ и нуждающихся въ даровой раздачѣ хлѣба. Тамъ они встрѣтились съ конкурренціей рабовъ, въ рукахъ которыхъ были всѣ профессіи и всѣ ремесла [2]). И вотъ такой плохой совѣтникъ, какъ голодъ, побудилъ этихъ людей средства къ существованію искать въ своемъ званіи римскаго гражданина. Съ этого времени, чтобъ существовать, они стали продавать себя: они торговали своимъ правомъ голоса и предлагали свои услуги разнымъ честолюбцамъ, которые оплачивали ихъ помощь [3]). Все это явилось результатомъ рабства, которое, изгоняя свободнаго человѣка изъ деревни и оспаривая его долю труда въ городѣ, привело его въ состояніе отчаянія и нищеты и создало ту продажную толпу, которая дѣйствуетъ на государственныя учрежденія только развращающимъ и разрушающимъ образомъ. Съ этихъ поръ плебсъ и рабы пользуются одинаковымъ презрѣніемъ, и разные честолюбцы одинаково заискиваютъ въ нихъ. Они являются солдатами гражданскихъ войнъ и вспомогательными войсками цезарей [4]).

Въ первое консульство Цезаря, въ 694 г. отъ осн. Рима, эта безпорядочная толпа, постоянно угрожавшая безопас-

[1]) Plutarque, Tib. Gracch, 80. 9.
[2]) Cic., De officiis, 42.
[3]) Plutarque, Cat. minor, 41.
[4]) Salluste, Catil. 50.

ности государства и разорявшая казну, обремененную общественной раздачей хлѣба, состояла изъ 400.000 человѣкъ. Изъ нихъ 100.000 было поселено Цезаремъ въ качествѣ колоновъ въ Кампаньѣ [1]). Не смотря на это, десять лѣтъ спустя, во время его диктаторства, пролетаріевъ по народной переписи числилось 320.000. Цезарь снова отослалъ 80.000 человѣкъ въ колоніи, а 20.000 надѣлилъ общественной землей [2]). Этимъ же примѣрамъ слѣдовалъ и Августъ, будучи не въ силахъ искоренить зла, которое только усиливалось [3]).

Для того, чтобы отвлечь и сдѣлать безвредной эту праздную толпу, законъ долженъ былъ обезпечить ея существованіе ежедневной раздачей хлѣба. Поэтому плебеи, въ качествѣ государственныхъ пансіонеровъ, были занесены въ списки, и это давало каждому изъ записавшихся право на государственную помощь какъ ему, такъ и каждому изъ членовъ его семьи [4]). Кромѣ того эту толпу нужно еще было развлекать, доставляя ей даровыя зрѣлища въ этихъ общественныхъ мѣстахъ, театрахъ, циркахъ, на аренахъ, гдѣ были тысячи жителей. Большіе чиновники при вступленіи въ должность обязаны были доставлять толпѣ эти дорогія зрѣлища, и эдилы были заняты организаціи «panem et circenses» [5])

Августъ съ гордостью разсказываетъ въ Анкирской надписи, «что при своемъ вступленіи онъ считалъ изъ добычи, полученной на войнѣ, на каждаго плебея по 300 сестерцій (21 рубль) на отца и по 400 (28 руб.) на него. Такую же сумму онъ ассигновалъ изъ своего собственнаго состоянія. Потомъ онъ произвелъ на собственный счетъ двѣнадцать раздачъ хлѣба и выдалъ по 400 сестерцій на душу, и нужно замѣтить, что всякій разъ

---

1) Suét., in Coes., XX.
2) Suét., in Coes., C. LXII.
3) Suét., Cesar, 42.
4) Suétone, Auguste, c. XLII.
5) Suetone, Auguste, 43.

его щедростью пользовалось по крайней мѣрѣ 250,000. чел. Въ другомъ случаѣ каждому изъ 320,000 обитателей Рима онъ выдалъ по 17—18 р. на наши деньги; затѣмъ спустя нѣкоторое время, по 70 р. каждому солдату и постольку же 120,000 колонамъ. Въ свое тринадцатое консульство онъ произвелъ раздачу хлѣба 200,000 пролетаріевъ, прибавивъ къ этому по 17—18 р. поголовно».

На этихъ же самыхъ мраморныхъ таблицахъ послѣ примѣровъ поражающей щедрости онъ перечисляетъ и всевозможныя зрѣлища, доставленныя имъ народу: среди нихъ значится морская битва съ 10,000 сражающихся.

Надпись прибавляетъ, что «Августъ заплатилъ муниципіямъ за земли, которыя онъ взялъ для своихъ солдатъ, и за поля, расположенныя въ Италіи, 600 милліоновъ сестерцій (42 милліона рублей), а за тѣ, которыя въ провинціяхъ, 260 милліоновъ (18 мил. руб.). Онъ одинъ поступилъ подобнымъ образомъ».

Таковы тѣ драгоцѣнныя указанія, которыя намъ сообщаетъ таблица дѣяній Августа, которую онъ велѣлъ вырѣзать на многочисленныхъ мраморныхъ дощечкахъ Анкирскаго храма, замѣчательно хорошо сохранившихся отъ времени и возстановленныхъ нашими учеными (1863 г.) [1].

Этой колоссальной щедрости, введенной Цезаремъ и Августомъ, подражали всѣ слѣдовавшіе за ними императоры. Только при этомъ условіи они и были популярны и могли поддерживать себя. Плебеи же смотрѣли на это, какъ на пріобрѣтенное право и слѣдили за тѣмъ, чтобъ оно не вышло изъ употребленія.

Раздача хлѣба была сначала непостоянная и за полцѣны, но въ 123 г. (до Р. Х.) законъ сдѣлалъ ее правильной, а въ 58 г. она стала даровой.

При Помпеѣ число пользующихся ею равнялось 320,000. При Цезарѣ, Августѣ и при императорахъ оно держалось приблизительно на этой цифрѣ. Въ 270 г. раз-

---

[1]) См. Exploration de Galatie, Paris, 1863 Ed. Didot.

дача хлѣба изъ ежемѣсячной превратилась въ ежедневную. Вмѣсто пяти мѣръ зерна ежемѣсячно, каждый пролетарій сталъ получать по два фунта хлѣба ежедневно. Часто къ этому прибавлялась дополнительная раздача вина, масла и мяса. Впослѣдствіи сюда присоединились и денежныя подачки. Цезарь завѣщалъ плебсу по 450 сестерцій на душу. Августъ въ теченіе своего царствованія выдалъ болѣе чѣмъ по 4200 сест. каждому плебею; Тиверій 1332 сест.; Калигула 906, а Клавдій, Неронъ, Домиціанъ въ два раза больше. Траянъ 3900 сест., Адріанъ по 6000 сест., Антонинъ и Маркъ Аврелій приблизительно постольку-же [1].

Въ то же самое время примѣру императоровъ слѣдовали въ Римѣ разные богачи, правители провинцій, военачальники—побѣдители. Одинъ изъ богачей Аррій послѣ смерти своего отца пригласилъ на похоронный обѣдъ нѣсколько тысячъ пролетаріевъ. Лукуллъ, по возвращеніи изъ Азіи, роздалъ народу 100 тысячъ бочекъ вина [2]). Цезарь проявилъ еще больше величія: каждый изъ гостей-плебеевъ, былъ надѣленъ послѣ одного пышнаго пиршества амфорой фалернскаго вина и боченкомъ хіосскаго, а это были самыя лучшія вина. Вдобавокъ къ этой развращающей щедрости, онъ платилъ въ теченіе года за наемъ низшихъ пролетаріевъ по 60.300 сестерцій [3]). Тиверій, вернувшись изъ Германіи, велѣлъ поставить для народа тысячу столовъ [4]). Вотъ какое примѣненіе давалось состоянію, доставляемому провинціями и налогами, разорявшими гражданъ. Другіе, какъ Агриппа, зять Августа, открывали въ Римѣ термы, гдѣ плебеи даромъ купались, и гдѣ даже въ теченіе одного года, ихъ даромъ брили [5]). При Калигулѣ, Неронѣ и его наслѣдникахъ въ толпу лопатой бросались деньги вмѣстѣ съ лотерейными биле-

1) De Champagny. Les Antonins, t. III, p. 325.
2) Senèque. De beneficiis, V. 10.
3) Pline XIV, 17.
4) Suétone Tib. 20.
5) Pline, Hist. nat XXXVI, 25.

тами, по которымъ можно было выиграть платье, драгоцѣнности, картины, рабовъ, корабли, дома и поля [1]). Дѣлалъ это и честный Титъ въ тѣ стодневныя празднества, которыя онъ устроилъ народу [2]). Въ это же время римскіе патриціи и патроны отпущенниковъ расточали щедроты своимъ избирателямъ и кліентамъ. Подкупленный плебсъ ежедневно являлся у дверей ихъ дворцовъ съ сумой, которую уносилъ наполненной съѣстными припасами и монетой. Это происходило утромъ. Вечеромъ же плебей сопровождалъ своего патрона въ баню, на форумъ или на прогулку, потомъ кончалъ свой день въ театрѣ или въ циркѣ, наслаждаясь даровыми зрѣлищами. Такъ проходилъ день плебея: хлѣбъ и зрѣлища ничего ему не стоили [3]).

Такимъ образомъ римскій плебсъ, котораго кормили и развлекали, потерялъ всякую гордость, всякое достоинство. Это было животное, котораго кормили и которое привѣтствовало радостными криками каждаго кормильца. Ему было все равно, звали-ли кормильца Коммодомъ или Калигулой. Его жизнь протекала въ праздности и блюдолизничествѣ.

Таковъ былъ процессъ общественнаго распаденія. Плебсъ, съ его мало развитымъ сознаніемъ, съ дурными нравами и легковѣсной моралью, чуждый общественнымъ дѣламъ и общественнымъ интересамъ, всегда былъ готовъ торговать своимъ правомъ голоса и помогать всякимъ низкимъ и подлымъ поступкамъ. Въ Римѣ уже не было гражданъ, способныхъ интересоваться общественными дѣлами и защищать ихъ. Граждане были замѣнены отпущенниками и рабами, и этимъ то и была облегчена главнымъ образомъ побѣда варварамъ. Это же обстоятельство было причиной и неоднократныхъ внутреннихъ потрясеній.

---

1) Suétone, Néron, 11.
2) Dion Cass. Hist. rom. LXVI, 25.
3) Naudet, Secours publiques chez les Romains. Passim.

Въ Римѣ была одна разновидность рабовъ, заслуживающая особеннаго вниманія. Она родилась среди блестящей и жестокой римской цивилизаціи и умерла вмѣстѣ съ нею. Это рабы гладіаторы,—рабы для потѣхи толпы. На ихъ обязанности лежало потѣшать толпу ни чѣмъ инымъ, какъ своею смертію. Сначала гладіаторы, по приказанію господъ, боролись въ циркахъ съ дикими животными, а позднѣе боролись и другъ съ другомъ. Первоначально бои гладіаторовъ служили похоронными играми и въ первый разъ произошли въ 324 г. (до Р. Х.), на похоронахъ Брута. Въ нихъ принимало участіе три бойца. Постигшая городъ вслѣдъ за этимъ чума была признана божескимъ наказаніемъ за такую профанацію смерти. Но боговъ умилостивили жертвами, а бои возобновили: суевѣріе уступило предъ жаждой крови. Одинъ изъ боговъ, Сатурнъ, даже покровительствовалъ этимъ кровавымъ зрѣлищамъ, упиваясь кровью, струившеюся съ арены. Многіе граждане заказывали для своихъ похоронъ бои гладіаторовъ, а республика устраивала ихъ, въ видѣ награды за услуги отечеству, въ честь умершихъ великихъ гражданъ. Во времена имперіи они вошли даже въ число государственныхъ повинностей, налагаемыхъ императорами на вступающихъ въ должность: эти лица должны были устраивать для народа бои гладіаторовъ. Но граждане не могли удовлетвориться хотя и постоянными, но не частыми оффиціальными играми, и число ихъ очень увеличилось. Предъ выступленіемъ въ походъ, предводители тоже устраивали бои гладіаторовъ либо для умилостивленія боговъ, либо для закаленія солдатъ видомъ крови и ранъ. Они же служили средствомъ къ достиженію цѣли для лицъ, добивающихся изъ корыстныхъ видовъ народной любви. Постепенно количество участвующихъ въ нихъ гладіаторовъ увеличивалось. При Цезарѣ оно зашло такъ далеко, что устрашенный сенатъ долженъ былъ его ограничить 320 парами. Въ пору своего расцвѣта игры эти представляли настоящія стычки людей.

лошадей и слоновъ. Изъ Рима эти зрѣлища перешли въ провинціи, гдѣ, пользуясь народной любовью, получили такое широкое распространеніе, что нѣкоторые императоры, какъ напримѣръ Тиверій, стремились даже ограничить ихъ, но большая часть императоровъ дѣйствовала въ обратномъ направленіи. Бились не только днемъ, но и ночью, при свѣтѣ факеловъ. Траянъ однажды бросилъ на арену 10 тысячъ плѣнныхъ. Увлеченіе боями было такъ велико, что на арену выходили и свободные граждане, и императоры, и даже знатныя римскія женщины.

Гладіаторы выбирались изъ самыхъ сильныхъ и здоровыхъ плѣнниковъ Фракіи, Галліи, Германіи. Для обученія ихъ существовало много школъ, главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, извѣстныхъ своимъ здоровымъ климатомъ, какъ Равенна и Капуанья. Въ этихъ школахъ спеціальные учителя обучали ихъ правиламъ фехтованья и всевозможнымъ тонкостямъ этой жестокой профессіи, послѣднее слово которой состояло въ томъ, чтобъ упасть и красиво умереть. Чтобы разнообразить удовольствія этого зрѣлища роли гладіаторовъ видоизмѣнялись до безконечности. Существовали особые термины для обозначенія различныхъ пріемовъ борьбы. На арену, гдѣ ихъ ожидала смерть или побѣда, гладіаторы выходили многочисленными парами. Количество паръ доходило до 300, а Цезарь въ день своего тріумфа предложилъ морскую битву съ участіемъ 10 тысячъ гладіаторовъ. Въ бояхъ, доставляемыхъ народу Августомъ, сражалось также 10 тысячъ гладіаторовъ; въ 26 битвахъ съ африканскими звѣрями въ циркѣ ихъ погибло 3,500. Тотъ же Августъ устроилъ морскую битву, гдѣ сражалось 30 кораблей и огромное число триремъ. На этихъ судахъ, не считая гребцовъ, было 3.000 человѣкъ экипажа. Сами сенаторы дрессировали рабовъ для сраженій. По окончаніи счастливой войны эти зрѣлища устраивались въ теченіе 120 дней. Они продолжались вплоть до Константина.

*

Тяжелое положеніе гладіаторовъ было естественной причиной неоднократныхъ ихъ возстаній. Замѣчательнѣйшее изъ нихъ —возстаніе Спартака или война гладіаторовъ, охватившая въ 73—71 г. до Р. Х. всю Италію. Предводительствовалъ гладіаторами Спартакъ, родомъ Фракіецъ. Онъ отличался большой физической силой и способностью увлекать толпу. Къ этому еще присоединялось обаяніе чудеснаго. Когда Спартака въ первый разъ привели въ Римъ для продажи, однажды вечеромъ вокругъ его лица обвилась змѣя, не нарушивши его тихаго, спокойнаго сна. По толкованію его жены, занимавшейся гаданьемъ, этотъ фактъ предвѣщалъ Спартаку могущество и власть, соединенную съ счастливымъ концомъ.

Одинъ отпущенникъ, Лентулій (Lentulus), содержалъ въ Капуѣ школу гладіаторовъ, для того, чтобы отдавать ихъ внаймы знатнымъ Римлянамъ для разныхъ игръ и празднествъ. Однажды 200 человѣкъ изъ этой школы, большею частью Галлы и Фракійцы, составили заговоръ и рѣшили убѣжать. Хотя заговоръ былъ открытъ, но 78 человѣкъ успѣли спастись бѣгствомъ. Дорогой они встрѣтили повозку, нагруженную оружіемъ для гладіаторовъ, овладѣли ею и разбили высланный противъ нихъ изъ Капуи отрядъ, послѣ чего съ гордостью промѣняли копья гладіаторовъ на оружіе солдатъ. Бѣглецы направились къ Везувію. Изъ Рима противъ мятежниковъ выступилъ преторъ Клавдій. Онъ овладѣлъ единственной тропинкой, ведшей на Везувій, гдѣ расположился Спартакъ со своими товарищами. Но бѣглецы, устроивши себѣ по склону горы лѣстницы изъ виноградныхъ лозъ, неожиданно напали на войско Клавдія и разбили его. Этотъ первый успѣхъ привлекъ къ нимъ толпы пастуховъ и значительно увеличилъ ихъ силы. Они разбили новый отрядъ, высланный противъ нихъ подъ предводительствомъ Варинія. Но Спартакъ очень хорошо понималъ, что имъ не справиться съ римскимъ могуществомъ, поэтому хотѣлъ

пробраться къ Альпамъ, чтобъ оттуда каждый могъ отправиться на родину и уже тамъ наслаждаться своей свободой. Но его товарищи, развращенные рабствомъ, искали въ свободѣ только возможности отомстить за себя, насладиться послѣ убійствъ всѣми излишествами роскоши, которой они успѣли вкусить въ рабствѣ, заставить въ честь умершаго товарища сражаться самихъ римлянъ въ качествѣ гладіаторовъ — и отказались слѣдовать за Спартакомъ. Произошло разногласіе. Германцы-рабы отдѣлились, но были разбиты Римлянами. Спартакъ отомстилъ за это пораженіемъ двухъ консуловъ и очистилъ себѣ дорогу къ сѣверу. Но его остановилъ разливъ рѣки По. Онъ уступилъ желанію товарищей и хотѣлъ пойти на Римъ. Для облегченія похода были умерщвлены плѣнники и вьючныя животныя, сожжена добыча, но потомъ Спартакъ вдругъ самъ остановился, не разсчитывая на силу своего войска. Онъ расположилъ свои отряды въ Туріумѣ, привлекалъ туда рабовъ обѣщаніемъ свободы, заботился о снабженіи своей арміи всѣмъ необходимымъ и укрѣплялъ ее упражненіями.

Римъ, угрожаемый еще войной со стороны Испаніи и Азіи, былъ объятъ ужасомъ, и никто не рѣшался выступить противъ Спартака. Послѣдній господствовалъ въ Италіи болѣе двухъ лѣтъ. Наконецъ Лициній Крассъ вызвался выступить противъ него съ шестью легіонами, употребивши всѣ усилія, чтобъ возможно лучше дисциплинировать ихъ. Въ арміи же Спартака происходили въ это время раздоры: Галлы и Германцы отдѣлились. Спартакъ рѣшилъ вызвать еще войну въ Сициліи, переправивши туда двѣ тысячи человѣкъ изъ своего отряда, но пираты, обѣщавшіе свое содѣйствіе въ переправѣ, получивши впередъ условленную плату, обманули его. Спартакъ расположился лагеремъ на полуостровѣ Регіумѣ. Крассъ велѣлъ вырыть громадный ровъ и укрѣпить его толстой стѣной, чтобъ закрыть непріятелю вы-

ходъ и уморить его голодомъ. Въ одну снѣжную ночь Спартакъ засыпалъ ровъ и перешелъ черезъ него съ частью своего войска. Крассъ въ страхѣ написалъ въ Римъ, чтобы для помощи ему вызвали Лукулла изъ Азіи и Помпея изъ Испаніи, но скоро раскаялся въ этомъ, боясь, чтобъ успѣхъ побѣды не былъ приписанъ кому нибудь другому, и поторопился самъ кончить войну. Онъ далъ битву мятежникамъ, въ которой ихъ погибло до 12 тысячъ человѣкъ. Спартакъ удалился въ горы, преслѣдуемый врагами, но внезапно обратился противъ нихъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Послѣ этого онъ хотѣлъ продолжать путь во Фракію, но товарищи криками и угрозами заставили его идти противъ Римлянъ. Въ это время уже приближался Помпей. Крассъ велѣлъ окружить Спартака окопами. Предъ началомъ битвы, когда Спартаку привели лошадь, онъ велѣлъ умертвить ее, говоря, что если онъ побѣдитъ, у него будетъ много хорошихъ лошадей, а если его побѣдятъ, то въ ней не будетъ нужды: онъ пробился сквозь ряды непріятелей, чтобъ найти Красса, но скоро самъ погибъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами.

Отъ грозной арміи гладіаторовъ остались очень немногіе, которые и направились къ сѣверу, чтобъ перебраться черезъ Альпы. Но тамъ встрѣтилъ ихъ Помпей и разбилъ. Пять тысячъ человѣкъ пало въ битвѣ. Одержавши побѣду, сенатъ не пожалѣлъ враговъ, нагнавшихъ ему столько страха: шесть тысячъ крестовъ было воздвигнуто на дорогѣ изъ Капуи въ Римъ и по ней радостные и увѣнчанные цвѣтами побѣдители вступили въ Вѣчный городъ, провожаемые криками и проклятіями несчастныхъ жертвъ.

II ДОБАВЛЕНІЕ КО II ГЛАВѢ.

Отношеніе къ рабству философіи и христіанства.

(Tourmagne. Histoire de l'esclavage).

Еще до появленія христіанства или скорѣе до его обнаруженія, что относятъ обыкновенно къ концу 2-го столѣтія, рабство начало уже численно уменьшаться, такъ какъ перестало пополняться путемъ войнъ. Въ то же время рабы, ввозимые изъ Греціи, возбуждали въ римлянахъ уваженіе къ знанію и къ занятію науками, чему и предавался римлянинъ въ мирное время. Въ качествѣ наставниковъ дѣтей господина, рабы-греки обучили нѣсколько поколѣній. Именно такимъ путемъ Полибій и Теренцій пріобрѣли дружбу Сципіона и Ленія. Высшая, утонченная цивилизація повлекла за собой смягченіе нравовъ, доказательствомъ чего съ одной стороны являлись законы, издаваемые императорами, а съ другой—философскія ученія, все болѣе и болѣе стремившіяся умѣрить строгость рабства.

Давно уже Филиппъ разгромилъ Грецію, а побѣды его сына затмили тотъ блескъ, который она пролила въ міръ. Древняя Эллада томилась въ позорѣ и уныніи. Въ этой средѣ, тревожной и безсильной, развивалась ненависть. Между тѣмъ сосредоточенное напряженіе греческой мысли разрѣшилось появленіемъ философскихъ идей, выразившихся въ двухъ философскихъ школахъ. Первая, привлекшая людей слабыхъ, главнымъ образомъ принимала совершившійся фактъ и искала только счастья, какъ

единственнаго блага въ этомъ мірѣ, во всѣхъ видахъ, въ какихъ оно могло проявляться, и относилась безучастно ко всему, что не являлось счастьемъ. Это была школа Эпикура, благородная и чистая при своемъ происхожденіи, но искаженная впослѣдствіи его учениками. Другая школа изъ людей озлобленныхъ, съ Зенономъ во главѣ, называлась стоической. По ея ученію, человѣкъ былъ гражданиномъ всего міра вообще, а не того или другого города, поэтому онъ долженъ любить всѣхъ себѣ подобныхъ; въ жизни человѣкъ долженъ быть наиболѣе всего занятъ исполненіемъ долга. Антисоенъ, слѣдуя этому пути, поучалъ и нищихъ, и рабовъ, внушая имъ дурное обращеніе съ тѣломъ, презрѣніе къ удовольствіямъ и страданіямъ и сосредоточеніе на чувствѣ долга. Вмѣстѣ съ Діогеномъ онъ образовалъ школу циниковъ, кстати сказать, далеко не заслуживающую при ближайшемъ разсмотрѣніи того презрѣнія, которымъ ее надѣлили.

Эти ученія чистой и возвышенной морали, не сразу вышли за предѣлы Греціи, породившей ихъ: только тогда, когда Римъ лишился свободы, а жестокости и безуміе Нерона привели въ ужасъ честныя сердца, вспомнилась порабощенная Греція, и ученіе «философовъ Портика» (stoa), т. е. стоиковъ нашло подходящую почву. Особенное уваженіе пріобрѣла философія Зенона.

Мы уже видѣли, что среди древнихъ философовъ Аристотель считалъ рабство естественнымъ и необходимымъ явленіемъ и даже исключалъ раба изъ рода человѣческаго. Его подражатели въ Римѣ говорили тоже самое, можетъ быть, съ тѣмъ же презрѣніемъ, но съ нѣкоторымъ милосердіемъ. Варронъ и Колумелла ссылались на Аристотеля, доказывая, что рабъ есть только орудіе [1]). Цицеронъ отличался большимъ благодушіемъ [2]): рабъ Тиронъ былъ даже его задушевнымъ другомъ. Тѣмъ не

---

1) Varron. De rust. XVII.
2) Cic. De rep. III, 25

менѣе онъ требуетъ освобожденія гражданина отъ всякаго труда, дозволяя ему только земледѣліе, крупную торговлю и умственныя занятія; къ ремесламъ же и наемному труду онъ питаетъ только презрѣніе, считая заработную плату залогомъ рабства [1]). Послѣ Эпикура, Лукрецій считаетъ рабство и свободу, равно какъ и бѣдность и богатство случайными обстоятельствами, которыя не должны волновать человѣка, потому что они не касаются его природы [2]). Кто же свободенъ? спрашиваетъ Горацій. «Мудрецъ. Человѣкъ всегда чей нибудь рабъ, но въ самомъ худшемъ рабствѣ держатъ человѣка страсти. Только тотъ истинно свободенъ, кто умѣетъ освобождаться отъ нихъ». Такъ думали стоики (за одно столѣтіе до Р. Х.). Таково было отношеніе къ рабству греческой философіи въ Римѣ.

Діонъ Хризостомъ въ свою очередь утверждаетъ, что истинно свободенъ только мудрецъ, умѣющій различать, что хорошо. Отрицая реальность рабства, онъ все же даетъ господамъ нѣкоторые уроки гуманности: «нужно повелѣвать съ милосердіемъ, говоритъ онъ, и снисходить къ справедливымъ желаніямъ рабовъ. Отдыхъ подготовляетъ къ труду» [3]). «Если природа, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не установила наслѣдственнаго рабства, то ни рожденіе, ни война не создадутъ расы рабовъ, не присваивая правъ семьи и природы» [4]).

Эпиктетъ, бывшій нѣкогда рабомъ, достигаетъ еще большей высоты мысли. Оставляя чистое умозрѣніе Зенона и школы стоиковъ, онъ превращаетъ стоическую философію въ моральную и политическую доктрину. За нимъ въ томъ же направленіи слѣдуютъ Сенека, Персій (Perse) и Маркъ Аврелій. По Эпиктету, «рабъ, желающій быть свободнымъ, долженъ измѣнить свой внутренній

---

1) De off., l. 42.
2) Lucrèce. l, 456.
3) Ab. Stob. Florileg. LXII, 46.
4) Orat. XI, 238.

міръ, а не свое положеніе раба. Онъ не нуждается въ сожалѣніи. Тотъ же, кто огорчается своимъ положеніемъ, даже не заслуживаетъ сожалѣнія» [1]).

Но это не мѣшаетъ Эпиктету рекомендовать умѣренность по отношенію къ рабамъ и въ обхожденіи съ ними. По его мнѣнію, свободному человѣку не должны служить рабы, свободный человѣкъ не долженъ оставлять въ рабствѣ тѣхъ, кто живетъ съ нимъ вмѣстѣ. Подобнымъ безстрастіемъ отличается и Маркъ Аврелій, ученикъ Эпиктета. Каждая строка его «Мыслей» свидѣтельствуетъ объ этомъ. «Нужно жить, говоритъ онъ, сообразно съ разумомъ. Добродѣтель есть искусство сдѣлаться хорошимъ. Человѣкъ становится хорошимъ, господствуя надъ своими страстями, которыя составляютъ болѣзнь души, и достигаетъ совершенства, распространяя возможно дальше власть разума» [2]). Слѣдуетъ замѣтить, что законы Марка Аврелія были лучше чѣмъ его мысли, потому что они смягчали положеніе рабовъ въ Римской имперіи, ограничивая права господина надъ рабомъ. (II столѣтіе послѣ Р. Х.).

Плутархъ находилъ, что кротость оказываетъ такое же дѣйствіе, какъ и строгость, и даже не допускалъ вспыльчивости противъ рабовъ. «Прогонять рабовъ или продавать ихъ, когда они достигнутъ старости,—это достойно только души низкой и гнусной» [3]), говорилъ онъ.

Плиній смотрѣлъ на своихъ рабовъ, какъ на дѣтей. Онъ заботился объ ихъ благосостояніи и о ихъ здоровьѣ и старался облегчить ихъ послѣднія минуты, если ему приходилось терять ихъ [4]). Эти благодѣтельные примѣры еще въ большей степени, чѣмъ философскія системы, рекомендовавшія ихъ, должны были оказать значительное вліяніе на нравы, отраженіемъ которыхъ онѣ, въ свою очередь,

---

1) Epict. Frag. 44. (Рус. пер. Изд. «Посредника»).
2) Marc-Aurèle, H. II. 8. (Рус пер. Изд. Суворина и «Посредника»).
3) Plut. Cat. maj., V.
4) Ep. V, 19.

служили. И кто могъ бы сомнѣваться въ этомъ, слушая правила Сенеки, такъ выдѣляющагося въ стоической школѣ?

Оставляя въ сторонѣ ученіе Платона и Аристотеля, Сенека первый провозгласилъ братство человѣческаго рода, указывая на знаменитое изреченіе: «Homo sum, nihil humanum a me alienum esse puto» [1]). Его возвышенная мораль, превосходящая своей гуманностью и чистотой всѣ моральныя системы античнаго міра, наиболѣе приближается къ евангельской. Онъ осуждаетъ войну съ ея ужасами и спрашиваетъ, почему наказываютъ одного человѣка за убійство другого, а того, кто убиваетъ цѣлый народъ, прославляютъ? «Не стыдно ли проливать кровь людей, созданныхъ для мягкаго обращенія?»

Каждый человѣкъ долженъ быть священнымъ для другого человѣка и не долженъ лишаться жизни ради игры или забавы. Вотъ почему Сенека такъ энергично порицалъ бои гладіаторовъ [2]). Защищая интересы этихъ послѣднихъ, онъ защищалъ и интересы рабовъ. До сихъ поръ ни законъ, ни юристы не заботились о смягченіи участи тѣхъ, кто считался только вещью. Сенека требовалъ, чтобы съ ними обращались кротко и называлъ ихъ своими «друзьями низшаго разряда». «Всѣ мы, говорилъ онъ, сложены изъ одинаковыхъ составныхъ частей, всѣ мы одного происхожденія. Если тѣло раба и подчинено господину, душа его остается свободной» [3]).

Такова была та общая идея о братствѣ людей, которую развивали философы. Для нихъ, также какъ и для Цицерона, весь міръ составляетъ единое цѣлое; общія узы должны соединять всѣ племена; во всемъ мірѣ отъ одного конца до другого существуютъ только сограждане. Идя далѣе, Сенека не останавливается на требованіи лишь снисхожденія и кротости: онъ рекомендуетъ и «не-

[1]) Sénèque, Ep. XCV, 53.
[2]) De trang., an., 1, Fc. 9.—Ep. XCV, 33.
[3]) De beneficiis, III, 28.

устанную благотворительность и щедрость по отношенію ко всѣмъ страдающимъ... Онъ рекомендуетъ протянуть руку помощи потерпѣвшему кораблекрушеніе, указать путь заблудшему, раздѣлить хлѣбъ съ голоднымъ» [1]. Вотъ правила высшаго милосердія, преподаваемыя Сенекой Но онъ идетъ еще далѣе. Онъ требуетъ сердечной любви къ ближнимъ; той любви, которая утѣшаетъ страждущихъ сочувствіемъ. Подобно христіанину, онъ требуетъ, чтобы «подавали нищимъ милостыню, выкупали раба и гладіатора».

Устремляясь въ еще болѣе возвышенныя сферы, онъ говоритъ: «нужно помогать своимъ врагамъ и дѣлать это съ кротостью, грѣшника нужно встрѣчать кротко и отечески и вмѣсто преслѣдованія стараться обратить его на истинный путь». Потомъ онъ рекомендуетъ производить каждый вечеръ испытаніе своей совѣсти «посредствомъ того священнаго разума, который обитаетъ въ насъ»... И сейчасъ же самъ показываетъ примѣръ: «когда уносятъ свѣтъ изъ моей комнаты, жена моя, знающая мои привычки, молчитъ. Тогда я подвергаю изслѣдованію весь мой день, разбираю всѣ мои слова и всѣ мои поступки»... [2]).

Сенека не былъ первымъ и единственнымъ философомъ своего времени, раздѣлявшимъ подобныя чувства: онъ не былъ новаторомъ, и его мудрость есть только резюме философскихъ ученій прошлыхъ столѣтій. Его учителями были Кризиппъ, Клеантъ, Эпикуръ. До него Аттала публично восхвалялъ бѣдность и доказывалъ, какъ безполезно все то, что превосходитъ необходимое. Пиѳагореецъ Соціонъ воспламенялъ его своими рѣчами объ умѣренности и цѣломудріи. Совѣтъ о воздержаніи и испытаніи своей совѣсти исходилъ изъ школы Пиѳагора, равно какъ и великія идеи о любви къ ближ-

1) De Clementia, I, 18.
2) De serenitate animae. Passim.

нему и братствѣ человѣческаго рода, которыя онъ развивалъ такъ охотно. Не подлежитъ сомнѣнію, въ самомъ дѣлѣ, что философы и мудрецы Греціи и Рима еще до него выражали эти великія мысли и что тогда онѣ составляли общее основаніе, на которомъ покоилась философія цѣлые вѣка.

Эти общія правила гуманности, упавшія съ такой высоты, должны были принести свой плодъ въ римскомъ обществѣ. Они проявились и въ законахъ, вышли изъ области личной морали и, путемъ законодательства, сдѣлались однимъ изъ общихъ условій, регулирующихъ отношенія человѣка къ человѣку, господина къ рабу.

Во II главѣ этой книги уже сказано, что подъ общимъ вліяніемъ этихъ великихъ принциповъ смягчилось положеніе рабовъ путемъ законодательства. О смягченіи формъ рабства начиная уже со II вѣка свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ фактовъ, отчасти уже указанныхъ выше.

Антонинъ въ 138 г. уничтожилъ неограниченную власть отца семьи, отнявши у него также и право жизни и смерти надъ своимъ ребенкомъ. Въ то же время было запрещено право подкидыванія и продажи [1]) (которое разъ запрещено было и раньше). Антонинъ повелѣлъ даже, чтобъ ребенокъ, зачатый въ свободномъ состояніи и рожденный въ рабствѣ рабомъ, былъ возвращаемъ на свободу [2]). Если господинъ злоупотреблялъ своимъ рабомъ или если требовалъ отъ него услугъ, несоотвѣтствующихъ его положенію или характеру (если, напр., банщика и музыканта хотѣлъ заставить чистить отхожія мѣста), то это считалось злоупотребленіемъ собственностью и доходило до суда [3]). По постановленію Марка Аврелія въ 161 г., если рабъ появлялся предъ судомъ въ качествѣ свидѣтеля или обвиняемаго, съ нимъ уже должны были обра-

1) Pline. Ep., X, 72.
2) Diog. L, I. t. XI.
3) D., VII, I, de us.

щаться не какъ съ вещью, а какъ съ лицомъ, за которымъ признаны извѣстныя права [1]).

Послѣдующіе императоры не всѣ въ равной степени отличались гуманными мѣрами. Если одни и слѣдовали гуманному направленію, то другіе являлись жестокими и кровожадными. Септимій Северъ, даже Каракалла (211) твердо придерживались хорошихъ традицій. Даже Домиціанъ въ 284 г., вступивши на путь Антонина, высказывается на каждомъ шагу въ пользу свободы. Онъ запрещаетъ человѣку продаваться въ рабство, а его кредитору порабощать его [2]). Подъ большимъ страхомъ суровыхъ наказаній онъ запрещаетъ также изувѣчиваніе рабовъ и торговлю свободнымъ человѣкомъ. При продажѣ законной, дѣти не могутъ быть разлучены съ отцомъ. Рабъ имѣетъ право жаловаться въ судъ на господина за злоупотребленіе властью. Въ тоже время законодательство признаетъ нѣчто вродѣ естественнаго права раба, получающаго свободу, на peculium и на вступленіе въ бракъ [3]).

Извѣстенъ фактъ, что когда произошло убійство одного господина, всѣхъ его рабовъ безъ различія признали участниками преступленія [4]); ихъ было распято около 400 человѣкъ, не смотря на ропотъ народа. Императоръ постановилъ, чтобы наказанію подлежали только тѣ, которые находились довольно близко отъ мѣста преступленія, и могли знать о немъ [5]), и чтобы пытка примѣнялась къ свидѣтелю или преступнику только въ такомъ случаѣ, когда слишкомъ очевидна была вѣроятность преступленія [6]). Всѣ запасныя преграды, выдвигаемыя древнимъ правомъ противъ освобожденія, исчезли одна за другой, а во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ одерживала верхъ сво-

---

[1]) C. J., IX, IV.
[2]) C. J., VII, XVI, de libirali causa.
[3]) Dig. L, XVII.
[4]) Dig. XXIX, t. V.
[5]) C. Just., VI, XXXV.
[6]) Dig. XL XIII, de questionibus.

бода. Патронъ въ случаѣ нужды долженъ обезпечить пропитаніе своему отпущеннику, и не имѣетъ права настолько обременять его трудомъ, чтобы тотъ не мѣшалъ ему содержать свою семью; такіе случаи даже разсматривались въ судѣ. Достигнувъ 50 лѣтъ, рабъ освобождался отъ уплаты аренды господину, и эта повинность не переходила на его сына [1]). Въ теченіе первыхъ вѣковъ имперіи было много издано всякихъ другихъ предписаній хотя и менѣе важныхъ, но тѣмъ не менѣе благопріятныхъ для рабовъ. Всей своей совокупностью и безпрерывностью они свидѣтельствуютъ о томъ гуманномъ вѣяніи, которое проникло въ нравы и во дворцы императоровъ.

Итакъ, новый духъ одушевилъ право и законодательство. Рабъ уже не былъ вещью. Было признано равенство въ естественномъ правѣ. Не смотря на это, самая законность рабства не оспаривалась и ничто не давало предчувствовать, что потребуется скоро и его уничтоженіе. Законодательство стремилось къ мягкости, къ облегченію, но не къ свободѣ. И само это вліяніе, совершенно неизвѣстное въ республикѣ, проявилось только въ имперіи. Оно должно быть приписано философскимъ направленіямъ и тому смягченію нравовъ, которое они обусловили. Проникнутые имъ императоры не переставали въ продолженіе трехъ первыхъ столѣтій рядомъ рескриптовъ способствовать улучшенію участи рабовъ.

Было бы ошибкой приписывать вышеуказанныя перемѣны лишь распространенію новаго иноземнаго ученія. Христіанство проникло въ Римъ лишь къ концу 2-го столѣтія: сами императоры не переставали его преслѣдовать вплоть до царствованія Константина (330).

Первое преслѣдованіе христіанъ явилось при Клавдіи, который проявлялъ весьма гуманное отношеніе къ рабамъ (53 г. до Р. Х.), второе при Неронѣ отъ

---

[1]) Dig. XXXV, 111.

64—68 г., третье при Діоклетіанѣ (отъ 90—96 г.). Преслѣдованія продолжались также при Траянѣ, Адріанѣ, Антонинахъ и Маркѣ Авреліи (161—174). Каждое царствованіе отмѣчено гоненіемъ христіанъ. Отъ нихъ не свободно было даже царствованіе Діоклетіана, столько сдѣлавшаго для рабовъ (303—310). Это было 13-е гоненіе. Только съ воцареніемъ Константина роли перемѣнились и начались преслѣдованія язычниковъ (330). Очевидно, въ эти три столѣтія императоры не могли находиться подъ вліяніемъ христіанскаго ученія. Только внушенія философіи, не чуждой и нѣкоторымъ изъ нихъ, направили ихъ дѣйствія въ сторону благорасположенія къ участи рабовъ.

Среди такихъ-то стремленій мало-по-малу и распространялось все болѣе и болѣе христіанство. Такимъ образомъ, съ самого же начала оно для себя нашло почву прекрасно подготовленную. Справедливость требуетъ замѣтить, что, несомнѣнно, оно внесло въ освобожденіе рабовъ санкцію евангельской морали.

Іисусъ сказалъ: «любите другъ друга». Святой ап. Павелъ, согрѣвая это ученіе своимъ дыханіемъ, сказалъ послѣ Него: «нѣтъ раба, ни свободнаго: ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ» [1]). Къ этимъ святымъ словамъ онъ прибавилъ нижеслѣдующія: «нѣтъ другаго рабства, кромѣ рабства грѣха». Не осуждая собственно рабства, онъ отсылаетъ назадъ къ господину раба Онисима, который искалъ себѣ прибѣжища возлѣ него [2]). «Рабъ, призванный въ Господѣ, есть свободный Господа, равно и призванный свободнымъ есть рабъ Христовъ» [3]). «Господа, говоритъ онъ далѣе: оказывайте рабамъ должное, и справедливое, зная, что и вы имѣете Господа на небесахъ» [4]). Святой Петръ и Святой Павелъ поучали въ сво-

---

1) Гал. III, 28.
2) Посл. къ Филимону, I, 10.
3) I Коринѳ. VII, 22.
4) Колос., IV, 1.

ихъ посланіяхъ, чтобы господинъ любилъ своихъ рабовъ и считалъ ихъ равными себѣ, поскольку они люди. Пусть господинъ, имѣющій вѣрнаго раба, любитъ его какъ сына или брата, во имя той общей вѣры, которая ихъ соединяетъ...

Оригенъ во 2-мъ столѣтіи слѣдующими словами подтверждаетъ эти возвышенныя наставленія: «не повелѣвай съ жестокостью твоему рабу, который такъ же какъ и ты надѣется на Спасителя». Онъ требуетъ, чтобъ съ рабомъ обращались какъ съ самимъ собою, «потому что онъ человѣкъ и чадо Божіе, подобное намъ».

Св. Климентъ (110) считаетъ, подобно святому Павлу, что только порокъ составляетъ рабство и въ этомъ отношеніи онъ слѣдуетъ и ученію стоиковъ, процвѣтавшему въ то время.

Іустинъ (114) наканунѣ своего мученичества, смѣло напоминалъ Римлянамъ о принципѣ всеобщаго братства. Тертулліанъ и Минуцій Феликсъ (160) въ свою очередь взывали, во имя всего человѣчества, къ той же общности происхожденія и къ тому же братству. «Развѣ Богъ создалъ души для того, чтобъ подчинить ихъ рабству, восклицаетъ Арнобій: чтобъ дать одному человѣку право надъ другимъ и ниспровергнуть такимъ образомъ права рожденія?»

Таковы голоса, правда, весьма немногочисленные, раздававшіеся въ защиту рабовъ въ продолженіе трехъ первыхъ вѣковъ церкви, среди равнодушія народа и гоненій императоровъ. Они говорятъ о равенствѣ всѣхъ людей предъ Богомъ и о братствѣ, доходящемъ до общности имуществъ, осуществляемой на практикѣ по примѣру апостоловъ и ихъ учениковъ. Но они не говорятъ о томъ, что рабство, какъ учрежденіе, должно быть уничтожено. Въ этотъ періодъ времени, когда преслѣдованіе христіанъ чередовалось съ терпимымъ отношеніемъ къ нимъ, никто ни изъ среды его защитниковъ, ни изъ среды враговъ не говоритъ объ уничтоженіи рабства, какъ слѣдствіи этого новаго ученія.

Между тѣмъ это послѣднее, ограничивавшееся вначалѣ низшими классами, мало-по-малу достигаетъ и высшихъ, а вскорѣ привлекаетъ къ себѣ Тертулліана и Лактанція, затѣмъ въ лицѣ жены и дочери Діоклетіана проникаетъ и ко двору (284 г. послѣ Р. Х.).

Если до сихъ поръ вліяніе философіи, входя въ нравы трехъ первыхъ столѣтій вдохновляло царствовавшихъ императоровъ, то съ 4-го вѣка, какъ только новое ученіе, достигши ступеней трона, восторжествовало вмѣстѣ съ отцами церкви,—произошло внезапное движеніе въ обратномъ духѣ. Съ этого времени стоическая философія была отвергнута христіанскими императорами. Она привлекала къ себѣ все меньше и меньше приверженцевъ [1]) и исчезла вмѣстѣ съ имперіей. Подъ наплывомъ теологіи и схоластики даже имя ея было забыто, и она возродилась только въ 17-мъ столѣтіи. Было бы несправедливо упрекать стоическую философію въ томъ, что она не восторжествовала надъ рабствомъ. Удаляясь, она уступила мѣсто новому ученію. Теперь только законы стало одушевлять съ вершины трона христіанство.

Язычникъ Траянъ во II вѣкѣ запретилъ подкидываніе и продажу дѣтей. Константинъ въ IV вѣкѣ возобновилъ эдиктъ Траяна и приказалъ, чтобы не только дѣти снабжались необходимой пищей и одеждой, но чтобы и бѣднымъ родителямъ помогала казна. Это уничтожило одинъ изъ самыхъ значительныхъ источниковъ рабства. Константинъ возобновилъ также подъ страхомъ самыхъ строгихъ наказаній запрещеніе продавать свободнаго человѣка и подвергать должника пыткѣ. Господинъ не только лишался права жизни и смерти надъ рабомъ, но являлся отвѣтственнымъ также за всякую жестокость и варварство по отношенію къ нему [2]). Но, по необъяснимому противорѣчію, этотъ же самый милостивый государь

1) Ср. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Изд. О. Н-повой. Ц. 75 к.
2) Code Th. IX—XIV.

бросалъ звѣрямъ на арену столько плѣнныхъ, что даже лютые звѣри утомлялись пожирать ихъ. Этотъ фактъ дважды подтверждаетъ одинъ панегиристъ Константина [1]). Отцы собора 321 г. заговорили съ нимъ другимъ языкомъ и несомнѣнно подъ ихъ вліяніемъ запрещены были въ амфитеатрѣ сраженія осужденныхъ, хотя еще и не кровавыя игры гладіаторовъ. Въ тоже время многіе указы благопріятствовали ходу освобожденія, которое должно было происходить въ церкви, въ присутствіи народа и давало права римскаго гражданства. Въ одномъ изъ рескриптовъ императоръ объявилъ, наконецъ, что права свободы не допускаютъ никакой давности.

Отцы церкви ратовали противъ общественныхъ зрѣлищъ и въ особенности противъ зрѣлищъ частныхъ, устраиваемыхъ въ дни семейныхъ праздниковъ. Рескриптами императоровъ, церкви давалось право освобождать тѣхъ, кто желалъ избѣжать гладіаторства или позорной профессіи комедіанта. Но церковь не могла еще восторжествовать надъ пристрастіемъ римлянъ къ этого рода зрѣлищамъ [2]). Въ данномъ случаѣ ей помогла бѣдность, по причинѣ которой, какъ сообщаетъ Мюллеръ, всѣ театры къ концу пятаго вѣка закрылись [3]). Бѣдностью же было вызвано и то, что снова было дано позволеніе отцамъ продавать своихъ новорожденныхъ младенцевъ, чтобы спасти ихъ отъ смерти, которой угрожала нищета семьи [4]).

Христіанское вліяніе, воздѣйствовавшее на большую часть актовъ Константина, хотя иногда и дѣлая уступки общественной необходимости, продолжалось и въ законахъ Констанція, Валентиніана и Θеодосія, такъ же какъ и при ихъ слабыхъ наслѣдникахъ, вплоть до Ромула Августула, съ которымъ и кончилась восточная им-

[1]) Gumenius, Panég. de Const., an. 350.
[2]) Code Théod., XV, De Scenicis.
[3]) Calvien, VI, 8.
[4]) Code Théod., V—VII, De Expositis.

перія въ 476 г. Съ особенной силой оно проявляется въ законодательныхъ актахъ Юстиніана.

Торжество христіанства дало христіанскому духовенству свободу распространять свое ученіе по всѣмъ концамъ имперіи. Съ этого лишь момента его вліяніе, до того времени почти скрытое, начинаетъ проявляться съ особенной силой. Духовнымъ предоставлена свобода слова и дѣйствія. Святой Павелъ сказалъ: «рабство—это есть грѣхъ», Климентъ неоднократно проводилъ ту мысль Платона, что порокъ одинъ создаетъ рабство, а добродѣтель свободу. Духовенство IV вѣка продолжаетъ дѣлать подобныя же заимствованія у современной философіи, и подъ ихъ перомъ постоянно возрождаются аргументы Эпиктета. Іеронимъ говорилъ, что освобожденіе заключается лишь въ познаніи истины (346). Иларій называетъ царями тѣхъ, которые не порабощены своими страстями и умѣютъ управлять ими; онъ учитъ также, что какъ бы ни было жестоко рабство, къ нему нужно относиться съ презрѣніемъ, потому что оно касается только тѣла. Святой Амвросій, вмѣстѣ съ св. Павломъ и философами, доказывали, что всѣ люди—рабы судьбы, страстей и случайностей жизни. Одинъ только мудрецъ свободенъ, исполняя свой долгъ, каковъ бы онъ ни былъ. Эта смѣсь философскихъ и христіанскихъ аргументовъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ произведеній Амвросія, особенно въ его письмѣ къ Симплиціану, гдѣ онъ доказываетъ, что наша свобода состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ познаніи мудрости [1] (397).

Эти же самыя идеи о природѣ рабства и о свободѣ, съ тѣмъ же философскимъ и религіознымъ оттѣнкомъ, встрѣчаются у двухъ писателей, наиболѣе прославившихъ великую эпоху церкви: у Августина и Іоанна Златоуста (407—430). По ихъ ученію, человѣкъ сотворенъ по образу Божію; одинъ грѣхъ повелъ его къ паденію. Грѣхъ

[1]) De vita beata, passim.

низвелъ путемъ проклятія въ низшее состояніе женщину, равно какъ и племя Хама. Такъ продолжалось до Іисуса Христа, но съ этого момента человѣкъ былъ искупленъ отъ грѣха, а, слѣдовательно, и отъ рабства. Всѣ рабы Божіи получили освобожденіе и стали его дѣтьми [1]). Тѣ-же писатели провозвѣщали также величіе и единство человѣческихъ племенъ; если паденіе повлекло за собой рабство, то оно искуплено Іисусомъ Христомъ. Это ученіе тоже не влечетъ за собой уничтоженія рабства, на которое они смотрятъ, какъ на наказаніе или искупленіе для грѣшника. Рабъ долженъ покоряться своей участи: повинуясь господину, онъ повинуется Богу. Служить Богу—значитъ обладать истинной свободой [2]).

Таковы поученія рабамъ. Но отцы церкви указываютъ не только рабамъ, но и господамъ: они поучаютъ ихъ, какъ надо повелѣвать. Святые Петръ и Павелъ формулировали эти наставленія въ своихъ посланіяхъ: «Господинъ да любитъ своихъ рабовъ и считаетъ ихъ равными себѣ». То же говорили св. Климентъ и Оригенъ въ I-мъ и II-мъ столѣтіи. Святой Амвросій (340), вдохновляясь тѣми же мыслями, настаивалъ, чтобъ господинъ помнилъ, что у раба такая же самая душа и, подобно Сенекѣ, рекомендовалъ отеческую кротость по отношенію къ рабу [3]). По наставленію святого Августина господинъ долженъ обращаться съ рабомъ, какъ съ сыномъ, и давать ему право на участіе въ наслѣдствѣ [4]). Господинъ долженъ беречь рабовъ, какъ равныхъ по свободѣ, какъ братьевъ по рабству. Отцы Церкви развивали это положеніе для того, чтобъ внѣдрить въ души людей чувство равенства. «Всѣ мы рождены въ рабствѣ; это общее условіе. Какъ ни возвышенъ господинъ, онъ не

[1]) De Civitate Dei, XIX.
[2]) De Civ. Dei., XIX, 15
[3]) Ep. 1, 11, 31.
[4]) De Civitate Dei, XIX, 16.

могъ бы его избѣжать. Нужно, чтобъ онъ служилъ Богу, волей или неволей: или какъ свободный человѣкъ или какъ рабъ. Пускай же онъ служитъ не изъ страха, но изъ любви; пусть будетъ рабомъ христіанской любви»[1]). Епископы называли себя рабами вѣрныхъ, а намѣстникъ св. Петра называлъ себя рабомъ рабовъ. Подобными примѣрами они стремились привести господъ и рабовъ къ сознанію взаимности услугъ и необходимости взаимнаго уваженія. Дѣлая еще шагъ далѣе, святой Златоустъ требуетъ, чтобъ въ домѣ господина былъ взаимный обмѣнъ услугъ для того, чтобъ не было рабства. «Пусть господа и рабы служатъ другъ другу, и подобное рабство будетъ предпочтительнѣе свободы»[2]). Этими воззрѣніями объясняется отчасти и организація тѣхъ христіанскихъ общинъ, которыя процвѣтали въ первые вѣка церкви.

Не смотря на эти трогательныя и краснорѣчивыя внушенія, въ римскомъ обществѣ почти не замѣтно было измѣненій къ лучшему, если судить по твореніямъ святого Іоанна Златоуста. Онъ съ горечью жалуется, «что дома богачей не перестаютъ быть полны рабами, что въ нихъ господствуетъ прежнее устройство и прежніе пороки». Нѣкоторые отцы церкви съ тѣмъ же ревностнымъ негодованіемъ описываютъ плачевное положеніе рабовъ среди христіанъ. Какъ и во времена Августа, теперь тоже разорялись на шутовъ, уродовъ и карликовъ[3]). Женщины еще любили показываться предъ публикой, окруженныя молодыми и красивыми рабами[4]), а если отправлялись въ баню, то въ сопровожденіи цѣлой толпы евнуховъ, отъ которыхъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти онѣ получали обыкновенныя услуги[5]). Литературные памятники

---

1) Св. Амвросій, de Vita beata.—S. Augustin.
2) Ефес.
3) Chrys., Ep. à Thimothée.
4) Saint Jérome, Ep. à Saloins, LXXXV.
5) Chrys., de dignitate Servandá.

этихъ временъ констатируютъ ту-же вспыльчивость въ приказаніяхъ, тѣ же строгости, тѣ же пытки. Не перемѣнились въ свою очередь и рабы, не смотря на внушеніе христіанства. Въ 5-мъ вѣкѣ Сальвіанъ признаетъ за рабами тѣ же самые пороки, что существовали раньше, и къ тому же чуть ли не въ большемъ количествѣ. Онъ требуетъ во всемъ этомъ отчета у господъ, такъ какъ они подаютъ рабамъ примѣръ и имѣютъ на нихъ вліяніе [1]). Рабство поддерживалось самыми потребностями извѣстнаго класса людей и привычками его къ услугамъ рабовъ. Духовенство тоже владѣло рабами, которые обрабатывали ихъ поля или оказывали имъ разныя домашнія услуги. Трудно было не имѣть рабовъ, живя въ обществѣ, гдѣ все было еще основано на рабствѣ, что и подтверждается примѣромъ Амвросія и Іеронима. Эти послѣдніе никогда не требовали уничтоженія рабства,—фактъ, указывающій, насколько это послѣднее проникло въ нравы общества. Любовь, кротость, благодушіе, принципъ равенства и братства—вотъ единственныя основанія поученій, которыя поэтому и оставались почти безъ результата въ дѣлѣ освобожденія рабовъ.

Будучи безсильны восторжествовать надъ устройствомъ общества, основанномъ на рабствѣ и эгоизмѣ, и отчаявшись въ его преобразованіи, духовенство направило свои усилія на множество мелкихъ вопросовъ, наименѣе совмѣстимыхъ съ христіанской религіей.

Даже тогда, когда христіанство уже стало господствующей религіей, рядомъ съ нимъ язычество не переставало существовать. Оно продолжало покровительствовать играмъ и зрѣлищамъ, для которыхъ по прежнему требовались рабы. Напрасно церковь выражала протестъ противъ такихъ святотатственныхъ забавъ, какъ бои животныхъ и гладіаторовъ. Онѣ существовали. Тертулліанъ съ горькимъ чувствомъ упрекаетъ языческую

---

1) Salvien De guber. Dei, IV.

религію «въ этихъ нечестивыхъ обычаяхъ, которыми она чтила своихъ боговъ и своихъ умершихъ» [1]). Кипріанъ указывалъ «на этихъ несчастныхъ, откормленныхъ для жертвы: убійство сдѣлалось ремесломъ, искусствомъ, которому обучаютъ» [2]).

Дорожа, какъ видно изъ предыдущаго, и жизнью рабовъ, церковь еще больше заботилась объ ихъ душѣ. Она осуждала театръ, какъ очагъ разврата съ его преступленіями, утонченностями и плясками. Блаженный Августинъ въ Африкѣ и среди утонченнаго разврата въ Константинополѣ возвышали въ свою очередь голоса противъ жестокостей цирка и распущенности театра [3]). Но напрасные вопли! Публика ради театра забывала все, и святой епископъ проливаетъ слезы при видѣ народа, толпой стремящагося въ гипподромъ въ то самое время, когда церковь остается пустой. Кромѣ зрѣлищъ общественныхъ, въ частныхъ домахъ устраивались игры и представленія съ цѣлой свитой мимовъ и танцовщицъ, а рядомъ съ ними находились евнухи, молодые юноши съ прелестными кудрями и безчисленное число рабовъ для всевозможныхъ услугъ. Златоустъ громогласно требуетъ освобожденія всѣхъ классовъ общества. «Зачѣмъ столько рабовъ? говоритъ онъ: нужно ограничиваться необходимымъ. Господинъ долженъ ограничиваться однимъ слугой».

Всѣми этими внушеніями церковь все-же содѣйствовала освобожденію нѣкоторыхъ рабовъ. Она помогала этому также и денежными выкупами. Святой Діонисій посылалъ въ Каппадокію уполномоченныхъ, чтобъ извлекать изъ рабства несчастныхъ братьевъ: одинъ святой епископъ продавалъ священные сосуды съ цѣлью выкупать плѣнниковъ: святой Павлинъ самъ отдался въ рабство, чтобъ избавить отъ него сына одной вдовы.

---

1) Pert. Ilien, Spect., XII, p. 78.
2) Epist, 1. Ad. Donatum.
3) De Civitate Dei. 1, 33, t. VII.

И такъ, церковь съ жаромъ работала надъ уничтоженіемъ нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ рабства, совѣтуя выкупать и сама выкупая плѣнныхъ, давая пристанище тѣмъ дѣтямъ, которыхъ продавали или подкидывали изъ-за нищеты. Вмѣстѣ съ Моисеемъ она порицала заемъ подъ проценты и требовала освобожденія заключеннаго должника. Она прославляла бѣдность, превознося ея преимущества, ту безопасность, которой она пользуется, тѣ добродѣтели, которыя она порождаетъ, напоминая въ то же время богачу о суетности, безпокойствахъ и опасностяхъ того положенія, которымъ онъ гордится. Церковь напоминала ему и объ его обязанностяхъ: «Земля есть общее достояніе. Богатый не хозяинъ, а только раздаватель имущества, даннаго ему Богомъ, милостыня есть право. Избытокъ богача есть необходимое для бѣдняка. Онъ похищаетъ у бѣдныхъ то, чего не отдаетъ имъ» [1]).

Голоса эти были услышаны, и со всѣхъ концовъ стекались благочестивые дары; всюду устраивались монастыри, больницы. Эти новыя учрежденія пришли на помощь бѣдности.

Но и вся эта преданность дѣлу, всѣ эти великодушныя мысли тѣмъ не менѣе не измѣнили римскаго общества. Господа долгое время еще продолжали имѣть рабовъ и не считались съ новой моралью. Въ тѣни христіанства, по свидѣтельству отцовъ церкви, всетаки продолжалось древнее рабство со всѣми его пороками, равно гибельными для обоихъ классовъ. Благіе результаты всѣхъ внушеній ограничились только нѣкоторымъ смягченіемъ и нѣкоторой обезпеченностью въ положеніи рабовъ.

Въ обществѣ, основанномъ на рабствѣ и столько вѣковъ практиковавшимъ его, никому и на мысль не приходило, что оно можетъ быть уничтожено безъ всякой опасности для всего строя; съ другой стороны никто и не счи-

---

[1]) I. Aug. Sermon.

талъ его незаконнымъ. Сами священники, монастыри и церкви владѣли рабами и освобождали ихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Если въ первые вѣка церкви вѣрные и отсылали своихъ рабовъ, и святые люди считали достойнымъ дѣломъ освобожденіе ихъ, нужно замѣтить все же, что подобные примѣры были рѣдки и недостаточно распространены. Церковь совѣтовала освобожденіе, но не вмѣняла его въ обязанность всѣмъ вѣрнымъ. Вотъ почему она, не смотря на все свое могущество, особенно при тѣхъ императорахъ, которые царствовали въ Константинополѣ, никогда не одержала верхъ надъ рабствомъ

ГЛАВА IV.

Переходъ къ крѣпостному праву.

Рабство рабочихъ классовъ, въ которомъ Юмъ видитъ наибольшую разницу между общественной жизнью древнихъ и новыхъ временъ, не сразу уступило мѣсто личной свободѣ: между ними существовала промежуточная стадія — крѣпостное право. Къ сожалѣнію, не всѣ историки рѣзко разграничиваютъ другъ отъ друга эти два состоянія, хотя смѣшиваніе ихъ ведетъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ. Изучая особенности этого переходнаго состоянія, мы должны имѣть въ виду слѣдующія, весьма важныя соображенія.

1) По замѣчанію Гиббона, когда римляне, преслѣдуя свою систему завоеваній и присоединенія покоренныхъ народовъ, достигли желанныхъ результатовъ и воинственная эпоха смѣнилась болѣе мирной, привозъ рабовъ извнѣ почти прекратился, и работорговля свелась на куплю и продажу рабовъ во вновь установленныхъ предѣлахъ Имперіи [1]). Правда, во время нашествій варваровъ въ третьемъ столѣтіи, въ Римѣ появлялось много плѣнныхъ, которыхъ частію заносили въ списки арміи, частію распредѣляли, въ качествѣ слугъ, по знатнымъ домамъ, а главнымъ образомъ отправляли въ провинцію, для занятія земледѣліемъ,—но правильный ввозъ ра-

---

[1]) Decline and Fall, гл. II. (Рус. пер.).

бовъ значительно сократился, и римлянамъ оставалось прибѣгать къ «болѣе кроткой, но и болѣе медленной системѣ размноженія своихъ рабовъ». Результатомъ этого было улучшеніе быта рабовъ, такъ какъ хозяева начали болѣе дорожить ихъ здоровьемъ и жизнью. Кромѣ того, это естественно влекло за собой переходъ рабства въ крѣпостное право, такъ какъ въ интересахъ каждой семьи было обезпечить за собою на неограниченное время наслѣдственное пользованіе принадлежащими ей рабами, перемѣщеніе которыхъ было сопряжено съ большими трудностями и издержками. Прекращеніе ввоза рабовъ положило конецъ и внутренней работорговлѣ, и отнынѣ рабы были прикрѣплены къ домамъ и землямъ своихъ господъ.

2) Уменьшеніе ввоза рабовъ способствовало также реабилитаціи свободнаго труда. Движеніе въ этомъ направленіи замѣчается уже начиная со второго столѣтія. Правда, часть государственныхъ должностей и всегда была предоставлена свободнымъ людямъ: такъ—мѣста помощниковъ жрецовъ и судей, а также мѣста писцовъ, ликторовъ, віаторовъ, глашатаевъ могли быть заняты только гражданами. Персоналъ служащихъ въ новыхъ административныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ императорами, также состоялъ изъ свободныхъ плебеевъ, и только низшія должности занимали рабы: въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ служили бо̀льшею частью вольноотпущенники. Такимъ образомъ, общественное дѣло и производящая промышленность государства были распредѣлены между корпораціями свободныхъ плебеевъ и общественными рабами. Нерѣдко высшіе посты на частной службѣ занимали вольноотпущенники: представителями высшихъ искусствъ—медицины, грамматики, живописи — являлись также частію вольноотпущенники и даже ingenui; наиболѣе прославленные актеры и гладіаторы были опять-таки вольноотпущенники; нѣкоторые императоры поощряли даже свободныхъ гражданъ по-

являться на подмосткахъ театра и на аренѣ. Въ мастерскихъ и на фабрикахъ богачей работали главнымъ образомъ рабы, но часто и свободные ремесленники предлагали свои услуги такимъ учрежденіямъ, или образовывали ассоціаціи, чтобы конкуррировать съ ними. Въ земледѣліи свободные наемные рабочіе были также до извѣстной степени обычнымъ явленіемъ: какъ мы сейчасъ увидимъ, они иногда были и арендаторами въ большихъ имѣніяхъ. Какимъ образомъ это могло случиться, мы поймемъ яснѣе, разсмотрѣвъ замѣчательную организацію государства, введенную Діоклетіаномъ и его преемниками.

3) Никто не имѣлъ права перемѣнить свою профессію или должность: профессіи и мѣста переходили по наслѣдству;—эта организація не далеко ушла отъ системы кастъ на Востокѣ. Цѣлью ея было несомнѣнно желаніе, посредствомъ строгой солидарности внутреннихъ интересовъ, придать государству какъ можно больше устойчивости, чтобы оно могло противостоять вторженіямъ варваровъ; затѣмъ—стремленіе упрочить порядокъ, укрѣпить промышленность и обезпечить доходы государства. Принося въ жертву личную независимость своихъ подданныхъ, государство достигало очень важныхъ результатовъ. Насколько такая система захватывала всѣ области жизни, мы поймемъ изъ слѣдующихъ подробностей.—Всѣ лица, принадлежавшія къ администраціи, были абсолютно прикованы къ своимъ должностямъ: они не имѣли права ни сами жениться, ни выдавать замужъ своихъ дочерей внѣ своей коллегіи и передавали свои обязанности по наслѣдству дѣтямъ. Если кто нибудь изъ такихъ чиновниковъ покидалъ свой постъ, его розыскивали и силою водворяли на мѣсто. Лишь въ нѣкоторыхъ, строго опредѣленныхъ случаяхъ, имъ разрѣшалось представлять замѣстителей, къ которымъ и переходила ихъ служебная отвѣтственность. Въ муниципалитетахъ, curiales, или члены городскихъ

сенатовъ были еще крѣпче прикованы къ своимъ мѣстамъ и обязанностямъ, часто сопряженнымъ съ крупными расходами: нѣкоторымъ членамъ муниципалитета предоставлено было право представлять вмѣсто себя замѣстителя, при условіи передачи ему своего имущества: но этимъ правомъ пользовались немногіе. Ихъ семьи также обязаны были оставаться при нихъ, а слуги были прикрѣплены по закону къ той коллегіи или учрежденію, въ которыхъ служилъ господинъ. Солдатъ, поступившій рекрутомъ въ армію, служилъ до тѣхъ поръ, пока старость или болѣзнь не дѣлали его негоднымъ для исполненія своихъ обязанностей, а послѣ него должны были служить его сыновья. Члены свободныхъ промышленныхъ корпорацій, по крайней мѣрѣ такихъ, которыя были признаны и урегулированы центральной или мѣстной властью, подвергались, повидимому, тѣмъ-же стѣсненіямъ. Словомъ, каждый считался слугою государства и обязанъ былъ отдавать ему свой трудъ или деньги, или то и другое. Тѣ, кто трудился только для своей собственной выгоды, считались «лѣнивыми», (otiosi), и ихъ могли насильно приписать къ какой-нибудь коллегіи, въ случаѣ убыли среди ея членовъ. Для каждаго человѣка были заранѣе предначертаны его карьера и родъ занятій: каждый, выражаясь языкомъ закона, былъ «conditionis laqueis irretitus» Такая система, отнимая у свободнаго человѣка право располагать своей личностью и выбирать родъ занятій, сокращала разстояніе между нимъ и рабомъ: съ одной стороны этотъ послѣдній, съ другой—свободный слуга и рабочій незамѣтно приближались другъ къ другу и сливались въ одномъ общемъ состояніи—крѣпостномъ.

4. Въ положеніи рабовъ земледѣльцевъ произошла соотвѣтственная перемѣна: они были зачислены въ разрядъ coloni. Римскимъ колономъ вначалѣ назывался свободный человѣкъ, бравшій землю на аренду, обязуясь по контракту выплачивать владѣльцу земли или извѣст-

ную сумму денегъ ежегодно, или (colonus partiarius) извѣстную часть продуктовъ урожая. Въ четвертомъ вѣкѣ это названіе уже обозначало земленашца, который, будучи лично свободенъ, тѣмъ не менѣе былъ прикрѣпленъ къ своему участку и передавалъ свое занятіе по наслѣдству дѣтямъ и внукамъ; вскорѣ, это названіе и связанныя съ нимъ условія жизни были распространены на всю массу римскихъ земледѣльцевъ. Санкціонируя это личное и наслѣдственное прикрѣпленіе къ землѣ, законъ, по всей вѣроятности, просто признавалъ и расширялъ положеніе вещей, существовавшее уже гораздо раньше и естественно вытекавшее изъ условій общественнаго строя, въ особенности-же изъ потребностей земледѣлія. Классъ колоновъ состоялъ частію изъ арендаторовъ по контракту, сильно оттянувшихъ взносъ арендной платы и удерживаемыхъ въ имѣніи въ качествѣ должниковъ (oboerati), частію изъ плѣнныхъ чужеземцевъ или иммигрантовъ, частію, можно предполагать, изъ людей, бѣжавшихъ отъ варваровъ, которыхъ государство такимъ образомъ вновь садило на землю, затѣмъ, изъ мелкихъ землевладѣльцевъ и другихъ бѣдняковъ, которые добровольно принимали порядокъ вещей, улучшавшій ихъ положеніе. Они отдавали владѣльцу имѣнія опредѣленную часть продуктовъ урожая (pars agraria), а также должны были работать опредѣленное количество времени (operæ) на землѣ, которую онъ оставлялъ за собой (mansus dominicus). Законъ долго не обращалъ вниманія на такой порядокъ вещей, освященный обычаемъ, и не занимался систематически земленашцами до четвертаго вѣка. Но требованія фиска и воинской повинности заставили государство наконецъ урегулировать положеніе колоновъ. Они были внесены (adscripti) въ списки гражданъ, платящихъ государственные налоги, но отвѣтственнымъ лицомъ за нихъ являлся землевладѣлецъ, который вознаграждалъ себя изъ арендной платы. Къ колонамъ былъ примѣненъ

тотъ-же принципъ легальнаго прикрѣпленія, дѣйствіе котораго мы уже наблюдали въ области городской промышленности. Сводъ законовъ Константина (332 г. по Р. Х.) пожизненно прикрѣпилъ колона къ землѣ. Если онъ покидалъ свой участокъ, его возвращали назадъ и наказывали; всякій, пріютившій бѣглаго колона, обязанъ былъ не только выдать его, но и заплатить штрафъ за укрывательство. Онъ могъ выбирать себѣ невѣсту только въ предѣлахъ своей колоніи; если онъ женился на чужой, ее насильно возвращали домой, а дѣтей ихъ землевладѣльцы дѣлили между собою. Дѣти колона приписывались къ тому-же сословію и не имѣли права покинуть родную землю. И они, и потомки ихъ были, выражаясь словами закона Өеодосія — «quodam aeternitatis jure» и никоимъ образомъ не могли освободиться отъ своихъ обязанностей. По закону Анастасія, изданному въ концѣ пятаго вѣка, колонъ, добровольно пришедшій въ имѣніе и взявшій землю въ долгосрочную аренду (на 30 лѣтъ), оказывался на вѣки къ ней прикрѣпленнымъ. Хозяинъ (dominus) имѣлъ право налагать на своихъ колоновъ «умѣренныя наказанія» и за попытку къ бѣгству заковывать ихъ въ кандалы, но въ случаѣ несправедливыхъ требованій со стороны хозяина или оскорбленія имъ колона и его домашнихъ, послѣдній могъ прибѣгнуть къ защитѣ закона. Арендная плата или количество обязательной работы на хозяина ни въ какомъ случаѣ не могли быть увеличены. Ни колона безъ земли, ни земли безъ колона нельзя было передать другому владѣльцу; точно также, въ случаѣ продажи, нельзя было разъединять членовъ одной семьи. Колонъ могъ пріобрѣтать и владѣть собственностью, но не могъ отрицать ее безъ согласія хозяина. Такимъ образомъ, съ одной стороны, колоны лично были свободны; съ другой—положеніе ихъ имѣло характеръ полурабства. Өеодосій называетъ ихъ - хотя уклончивый языкъ его кодекса не слѣдуетъ пони-

мать слишкомъ буквально—«servi terræ cui nati sunt». А Сильвіанъ считаетъ выраженіе «coloni divitum fiunt» равносильнымъ выраженію «vertuntur in servos» [1]). Это уже прямое преувеличеніе: колоновъ не притѣсняли; напротивъ, ихъ ограждали отъ неразумныхъ требованій и насилія; это былъ уже большой шагъ впередъ въ сравненіи съ системой обработки земли при помощи familia rustica. Для нашихъ цѣлей важно собственно выяснить точки соприкосновенія между положеніемъ раба и положеніемъ колона, которыя повели за собою сліяніе обоихъ въ одномъ и томъ-же сословіи. Чтобы выяснить это, намъ придется нѣсколько вдаться въ подробности.

Кромѣ колоновъ въ большихъ помѣстьяхъ—а въ четвертомъ вѣкѣ помѣщики владѣли особенно большими имѣніями—были еще особые рабы «землепашцы», которые обработывали, подъ надзоромъ надсмотрщиковъ, ту часть земли, которую владѣлецъ оставлялъ за собой. Но помѣщики нашли удобнымъ,—и вскорѣ это вошло въ обычай—сажать нѣкоторыхъ рабовъ (а можетъ быть и вольноотпущенниковъ также) въ другихъ частяхъ имѣнія, на маленькихъ фермахъ, на условіяхъ, близкихъ къ тѣмъ, какія ставились колонамъ. Ульпіанъ называетъ такихъ рабовъ quasi coloni. Они имѣли свое собственное хозяйство и отнынѣ считались уже casati. По закону, вначалѣ хозяинъ могъ безусловно распоряжаться личностью такого раба; послѣдній не могъ владѣть собственностью въ строгомъ смыслѣ этого слова и могъ быть проданъ другому владѣльцу отдѣльно отъ своей семьи. Но, въ интересахъ самихъ помѣщиковъ и въ силу смягчившихся взглядовъ общества, такое положеніе вещей измѣнилось даже ранѣе вмѣшательства закона; на дѣлѣ ферма принадлежала такимъ рабамъ-арендаторамъ столько-же, сколько и колонамъ; они пользовались доходами

---

[1]) De Gubern. Dei, V. 8, 9.

съ нея, за вычетомъ части владѣльца, и передавали ее по наслѣдству своимъ дѣтямъ. По закону Валентиніана I (377 г.), продавать такихъ рабовъ разрѣшалось только въ случаѣ продажи земли, на которой они сидѣли. Законъ продолжалъ дѣлать разницу между колонами и рабами арендаторами, но на практикѣ она почти сгладилась. Колонъ нерѣдко сидѣлъ на участкѣ раба, а рабъ на участкѣ, вначалѣ отданномъ колону. Браки между обоими сословіями сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Уже въ концѣ седьмого столѣтія не замѣтно существенной разницы между ними. Аренда раба была такъ-же прочна и наслѣдственна, какъ у колона, да и тяготы обоихъ были почти одинаковы.

Отдавая должное значенію соціальныхъ и экономическихъ условій, подготовлявшихъ сліяніе свободныхъ работниковъ, рабовъ и колоновъ въ одномъ и томъ-же сословіи крѣпостныхъ, мы не должны ни на минуту упускать изъ виду вліянія Церкви. Ея нравственное воздѣйствіе на общество сильно способствовало видоизмѣненію рабства и вызывало частные случаи эмансипаціи. Мы не должны также—какъ это слишкомъ часто дѣлается—ограничивать это воздѣйствіе вліяніемъ христіанскаго ученія и завѣтовъ Евангелія: сами по себѣ они дали-бы, сравнительно, ничтожные результаты; главное было въ томъ, что это ученіе и эти завѣты прилагались на практикѣ, проводились въ жизнь независимой духовной властью, набиравшей своихъ представителей во всѣхъ классахъ общества и одинаково чтимой обѣими сторонами, отношенія которыхъ она стремилась урегулировать. Общій взглядъ духовенства на рабство ярко сказался въ знаменитой декларацііи Григорія Великаго [1]).

---

[1]) «Salubriter agitur, si homines quos ab initio natura creavit liberes et protulit, et jus gentium jugo substituit servitutis, in ea natura in qua nati fuerant, manumittentis beneficio, libertati reddantur». Ep. St. Gregorii Magni. 1, V, ep. XII.

Обзоръ всего сказаннаго наглядно докажетъ, какъ мало общаго имѣли и вторженія сѣверныхъ варваровъ съ видоизмѣненіемъ рабства въ крѣпостное право. Эти вторженія могли, пожалуй, только ускорить перемѣну, и вотъ какимъ образомъ: 1) Мало вѣроятія, чтобы новые владѣльцы земли поняли или стали уважать на практикѣ различіе между двумя классами, столь близкими по условіямъ жизни; они скорѣе всего, поставили на одну доску и рабовъ, и колоновъ. 2) Германцы, если вѣрить Тациту [1]), у себя на родинѣ не имѣли домашнихъ рабовъ, но у нихъ также было въ обычаѣ, чтобы рабы селились на отдѣльныхъ участкахъ земли и обрабатывали ихъ, отдавая владѣльцу опредѣленную часть произведеній этой земли. Эти соображенія имѣютъ свой вѣсъ, но, въ общемъ, вліяніе сѣверныхъ націй играло, повидимому, очень ничтожную роль въ развитіи какъ феодальной системы вообще, такъ и связаннаго съ нею крѣпостного права и ограниченія личной свободы; всѣ эти перемѣны одинаково совершились-бы, хотя, можетъ быть, и не такъ скоро, еслибы великое переселеніе народовъ и не имѣло мѣста въ исторіи.

Эта революція, произведенная мирнымъ путемъ, была поистинѣ благодѣтельной. Рабъ, освободившись отъ страха разлуки съ женой и дѣтьми, могъ теперь образовать семью, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ качествѣ главы семьи и домохозяина, онъ могъ требовать для себя и своихъ домашнихъ своей доли изъ сокровищницы нравственнаго воспитанія, которое давала своимъ вѣрнымъ Церковь. Получивъ право удерживать для себя часть своихъ доходовъ и заработка, онъ могъ разсчитывать современемъ окончательно откупиться на свободу. Эта необходимость покупать свою свободу сама по себѣ еще не была зломъ, какъ не была она зломъ и

---

[1]) De morib. germ., c. 25.

для римскихъ рабовъ. Перспектива свободы поощряла человѣка къ труду, развивала въ немъ привычку къ самонаблюденію, разсчетливости, предусмотрительности, и такимъ образомъ гарантировала его способность руководить собой послѣ полнаго освобожденія.

ГЛАВА V.

Уничтоженіе рабства.

Древнее рабство было, какъ мы видѣли, цѣлой системой, вызванной извѣстными соціальными условіями и выполнявшей опредѣленную политическую функцію; крѣпостное право, смѣнившее его, когда эта функція была выполнена, являлось лишь переходнымъ состояніемъ, не имѣвшимъ другаго назначенія, какъ привести рабочіе классы къ состоянію полной личной свободы. Легко себѣ представить, какимъ образомъ подневольный трудъ въ городѣ съ теченіемъ времени уступилъ мѣсто свободному труду наемныхъ рабочихъ; въ большинствѣ случаевъ рабъ, скопивъ изъ своихъ заработковъ необходимую сумму, откупался на волю; въ другихъ, самому хозяину невыгодно было удерживать у себя рабовъ, содержаніе которыхъ обходилось слишкомъ дорого. Освобожденію рабочаго сословія вообще много способствовало другое соціальное движеніе. (не слѣдуетъ только смѣшивать ихъ), клонившееся къ образованію свободныхъ промышленныхъ общинъ, обладавшихъ извѣстными юридическими правами и властью. Но весьма трудно прослѣдить всѣ переходныя ступени, пройдя которыя рабъ-земленашецъ преобразился въ свободнаго арендатора.

Адамъ Смитъ говоритъ: «Опредѣлить, въ какое время и какимъ путемъ совершился этотъ важный переворотъ, очень трудно; это одинъ изъ самыхъ темныхъ пунктовъ современной исторіи.» [1]). Самъ Смитъ приписываетъ этотъ переворотъ двумъ причинамъ:—1) землевладѣльцу было выгоднѣе держать свободныхъ арендаторовъ, которые работали на самихъ себя, потому что тогда они лучше обработывали землю; 2) государи, побаиваясь знатныхъ вельможъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, покровительствовали мужикамъ, vilains,—подъ этимъ терминомъ Смитъ повидимому разумѣетъ всѣ разнородные элементы, входившіе въ составъ сословія несвободныхъ землевладѣльцевъ и поощряли ихъ обращаться къ заступничеству высшей власти. Эти два стимула: экономическій и политическій, безъ сомнѣнія, играли важную роль въ данномъ переворотѣ, но Смитъ приписываетъ имъ слишкомъ исключительное значеніе, забывая о вліяніи нравственныхъ и религіозныхъ причинъ и главнымъ образомъ о личномъ вліяніи духовенства, которое было естественнымъ посредникомъ между рабами и землевладѣльцами. Лучше всего обращались съ рабами въ помѣстьяхъ, принадлежащихъ Церкви, а въ частныхъ имѣніяхъ помѣщики, подъ вліяніямъ духовенства нерѣдко отпускали на волю своихъ крѣпостныхъ «pro amore Dei» и, особенно на смертномъ одрѣ, «pro remedio animae» [2])

---

[1]). О Богатствѣ народовъ, кн. III гл. 2. «Это,» говоритъ Галламъ, «одинъ изъ многихъ темныхъ вопросовъ общественнаго прогресса. Мы можемъ прослѣдить родословную принцевъ, составить списокъ осажденныхъ городовъ и разоренныхъ провинцій, можемъ даже описать съ точностью все великолѣпіе древнихъ празднествъ и коронацій, но не можемъ воостановить во всѣхъ подробностяхъ исторію человѣчества». Middle Ages, гл. VIII 7, 3.

[2]) Вольная давалась или in ecclesia, или per Testamentum. Сирмондъ приводитъ слѣдущую формулу эмансипаціи in ecclesia (XII Ingenuitas)—«Igitur in Dei nomine pro remedio animae meae vel aeterna retributione servum juris mei nomine illum ingenuum esse praecipio et in sacro sancta Ecclesia beatissimi Sancti illius sub praesen-

Когда мы начинаемъ изучать исторію уничтоженія рабства, — насколько это возможно, въ виду недостаточности матерьяловъ, прежде всего выясняется тотъ главный общій фактъ, что уничтоженіе рабства было, конечно, важнымъ и необходимымъ шагомъ по пути соціальнаго прогресса, но само по себѣ далеко не такъ замѣтно повліяло на улучшеніе быта земледѣльца, какъ это можно было-бы предположить съ перваго взгляда. Эмансипація устраняла нѣкоторые унизительныя условія жизни крѣпостного и стремилась пробудить въ немъ чувство человѣческаго достоинства; она вызывала въ немъ потребность въ дальнѣйшемъ развитіи и въ тоже время подготовляла почву для этого развитія. Но если только вольная не обезпечивала крестьянина матерьяльно, послѣ освобожденія этотъ крестьянинъ и его семья часто оказывались въ самомъ бѣдственномъ положеніи: даже при условіи, что аренда обрабатываемой имъ земли оставалась за нимъ, онъ продолжалъ подчиняться разнымъ тягостнымъ обязательствамъ и выплачивать помѣщику извѣстный выкупъ деньгами или натурой: причемъ сумма выкупа назначалась произвольно и часто бывала непомѣрно велика. Законъ не приковывалъ долѣе крестьянина къ землѣ, но она все же оставалась единственнымъ источникомъ его пропитанія, и потому онъ не могъ бросить ее и вынужденъ былъ соглашаться на самыя жестокія условія аренды, которыя подчасъ давали помѣщику такую власть надъ нимъ, что онъ не смѣлъ даже обратиться къ защитѣ закона въ случаѣ притѣсненія отъ помѣщика или подручныхъ. Правительство почти въ каждомъ государствѣ покровительствовало крестьянамъ и старалось улучшить ихъ положеніе—въ своихъ-же собственныхъ

---

ita sacerdotum ibidem consistentium ante cornu altaris ab omni vinculo servitutis, eum absolvo, ita et deinceps tanquam si ab ingenuis parentibus fuisset natus vel procreatus, eat, pergat partem quam voluerit et sicut alii cives Romani vitam ducat ingenuam.»

интересахъ; но аристократія, упорно отстаивая свои традиціонныя привилегіи, всѣми силами тормозила его благія начинанія. Поэтому превращеніе освобожденнаго крѣпостного въ истинно свободнаго гражданина представляло собою процессъ, весьма долгій и медленный, требующій отъ представителей государственной власти большихъ административныхъ способностей, энергіи, и прежде всего, выдержки и настойчивости, которыя не всегда оказывались на лицо. Даже когда исчезли и всѣ и слѣды феодальнаго подчиненія, и крестьянинъ сталъ владѣть землей только въ силу формальнаго, добровольно подписаннаго имъ контракта, даже и тогда онъ продолжалъ терпѣть отъ произвола помѣщика: послѣдній могъ во всякую минуту возвысить арендную плату и вынудить арендатора согласиться на это, подъ страхомъ отнять у него участокъ. Нерѣдко, участки періодически продавались съ аукціона, тому, кто больше дастъ, и покупатель пользовался всѣми улучшеніями, сдѣланными прежнимъ арендаторомъ, ничѣмъ его за это не вознаграждая. Устраненіе этого зла являлось задачей для каждаго законодателя-реформатора. Много говорили и спорили объ этихъ задачахъ, много было приложено серьезныхъ усилій къ разрѣшенію ихъ, но нельзя сказать, чтобы и въ наше время они были окончательно рѣшены. Въ программу нашего труда не входитъ приводить здѣсь подробный отчетъ обо всемъ, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, это относится уже не къ исторіи рабства, но къ новѣйшей исторіи общества въ широкомъ смыслѣ слова и, въ частности, земледѣльческихъ классовъ. Мы будемъ говорить только о такихъ реформахъ, которыя были существенно связаны съ уничтоженіемъ рабства и необходимы для того, чтобы это уничтоженіе могло осуществиться — слѣдовательно, составляли какъ-бы одинъ изъ элементовъ переворота. Разсмотримъ теперь, насколько возможно послѣдовательнѣе, ходъ этого переворота въ различныхъ государствахъ Европы.

Франція.

М. Герардъ (Guerard) [1]) доказалъ, что въ періодъ времени между завоеваніемъ Галліи Цезаремъ и уничтоженіемъ феодализма, положеніе сословія, первоначально находившагося въ состояніи рабства, неизмѣнно и послѣдовательно улучшалось. Онъ подраздѣляетъ это время на три періода: 1-й—чистаго рабства, закончившійся завоеваніемъ Галліи варварами; 2-й—продолжавшійся съ конца царствованія Карла Смѣлаго (877 г.), —переходное состояніе, которое Герардъ называетъ ничего неопредѣляющимъ словомъ servitude; servus имѣлъ извѣстныя права, признанныя, уважаемыя и защищаемыя, если и не въ достаточной степени гражданскими законами, то во всякомъ случаѣ, законами Церкви и обычаемъ [2]); и 3-й—при полномъ развитіи феодализма, полное развитіе крѣпостного права и превращеніе раба-арендатора просто въ данника, подъ различными названіями (homme de corps или de pôté, mainmortable, taillable, serf, vilain). Описанныя здѣсь три состоянія личности до извѣстной степени существовали одновременно во всѣ эти періоды, но въ каждомъ періодѣ одно изъ нихъ замѣтно преобладало надъ другими. Въ концѣ девятаго вѣка за крѣпостными-арендаторами были признаны права собственности и наслѣдственной передачи земельныхъ участковъ. При третьей династіи они были уже скорѣе подданные:

---

[1]) Polyptyque d' Irmion, I, стр. 277; Capitulaires de France I. § 31 seg. Галламъ (Middle Ages, прим. XV къ гл. II) скептически относится къ выводамъ Герарда, но они подкрѣпляются многими фактическими доказательствами и по нашему мнѣнію правильны.

[2]) Въ этотъ періодъ всѣ соціальные элементы насильственно втискивались въ рамки феодальной системы—единственной отвѣчавшей требованіямъ времени; при этомъ, безъ сомнѣнія прибѣгали иногда и къ крутымъ мѣрамъ. Многіе добровольно становились рабами могущественныхъ людей или религіозныхъ учрежденій, чтобы обезпечить себѣ защиту противъ насилія или пропитаніе на случай голода, который тогда былъ нерѣдкимъ явленіемъ.

чѣмъ крѣпостные, и платили скорѣе налоги, чѣмъ ренту, короче говоря, это были вассалы, занимавшіе низшую ступень феодальной лѣстницы. Не только крестьянинъ принадлежалъ землѣ, но и земля принадлежала крестьянину, и лишить его ея mansus'а было также трудно, какъ отнять у сеньора его ленъ.

Гергардъ перечисляетъ слѣдующія непосредственныя причины освобожденія крѣпостныхъ (помимо освобожденія при жизни владѣльца или по духовной): бѣгство,— по прошествіи извѣстной давности — посвященіе въ духовный санъ, выкупъ, внесенный лично заинтересованнымъ, или другими, бракъ съ женщиной высшаго сословія и, наконецъ, вмѣшательство закона, въ случаѣ нѣкоторыхъ тяжкихъ оскорбленій, нанесенныхъ господиномъ. Многіе примѣры доказываютъ также, что Церковь со своей стороны стремилась ускорить эмансипацію. Такъ св. Бенедиктъ Аніанскій (821 г.), преобразователь монастырей на территоріяхъ Каролинговъ, нерѣдко получалъ отъ вѣрующихъ въ даръ помѣстья; но, принимая землю, онъ въ тоже время отпускалъ на волю крѣпостныхъ, обработывавшихъ ее.

Иногда крестьяне откупались на волю цѣлыми деревнями, но такіе случаи были рѣдкостью, такъ какъ при этомъ необходимо было испросить согласіе всѣхъ феодаловъ, которымъ былъ подчиненъ освобождавшій хозяинъ-вассалъ, а многіе по злобѣ отказывали въ своемъ согласіи, или требовали денежнаго вознагражденія. Къ счастію, многія сеньоріальныя владѣнія были подчинены коронѣ, а правительство въ своихъ собственныхъ интересахъ отстаивало землевладѣльческое сословіе противъ аристократіи какъ въ былое время оно отстаивало гражданскія общины. Филиппъ Августъ изобрѣлъ слѣдующій способъ создавать новыхъ гражданъ (bourgeois du roi) въ государствѣ: крѣпостные вассаловъ короны или болѣе мелкихъ, подчиненныхъ имъ феодаловъ получили право, оставаясь на своей землѣ, публично, подъ при-

сягой, отречься отъ своего господина, и въ такомъ случаѣ становились гражданами избраннаго ими по своему усмотрѣнію города, которому они выплачивали ежегодно опредѣленную подать. Этотъ способъ былъ такъ доступенъ и удобенъ, что многіе крѣпостные отказывались, когда помѣщики предлагали имъ откупиться на волю.

Съ водвореніемъ Филиппа IV начинается коллективное освобожденіе цѣлыхъ графствъ и провинцій, обусловленное тѣмъ, что королю нужны были деньги для войнъ съ Фламандцами; той-же политики и по той-же причинѣ держался сынъ его Людовикъ (Сварливый).

Этотъ государь предложилъ откупиться на волю всѣмъ крѣпостнымъ въ королевскихъ владѣніяхъ, но запросилъ за выкупъ такую огромную цѣну, что лишь немногіе воспользовались удобнымъ случаемъ.

По всей вѣроятности эдикты этихъ государей были просто признаніемъ существующаго факта и ничего почти не прибавляли къ тому, чѣмъ уже пользовались арендаторы. Достовѣрно извѣстно, что большинство французскихъ землевладѣльцевъ вышли изъ крѣпостного состоянія еще въ четырнадцатомъ столѣтіи; но они продолжали нести разныя тяготы и повинности, частію личныя, частію-же связанныя съ арендой земли. Съ теченіемъ времени тяготы эти нѣсколько уменьшились, но все-же крестьяне страдали подъ гнетомъ такого порядка вещей вплоть до революціи [1]). Разсмотримъ теперь положеніе крестьянина въ эту эпоху.

Не надо забывать, что въ большинствѣ случаевъ ему принадлежала часть полей, которые онъ обработывалъ. Въ Англіи долго были убѣждены, что раздробленіе земельной собственности пошло со временъ революціи; но теперь извѣстно, что это мнѣніе было ошибочно. Въ

---

[1]) Что терпѣли крестьяне отъ тираніи аристократовъ даже въ лучшую для нихъ эпоху царствованія Людовика XIV-го, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ — мы видимъ изъ Мемуаровъ Флешье. Grands jours d'Auvergne 1665 г.

пятнадцатомъ вѣкѣ, и даже ранѣе. арендаторы стали покупать у помѣщиковъ свои маленькіе участки земли.

Французскіе экономисты часто жаловались на то, что они считали прискорбнымъ умноженіемъ мелкихъ земельныхъ владѣній.»

Путешествуя по Франціи, Артуръ Юнгъ былъ пораженъ «чрезмѣрнымъ раздробленіемъ земельной собственности... не менѣе половины, можетъ быть даже двѣ трети королевства», говоритъ онъ, «принадлежитъ мелкимъ владѣльцамъ» [1]).

Теперь это опредѣленіе считается преувеличеннымъ: думаютъ, что владѣнія крестьянъ занимали четвертую часть всей французской территоріи. Разумѣется, кромѣ своей собственной, купленной у помѣщика полосы земли, крестьянинъ обработывалъ еще добавочный участокъ, взятый въ аренду, обыкновенно содержа на немъ мызу, и нерѣдко также нанимался въ рабочіе къ другому хозяину.

Управленіе земледѣльческими округами мало-по-малу перешло изъ рукъ сеньоровъ въ руки центральной власти, которая, черезъ посредство управляющаго округомъ и его помощниковъ направляла и контролировала все теченіе дѣлъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ остатковъ мѣстной юрисдикціи, которыми пользовались обыкновенно депутаты, дворянство не принимало никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ. Резиденціей дворянъ былъ Парижъ: честолюбіе ихъ ограничивалось желаніемъ блистать при дворѣ и пользоваться королевскими милостями. Они сохранили свои помѣстья и титулы, но не играли болѣе никакой политической роли. Они отличались отъ другихъ подданныхъ только своими льготами и привилегіями. Въ силу этихъ послѣднихъ, дворяне-помѣщики продолжали пользоваться своими феодальными правами, хотя

---

[1]) Путешествія по Франціи, изд. Бетамана Эдвардса, стр. 330.

съ теченіемъ времени права эти сильно видоизмѣнились и обезпечивали главнымъ образомъ денежные доходы владѣльца. Эти права были очень разнообразны: въ каждой провинціи, даже въ различныхъ частяхъ одной и той-же провинціи, у помѣщиковъ были свои особыя привилегіи: наиболѣе обыкновенными и самыми важными были слѣдующія:—барщина, которая, впрочемъ, являлась теперь исключеніемъ и была очень легка: пошлины и заставы на дорогахъ, рынкахъ и ярмаркахъ: обязательство для крестьянъ молоть свое зерно на мельницѣ сеньора, выжимать свой виноградъ подъ прессомъ сеньора и печь свои хлѣбы въ его печахъ; налогъ въ пользу помѣщика съ каждой купчей, совершаемой въ предѣлахъ его владѣній: наконецъ, поземельная подать, уплачиваемая помѣщику деньгами или натурой и не подлежащая выкупу. Кромѣ того, сеньорамъ было присвоено исключительное право охоты, охраняемое чрезвычайно строгими законами [1]). Духовныя лица и главы религіозныхъ общинъ пользовались этими привилегіями нисколько не меньше дворянъ: они точно также налагали и сбирали подати и натуральныя повинности, и даже владѣли крѣпостными въ восточныхъ провинціяхъ, присоединенныхъ путемъ завоеванія. Такъ, напримѣръ, графъ епископъ Ст. Клодъ въ Франшконте имѣлъ 40.000 крѣпостныхъ, за которыхъ ратовалъ Вольтеръ и которые были освобождены только незадолго до 1789 года.

Итакъ, права и привилегіи дворянъ перестали быть связаны съ ихъ административными обязанностями: вотъ почему, именно въ эту эпоху, когда феодальная система доживала свой вѣкъ, она была всего тягостнѣе и ненавистнѣе для народа. Налоги и подати, выплачиваемые помѣщикамъ, не вознаграждались никакими соотвѣтственными услугами съ ихъ стороны и представляли

---

1) См. De Tocqueville, L'Ancien Régime et la Révolution, кн. II, гл. 1. (Рус. пер.).

собою какъ-бы дань, которою одинъ землевладѣлецъ произвольно облагалъ другаго. По мѣрѣ того, какъ отпадали одна за другой характерныя особенности отживающаго средневѣковаго режима, уцѣлѣвшія казались тѣмъ безсмысленнѣе и отвратительнѣе. Въ Германіи народъ терпѣлъ еще большія притѣсненія, но пережилъ ихъ сравнительно терпѣливо Послѣдніе остатки французскаго феодализма были разомъ уничтожены на засѣданіи Національнаго Собранія, въ достопамятную ночь 4-го Августа 1789 года.

Англія.

Герардъ [1]) указываетъ на то, что въ средніе вѣка двусмысленное значеніе слова servus было источникомъ многихъ недоразумѣній. Въ своихъ изслѣдованіяхъ крѣпостного права въ Англіи, даже такіе знаменитые писатели, какъ Робертсонъ, Галламъ и Кембль затемняютъ вопросъ, путая слова sclave и serf (рабъ просто и рабъ-крѣпостной). Д-ръ Стэббсъ [2]) (Stubbs) избѣжалъ этой двусмысленной номенклатуры и, придерживаясь болѣе фактовъ, чѣмъ буквы закона, бросилъ наконецъ яркій свѣтъ на исторію земледѣльческаго класса.—У Англосаксовъ рабы «приравнивались къ домашнему скоту:... за оскорбленіе, нанесенное ими третьему лицу, отвѣчалъ ихъ хозяинъ, какъ и за убытки или поврежденія, причиненныя его рогатымъ скотомъ:... У нихъ не было никакихъ законныхъ правъ; ихъ свидѣтельство на судѣ не принималось во вниманіе: обиды, наносимыя имъ, разсматривались, какъ обиды, нанесенныя ихъ господину». Практика нѣсколько смягчала теорію: рабы имѣли право требовать для себя извѣстнаго количества пищи и «не работать въ праздники». Имъ дано было также, «неизвѣстно, какимъ образомъ», позволеніе копить свои за-

---

1) Polypt. d'Irmion, I стр. 388.
2) Constitutional History, I стр. 79, 42 Sqq.

работки (peculium римскихъ рабовъ); слѣдовательно, въ перспективѣ у каждаго была возможность откупиться на волю: «за дурное обращеніе съ рабами духовный законъ могъ подвергнуть церковному покаянію ихъ владѣльца». Законы Этельберта и Канута запрещали продавать рабовъ жестокимъ хозяевамъ, и торговля рабами, главнымъ центромъ которой былъ Бристоль, прекратилась, благодаря проповѣди св. Вульфстана. Послѣ вторженія Норманов, Вильгельмъ Завоеватель и его преемники, систематически притѣсняя высшіе классы покореннаго населенія, заставили тѣмъ тѣснѣе сблизиться тѣхъ Англосаксовъ, которые еще сохранили за собой часть своихъ владѣній, а также и несвободныхъ арендаторовъ ихъ земель. Эти послѣдніе, во время господства въ Англіи видоизмѣненной феодальной системы, гораздо менѣе зависѣли отъ своихъ помѣщиковъ,—благородныхъ лордовъ и духовенства—чѣмъ ихъ братья на континентѣ; всѣ они, какъ подначальные вассалы, присягали въ вѣрности королю, и вѣрноподданническія чувства ихъ къ нему были гораздо сильнѣе ихъ преданности непосредственнымъ своимъ начальникамъ. Такимъ образомъ, въ Англіи рано установилась истинная монархія, и коронная власть получила возможность защищать низшіе классы отъ притѣсненій и узурпаціи высшихъ. Мужикъ (villein), какъ называетъ крестьянина Doomsday Book *), не есть рабъ; онъ есть видоизмѣненіе англосаксонскаго цеорля (ceorl); это земледѣлецъ, котораго нельзя по произволу оторвать отъ его участка и перевести на другой; его аренда освящена обычаемъ. Норманскіе рыцари по всей вѣроятности смѣшивали между собой villanus, bordarii и другихъ, менѣе благопріятно обставленныхъ земледѣльцевъ. Постепенно свободный ceorl обратился въ мужика (villein), а servus (theow) исчезъ совершенно. Образовавшійся благодаря этому слiянію низшій классъ насе-

*) Поземельная книга, куда записываются вотчины въ Англіи.

ленія былъ поставленъ въ такія условія, которыя допускали «извѣстный личный комфортъ и нѣкоторое честолюбіе». Законъ охранялъ права англійскаго крестьянина; онъ могъ «спокойно и безпрепятственно владѣть своимъ домомъ; онъ зналъ, что у него найдется защита противъ насилія; онъ могъ при желаніи, оставить свой участокъ, искать прибѣжища въ городѣ и сдѣлаться членомъ общины: если, по прошествіи одного года и одного дня, господинъ не требовалъ его обратно, онъ получалъ всѣ права свободнаго гражданина». Даже, въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяинъ и требовалъ къ себѣ бѣглеца, законъ покровительствовалъ этому послѣднему и препятствовалъ преслѣдованію его судебнымъ порядкомъ. Подъ властью добраго помѣщика, монастыря или колледжа, крестьянинъ пользовался такою безопасностью и привилегіями, которымъ могли-бы позавидовать и его хозяева: онъ всегда находилъ судъ и управу на всякую свою обиду; онъ имѣлъ право голоса въ управленіи своей деревней: за небольшую сумму онъ могъ дать свободу своимъ дѣтямъ и воспитать ихъ для болѣе высокаго общественнаго положенія». Уальтеръ Мапъ жалуется, что въ его время (12-й вѣкъ) «мужики воспитываютъ свои подлые отпрыски въ либеральномъ духѣ [1])». Въ царствованіе Генриха III нерѣдко цѣлыя деревни или крестьянскія общины переходили на оброкъ, удерживая въ тоже время—за собой и за своими наслѣдниками—свои фермы, которыми они и владѣли до тѣхъ поръ, пока выполняли условія своихъ арендныхъ контрактовъ, занесенныя въ протоколы судовъ. На ряду съ этими коллективными освобожденіями, многихъ индивидуумовъ отпускали на волю сами дѣльцы или выкупали благотворители, большею частію подъ вліяніемъ духовенства. Въ вѣкъ царствованія трехъ Эдуардовъ многіе свободные земледѣльцы, нанимаясь на поденную

1) . . . Were educating their ignoble offspring in the liberal arts.

работу, требовали такой высокой платы, что самъ король принужденъ былъ вступиться, чтобы понизить ее: то были безъ сомнѣнія освобожденные илиихъ дѣти. Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія неполная свобода мужиковъ была только легальной фикціей». При Ричардѣ III «законы о крѣпостныхъ», скопированные съ римскихъ, «сдѣлались такъ суровы и строги по отношенію къ крестьянамъ, что почти покровительство вали произволу и притѣсненіямъ»: зато облегченію ихъ быта способствовали причины соціальныя. Какъ ни старались законники отстаивать и проводить въ жизнь теоретически суровые принципы, они вынуждены были смириться передъ возрастающей властью просвѣщенныхъ и гуманныхъ идей [1]). Возстаніе 1381 года [2]) было вызвано не печальнымъ положеніемъ крестьянъ, но «Уставомъ о земледѣльцахъ» и стараніями лордовъ, съ помощью закона, вновь вернуть себѣ права, которыя, на практикѣ, давно утратили силу. Когда деньги вошли въ общее употребленіе, какъ единица обмѣна, натуральныя повинности были замѣнены рентой; слѣдовательно, отношенія между землевладѣльцемъ и фермеромъ являлись какъ-бы результатомъ контракта. Крѣпостное право уничтожилось въ Англіи само собой, а не въ силу какихъ-либо спеціальныхъ законовъ противъ него [3]). Впрочемъ, въ особыхъ. исключительныхъ случаяхъ, оно

---

1) Эта эпоха хорошо охарактеризована профессоромъ Виноградовымъ въ его Villainage in England (1892), Оп. I, гл II.

2) Froissart заходитъ настолько далеко, что говоритъ,—«pour la grand aise et bonadance de biens en quoi le menu peuple étoit lors et vivoit. s'émut et éleva cette rebellion.» Chron. II. 105.

3) Сэръ Томасъ Смитъ въ своей книгѣ Commonuealth of Englanb (посм. изд. 1583 г.) выяснивъ разницу между полными рабами „villainsin grosse“, какъ напр. servi и vernae древняго Рима, принадлежавшими извѣстной личности или ея наслѣдникамъ, и не полными „villans regardant“, какъ adscriptitii glebae, прибавляетъ: „у насъ въ Англіи нельзя сказать, чтобы было много представителей той или другой разновидност“. Законъ признаетъ обѣ; но я лично во всю мою жизнь не встрѣтилъ ни одного настоящаго раба, а dscriptitii, gledar такъ мало, что о нихъ не стоитъ и говорить“. Смитъ родился въ 1512 г и умеръ въ 1577.

оживало въ Британіи какъ оживало оно и во Франціи. Галламъ [1]) сообщаетъ, что въ 1574 году Елизавета освободила крѣпостныхъ въ нѣкоторыхъ своихъ помѣстьяхъ; это былъ едва-ли не послѣдній случай эмансипаціи въ Англіи. Зато, въ Шотландіи, рабочіе въ угольныхъ и соляныхъ копяхъ находились въ крѣпостномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока ихъ не освободили Указы 15-го и 39-го годовъ царствованія Георга III-го. [2])

Италія

Раннее развитіе могущественныхъ городскихъ общинъ въ сѣверной и средней Италіи имѣло двоякое вліяніе на судьбы земледѣльческаго населенія, и оба эти вліянія прямо противорѣчили другъ другу. Съ одной стороны вышеуказанное обстоятельство сдерживало въ границахъ произволъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, давая защиту и прибѣжище, бѣглымъ рабамъ. Побѣги рабовъ начали обращать на себя вниманіе уже въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія и вскорѣ сдѣлались такъ часты и наносили такой серьезный ущербъ интересамъ сеньоровъ, что эти послѣдніе стали обращаться къ защитѣ императоровъ; но всѣ запрещенія и указы не давали на практикѣ почти никакихъ результатовъ. Бѣглецы зарабатывали себѣ пропитаніе въ мастерскихъ ремесленниковъ или поступали въ городскую милицію. Изъ страха лишиться работниковъ, помѣщики болѣе гуманно обращались съ своими крѣпостными, отпускали ихъ на волю на болѣе легкихъ условіяхъ и обезпечивали имъ бо̀льшую или меньшую прочность аренды. Съ другой стороны сами города рас-

---

[1]) Middle Ages, гл XIII, ч. 3.

[2]) См. интересную статью Смолля въ British and Foreign Evangelical Rewiew, т. 27. Вѣроятно, по поводу именно этихъ могиканъ отжившаго крѣпостного права, баронъ Брадвординъ, въ Вэверлеѣ, гл. 41, говоритъ объ «углекопахъ, саловарахъ и другихъ adscripti glebae или рабахъ земли

ширяли свои владѣнія, пріобрѣтая новыя земли путемъ завоеванія и иными путями, и это расширеніе часто неблагопріятно отражалось на земледѣльческихъ классахъ. Деревни и сельскіе округа подъ этимъ новымъ владычествомъ страдали отъ тяжести налоговъ, которые постоянно росли, благодаря вѣчному соперничеству и конфликтамъ между республиками, и нерѣдко дѣло доходило до открытаго возмущенія. Въ видѣ наказанія или предупрежденія возстаній, земледѣльческія общины были лишены права перемѣны мѣста, которымъ онѣ ранѣе пользовались, и подчинены особымъ подестамъ, которые назначались отъ управляющаго ими города. Этимъ подестамъ предоставлялись широкія полномочія: они могли сколько угодно притѣснять крестьянъ, ради своей собственной выгоды, или въ интересахъ своихъ согражданъ, и часто своей тиранніей вынуждали мелкихъ землевладѣльцевъ продавать свои фермы; тогда городъ отдавалъ эти фермы въ аренду, на годъ и на болѣе короткій срокъ, причемъ, черезъ извѣстные промежутки времени арендная плата могла быть повышена; арендаторамъ волей-неволей приходилось мириться съ этимъ, потому что, иначе, имъ грозило выселеніе судебнымъ порядкомъ. Втеченіе тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій, этотъ унизительный для земледѣлія порядокъ вещей водворился мало-по-малу во всей верхней и средней Италіи, и положеніе крестьянъ-собственниковъ сдѣлалось весьма печальнымъ.

А между тѣмъ, въ этотъ же періодъ личное закрѣпощеніе въ Италіи совершенно перестало существовать. Первый шагъ на пути къ эмансипаціи былъ сдѣланъ Болоньей, которая, въ 1256 г. дала свободу всѣмъ рабамъ, прикрѣпленнымъ къ общественнымъ землямъ или къ частнымъ имѣніямъ, вознаградивъ помѣщиковъ изъ средствъ государства. Около 1260 г. ея примѣру послѣдовалъ Treviso. Въ 1288 г. во Флоренціи былъ изданъ указъ, разрѣшавшій всѣмъ несвободнымъ людямъ,

находящимся въ предѣлахъ республики, откупиться на волю и замѣнить денежными взносами несомые ими феодальныя тяготы и повинности. Въ то-же время указъ этотъ воспрещалъ продажу рабовъ, вмѣстѣ или отдѣльно отъ земли, которую они обработывали, и въ случаѣ такой продажи объявлялъ ихъ отнынѣ свободными. Другіе города стали подражать ея мудрой политикѣ, и рабство (крѣпостное) исчезло въ этихъ общинахъ еще ранѣе конца четырнадцатаго столѣтія; въ иныхъ мѣстахъ его уничтожилъ законъ; въ другихъ оно просто само собой вышло изъ употребленія.

Но все же многое еще оставалось сдѣлать для улучшенія быта освобожденныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, и это многое долго оставалось не сдѣланнымъ.

Въ земледѣльческомъ населеніи Ломбардіи и Тосканы принимали большое участіе австрійскіе Габсбурги. Марія Терезія наградила первую провинцію двумя милостями: точной и добросовѣстной оцѣнкой земли и либеральной конституціей сельскихъ общинъ; а во второй Леопольдъ (впослѣдствіи императоръ) уничтожилъ послѣдніе остатки феодализма и разрѣшилъ арендаторамъ на территоріяхъ великихъ герцоговъ, духовенства и общинныхъ пріобрѣтать въ полную собственность свои участки, за умѣренную плату, или же владѣть ими наслѣдственно подъ условіемъ аккуратнаго выплачиванія ренты.

Обращаясь къ южной Италіи, мы видимъ, что при норманахъ и Гогенштауфенахъ, правившихъ обѣими Сициліями, крестьяне въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ дворянамъ и Церкви, большею частью были несвободны и прикрѣплены къ землѣ; но въ королевскихъ владѣніяхъ мы находимъ значительное количество свободныхъ крестьянъ. Тамъ, гдѣ король своею строгостью умѣлъ сдерживать въ границахъ аристократію, положеніе крестьянъ было сравнительно хорошо. Они могли располагать своими участками по духовной, а въ случаѣ отсутствія завѣщанія, земля переходила къ законнымъ наслѣдникамъ.

Подати и натуральныя повинности ихъ были строго опредѣлены и не могли быть увеличены; законы защищали ихъ отъ притѣсненій. Фридрихъ II (1231) уничтожилъ крѣпостное право во владѣніяхъ короны и лишилъ помѣщиковъ права распоряжаться жизнью и смертью своихъ крѣпостныхъ.

Съ воцареніемъ Анжуйскаго дома въ Неаполѣ положеніе вещей измѣнилось къ худшему Изъ Франціи сюда были занесены до тѣхъ поръ неизвѣстные здѣсь феодальные порядки; дворяне начали творить судъ и расправу и налагать кару за преступленія, не имѣя на то никакихъ легальныхъ правъ. На островѣ Сициліи, дворяне землевладѣльцы, во время смутъ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій, получили отъ Аррагонскихъ монарховъ неограниченныя полномочія въ этомъ смыслѣ, такъ что на приговоры ихъ нельзя было апеллировать даже къ королевской власти. Послѣ соединенія Неаполя и Сициліи (1504) подъ испанскимъ владычествомъ, земледѣльческое населеніе сильно страдало отъ слишкомъ обычной подкупности и эгоистической тираніи вице-королей. Не улучшилось положеніе крестьянъ и при Бурбонахъ (1735). До конца восемнадцатаго вѣка имъ приходилось терпѣть всяческія притѣсненія и гнетъ феодаловъ; число крестьянъ-собственниковъ или наслѣдственныхъ арендаторовъ было чрезвычайно ограничено; обычай дозволялъ заключать арендные контракты только на очень короткіе сроки, и то они наполнялись самыми несправедливыми и возмутительными ограниченіями правъ арендатора. Мы имѣемъ достойныя вѣры свидѣтельства очевидцевъ, которые рисуютъ намъ печальное положеніе крестьянъ въ ту эпоху, и которые напоминаютъ знаменитое описаніе быта французскихъ крестьянъ семнадцатаго столѣтія, сдѣланное Лабрюйеромъ.

Въ Піемонтѣ и Савойѣ многіе сардинскіе государи были благодѣтелями своего народа, въ особенности Викторъ Амедей II и Карлъ Эммануилъ III. Первый унич-

тожилъ феодальную барщину: второй позволилъ крестьянамъ откупаться отъ остальныхъ своихъ повинностей за цѣну, устанавливаемую особой коммиссіей: впрочемъ, это распоряженіе лишь отчасти достигло своей цѣли. Полному искорененію феодальныхъ привилегій сильно помогла оккупація Италіи французами послѣ революціи. Изданные-ли ими законы были тому причиной, или вліяніе ихъ на государей, еще сохранившихъ за собою часть своихъ владѣній, или наконецъ, просто примѣръ ихъ и присутствіе, будившее мятежный духъ въ народѣ—но только пришлецы нанесли послѣдній ударъ уже пошатнувшейся феодальной системѣ: реставрація прежнихъ правительствъ послѣ паденія Наполеона замедлила дѣйствіе этого удара, но не могла вполнѣ парализовать его. Эти правительства чаще всего не имѣли никакого желанія вводить необходимыя реформы; а тамъ, гдѣ было желаніе, недоставало энергіи и выдержки, чтобы провести въ жизнь эти реформы, несмотря на оппозицію одной изъ заинтересованныхъ сторонъ аристократіи. Но были и счастливыя исключенія; такъ наприм. Карлъ Альбертъ (хотя, какъ правитель, онъ и повиненъ во многихъ важныхъ ошибкахъ) произвелъ на островѣ Сардиніи (1831) мирную революцію, подобную той, которая имѣла мѣсто въ Пруссіи въ 1807 г., и такимъ образомъ сдѣлался достойнымъ высокой участи, ожидавшей въ будущемъ членовъ его семейства.

Испанія.

Среди христіанскихъ изгнанниковъ, нашедшихъ себѣ убѣжище въ горахъ Астуріи, совмѣстно переносимыя страданія и опасности тѣсно связали братскимъ чувствомъ единенія высшій и низшій классы общества; впослѣдствіи же, когда полуостровъ началъ мало-по-малу оживать и освобождаться отъ чужеземнаго ига, помѣщики изъ благоразумія старались обращаться съ земледѣльческимъ населеніемъ какъ можно гуманнѣе, чтобы привлекать

поселенцевъ съ территорій, еще подвластныхъ маврамъ, и тѣмъ способствовать скорѣйшей обработкѣ земли, запущенной и заглохшей во время борьбы племенъ. Поэтому, испанскіе крестьяне съ давнихъ поръ были поставлены въ гораздо лучшія условія, чѣмъ собратья ихъ въ другихъ государствахъ Европы.

Законы Визиготовъ признавали рабство, но на дѣлѣ оно существовало [1]) лишь въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, и то въ сравнительно легкой формѣ, если исключить территоріи, завоеванныя Франками и вошедшія въ составъ «Испанской Монархіи». Неслыханныя въ эту эпоху права и привилегіи были дарованы сельскимъ общинамъ помѣщиками и религіозными корпораціями, посредствомъ «Fueros», гораздо ранѣе, чѣмъ корона пожаловала муниципалитеты граматами того-же имени,

Поселенцамъ была гарантирована полная личная свобода: они могли передавать по наслѣдству земельные участки, взятые ими въ аренду, и были освобождены отъ самыхъ тягостныхъ и отвратительныхъ изъ обязанностей, налагаемыхъ феодальной системой. Къ концу тринадцатаго столѣтія уже всѣ общины были награждены «fueros», и крѣпостное право не существовало нигдѣ, кромѣ Каталоніи и частію Аррагоніи—провинцій, вошедшихъ въ составъ «Испанской Монархіи». Фердинандъ Католикъ простеръ дѣло освобожденія и на эти провинціи и замѣнилъ натуральныя повинности, которыми было обложено земледѣльческое населеніе, опредѣленными денежными налогами.

Но немного времени спустя положеніе крестьянъ снова измѣнилось къ худшему. Въ царствованіе Карла I,

---

[1]) Тѣмъ не менѣе Байронъ заходитъ слишкомъ далеко, говоря (примѣч. къ Ларѣ), что «низшіе классы въ Испаніи никогда не были вассалами земли». Галламъ также повидимому преувеличиваетъ, описывая благоденствія крестьянъ въ Кастиліи. См. Piernas Hurtado, Hacienda Publica, т. II стр. 40.

(болѣе извѣстнаго подъ именемъ императора Карла V) крестьяне приняли участіе въ возстаніи Comuneros'овъ тогда какъ дворяне стали на сторону короля: послѣ битвы при Виллаларѣ (1521), когда бунтовщики были разбиты на голову, крестьяне, лишенныя покровительства короны, оказались предоставленными на произволъ аристократіи. Съ половины шестнадцатаго до половины семнадцатаго столѣтія, оставаясь лично свободными, они въ то же время терпѣли такія притѣсненія и такъ страдали подъ игомъ помѣщиковъ, что Фейхоó (Feyjoó) въ 1739 увѣрялъ, будто участь испанскаго крестьянина горше участи каторжника. Въ эпоху упадка Испаніи, вызваннаго ретроградной политикой двора и безпечнымъ эгоизмомъ аристократовъ, пренебрегавшихъ всѣми обязанностями своего положенія, больше всего страдали земледѣльческіе классы, и за полтораста лѣтъ населеніе страны уменьшилось наполовину.

Испанскіе Бурбоны, въ особенности лучшій изъ нихъ, Карлъ III (1759—1788), принимали кое-какія мѣры для поправленія зла, но всѣ ихъ усилія были парализованы сопротивленіемъ привилегированныхъ классовъ.

Въ концѣ концовъ вызвали необходимыя реформы возмущенія и гражданская война. Послѣ конституціи 1812 г. Испанія вообще ожила: около того-же времени въ ней народилось сословіе независимыхъ крестьянъ— наслѣдственныхъ арендаторовъ и нерѣдко даже собственниковъ. Право суда, предоставленное вотчинникамъ и служившее источникомъ притѣсненій, было отнято у нихъ. Возвращеніе Фердинанда VII замедлило и прервало дѣйствіе этихъ благодѣтельныхъ мѣръ, но не могло помѣшать имъ принести плоды. Продажа коронныхъ земель и секуляризація церковныхъ имѣній (1836—1840 г.) также сдѣлали свое дѣло: земля въ изобиліи представлена была къ услугамъ желающихъ, и этимъ благопріятнымъ случаемъ воспользовались многіе арендаторы, чтобы сдѣлаться собственниками.

Германія.

Въ промежутокъ времени между половиной двѣнадцатаго и половиной пятнадцатаго столѣтія, положеніе крестьянъ во многихъ частяхъ Германіи значительно улучшилось. Отчасти этому способствовало постоянно возраставшее значеніе большихъ имперскихъ городовъ. Эти цвѣтущіе города съ гордостью принимали подъ свое покровительство земледѣльческое населеніе и такъ упорно отказывались выдавать помѣщикамъ бѣглыхъ рабовъ, тогда извѣстныхъ подъ именемъ посадскихъ (Pfahlbürger), что сами императоры ничего не могли съ ними подѣлать и напрасно старались положить конецъ этому укрывательству. Положеніе крестьянъ въ земледѣльческихъ округахъ, принадлежавшихъ самимъ городамъ, представляло выгодный контрастъ съ положеніемъ ихъ въ частныхъ имѣніяхъ, и свободу они получали на болѣе легкихъ условіяхъ. Но малочисленность сельскаго населенія и вытекающій отсюда недостатокъ рабочихъ рукъ— слѣдствіе постоянныхъ воінъ и переселеній въ широкихъ размѣрахъ—побуждали свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ принимать мѣры для улучшенія быта крестьянъ: разрѣшать имъ наслѣдственность аренды и облегчать тягость барщины и повинностей; въ силу тѣхъ-же причинъ появилось значительное количество свободныхъ крестьянскихъ общинъ, въ особенности въ Швабіи, Франконіи, Рейнскихъ провинціяхъ и Вестфаліи. Были, впрочемъ, и такія провинціи, въ которыхъ положеніе земледѣльческаго класса за весь этотъ періодъ времени существенно не измѣнилось.

Со второй половины пятнадцатаго столѣтія начинается регрессивное движеніе, съ введеніемъ въ германское судопроизводство римскаго права, создавшагося подъ вліяніемъ рабства и примѣнимаго только къ обществу, основанному на рабствѣ; либеральные взгляды, господствовавшіе въ обществѣ и освященные обычаемъ, смѣ-

нились суровымъ легальнымъ признаніемъ правъ помѣщиковъ. Различныя степени зависимости (Hörigkeit), иногда очень легкой, завоевавшія себѣ права гражданства въ различные періоды общественнаго развитія, были сведены новыми юристами всѣ къ одному типу и слились подъ общимъ названіемъ крѣпостной зависимости (Leibeigenheit). Крестьяне утратили право принимать участіе въ отправленіи правосудія въ своихъ деревняхъ. Финансовыя затрудненія принцевъ и дворянъ возрастали пропорціонально тому какъ увеличивались пышность и блескъ ихъ дворовъ,—къ сожалѣнію, объ руку съ этимъ прогрессомъ не шло умственное развитіе—и ложились тяжелымъ бременемъ налоговъ и податей на плечи крестьянъ. Безконечныя войны и смуты этой эпохи побуждали многихъ свободныхъ землевладѣльцевъ добровольно отказываться отъ своей независимости и отдаваться подъ покровительство, а слѣдовательно и подъ власть могущественныхъ аристократовъ.

Это угнетеніе рабочихъ классовъ, вначалѣ пользовавшихся относительной свободой, безъ сомнѣнія и было главной причиной Крестьянской Войны 1525 г., вызвавшей въ иныхъ мѣстностяхъ Германіи немедленное уменьшеніе налоговъ и повинностей. Воспоминаніе о крестьянскомъ бунтѣ на время пріостановило узурпацію дворянами правъ сельскаго населенія, но правамъ этимъ снова былъ нанесенъ еще болѣе серьезный ущербъ смутами и обѣдненіемъ Германіи въ эпоху Тридцатилѣтней Войны. Немедленно послѣ заключенія Вестфальскаго мира, крупные и мелкіе властелины принялись хозяйничать въ своихъ владѣніяхъ самымъ деспотическимъ образомъ: помѣщики старались подражать неограниченной власти владѣтельныхъ особъ и угнетали своихъ подданныхъ мелкой тираніей. Крестьяне не имѣли, гдѣ искать защиты отъ произвола господъ: правительство принимало сторону дворянъ, имѣя въ виду примирить ихъ съ упраздненіемъ сеймовъ, что тогда вводилось повсюду и сильно подрывало престижъ дво-

рянства. Періодъ времени между половиной семнадцатаго и половиной восемнадцатаго столѣтія принадлежитъ къ самымъ темнымъ страницамъ исторіи германскаго крестьянина. Легально онъ не считался крѣпостнымъ, въ полномъ значеніи этого слова, а находился лишь въ состояніи нѣкоторой зависимости, но на практикѣ обреченъ былъ терпѣть самое жестокое обращеніе и покорно подчиняться всѣмъ требованіямъ помѣщика, который могъ по произволу выжимать изъ него деньги и эксплуатировать его трудъ. Государь его и «отецъ страны» (Landesvater) часто слишкомъ мало думалъ о немъ, а правительственные чиновники, если сами не притѣсняли его, то и не оказывали ему достаточной помощи.

Прослѣдить новѣйшее освободительное движеніе въ Германіи легче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, ибо здѣсь оно началось сравнительно недавно и въ нашемъ распоряженіи имѣется довольно полное собраніе относящихся къ нему историческихъ документовъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ прослѣдить въ подробностяхъ всѣ разнообразныя формы, въ которыя вылилось оно въ различныхъ германскихъ государствахъ. Мы постараемся возможно подробнѣе изобразить это движеніе въ Пруссіи и Австріи и лишь вкратцѣ укажемъ на результаты его въ другихъ королевствахъ и мелкихъ герцогствахъ или княжествахъ.

Пруссія.

Всѣ короли изъ дома Гогенцоллерновъ заботились о благосостояніи крестьянъ и старались улучшить ихъ положеніе, по крайней мѣрѣ въ своихъ имѣніяхъ. Фридрихъ I въ 1702 г. объявлялъ о своемъ желаніи уничтожить крѣпостное право во всѣхъ королевскихъ помѣстьяхъ, причемъ крестьяне должны были возвратить помѣщику расходы на постройку ихъ домовъ и уплатить ему стоимость скота и зерна, которые они получали отъ него въ разное время. Но у короля не хватило твер-

дости, чтобы привести въ исполненіе этотъ проэктъ, необращая вниманія на оппозицію помѣщиковъ; да и бѣдность крестьянъ сама по себѣ была достаточнымъ препятствіемъ. Фридрихъ Вильгельмъ I, по натурѣ практикъ и экономистъ, предпринималъ многое, чтобы поправить зло и уничтожить печальныя явленія, составлявшія гибельное наслѣдіе Тридцатилѣтней Войны—упадокъ земледѣлія и обезлюденія края: стараясь привлечь поселенцевъ въ особенно бѣдныя и безлюдныя провинціи Восточной Пруссіи, онъ въ 1719—1720 г. отмѣнилъ крѣпостное право въ помѣстьяхъ, принадлежавшихъ коронѣ, и даровалъ крестьянамъ право наслѣдственной аренды. Но самъ же онъ и повредилъ своему дѣлу, подтвердивъ существовавшее до него запрещеніе земледѣльцамъ арендаторамъ выбирать себѣ по произволу занятія и свободно переходить съ одного участка на другой (Freizügigkeit), не опредѣливъ въ точности ихъ обязанностей по отношенію къ землевладѣльцу и обязавъ ихъ дѣтей нести личную службу въ домѣ помѣщика. Въ Прусской Помераніи уничтоженію крѣпостного права мѣшало сопротивленіе самихъ-же крестьянъ, которые, на основаніи прежняго опыта, недовѣрчиво относились къ нововведенію и подозрѣвали въ немъ скрытый злой умыселъ

Фридрихъ Великій имѣлъ серьезныя намѣренія защитить крестьянъ и отъ помѣщиковъ, и отъ коронныхъ чиновниковъ, которые нерѣдко являлись тамъ настоящими тиранами [1]); послѣднимъ онъ воспретилъ (1749 г.) подъ угрозой шестилѣтняго тюремнаго заключенія, бить крестьянъ палкой;—этотъ способъ усиленнаго внушенія былъ въ то время въ большомъ ходу, безъ сомнѣнія, благодаря примѣру отца Фридриха, который, хотя и осуждалъ такіе поступки въ другихъ, но самъ не брезговалъ соб-

---

1) Короли неоднократно издавали указы, требовавшіе, чтобы, въ королевскихъ помѣстьяхъ послѣ смерти крестьянина, немедленно вступалъ во владѣніе фермой его наслѣдникъ, но королевскіе чиновники не всегда исполняли эти указы.

ственноручно наказывать своихъ сановниковъ. Но это запрещеніе не произвело никакого дѣйствія, и крестьянъ продолжали подвергать тѣлесному наказанію. Указъ Фридриха Вильгельма, изданный въ 1739 г. и воспрещавшій произвольное выселеніе арендаторовъ, точно также нарушался на каждомъ шагу, и Фридриху Великому пришлось подтвердить этотъ указъ, назначивъ болѣе строгую кару за нарушеніе его; но и въ царствованіе его преемника зло продолжало существовать, и потребовалось новое законодательство, чтобъ искоренить его. Въ 1763 г. Фридрихъ отмѣнилъ крѣпостное право во всей Помераніи, но дворяне землевладѣльцы объявили, что воля монарха не выполнима, и въ слѣдующемъ году былъ изданъ новый эдиктъ, практически уничтожавшій значеніе перваго. Его попыткамъ къ освобожденію крѣпостныхъ препятствовала отчасти оппозиція дворянъ и государственныхъ чиновниковъ, отчасти же его собственное пристрастіе къ дворянству, которому по его мнѣнію, одному было присуще чувство чести, но главнымъ образомъ, какъ думаютъ теперь, страхъ, что осуществленіе на практикѣ этой мѣры нанесетъ серьезный ущербъ его воинственнымъ предпріятіямъ, такъ какъ прусская армія состояла преимущественно изъ крѣпостныхъ. Кромѣ того, его собственныя имѣнія находились въ такомъ печальномъ положеніи, что онъ не имѣлъ возможности достаточно вознаградить помѣщиковъ. Въ общемъ Фридрихъ почти ничего не сдѣлалъ для эмансипаціи крестьянъ и завѣщалъ дѣло освобожденія своимъ преемникамъ. [1])

Со смерти его и вплоть до Штейн-Гарденберговскаго

[1]) На территоріяхъ, позднѣе вошедшихъ въ составъ королевствъ, онъ могъ достигнуть большаго. Вскорѣ послѣ перваго раздѣла Польши, онъ писалъ Вольтеру: «Я уничтожилъ рабство и реформировалъ варварскіе законы Западной Пруссіи». И въ самомъ дѣлѣ, онъ точно опредѣлилъ повинности, которыя должны были нести крестьяне въ королевскихъ имѣніяхъ; принималъ мѣры къ тому, чтобы между помѣщиками и арендаторами заключались контракты, клонившіеся къ облегченію тяжести, ложившейся на плечи вторыхъ; а также воспретилъ выселять крестьянина съ его участка безъ вмѣшательства судебной власти.

законодательства почти ничего не было сдѣлано для прусскаго крестьянина, если не считать замѣны термина «крѣпостное право» (Leibeigenschaft) другимъ: «наслѣдственное подчиненіе» (Erbunterthänikeit), да незначительнаго вклада въ Allgemeine Landrecht, сдѣланнаго Фридрихомъ Вильгельмомъ II (1791); онъ даже не уничтожилъ, а только смягчилъ формы тѣлеснаго наказанія, которому помѣщики могли подвергать крѣпостныхъ по своему усмотрѣнію.

Слѣдующій важный толчокъ уничтоженію крѣпостного права былъ данъ французской революціей и ея послѣдствіями. Потеря германской территоріи и образованіе Рейнской Конфедераціи, конечно, были оскорбительны для національнаго чувства, но отразились весьма благотворно на земледѣльческомъ населеніи. На территоріяхъ, отошедшихъ къ Франціи по Люневильскому миру, съ введеніемъ французскихъ законовъ, были уничтожены всѣ феодальныя и произвольно присвоенныя себѣ помѣщиками права надъ личностью крѣпостного, безъ всякаго за то вознагражденія. Въ земляхъ, принадлежавшихъ Конфедераціи, государи, особенно король Жеромъ, какъ мудрые администраторы, систематически поощряли добровольныя соглашенія между крестьянами и помѣщиками, которыя, устраняя всякое личное подчиненіе первыхъ, въ тоже время обезпечивали интересы вторыхъ, обязывая арендаторовъ аккуратно взносить всѣ подати и повинности, существенно связанныя съ обработкой земли и составляющія вознагражденіе за пользованіе ею. Это не избавляло крестьянина отъ необходимости отдавать помѣщику опредѣленную часть своего времени и труда; но свойство и количество работы были строго опредѣлены, а въ перспективѣ ему представлялась возможность откупиться и отъ этихъ обязанностей за умѣренную цѣну. Но въ наскоро составленныхъ законахъ были кое-какія погрѣшности, слабости и упущенія,—весьма естественныя, если принять во вниманіе условія времени — которыя

подали поводъ къ двусмысленнымъ толкованіямъ, тяжбамъ и процессамъ: и потому законы эти принесли гораздо меньше пользы, чѣмъ могли-бы принести, если-бы къ дѣлу приложены были должная рѣшительность и осторожность.

Фридрихъ Вильгельмъ III. съ самаго вступленія своего на престолъ, былъ воодушевленъ горячимъ желаніемъ уничтожить крѣпостное право въ Пруссіи и возвысить прусскаго крестьянина до положенія свободнаго и независимаго гражданина. [1])

Въ 1799 г. онъ потребовалъ, чтобы консисторія приняла всѣ мѣры къ возможно скорѣйшей отмѣнѣ всякихъ принудительныхъ работъ и къ предоставленію арендаторамъ права свободнаго пользованія землей—въ королевскихъ помѣстьяхъ: въ послѣдующіе года дѣйствіе этихъ благодѣтельныхъ мѣръ было распространено на Восточную и Западную Пруссію и другія провинціи. Но рѣшительнымъ и финальнымъ импульсомъ къ радикальному обновленію общества были страшныя невзгоды, постигшія Пруссію въ 1806 г. Онѣ помогли высоко развитымъ и просвѣщеннымъ людямъ, окружавшимъ монарха, побѣдить оппозицію предразсудка и эгоистическихъ интересовъ и создать новые законы, необходимые для переустройства полуразрушеннаго государства.

Эти новые законы, къ которымъ были уже вполнѣ подготовлены лучшіе элементы общества, вырабатывались спеціальной коммиссіей: членами ея были Альтенштейнъ, Шёнъ и другіе выдающіеся государственные люди; Штейнъ и Гарденбергъ поддерживали эти мѣры всей тяжестью своего вліянія. 9-го Октября 1807 г., былъ подписанъ знаменитый Освободительный Указъ. Этотъ указъ освобождалъ крестьянъ, державшихъ земельные

---

[1]) Въ Августѣ 1799 г. прусскій министръ говорилъ французскому посланнику:—«Le roi est democrate à sa manière; il travaille sans relâche a reduire les privileges de la noblesse, mais par des moyens lents: sous peu d'années il n'y aura plus de privilèges féodaux en Prusse.

участки въ наслѣдственной арендѣ, отъ крѣпостной зависимости и отъ всѣхъ принудительныхъ работъ на помѣщика; но обязательства, заключенныя ими, какъ свободными людьми, связанныя съ пользованіемъ землей или обусловленныя особымъ контрактомъ, оставались въ полной силѣ, и арендаторы должны были добросовѣстно выполнять ихъ, до тѣхъ поръ, пока они не будутъ уничтожены по взаимному соглашенію [1]). Мы видѣли ранѣе, что, собственно въ Прусскомъ королевствѣ, крестьянѐ, арендовавшіе коронныя земли, были освобождены отъ крѣпостной зависимости еще Фридрихомъ Вильгельмомъ I; 28 Октября 1807 г., приказомъ Кабинета было уничтожено крѣпостное право во всѣхъ прусскихъ владѣніяхъ, а въ Іюлѣ слѣдующаго года арендаторы на государственныхъ земляхъ получили всѣ права собственности въ своихъ участкахъ, хотя и продолжали платить налоги и отбывать повинности.

Тотъ-же Указъ устанавливалъ въ государствѣ такъ сказать свободу профессій. До сихъ поръ законъ дозволялъ сдавать въ аренду дворянскія помѣстья только лицамъ благороднаго происхожденія; если арендаторъ былъ изъ средняго сословія (bürgerlicher Herkunft), для сдачи требовалось особое разрѣшеніе короля; точно также крестьянскія земли могли арендовать только крестьяне, а земли, принадлежавшія городскимъ общинамъ, только горожане. Всѣ эти правила были теперь уничтожены, и приняты мѣры къ тому, чтобы предупредить

[1]) Подлинный текстъ Указа слѣдующій:—Mit der Publication der gegenwärtigen Verordnung hört das bisherige Unterthänigkeit Verhältniss derjenigen Unterthanen und ihrer Weiber und Kinder, welche ihre Bauergüte erblich oder eigenthümlich oder erbzinsweise besitzen wechselseitig gänzlich auf. Mit dem Martini-Tage, 1810, hört alle Gutsunterthänigkeit in unseren sämmtlichen staatlen auf. Nach dem Martini-Tage 1810 gibt es nur freie Leute, bei denen aber, wie sich von selbst versteht, alle Verbindeichkeiten die ihnen als freien Leuten vermoge des Besitzes eines Grundstücks oder vermoge eines besonderen Vertrags obliegen in Kraft bleiben». Во всемъ указѣ ни разу не употребляется терминъ крѣпостное право.

излишнюю консолидацію крестьянскихъ владѣній или поглощеніе ихъ помѣщичьими. До сихъ поръ для каждаго сословія были свои запретныя профессіи:—теперь всѣ ограниченія были уничтожены и отмѣнено запрещеніе переходить изъ одного сословія въ другое; такъ что каждый получилъ свободу выбирать или мѣнять по произволу свое занятіе или ремесло.

Впослѣдствіи были приняты еще болѣе широкія мѣры. Повелѣніемъ отъ 16-го Марта 1811 г. были сняты съ арендаторовъ на государственныхъ земляхъ всѣ подати и повинности взамѣнъ единовременныхъ денежныхъ взносовъ; 17-го Сентября того-же года былъ изданъ соотвѣтствующій указъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ. Этотъ послѣдній указъ отдавалъ крестьянину въ полное владѣніе землю, которую онъ обработывалъ, освобождалъ его отъ барщины и отъ всѣхъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей; а помѣщикъ, въ вознагражденіе, получалъ обратно извѣстную часть крестьянскаго участка — $^1/_3$, если аренда была наслѣдственная, и $^1/_2$, если аренда была пожизненная или долгосрочная,—и въ свою очередь освобождался отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ арендатору—т. е. отъ обязанности содержать его, въ случаѣ надобности, или оказывать ему матерьяльную поддержку. Эта уступка части земли могла быть замѣнена, съ согласія помѣщика, или ежегодной рентой, или единовременнымъ денежнымъ взносомъ, соотвѣтствующимъ стоимости уступаемой земли. Результатомъ этихъ мѣръ явилась система крестьянскаго землевладѣнія въ томъ видѣ, въ какомъ она и нынѣ существуетъ въ Пруссіи [1]).

Это новое прусское законодательство имѣло громадное значеніе: оно не только пробудило въ странѣ чувство

---

[1]) Полный отчетъ объ этихъ прусскихъ реформахъ и мѣрахъ, которыя принимались для осуществленія ихъ, мы найдемъ въ прекрасномъ сочиненіи Sir I. R. Seeley, «Жизнь Штейна».

національнаго единства и братства, гибельное для иноземнаго владычества, но и подало примѣръ реформы меньшимъ государствамъ, а главное, парализовало усилія тѣхъ, кто держался ретреградной политики въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и тѣмъ предотвратило крестовый походъ противъ «французскихъ идей», распространившихся въ Германіи; послѣ заключенія мира Пруссія не могла-бы, еслибъ и хотѣла, отступить назадъ, покинувъ занятую ею передовую позицію, а правительствамъ другихъ германскихъ государствъ трудно было оставить безъ вниманія прецедентъ, который поддерживали самые вліятельные члены вновь образовавшейся конфедераціи.

Австрія.

Первыя попытки освобожденія крѣпостныхъ въ Австріи были сдѣланы Маріей Терезіей. Въ этомъ сказалось и филантропическое направленіе, которымъ вообще отличалась ея политика и ея личная проницательность: она поняла, насколько важно было улучшить матерьяльное положеніе земледѣльческихъ классовъ, въ виду крупныхъ расходовъ на войны, которые можно было покрыть только соотвѣтствующими налогами. Препятствіемъ ея просвѣщеннымъ усиліямъ служила необходимость поддерживать дружественныя отношенія съ дворянами нѣкоторыхъ провинцій, оказавшими ей важныя услуги въ первые годы ея царствованія, и жестоко пострадавшими отъ послѣдствій Тридцатилѣтней войны; но она вышла побѣдительницей изъ затрудненія. Шагъ за шагомъ она предприняла рядъ мудрыхъ и строго обдуманныхъ мѣръ. Прежде всего она ограничила принадлежавшее помѣщикамъ право суда надъ крѣпостными, которымъ они часто злоупотребляли. Мотивируя свои дѣйствія финансовыми соображеніями, она твердо проводила тотъ принципъ, что крестьянскіе участки не должны сливаться съ владѣніями помѣщика. Въ Богеміи, Моравіи и нѣкоторыхъ

другихъ провинціяхъ она дала арендаторамъ на короткіе сроки право требовать отъ помѣщиковъ замѣны срочной аренды наслѣдственной, причемъ повсюду заново производилось размежеваніе земли, и участокъ оцѣнивался по новому разсчету стоимости имѣнія.

Всѣ такіе контракты обязаны были ревизовать оффиціальныя главы земскихъ собраній, также учрежденныхъ императрицей. Эта система покупки земли крестьянами имѣла широкое распространеніе и принесла блестящіе результаты.

Только въ концѣ своего царствованія Марія-Терезія могла значительно облегчить тяжесть личной службы, лежавшей на крестьянинѣ—(въ Австріи это называлось Roboten). Эти «работы», особенно земледѣльческія, были очень растяжимы и въ страдную пору отнимали у крѣпостного большую часть недѣли, а то и всю. Въ 1771 году императрица учредила спеціальную коммиссію для разслѣдованія жалобъ крестьянъ и попыталась помочь горю двумя способами: 1)—поощреніемъ добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами, съ замѣной «работъ» денежными взносами: но этотъ способъ оказался неудаченъ, такъ какъ стороны рѣдко удавалось привести къ соглашенію; 2)—и болѣе успѣшно, постановленіями, извѣстными подъ названіемъ Robot-und-Urbarial Patente; эти патенты для каждой провинціи устанавливали maximum работы (три дня въ недѣлю), который помѣщикъ могъ требовать отъ крестьянина, а также сумму, за которую крестьянинъ могъ откупиться отъ этой работы. Богемскіе крестьяне, невѣрно истолковавъ эти приказы, стали тѣшить себя преувеличенными надеждами, отказались работать на помѣщиковъ даже и въ положенные дни и въ концѣ концовъ возстали, такъ что для усмиренія ихъ пришлось прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Но это не заставило императрицу отказаться отъ своихъ высокихъ цѣлей: она продолжала облегчать личную службу крестьянъ въ

своихъ богемскихъ владѣніяхъ и замѣнять ее умѣренной денежной рентой; кромѣ того, она уничтожила въ помѣщичьихъ имѣніяхъ нѣкоторыя изъ крестьянскихъ повинностей, по ея мнѣнію, не имѣвшія законнаго основанія.

Больше всего сопротивленія она встрѣтила въ Венгріи, хотя тамъ крестьяне страдали, пожалуй, еще больше, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ, отъ тираніи помѣщиковъ. Чувствуя себя обязанной венгерскимъ магнатамъ за ихъ преданность и рыцарскую помощь въ тревожную эпоху ея воцаренія, императрица старалась дѣйствовать болѣе убѣжденіемъ, чѣмъ принужденіемъ. Но магнаты не стѣснялись прибѣгать къ недобросовѣстнымъ ухищреніямъ, чтобы противодѣйствовать ея реформамъ; да и сами крестьяне, ожесточенные горькимъ опытамъ, не надѣясь, чтобы реформы улучшили ихъ положеніе, противились введенію Уставныхъ грамотъ. Это было такое яркое проявленіе невѣжества, что Марія-Терезія (1770 г.) повелѣла устроить во всѣхъ деревняхъ элементарныя школы.

Ея сынъ и преемникъ держался той-же политики, но встрѣтилъ еще болѣе рѣшительное сопротивленіе. Онъ напрасно пытался уничтожить крѣпостное право, замѣнивъ его болѣе мягкой формой подчиненія, съ твердо установленными барщиной и оброкомъ, сначала (1781 г.) въ Богеміи, Моравіи и Селезіи, потомъ и въ другихъ имперскихъ провинціяхъ,—вездѣ, гдѣ оно еще уцѣлѣло. Излишняя торопливость и отсутствіе должной осмотрительности, такъ часто тормозившія благія начинанія Іосифа II, и на этотъ разъ погубили дѣло. Кромѣ того для осуществленія его намѣреній, ему недоставало развитыхъ и честныхъ людей. Благодаря этому, дворянство, въ особенности мадьярское, успѣшно противодѣйствовало его усиліямъ, и, незадолго до своей смерти, въ 1790 г., король вынужденъ былъ отмѣнить всѣ свои нововведенія, кромѣ Указа о терпимости и объ уничто-

женіи крѣпостного права: да и этими послѣдними пришлось пожертвовать его брату и преемнику Леопольду II, удовлетворившись Уставными Грамотами относительно оброка и барщины. Подобную-же оппозицію своимъ планамъ встрѣтилъ императоръ въ Верхней и Нижней Австріи: и въ этихъ провинціяхъ онъ вынужденъ былъ отмѣнить самыя важныя изъ постановленій Іосифа, которыя клонились къ тому, чтобы защитить крестьянъ отъ произвола помѣщиковъ, такъ какъ собственно крѣпостное право здѣсь уже не существовало. Преобразованія, введенныя Іосифомъ, удержались только въ Галиціи и Ладомеріи — позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ монархіи, гдѣ земледѣльческое населеніе ранѣе было положительно беззащитно и страшно страдало подъ гнетомъ тираніи помѣщиковъ [1]), благодаря тому, что польскіе короли, избираемые голосованіемъ, были слишкомъ слабы и уступчивы во всякихъ конфликтахъ съ дворянами. Въ числѣ этихъ преобразованій было уничтоженіе крѣпостного права (1728) и ограниченіе барщины. Леопольдъ II, послѣ него, Францъ II энергически противились попыткамъ польскихъ дворянъ возстановить прежній порядокъ вещей; когда-же Австріи, по третьему раздѣлу Польши, досталась Западная Галиція, Францъ ввелъ и въ этой провинціи тѣ-же реформы (1795 г.).

---

[1]) Король Станиславъ Лещинскій писалъ о положеніи крестьянъ въ Польшѣ, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, слѣдующимъ образомъ: «Le peuple est dans une extrême humiliation en Pologne à peine les distinguons nous des bêtes qu'ils entretiennent pour la culture de nos terres . . . trop souvent par un trafic scandaleux nous les vendons à des maîtres aussi cruels . . . je ne puis sans horreur rappeler ici cette loi qui n'impose qu'une amende de quinze francs à tout gentilhomme qui aura tué un paysan. La Pologne est le seul pays où la populace soit comme déchue de tous les droits de l'humanité . . . le joug terrible que nous leur avons imposé . . . Un noble condamne son sujet à la mort, quelquefois sans cause légitime, plus souvent sans procédure et sans formalités». La Voix libre du Citoyen. 1753 г. Стоитъ прочесть всю эту главу, озаглавленную «Народъ» (Le Peuple), она отличается весьма основательными сужденіями и проникнута возвышеннымъ чувствомъ.

Съ конца прошлаго столѣтія и до бурнаго 1848 года дѣло эмансипаціи въ Австріи почти не подвинулось впередъ. Правда, крестьяне земледѣльцы были лично свободны и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже владѣли землей, но въ большинствѣ провинцій они все еще болѣе или менѣе страдали отъ произвола помѣщиковъ. Крестьяне въ Богеміи, Моравіи и Галиціи не имѣли разрѣшенія пріобрѣтать землю въ собственность; въ Венгріи и Трансильваніи они не имѣли права откупиться отъ барщины и другихъ повинностей, даже при условіи согласія помѣщика и состоятельности крестьянина. Въ этихъ послѣднихъ провинціяхъ помѣщики, въ качествѣ судей, приговаривали крестьянъ къ тѣлесному наказанію, котораго законъ не давалъ имъ больше права назначать по своему усмотрѣнію, какъ помѣщикамъ. Движимую собственность свою крестьянинъ могъ передать только дѣтямъ; если у него не было дѣтей, онъ могъ располагать по завѣщанію только двумя третями своего состоянія; а въ случаѣ, если онъ, не имѣя дѣтей, умиралъ безъ завѣщанія, имущество его цѣликомъ переходило къ помѣщику.

Барщину установилъ еще Іосифъ II, но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ законъ соблюдался, она тяжело ложилась на крестьянъ, такъ какъ имъ приходилось два или три дня въ недѣлю работать на помѣщика. Наиболѣе просвѣщенные представители аристократіи настойчиво требовали уничтоженія барщины или замѣны ея оброкомъ, но почти не находили поддержки въ дворянствѣ. Наконецъ революціонное движеніе 1848 года привело къ вынужденному рѣшенію этого вопроса. 7-го сентября того-же года въ Вѣнскомъ рейхстагѣ прошелъ законъ, уничтожавшій наслѣдственное подчиненіе крестьянъ и освобождавшій земледѣльческое населеніе изъ цѣпей произвола. Законъ этотъ не былъ отмѣненъ и послѣ революціи, несмотря на то, что страною вновь овладѣлъ духъ реакціи. Эти реформы, включая и отнятіе у помѣщи-

ковъ права отеческаго суда надъ крестьянами, были распространены также на Венгрію и Трансильванію, и на сосѣднія съ ними провинціи, гдѣ, какъ и въ самой Австріи, земля, наконецъ, сдѣлалась собственностью тѣхъ, кто ее обработывалъ. Но прошло еще много лѣтъ, прежде чѣмъ совершился окончательный выкупъ земли; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ необходимымъ фондомъ для вознагражденія помѣщиковъ послужили налоги; въ другихъ—назначенъ былъ обязательный выкупъ, условія котораго опредѣлялись правительственными агентами. Реформы вводились медленно, но послѣдовательно, и въ концѣ концовъ сдѣлали свое дѣло, при возможно меньшей невыгодѣ для обѣихъ сторонъ.

Мелкія германскія государства.

Относительно времени уничтоженія крѣпостного права и мѣръ, которыя принимались для этого, мелкія германскія государства представляютъ намъ величайшее разнообразіе. Среди государей, которые, еще до французской революціи, пытались улучшить положеніе земледѣльцевъ, назовемъ Карла Фридриха Баденскаго, извѣстнаго физіократа; въ его владѣніяхъ крестьяне долго еще оставались въ зависимости, но зависимость эта проявлялась въ очень мягкой формѣ; самыя тяжелыя повинности ихъ съ теченіемъ времени мало-по-малу вышли изъ употребленія. Въ тѣхъ государствахъ, которыя на время отошли къ Франціи, эмансипація крестьянъ и земли, какъ мы видѣли, была полная; въ государствахъ, вошедшихъ въ составъ Рейнскаго Союза, она была только частичной. Въ нѣкоторыхъ княжествахъ столкновеніе интересовъ центральной власти и аристократіи оказалось весьма выгоднымъ для крестьянъ: такъ было въ Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ.

Наибольшими затрудненіями сопровождалась эмансипація крестьянъ въ Ганноверѣ, герцогствахъ Гессенскомъ и Мекленбургскомъ. Въ этомъ послѣднемъ герцогствѣ

крестьяне были поставлены въ особенно неблагопріятныя условія. Герцогство это сильно пострадало во время Тридцатилѣтней войны и еще больше по окончаніи ея, отъ гнета аристократической тиранніи. Въ 1802 г. Штейнъ обличалъ поведеніе помѣщиковъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя напоминаютъ намъ выходки Артура Юнга противъ жестокости или пренебреженія французскаго дворянства относительно своихъ крѣпостныхъ [1]). Даже и послѣ уничтоженія крѣпостного права, въ 1820 г., положеніе земледѣльческаго населенія оставалось весьма печальнымъ, и такъ продолжалось до половины девятнадцатаго столѣтія. Въ Гановерѣ, Гессенѣ и королевствѣ Саксонскомъ рѣшительный ударъ остаткамъ личной крѣпостной зависимости. (Erbunterthänigkeit) нанесла французская революція 1830 г. Результатомъ народныхъ движеній 1848 г. явилось завершеніе нѣкоторыхъ, давно уже задуманныхъ, но отложенныхъ въ долгій ящикъ финансовыхъ схемъ, имѣвшихъ цѣлью уничтожить на практикѣ тяготы, давно уже осужденныя въ принципѣ.

---

1) «Обширныя поля, большая часть которыхъ занята пастбищами или стоятъ подъ паромъ; чрезвычайно рѣдкое населеніе; рабочій классъ весь подъ гнетомъ крѣпостного права; участки земли при отдѣльныхъ фермахъ рѣдко хорошо обработаны - словомъ, въ общемъ, однообразіе, мертвая тишина, недостатокъ жизни и дѣятельности,—все это страшно угнетало и огорчало меня. Когда по дорогѣ мнѣ попадалась усадьба Мекленбургскаго помѣщика, который разоряетъ своихъ крестьянъ вмѣсто того, чтобы стараться улучшить ихъ положеніе, она производила на меня впечатлѣніе логовища дикаго звѣря, который опустошаетъ все окрестъ и окружаетъ себя могильнымъ молчаніемъ» Взято изъ книги Séeley: Жизнь Штейна.

ГЛАВА VI.

Африканская торговля невольниками и рабство негровъ.

Такимъ образомъ, въ государствахъ Западной Европы мало по малу исчезали всѣ формы рабства, уничтожаясь путемъ законодательства или постепенно выходя изъ употребленія: въ то-же время исторія ставила послѣдующимъ поколѣніямъ неумолимую проблему, все еще ожидающую разрѣшенія: упрочить положеніе классовъ, вышедшихъ изъ состоянія рабства.

Но, немного времени спустя послѣ того, какъ рабство прекратило свое существованіе въ наиболѣе просвѣщенныхъ государствахъ, выдвинулся на первый планъ и обратилъ на себя вниманіе новый видъ рабства,—колоніальнаго. Не вытекая логически изъ естественнаго хода вещей и не отвѣчая временной потребности человѣческаго развитія, это рабство и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніи было чудовищной аномаліей и ничего не принесло, кромѣ зла.

Въ 1442 г., когда Португальцы, подъ предводительствомъ Генриха Мореплавателя, отправились изслѣдовать берега Африки, омываемые Атлантическимъ Океаномъ, одинъ изъ офицеровъ португальскаго флота, Антамъ Гонзальвецъ, захватившій въ плѣнъ нѣсколькихъ мавровъ, былъ посланъ принцемъ отвезти этихъ мавровъ назадъ въ Африку. Въ обмѣнъ на плѣнныхъ онъ получилъ десять человѣкъ чернокожихъ и груду золотого песку. Это подстрекнуло алчность его единоплеменниковъ: они

снарядили нѣсколько кораблей, спеціально для такой мѣновой торговли и построили на африканскомъ берегу нѣсколько фортовъ. Изъ этихъ португальскихъ поселеній много негровъ было отправлено въ Испанію, и колоніальная торговля впервые проявилась ввозомъ въ новооткрытый Западный Свѣтъ дѣтей и потомковъ этихъ негровъ. Когда въ 1502 г., Овандо былъ посланъ губернаторомъ въ Испаньолу, ему было поручено ввести тамъ различныя мѣры, имѣвшія цѣлью защитить туземное населеніе отъ произвола завоевателей, но, къ сожалѣнію, оказавшіяся безплодными: въ то-же время было разрѣшено ввозить въ колонію невольниковъ негровъ, рожденныхъ въ Севильѣ и другихъ испанскихъ провинціяхъ и крещеныхъ въ христіанскую вѣру. Изъ письма Овандо, писаннаго въ 1503 г., видно, что въ то время въ Испаньолѣ было много негровъ: онъ ходатайствуетъ передъ испанскимъ правительствомъ о томъ, чтобы запретить ихъ вывозъ. Въ 1510 г. и въ послѣдующіе годы, король Фердинандъ отправилъ въ эту колонію множество африканцевъ для работы въ рудникахъ.

Еще до этого Колумбъ предложилъ испанскимъ купцамъ пріобрѣтать отъ него въ рабство плѣнныхъ въ обмѣнъ на жизненные припасы. Такимъ образомъ, представлялъ онъ, невѣрные будутъ приведены въ христіанскую вѣру, казна обогатится новымъ налогомъ на невольниковъ, а колонисты безъ всякихъ издержекъ будутъ получать жизненные припасы. Въ 1494 г. онъ отправилъ въ Испанію, на корабляхъ Антоніо Торреса, до 500 плѣнныхъ индѣйцевъ, захваченныхъ во время войнъ съ касиками, съ цѣлью продавать ихъ въ рабство въ Севильѣ. Король уже разрѣшилъ продажу ихъ, но королева Изабелла, заинтересованная тѣмъ, что она слышала о кротости, гостепріимствѣ и благородномъ характерѣ индѣйцевъ, выхлопотала у короля письмо къ епископу Фонсека, суперинтенданту, завѣдывавшему всѣми индійскими дѣлами, въ которомъ исполненіе королевскаго приказа от-

кладывалось до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведено слѣдствіе о томъ, по какой причинѣ ихъ держатъ въ плѣну и законна-ли ихъ продажа. Относительно послѣдняго вопроса богословы разошлись во мнѣніяхъ; Изабелла велѣла отправить индѣйцевъ обратно на родину и не обращаться съ ними сурово, но держаться примирительной политики. Конечно, оправданіемъ поступку Колумба служитъ то обстоятельство, что даже натурамъ высшаго порядка трудно подняться надъ уровнемъ понятій и предразсудковъ своего времени, но все-же этотъ его поступокъ останется темнымъ пятномъ на славномъ имени человѣка, открывшаго Новый Свѣтъ.

Овандо сопутствовалъ въ Испаньолу Бартоломео де-Лась-Казасъ, знаменитый епископъ Чьянскій. Ласъ-Казасъ и былъ свидѣтелемъ жестокостей, которыя совершались надъ индѣйцами при этомъ губернаторѣ.

Въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ «Разрушеніе Индіи» и обращенномъ къ Карлу V, онъ говоритъ, что въ такой небольшой промежутокъ времени, какъ 40 лѣтъ, погибло 12 — 15 милліоновъ индѣйцевъ, вслѣдствіе чрезвычайно жестокаго обращенія съ ними испанцевъ. Онъ объясняетъ это властолюбіемъ и скупостью испанцевъ и жестокимъ фанатизмомъ ихъ священниковъ, а туземцамъ, напротивъ, отдаетъ должное за мягкость ихъ нравовъ, за доброту и покорность: туземцы, по его мнѣнію, далеко не заслуживаютъ тѣхъ оскорбленій и безчеловѣчія, жертвой которыхъ они стали въ рукахъ испанцевъ. «Испанцы, говоритъ Ласъ-Казасъ, расхищали ихъ богатства, на ихъ же глазахъ насиловали женъ и дочерей, самымъ жестокимъ образомъ изувѣчивали ихъ, находили удовольствіе отрубать имъ руки, ноги, уши, вырывать глаза и языки, вѣшать, сжигать, раздавливать на землѣ ихъ дѣтей и отдавать ихъ на съѣденіе собакамъ». Свидѣтельство это подтверждается и монахами, бывшими очевидцами этихъ ужасовъ. «Женщины заняты были земледѣльческими работами, а мужчины работами

въ рудникахъ. Масса индѣйцевъ кончали жизнь самоубійствомъ,—они вѣшались. Благодаря жестокости только одного испанца, ихъ повѣсилось до 200 человѣкъ. Одинъ королевскій офицеръ получилъ 300 индѣйцевъ; по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, изъ этого числа осталось только 30 человѣкъ. Ему дали новыхъ 300, которыхъ постигла та же участь. Онъ продолжалъ поступать такимъ способомъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, самъ не отправился на тотъ свѣтъ». Тотъ же самый Ласъ-Казасъ разсказываетъ относительно Перу, что нѣкій Алонзо Санчецъ, встрѣтивши группу женщинъ, нагруженныхъ съѣстными припасами, забралъ припасы себѣ, а женщинъ изрубилъ. Другой испанецъ, отправляясь на охоту и не имѣя чѣмъ покормить собакъ, схватилъ ребенка отъ груди матери и изрубилъ его въ куски, чтобъ раздать своимъ гончимъ. «Я своими собственными глазами видѣлъ, говоритъ Ласъ-Казасъ, какъ испанцы, по одному капризу, отрѣзывали у мужчинъ и женщинъ носы и уши, и я увѣряю передъ Богомъ, что не преувеличилъ ни на одну десятитысячную всего того, что дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ». *

Въ 1517 году Ласъ-Казасъ поѣхалъ въ Испанію ходатайствовать о нѣкоторыхъ мѣрахъ въ защиту индѣйцевъ и между прочимъ внушилъ Карлу мысль дать разрѣшеніе каждому испанцу, поселившемуся въ Испаньолѣ привезти съ собой дюжину невольниковъ негровъ. Въ своей Historia des las Indias (кн. III, гл. 101), Ласъ-Казасъ откровенно признается, что совершилъ тогда важную ошибку. «Совѣтъ разрѣшить ввозъ въ эти земли невольниковъ негровъ первымъ подалъ королю духовный, Казасъ, не принявъ въ соображеніе той несправедливости, съ какой португальцы захватываютъ ихъ и обращаютъ въ рабство; еслибъ онъ предвидѣлъ, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ совѣтъ, онъ ни за что на свѣтѣ не далъ бы его. Ибо онъ всегда утверждалъ, что обращать людей въ рабство есть несправедливость и тиранія; это относится столько-же къ неграмъ, сколько

и къ индѣйцамъ». Одновременно съ нимъ тотъ-же совѣтъ повторяли многіе благонамѣренные люди, да и самый фактъ ввоза, какъ извѣстно, не былъ новостью; юный король, еще въ 1516 г., т. е. въ бытность свою во Фландріи, далъ разрѣшеніе своимъ приближеннымъ ввозить негровъ въ колоніи, хотя Хименецъ, въ качествѣ регента Кастиліи, въ томъ-же году запретилъ это особымъ указомъ. Совѣтъ Ласъ-Казаса безъ сомнѣнія основывался на томъ, что негры лучше индѣйцевъ могли переносить тяжелыя работы въ рудникахъ, быстро истощающія силы послѣднихъ [1]). Многіе, основываясь на этомъ, находятъ, что онъ вовсе не заслуживаетъ порицанія, но самъ онъ, какъ мы видѣли, признаетъ себя виноватымъ, и, хотя его рвеніе и настойчивость, съ которой онъ старался улучшить положеніе туземцевъ Новаго Свѣта, заслуживаютъ уваженія, потомство по справедливости осудитъ его за его жестокость или пренебреженіе законами нравственности. Совѣтъ его былъ къ несчастью принятъ. «Карлъ», говоритъ Робертсонъ [2]), «далъ привилегію одному изъ своихъ фаворитовъ фламандцевъ на исключительное право ежегоднаго ввоза 4000 негровъ въ Испаньолу, Кубу, Ямайку и Порто-Рико. Фаворитъ продалъ свою привилегію генуэзскимъ купцамъ за 25,000 дукатовъ; купцы эти покупали невольниковъ отъ португальцевъ; такимъ образомъ положено было начало отвратительной систематической торговлѣ между Африкой и Америкой, которая впослѣдствіи разрослась до изумительныхъ размѣровъ:» . . . «Примѣру испанцевъ послѣдовали всѣ европейскія націи, которыя пріобрѣли владѣнія въ тепломъ климатѣ Новаго Свѣта».

---

[1]) Впродолженіи пятидесяти лѣтъ, послѣдовавшихъ за открытіемъ Западной Индіи, испанцы, по увѣренію Робертсона, свели число жителей Испаньолы съ 1,000,000 до 60,000.

[2]) History of Amerika, кн. III и Historical Disquisition concerning Ancient India, сек. IV. 6.

Первый англичанинъ, который занялся этой гнусной торговлей, былъ кэптенъ Джонъ Гаукинсъ, впослѣдствіи назначенный казначеемъ флота и возведенный въ рыцарское достоинство. Это былъ человѣкъ храбрый, энергичный, въ узкомъ смыслѣ патріотъ, но беззастѣнчивый и жестокій—типъ, весьма распространенный во времена королевы Елизаветы, какъ въ Англіи, такъ и вездѣ. «Узнавъ,» говоритъ Гаклюйтъ (Hakluyt), «что негры считаются въ Испаньолѣ весьма хорошимъ товаромъ и что добыть ихъ весьма легко на Гвинейскомъ берегу, онъ рѣшилъ про себя сдѣлать попытку» Въ 1552 г. онъ отплылъ въ Сіерра-Леоне, «гдѣ оставался довольно долгое время и пріобрѣлъ, частію мечемъ, частію другими средствами, до трехсотъ невольниковъ — негровъ, не считая другихъ товаровъ которые производитъ эта страна»: затѣмъ онъ выгодно продалъ ихъ въ Испаньолѣ. На слѣдующій годъ онъ предпринялъ новую экспедицію,—причемъ ему оказали покровительство и денежную помощь по подпискѣ лордъ Робертъ Дудлей, (впослѣдствіи графъ Лейчестеръ), графъ Пемброкъ и другіе—на пяти корабляхъ, къ которымъ съ теченіемъ времени присоединилось еще три, подъ начальствомъ другаго лица. «Дѣйствуя какъ разбойникъ и убійца», говоритъ Брайонъ Эдвардсъ, онъ въ то-же время изобрѣлъ для своихъ людей особый уставъ, первыми правилами котораго были: «Ежедневно молитесь Богу» и «Любите другъ друга». Онъ высадился у Зеленаго Мыса и, найдя туземцевъ «по натурѣ весьма кроткими и привязчивыми» и «болѣе цивилизованными, чѣмъ можно было ожидать», благодаря ежедневному общенію съ французами, онъ «хотѣлъ увезти ихъ съ собой, но ему это не удалось. Тогда онъ направился на югъ и достигъ Ріо Гранде; здѣсь онъ «шелъ берегомъ, жегъ и разорялъ города и уводилъ въ плѣнъ туземцевъ». Затѣмъ онъ отвезъ ихъ въ американскія поселенія, основанныя испанцами, и съ оружіемъ въ рукахъ заставилъ колонистовъ

купить его плѣнниковъ за ту цѣну, какую ему угодно было назначить. Совершивъ такія великія дѣла и вернувшись въ Англію, онъ былъ принятъ съ большими оваціями народомъ и дворомъ, хотя, говорятъ, совѣсть Елизаветы и возмущалась противъ такого образа дѣйствій. Все же онъ былъ пожалованъ потомственнымъ дворянствомъ и гербомъ, въ которомъ былъ изображенъ «мулатъ, въ натуральномъ цвѣтѣ, плѣнный и скованный,» какъ «символъ гнусной торговли, которую онъ сдѣлалъ популярной въ Англіи».

Англійскіе торговцы невольниками вначалѣ снабжали ими исключительно испанскія поселенія. Въ царствованіе Елизаветы, въ Америкѣ не было основано ни одной постоянной колоніи. Но Іаковъ I въ 1606 г. пожаловалъ съ этой цѣлью особой грамотой двѣ компаніи, которымъ и удалось, послѣ многихъ усилій и превратностей, положить прочное основаніе двумъ колоніямъ: Виргиніи и Новой Англіи. Первая занялась въ широкихъ размѣрахъ разведеніемъ табаку: въ 1620 г. столицу ея, Джимстоунъ посѣтилъ голландскій корабль, прибывшій изъ гавани съ грузомъ невольниковъ, и продалъ владѣльцамъ табачныхъ плантацій часть своего живого товара. Такъ было положено начало рабству въ Британской Америкѣ: количество негровъ постепенно—благодаря ввозу, расло—вначалѣ, впрочемъ, медленно, полевыя работы все болѣе и болѣе переходили въ руки невольниковъ, такъ что въ 1790 г. въ штатѣ Виргинія, составлявшемъ только малую часть первоначальной колоніи, названной этимъ именемъ, насчитывалось уже до 200,000 негровъ.

Долго торговля африканскими неграми составляла монополію вышеупомянутыхъ двухъ компаній; но въ первый годъ царствованія Вильгельма и Маріи, королевскимъ указомъ она была объявлена свободной и доступной всѣмъ подданнымъ англійской короны. Тѣмъ не менѣе, африканскія компаніи продолжали существовать и

отъ времени до времени получали отъ парламента большія льготы. По Утрехтскому договору asiento [1]), или контрактъ на поставку въ испанскія колоніи ежегодно 7800 негровъ, предварительно заключенный съ голландцами, а потомъ перешедшій къ французамъ, былъ переданъ Великобританіи; одна изъ англійскихъ компаній выхлопотала себѣ монополію на эту поставку на тридцатилѣтній срокъ, считая съ 1-го Мая 1713 г. Но контрактъ этотъ былъ нарушенъ уже въ 1739 г., ибо жалобы англійскихъ купцовъ съ одной стороны и испанскихъ чиновниковъ съ другой достигли такихъ размѣровъ, что Филиппъ V рѣшилъ признать asiento недѣйствительнымъ, а народное возбужденіе заставило сэра Роберта Вальполя (Walpole) объявить войну Испаніи. Между 1680 и 1700 годами около 140.000 негровъ были вывезены африканской компаніей, около 160,000 частными лицами и искателями приключеній; слѣдовательно, всего до 360.000. Съ 1700 и до конца 1786 г. до 610.000 невольниковъ было продано на одинъ островъ Ямайку, съ 1655 г. перешедшій во владѣніе Англіи. Брайонъ Эдвардъ [2]) считаетъ, что въ періодъ времени 1680—1786 г. во всѣ британскія колоніи въ Америкѣ и Западной Индіи было ввезено 2,130.000 негровъ, среднимъ числомъ въ годъ по 20,095. Онъ признается, однако, что въ его время это число показалось-бы слишкомъ ничтожнымъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительному. Высшей степени развитія торговля невольниками въ Англіи достигла незадолго до американской войны за независимость. Средоточіемъ ея былъ главнымъ образомъ Ливер-

---

[1]) Испанцы не могли основать поселеній на африканскомъ берегу; Демаркаціонная Булла («Inter caetera») папы Александра VI (1493 г.) запрещала имъ пріобрѣтать земли на востокъ отъ меридіана, проходящаго на сто миль къ западу отъ Азорскихъ острововъ. Поэтому они могли снабжать рабами свои американскія владѣнія только при помощи другихъ государствъ, съ которыми они для этого и заключали контракты.

[2]) History of the West India, кн. IV, гл. 2.

пуль, но также Лондонъ, Бристоль и Ланкастеръ; число невольничьихъ кораблей, отплывавшихъ изъ этихъ портовъ, достигало 192, и помѣститься на нихъ могло до 47,146 негровъ. Во время войны работорговля затихла, но съ окончаніемъ ея немедленно-же оживилась вновь.

Въ ту эпоху, когда писалъ Эдвардсъ (1791) число европейскихъ факторій на африканскихъ берегахъ достигало 44: 14 англійскихъ, 3 французскихъ, 15, голландскихъ, 4 португальскихъ и 4 датскихъ. Число невольниковъ, вывезенныхъ съ континента около 1790 г. представителями различныхъ европейскихъ государствъ, принимавшихъ участіе въ работорговлѣ, со всевозможной точностью опредѣляется слѣдующимъ разсчетомъ:—«Британцы—38,000; французы—20,000; голландцы—4,000; датчане—2,000; португальцы—10,000: всего 74,000». Слѣдовательно, болѣе чѣмъ на половину торговля невольниками находилась въ британскихъ рукахъ. «Въ настоящее время», говоритъ Робертсонъ, также писавшій въ 1721 г., число невольниковъ негровъ въ вестъ-индскихъ поселеніяхъ, принадлежащихъ Великобританіи и Франціи, достигаетъ милліона и даже болѣе; а такъ какъ система рабства во всѣ времена оказывалась весьма неблагопріятствующей приросту населенія, для поддержанія его на одномъ уровнѣ необходимо ежегодно ввозить до 58,000 рабовъ». Число невольниковъ въ испанскихъ владѣніяхъ и въ Сѣверной Америкѣ, по его мнѣнію, также достигало милліона [1]).

Охота на людей и воровство ихъ съ цѣлью обращенія въ рабство, уже практиковавшіяся въ Африкѣ въ видахъ снабженія рабами центральныхъ государствъ этого материка, а также невольничьихъ рынковъ сѣверной Африки, Турціи и другихъ странъ, исповѣдующихъ религію Магомета, значительно усилились и распространились, благодаря спросу на невольниковъ въ европейскихъ

---

[1]) Ancient India, сек. IV, 6.

колоніяхъ. Начальники туземныхъ племенъ устраивали иногда облавы на своихъ-же собственныхъ подданныхъ, съ цѣлью обмѣна ихъ на предметы западной роскоши. Часто, по ночамъ, они поджигали деревни и забирали въ плѣнъ жителей, пытавшихся спастись бѣгствомъ. Такимъ образомъ, все, что было въ Африкѣ варварскаго и ужаснаго, усилилось и развилось, благодаря иностранному подстрекательству. Къ бѣдствіямъ, вызваннымъ этимъ, и къ страданіямъ, которыя переносили плѣнники во время доставки ихъ на берегъ, (объ этомъ мы еще будемъ говорить ниже), надо прибавить еще ужасы морского путешествія. Кто-то сказалъ, что никогда еще на такомъ маленькомъ пространствѣ не сосредоточивалось столько несчастій и горя, какъ на невольничьемъ кораблѣ. Негры, по словамъ сэра Уил. Дольбена, «были скованы другъ съ другомъ по рукамъ и по ногамъ и помѣщены въ такомъ тѣсномъ пространствѣ, что на долю каждаго доставалось не болѣе полутора фута. Стиснутые, какъ сельди въ бочкѣ, они роковымъ образомъ подвергались всевозможнымъ заболѣваніямъ, и нерѣдко, по утрамъ надсмотрщикамъ приходилось убирать мертвыхъ рабовъ и отковывать ихъ трупы отъ ихъ несчастныхъ товарищей по страданію».

Моряки, служившіе на невольничьихъ корабляхъ, сплошь и рядомъ погибали отъ заразныхъ болѣзней. Благодаря этой причинѣ, а также грубости и жестокости капитановъ невольничьихъ кораблей, эта отрасль англійской торговли погубила за одинъ годъ больше матросовъ, чѣмъ ихъ перемерло во всемъ остальномъ флотѣ за два. Не считая невольниковъ, умиравшихъ до отплытія изъ Америки, 12 ½ % умирало за время переѣзда въ Вестъ-Индію; въ Ямайкѣ 4 ½ % умирали еще въ гавани, до перевозки, да ⅓ погибала впродолженіи «сезона». Такимъ образомъ, изъ 100 невольниковъ, отправленныхъ изъ Африки, 17 умирало въ первые-же 9 недѣль и не болѣе 50 попадали на работы на острова.

Условія ихъ послѣдующей жизни на плантаціяхъ не благопріятствовали ихъ размноженію. На островѣ Ямайкѣ въ 1620 г. считалось 40.000 негровъ: съ этого года и до 1820 ввезено было 800.000; а между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ году на Ямайкѣ насчитывалось всего 340,000 невольниковъ. Одной изъ причинъ, препятствовавшихъ естественному приросту населенія, была неравномѣрность количественнаго распредѣленія половъ: на одной Ямайкѣ въ 1789 г. число мужчинъ на 30.000 превышало число женщинъ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ VI ГЛАВѢ.

Нѣкоторыя подробности о негроторговлѣ и о положеніи африканскихъ невольниковъ.

(Tourmagne).

На африканскомъ берегу негра покупали за 75—300 франковъ, а въ Америкѣ его продавали за 300—1000 франковъ. Эта торговля производилась слѣдующимъ образомъ. Африканскіе купцы, соединивши несчастныхъ негровъ, частью и рожденныхъ въ рабствѣ, частью захваченныхъ на войнѣ или путемъ обмана похищенныхъ спеціально для продажи, связывали ихъ по рукамъ и ногамъ и ставили въ особое огороженное мѣсто въ ожиданіи невольничьяго корабля. Капитанъ этого послѣдняго выкладывалъ передъ купцомъ мелкія стеклянныя вещи, табакъ, ружья, разноцвѣтныя матеріи и за опредѣленное количество товара на сумму 110—130 франковъ получалъ хорошаго негра, котораго впослѣдствіи перепродавалъ за 1—2 тысячи франковъ. Проданныхъ невольниковъ соединяли одной общей цѣпью и вели на корабль, ожидавшій ихъ у берега. Тамъ ихъ сковывали по двое и болѣе, привязывали къ палубѣ или стѣнкѣ корабля, помѣщали въ глубинѣ трюма или между палубами въ такой тѣснотѣ, что они не могли ни сѣсть, ни стоять на ногахъ, часто вынуждены были лежать на боку, будучи не въ состояніи перемѣнить положеніе тѣла.

Такимъ образомъ изъ яруса въ ярусъ, вышиною только въ 2 фута, были навалены одинъ надъ другимъ цѣлые ряды людей. Часто при внезапномъ движеніи корабля они наваливались другъ на друга, вслѣдствіе чего многіе задыхались до смерти. Въ такой обстановкѣ они находились втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пути. Два раза въ день имъ давали въ пищу исключительно иньямъ (Pignane), сушеные бобы и $^1/_2$ литра воды. Въ хорошую погоду они ѣли на палубѣ, гдѣ потомъ должны были танцовать въ кандалахъ, чтобъ придать гибкость окоченѣвшимъ членамъ. Отказывавшихся отъ этого упражненія безжалостно стегали бичемъ. Треть груза погибала въ дорогѣ и въ первые дни по прибытіи [1]). Чтобъ выбросить лишній грузъ въ море, не всегда ожидали той минуты, когда больные или умирающіе испустятъ духъ. Часто выбрасывали и тѣхъ, въ спасеніи которыхъ уже отчаялись. Бывали несомнѣнные случаи, что торговыя суда бросали въ море весь свой живой грузъ, если у нихъ не оказывалось болѣе съѣстныхъ припасовъ. Тѣмъ не менѣе эта торговля, узаконенная, регламентированная и покровительствуемая государствомъ, давала большіе барыши,—именно 50 % чистой прибыли.

Европейскія націи для веденія негроторговли раздѣлили между собой чуть ли не весь африканскій берегъ. Французы торговали между Сенегаломъ и Гамбіей, голландцы пониже этой рѣки, англичане въ сѣверной Гвинеѣ, а португальцы въ южной. У каждой націи на этомъ берегу было извѣстное число фортовъ, подъ защитой которыхъ и производилась торговля: здѣсь же и содержался живой человѣческій товаръ до прихода невольничьяго корабля.

Въ теченіе почти 3-хъ столѣтій и до начала нынѣшняго всѣ европейскія націи спокойно предавались этой выгодной торговлѣ съ цѣлью снабженія невольниками

---

1) De Clarigny. Suppression de la traite. Revue des deux mondes, 1845.

своихъ колоній. Прошли цѣлыя десятки и сотни лѣтъ, прежде чѣмъ они устыдились такого способа наживы. Франція и Англія объявили, наконецъ, эту торговлю гнуснымъ и несправедливымъ дѣломъ и стремились ее уничтожить путемъ договоровъ, дающихъ право на осмотръ иностранныхъ кораблей. Созданіе интернаціональныхъ крейсеровъ и строгости, введенныя вначалѣ текущаго столѣтія, затруднили негроторговлю. Многіе торговцы, опасаясь за свое имущество и жизнь, оставили мало-по-малу свое постыдное занятіе, и рынки опустѣли. Благодѣтельное послѣдствіе запрещенія работорговли обнаружилось прежде всего на Западномъ берегу Африки, занятомъ англійскими и французскими владѣніями, за которыми, благодаря болѣе частымъ посѣщеніямъ кораблей, было больше надзора. Пониженіе спроса на невольниковъ понизило и цѣну на нихъ въ Африкѣ. На американскомъ же рынкѣ уменьшеніе предложенія немедленно удвоило цѣну на живой товаръ. Послѣднее обстоятельство подстрекнуло алчность и смѣлость нѣкоторыхъ торговыхъ судовъ, не убоявшихся новыхъ опасностей.—Все болѣе и болѣе тѣснимые на западномъ берегу, они передвинулись на берегъ восточный, гдѣ имамъ Москатскій, султанъ Занзибарскій и мелкіе внутренніе царьки снабжали ихъ живымъ товаромъ, совершая набѣги на людей или въ собственныхъ государствахъ, или во владѣніяхъ своихъ сосѣдей. Внутреннія войны туземныхъ племенъ также доставляли не мало невольниковъ.

Если съ одной стороны война доставляла человѣческій товаръ, то съ другой стороны она сама порождалась потребностью въ этомъ товарѣ. Такъ одинъ губернаторъ еще не имѣя товара, напередъ продалъ на какое-то торговое судно, извѣстное количество дѣтей: чтобы добыть ихъ, онъ неожиданно напалъ на деревню, истребилъ мужчинъ и женщинъ, пощадивши только дѣтей, которыхъ онъ долженъ былъ представить своему поку-

пателю. Но продавали не однихъ только военноплѣнныхъ. Часто мужья продавали женъ, отцы продавали дѣтей за какое нибудь ружье или боченокъ рому. Цѣлые караваны невольниковъ неоднократно погибали на пути отъ усталости и лишеній.

По прибытіи на мѣсто назначенія, въ Америку, невольничьи корабли разгружались, больныхъ и истощенныхъ рабовъ вели въ бараки для поправленія, а остальныхъ отправляли на рынокъ, гдѣ торговля невольниками производилась такимъ же образомъ, какъ нѣкогда въ Греціи и Римѣ. Не только самая сущность рабства сохранилась втеченіи цѣлыхъ тысячелѣтій, но даже и форма его осталась прежней. Покупатель-колонистъ подробно осматривалъ каждаго раба,—и его глаза, и зубы, ощупывалъ его то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, какъ продажную лошадь. Въ это время особый агентъ стоялъ рядомъ и восхвалялъ товаръ. Онъ хвалилъ толщину рукъ, ширину груди и плечъ, мясистыя икры, крѣпкія или красивыя руки и ноги. Рабъ долженъ былъ передъ покупателемъ и ходить, и бѣгать, кашлять, подымать тяжести. Только послѣ всѣхъ этихъ испытаній наконецъ его покупали и затѣмъ отправляли на плантаціи.

Въ то время, когда американскіе Соединенные Штаты еще только слагались и росли независимо другъ отъ друга, отличаясь различнымъ государственнымъ устройствомъ и управленіемъ, одни изъ нихъ, именно сѣверные, принимали къ себѣ только свободныхъ наемныхъ рабочихъ, а южные, и изъ нихъ первая Виргинія пользовались рабами, которыхъ употребляли для разведенія табаку, хлопка, рису и индиго. Въ этомъ сыромъ и жаркомъ климатѣ старались пріобрѣсти негра, на котораго не дѣйствовала лихорадка и безъ котораго, какъ говорили, плантаторъ не можетъ ничего сдѣлать.

Кромѣ того негръ легко поддавался рабству, къ которому онъ привыкъ, тогда какъ индіецъ, при всемъ

своемъ безсиліи, не могъ ему подчиниться. Негровъ особенно покупали въ южныхъ штатахъ, и число ихъ такъ быстро возрасло, что чрезъ небольшой промежутокъ времени ихъ стало больше чѣмъ бѣлыхъ.

Водворившись у своего новаго господина, рабъ получалъ вмѣсто одежды коленкоровую повязку, которой и опоясывался: повязка эта служила ему единственной одеждой, такъ какъ ни шляпы, ни обуви рабу не полагалось. Въ пищу выдавалось ему еженедѣльно извѣстное количество муки и маисовыхъ зеренъ, и онъ уже самъ готовилъ себѣ изъ нихъ пищу. Спалъ онъ на землѣ въ закрытомъ и огороженномъ желѣзной рѣшеткой помѣщеніи; работать долженъ онъ былъ 14 часовъ въ день, а иногда и больше. Лишь только начиналось утро, прикащикъ хлопалъ бичомъ, и по этому сигналу невольники строились въ ряды и отправлялись на плантаціи. Трудъ не чередовался ни съ какимъ отдыхомъ, а при малѣйшемъ послабленіи нагайка прикащика скользила по тѣлу несчастнаго, вырывая изъ него куски мяса

Рабъ не находился подъ покровительствомъ общихъ законовъ. Для него во французскихъ колоніяхъ даже существовали особенные законы, — такъ называемый «Черный Кодексъ» или собраніе законовъ, до такой степени жестокихъ, что предъ ними блѣднѣетъ кодексъ Людовика XIV, и тѣмъ не менѣе эти законы существовали до самого уничтоженія невольничества.

Черный Кодексъ разсматривалъ невольниковъ какъ животныхъ, но животныхъ коварныхъ, которыхъ нужно остерегаться. Всякій колонистъ обязанъ былъ арестовать невольника или тутъ же на мѣстѣ наказать его, если тотъ попадется ему внѣ плантаціи. Въ случаѣ сопротивленія его можно убить безнаказанно. За малѣйшій проступокъ по приказанію мирового судьи, невольника арестовывали и представляли въ судъ, состоящій изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ плантаторовъ, естественныхъ враговъ подсудимаго. Законъ вручалъ жизнь невольника этому суду.

который и могъ опредѣлять произвольно наказаніе, назначать родъ казни, которой безъ аппеляціи и безъ промедленія долженъ подвергнуться несчастный.

Неволя какъ для него, такъ и для его потомства, должна, по духу такого закона, продолжаться вѣчно [1]). Такимъ образомъ американское рабство, не смотря на то, что оно было отдѣлено отъ античнаго 15-ю вѣками христіанства и цивилизаціи, отличалось чуть ли не большей жестокостью, чѣмъ это послѣднее, дозволявшее и peculium, и отпущеніе на волю.

Не пользуясь правами личности, рабъ имѣлъ здѣсь лишь нѣкоторыя права въ области чисто животной жизни, на подобіе того, какъ нашъ законъ покровительствуетъ животнымъ. Онъ говорилъ напр., что «всякій плантаторъ обязанъ снабжать раба ежемѣсячно кружкой соли и боченкомъ маису или соотвѣтствующимъ количествомъ рису, бобовъ или другихъ зеренъ. Въ началѣ лѣта онъ долженъ выдать ему рубаху и панталоны, а зимой шерстяное одѣяло. Рабъ долженъ работать только 15 часовъ лѣтомъ и 14 зимою. Въ воскресенье онъ имѣетъ право на отдыхъ.

«Всякій, кто отрѣжетъ рабу языкъ, вырветъ глазъ, кастрируетъ, лишитъ его употребленія какого либо члена или накажетъ его чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ бича, плети, палки, кандаловъ и заключенія въ тюрьму, за каждое изъ этихъ преступленій будетъ отвѣчать штрафомъ (государству)». Въ Каролинѣ этотъ штрафъ былъ 500 франковъ, въ Луизіанѣ вдвое и втрое больше [2]). Если негръ въ свою очередь побьетъ или поранитъ своего господина и его семейство, или даже своего надсмотрщика, если онъ будетъ уличенъ въ поджогѣ или въ воровствѣ —онъ наказывается смертью, а за всѣ остальныя преступленія бичомъ въ какомъ угодно

[1]) Labolaye, t. 1. 373 etc.

[2]) Code noire de la Caroline. 23.

количествѣ ударовъ. Бичъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ не совсѣмъ обыкновенный.—Онъ калѣчилъ тѣло и отрывалъ мясо кусками. Судьями же въ подобномъ случаѣ являлся никто иной, какъ шесть рабовладѣльцевъ подъ предсѣдательствомъ мирового судьи.

Если вслѣдствіе дурного обращенія или тоски по родинѣ невольникъ желалъ спастись бѣгствомъ, за нимъ по пятамъ тотчасъ же гнался ranchero съ своими собаками. Почтенная должность ranchero была измышлена испанцами. Такъ назывался спеціально охотникъ на людей, находившійся при домѣ подобно сторожу. Въ случаѣ побѣга раба онъ скликалъ собакъ, бралъ ружье, саблю и отправлялся на свою страшную охоту. Его собаки, спеціально выдрессированныя отыскивать слѣды негра, подобно тому, какъ наши дрессируются чтобы бѣжать по слѣдамъ зайца, немедленно открывали бѣглеца. Достаточно было дать имъ понюхать какія нибудь его вещи, чтобы онѣ попадали на вѣрный путь. Настигнувъ свою жертву, онѣ останавливали ее на мѣстѣ и принуждали вернуться къ хозяину, готовые растерзать ее за всякое непослушаніе. Ranchero, бывшій всегда не вдалекѣ, приближался по выразительному лаю собакъ къ данному мѣсту, накладывалъ на бѣглеца ручные кандалы и уводилъ его къ дому, въ награду за что получалъ 20 піастровъ. Что касается возвращеннаго раба, то его наказывали, въ присутствіи другихъ невольниковъ, его товарищей по несчастью; ему давали извѣстное число ударовъ бича, вырывавшаго куски мяса, или отрѣзали ему уши; иногда его нарочно изувѣчивали и надолго заключали въ тяжелые кандалы, непозволявшіе ему убѣжать.

О бѣгствѣ невольниковъ Черный Кодексъ говорилъ: если рабъ пытался бѣжать, т. е. украсть себя у господина, онъ достоинъ былъ смерти, равно какъ и тотъ, кто содѣйствовалъ бѣгству. Если же онъ только исчезалъ на нѣсколько дней, въ первый разъ его наказывали бичомъ, во второй клеймили раскаленнымъ желѣ-

зомъ, въ третій—обрѣзывали ухо, а въ четвертый—кастрировали. Этимъ же Кодексомъ воспрещался рабу всякій peculium, всякій личный трудъ: даже не дозволялось господину освобождать раба.

У невольника не существовало семьи, потому что во всякое время онъ могъ быть разлученъ съ своей женой и съ дѣтьми,—его могли продать по одному желанію господина или приказчика. Въ 47-й статьѣ «Чернаго Кодекса» запрещается продавать порознь мужа, жену и малолѣтнихъ дѣтей. Такое выраженіе «закона» предполагаетъ право на розничную продажу уже дѣтей взрослыхъ. Рабовъ не только не обучали, но даже запрещено было самое обученіе, «потому что оно отнимало у раба время и могло внушить ему только гордость». Христіанская религія въ рукахъ колонистовъ говорила рабамъ только о необходимости повиновенія своимъ господамъ. По свидѣтельству одного изъ миссіонеровъ, губернаторъ колоніи присвоивалъ себѣ право даже надъ духовными лицами: онъ указывалъ, чѣмъ должны ограничиваться ихъ обязанности, какъ они должны проповѣдывать Евангельское ученіе, и прямо изгонялъ тѣхъ, которые не сообразовались съ церковными правилами, составленными въ его канцеляріяхъ. «Я здѣсь епископъ», сказалъ Губейръ одному священнику въ Гваделупѣ. Отъ губернатора же получали свои полномочія вновь прибывшіе миссіонеры. Колонисты приходили въ священническій домъ, и тамъ устраивался родъ веселаго клуба, гдѣ собирались по вечерамъ и проводили время въ праздной болтовнѣ. Но пасторы и прелаты отнюдь не могли говорить о единствѣ и братствѣ людей, такъ какъ это уже касалось политики. При такихъ условіяхъ понятно, почему много народу стекалось въ церковь послушать лишь новаго проповѣдника только въ первое его воскресенье. До какой степени рабство вредно вліяло на религію, видно изъ того, что вѣрующіе рабы говорили: «Нечего намъ ходить туда, гдѣ мы узнаемъ только то, что мы должны лишь тру-

диться и повиноваться: достаточно насъ обучаютъ этому и дома, а бичъ приказчика не дастъ намъ забывать объ этихъ внушеніяхъ».

Въ концѣ XVII вѣка Кольберъ попытался смягчить положеніе невольниковъ во французскихъ колоніяхъ. Издавая сводъ законовъ о неграхъ, онъ попробовалъ сохранить за рабомъ нѣкоторыя права, нераздѣльныя съ человѣческой личностью. Хотя кодексъ Кольбера и указываетъ на нѣкоторый прогрессъ и смягченіе нравовъ, тѣмъ не менѣе и его невозможно читать безъ тоски и негодованія. И здѣсь мы находимъ такія статьи и законы:

«Все, чѣмъ бы ни владѣли невольники или что бы они ни получили или пріобрѣли, принадлежитъ ихъ господамъ». «Рабъ, ударившій господина въ лицо или съ пролитіемъ крови, наказуется смертью.—Смертная казнь ожидаетъ раба и за кражу съ увеличивающими вину обстоятельствами. Бѣглому рабу отрѣзываются уши и клеймится плечо особымъ клеймомъ съ изображеніемъ лиліи. При второмъ бѣгствѣ рабу подрубаютъ колѣно, а за третье онъ наказывается смертью» (38 статья). Эти ужасныя предписанія только напоминаютъ и освящаютъ предшествовавшую гнусную практику. Смягченія, которыми пытались облегчить положеніе рабовъ, заключается въ слѣдующемъ: «Господа гласилъ новый кодексъ, могутъ привязывать на цѣпь и бить только тѣхъ рабовъ, которые этого заслуживаютъ, но отнюдь не пытать и не увѣчить ихъ...

«Рабы должны быть крещены и наставлены въ христіанской религіи подъ страхомъ наложенія штрафовъ на господъ (2 статья)».

«Браки рабовъ должны праздноваться такъ же торжественно, какъ и браки свободныхъ лицъ. На бракъ необходимо согласіе господина, а согласіе раба не должно быть вынужденнымъ» (8 статья).

«Господинъ долженъ содержать и одѣвать своихъ рабовъ даже въ старости и болѣзни»...

«Господа и прикащики, повинные въ убійствѣ раба, подвергаются уголовному преслѣдованію».

«Не могутъ быть захвачены и проданы порознь мужъ, жена и малолѣтнія дѣти».

«Отпущенники должны пользоваться всѣми преимуществами свободныхъ подданныхъ»... (55 статья).

«Прежде чѣмъ предать раба казни, его должны оцѣнить и уплатить за него господину» (40 статья).

Всѣ эти предписанія ясно указываютъ на то, что рабы въ сущности находились внѣ закона и не могли ожидать отъ него никакой защиты.

Новый кодексъ продолжаетъ настаивать на томъ, что рабъ не имѣетъ права ни владѣть собственностью, ни пріобрѣтать ея, что воровство и насиліе со стороны рабовъ наказываются смертью, а бѣгство клейменіемъ и изувѣчиваніемъ, какъ было и раньше, до «Чернаго кодекса».

Но, нѣсколько смягчая прежнія строгости, законъ постановляетъ, что вмѣсто того, чтобъ пытать и изувѣчивать, рабовъ можно только бить и сажать на цѣпь, и говоритъ, что они должны быть крещены, что они могутъ жениться и что нельзя разлучать рабовъ съ женами и малолѣтними дѣтьми.

Смягченіе нравовъ, казалось, должно было смягчить и жестокіе законы, но колоніи не подверглись этому вліянію. Домашній деспотизмъ еще только усилилъ строгости «Чернаго кодекса», распространяя ихъ на отпущенниковъ и мулатовъ.

По эдикту 1726 г. и тѣ, и другіе не пользуются правомъ наслѣдства и возвращаются снова въ рабство, если дали у себя убѣжище бѣглецамъ.

А десять лѣтъ спустя, запрещено было освобождать рабовъ безъ разрѣшенія губернатора колоніи. Черный кодексъ становится все болѣе и болѣе жестокимъ. Въ 1743 г. онъ наказываетъ смертью бѣглаго раба, носящаго оружіе, подрубаетъ ему колѣно даже за одну по-

пытку къ бѣгству. Указомъ 1728 года поддерживаются ужасныя казни Чернаго кодекса, т. е. бичъ, les quatre piquets, висѣлица, la rigoise, тюрьма, цѣпь, кандалы, жестяная маска и всѣ пытки инквизиціи. Всѣ эти наказанія примѣнялись совершенно безконтрольно, только съ соизволенія господина или его прикащика.

Даже духовенство свободныхъ штатовъ, уже не говоря о рабовладѣльческихъ, было не только очень далеко отъ протеста противъ этихъ жестокостей, но и одобряло ихъ, слѣдовательно, отрицало равенство правъ бѣлыхъ и черныхъ людей и не переставало держаться этихъ традицій. Чуть не наканунѣ отдѣленія Юга отъ Сѣверо-Американскаго Союза, въ 1850 г., въ Союзѣ считалось 24,000 священниковъ, которые считали рабство краеугольнымъ камнемъ общества. Покупку и продажу черныхъ они считали законнымъ явленіемъ, и многіе изъ нихъ торговали мужчинами и женщинами съ такой же спокойной совѣстью, какъ еслибъ дѣло шло о стадахъ. Въ тоже самое время религіозныя общества распространяли брошюры, въ которыхъ доказывали законность рабства. Въ этомъ вопросѣ были единодушны священники всѣхъ сектъ. Извѣстны случаи, когда пасторы отдавали своихъ негритянокъ владѣльцамъ притоновъ разврата; другіе, тотчасъ послѣ проповѣди, садились на лошадь, скликали собакъ и отправлялись вмѣстѣ съ своими друзьями на преслѣдованіе какого нибудь убѣжавшаго негра [1]).

---

[1]) E. Reclu. L' esclavage aux Etats Unis. Revue de deux mondes, décembre 1860.

ГЛАВА VII.

Прекращеніе колоніальной торговли невольниками.

Великобританія.

Можно безъ преувеличенія сказать, что во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія. когда общество оцѣнило наконецъ по достоинству торговлю невольниками, все. что было лучшаго въ Англіи, возстало противъ нея. Изъ противниковъ ея—не считая тѣхъ, чьи имена теперь мало извѣстны. но упоминаются съ должнымъ уваженіемъ въ книгѣ Кларксона—назовемъ Бакстера, сэра Ричарда Стиля (автора Incle and Yarico), поэта Саутзёрна (Oroonoko), Попа. Томсона, Шенстона, Дайера, Сэведжа. особенно яраго—Коупера (см. Charity и Task. кн. 2) Томаса Дэя (авт. Sandford and Merton). Стерна. Варбёртона. Гётчсона, Биттса, Джона Весли. Уитфильда. Адама Смита, Миллара, Робертсона, д-ра Джонсона, м-рсъ Барбольда. Пэли, Грегори, Джильберта Уэкфильда, епископа Портеуса и Дино Тукера.

Вопросъ о легальномъ существованіи рабства въ Великобританіи и Ирландіи былъ поднятъ по слѣдующему поводу: въ 1729 г. Йоркъ и Тальботъ, королевскій прокуроръ и коронный адвокатъ, высказали мнѣніе, что невольникъ, прибывшій въ эти страны изъ Вестъ-Индіи, вслѣдствіе этого, не становится свободнымъ и хозяинъ можетъ вытребовать его обратно на плантацію. Главный

судья Гольтъ выразилъ противоположное мнѣніе: наконецъ, вопросъ былъ поставленъ ребромъ м-ромъ Грэнвиллемъ Шарпомъ по поводу исторіи съ негромъ Сомерсетомъ. Лордъ Мансфельдъ, отъ лица всей судебной палаты, 22-го Іюня 1772 г., постановилъ рѣшеніе, что съ той минуты, какъ рабъ вступилъ на почву Британскихъ островов, онъ свободенъ. Въ 1777 г. Давидъ Гартлей, сынъ автора Observations on Man заявилъ въ Палатѣ Общинъ, что «торговля невольниками противна законамъ Божескимъ и правамъ человѣческимъ»: но этотъ намекъ—первый въ такомъ родѣ—пропалъ даромъ; общественное мнѣніе относительно этого вопроса тогда еще далеко не созрѣло.

Первыми въ Англіи начали бороться противъ торговли невольниками, послѣдовательно и на практической почвѣ,—квакеры, одушевленные гуманными чувствами, которымъ уже въ 1671 году нашелъ такое выраженіе основатель ихъ секты, Джорджъ Фоксъ [1]. Въ 1727 г. они объявили эту торговлю «непохвальной и непозволительной», а въ 1761 г. исключили изъ своей среды всѣхъ, кто занимался ею, и стали распространять среди своихъ членовъ и въ обществѣ брошюры, осуждавшія работорговлю. Въ 1783 г. образовалась цѣлая ассоціація «для облегченія страданій и освобожденія негровъ-невольниковъ въ Вестъ-Индіи, и для прекращенія торговли невольниками на африканскомъ берегу». Это было первое общество въ Англіи, основанное съ такой цѣлью. Американскіе квакеры начали принимать мѣры противъ

---

[1] «Что касается негровъ, я требовалъ, чтобъ они («Друзья» въ Барбадосѣ) воспитывали ихъ въ страхѣ Божіемъ, какъ тѣхъ, которые были куплены ими, такъ и тѣхъ, которые родились уже въ ихъ семьѣ... я желалъ также, чтобъ они внушали своимъ надсмотрщикамъ обращаться съ неграми кротко и ласково, безъ жестокости, которой придерживаются многіе, и чтобы, послѣ того, какъ они отслужатъ опредѣленный срокъ, ихъ отпускали на свободу». (Биклея «Жизнь Джорджа Фокса»). Это показываетъ, что Фоксу была ненавистна не только торговля невольниками, но и самое рабство.

торговли невольниками еще раньше своихъ англійскихъ собратій. Квакеры въ Пенсильваніи возставали сами и возстановляли другихъ противъ торговли невольниками еще въ 1696 году: въ 1754 г. они отправили къ другимъ «братьямъ» краснорѣчивое посланіе, настойчиво убѣждавшее никоимъ образомъ не поощрять работорговли: въ 1774 г. всѣ лица, занимавшіяся ею, а въ 1776 г. всѣ рабовладѣльцы, не желавшіе освободить своихъ невольниковъ, были исключены изъ членовъ квакерской общины. Квакеры другихъ американскихъ провинцій послѣдовали примѣру своихъ братьевъ въ Пенсильваніи. Наиболѣе усердно и неустанно трудились на пользу африканцевъ американскіе квакеры: Джонъ Вульманъ (1720—1773) и Антони Бенезетъ (1713—1784): послѣдній былъ сынъ французскаго гугенота, изгнаннаго изъ Франціи при возобновленіи Нантскаго Эдикта. Первый сосредоточилъ свои усилія главнымъ образомъ въ Америкѣ и въ средѣ своихъ единовѣрцевъ; второй старался, и не безъ успѣха, повсемѣстно пропагандировать уничтоженіе рабства. Въ 1774 г. образовалось Пенсильванское общество, основанное Джемсомъ Пембертономъ и д-ромъ Веніаминомъ Рёшемъ; а въ 1787 (послѣ войны) оно было преобразовано на болѣе широкихъ началахъ, и президентомъ его былъ избранъ Веніаминъ Франклинъ. Подобные же общества были основаны одновременно съ этимъ въ другихъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Вскорѣ затѣмъ началось серьезное движеніе и въ Англіи. Д-ръ Пекардъ, вице-канцлеръ Кембриджскаго университета, питавшій сильное предубѣжденіе противъ торговли невольниками, предложилъ въ 1785 г. темой для диссертаціи на латинскую премію вопросъ: «An liceat invitos in servitutem dare». Эту премію заслужилъ Томасъ Кларксонъ. Изучая предметъ, онъ прочелъ *Historical Account of Guinea* Антона Бенезета и другія сочиненія въ томъ же родѣ и такъ глубоко проникся сознаніемъ низости и жестокости торговли невольниками,

что, не долго думая, рѣшилъ посвятить всю свою жизнь дѣлу ея уничтоженія. Онъ честно сдержалъ свое слово. Сочиненіе его дѣйствительно было удостоено первой преміи. Авторъ дополнилъ его, перевелъ на англійскій языкъ и въ 1786 году напечаталъ подъ заглавіемъ «Опыта о рабствѣ и торговлѣ человѣческими существами». Процессъ изданія книги сблизилъ его съ нѣкоторыми лицами, также заинтересованными этимъ вопросомъ: между прочимъ, съ Грэнвиллемъ Шарпомъ, Уилльямомъ Дилльвайкомъ (американцемъ по происхожденію, знавшимъ Бенезета) и съ достопочтеннымъ Джемсомъ Рамзаемъ, который прожилъ девятнадцать лѣтъ въ Ст. Христофорѣ и издалъ «Опытъ о содержаніи и приведеніи въ христіанскую вѣру африканскихъ невольниковъ въ британскихъ сахарныхъ колоніяхъ». Распространяя свою книгу, Кларксонъ познакомился и сблизился со многими вліятельными людьми, а въ особенности съ Уилльямомъ Вильберфорсомъ: тотъ уже и раньше изучалъ этотъ вопросъ, а теперь книга Кларксона окончательно убѣдила его, и онъ рѣшилъ склонить парламентъ въ пользу движенія, такъ явно проявившагося въ обществѣ [1]). 22 мая 1787 г. былъ основанъ комитетъ для уничтоженія торговли невольниками, подъ предсѣдательствомъ Грэнвилля Шарпа: послѣ двадцати лѣтъ труда и усилій, благодаря помощи выдающихся общественныхъ дѣятелей, комитету этому удалось, наконецъ, выполнить свою задачу и тѣмъ снять позорное пятно съ британской націи, ослабивъ одно изъ величайшихъ золъ, угнетавшихъ человѣчество. Несомнѣнно, главное, что́ руководило этими людьми и поддерживало ихъ въ

---

1) Самъ Питтъ просилъ Вильберфорса взять на себя руководящую роль въ этомъ дѣлѣ. Послѣ совѣщанія двухъ друзей подъ старымъ дубомъ въ Гольвудѣ, какъ надо полагать, въ 1783 г. Вильберфорсъ рѣшилъ сдѣлать сообщеніе объ этомъ вопросѣ въ Палатѣ Общинъ. Жизнь Вильберфорса. I, стр. 151.

борьбѣ, были принципы и чувства христіанина. Члены комитета добросовѣстно и неусыпно изучали вопросъ, добывали свѣдѣнія, собирали факты, основывали вспомогательные комитеты и составляли петиціи, для ознакомленія общества и поддержки тѣхъ, кто проводилъ ихъ идеи въ Парламентѣ. Къ основателямъ комитета впослѣдствіи присоединилось еще нѣсколько выдающихся личностей: между прочими—Іосія Веджвудъ—Беннетъ Лэнгтонъ (другъ д-ра Джонсона) и, еще позже, Захарія Маколей, Генри Броугэмъ и Джемсъ Стефенъ

Въ виду значительнаго числа петицій, поступавшихъ въ парламентъ, въ 1788 г. канцеляріи Тайнаго Совѣта Его Величества было поручено изслѣдовать вопросъ о торговлѣ невольниками: а м-ръ Питтъ предложилъ Палатѣ Общинъ разсмотрѣть этотъ вопросъ въ самомъ началѣ ближайшей сессіи. Первое сообщеніе Вильберфорса было сдѣлано на засѣданіи Палаты Общинъ, 19-го Марта 1789 г.: 12-го Мая того же года Палата приступила къ дѣлу. Вильберфорсъ сказалъ прекрасную рѣчь и въ заключеніе настаивалъ, чтобы Палата утвердила двѣнадцать резолюцій, которыя должны были послужить базисомъ для дальнѣйшаго предложенія—уничтожить торговлю невольниками. Пренія объ этихъ резолюціяхъ были отложены до слѣдующей сессіи, въ 1720—21 году и наконецъ, 18-го Апрѣля послѣдняго года, предложено было внести билль о запрещеніи дальнѣйшаго ввоза рабовъ въ британскія колоніи въ Вестъ-Индіи. Какъ разъ въ это время вспыхнули мятежи въ Ст. Доминго и на островѣ Мартиникѣ, а также на британскомъ островѣ Доминика, неблагопріятно повліявшія на рѣшеніе парламента, и предложеніе было отвергнуто большинствомъ 163 голосовъ противъ 88. Тѣмъ не менѣе законная санкція была дана Сіерра-Леонской Компаніи, учрежденной для колонизаціи одной изъ областей на западномъ берегу Африки и для прекращенія тамъ торговли невольниками. Въ то время надѣялись, что это мѣсто станетъ цент-

ромъ, откуда будетъ распространяться цивилизація въ Африкѣ; но ожиданія не оправдались. 2-го Апрѣля 1792 г. Вильберфорсъ снова поставилъ на видъ Палатѣ Общинъ необходимость уничтоженія торговли невольниками; въ его предложеніе внесена была поправка—постепеннаго уничтоженія, и наконецъ, рѣшено было, что торговля должна прекратиться къ 1-му Января 1796 года. Когда подобное-же предложеніе внесено было въ Палату Лордовъ, обсужденіе его было отложено до слѣдующаго года, чтобы дать время.

На слѣдующій годъ билль объ отмѣнѣ права британскихъ купцовъ снабжать невольниками иностранныя колоніи былъ отвергнутъ въ Палатѣ Общинъ по третьему чтенію; въ 1794 году онъ былъ вторично внесенъ въ Палату Общинъ и на этотъ разъ прошелъ, но былъ отвергнутъ Палатой Лордовъ.

Въпродолженіи послѣдующихъ нѣсколькихъ лѣтъ, аболиціонисты (т. е. противники рабовладѣльчества и работорговли) безуспѣшно старались провести свои идеи въ Парламентѣ. Но въ 1806 г., когда лордъ Грэнвиль и Фоксъ достигли власти, въ обѣихъ Палатахъ прошелъ билль, положившій конецъ поставки невольниковъ въ иноземныя колоніи британскими купцами, и запрещавшій ввозъ рабовъ въ колоніи, завоеванныя британскимъ оружіемъ въ послѣднюю войну. 10-го Іюня того-же года Фоксъ предложилъ Палатѣ Общинъ утвердить резолюцію «о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію африканской торговли невольниками такимъ способомъ и въ такой періодъ времени, какіе заблагоразсудится назначить Палатѣ»; предложеніе было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ. Подобная-же резолюція была утверждена Палатой Лордовъ. Затѣмъ, въ обѣихъ палатахъ прошелъ билль о запрещеніи увеличивать число невольничьихъ кораблей. Наконецъ, въ 1807 г., лордъ Грэнвиль внесъ въ Палату Лордовъ билль о полномъ прекращеніи торговли невольниками; билль этотъ былъ

принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, переданъ въ Палату Общинъ (тамъ его внесъ лордъ Гоуикъ), также прошелъ здѣсь, хотя въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, и 25-го Марта удостоился королевскаго одобренія. Въ силу этого билля, съ 1-го Мая 1807 года ни изъ одного порта въ британскихъ владѣніяхъ не могъ быть отправленъ корабль за невольниками, а съ 1-го Марта 1808 года никто не имѣлъ права высадить невольника на почву колоній.

Въ 1807 г. было основано Африканское Общество (African Institution) съ главной цѣлью имѣть бдительный надзоръ за работорговцами и, если возможно, добиться прекращенія торговли невольниками у другихъ европейскихъ націй. Оно должно было также заботиться о просвѣщеніи негритянской расы и распространять въ обществѣ свѣдѣнія о земледѣльческихъ и коммерческихъ особенностяхъ Африканскаго материка.

Актъ 1807 года часто нарушался, ибо работорговцы знали, что, въ случаѣ удачнаго исхода хотя-бы одного рейса изъ трехъ, прибыль отъ продажи невольниковъ съ избыткомъ вознаградитъ ихъ за всѣ потери. Положеніе вещей, очевидно, не могло измѣниться, пока торговля невольниками приравнивалась къ контрабандѣ, наказуемой только денежными штрафами. Сообразно съ этимъ, въ 1811 году, Браугэнъ провелъ въ парламентѣ билль, объявлявшій торговлю невольниками уголовнымъ преступленіемъ, наказуемымъ ссылкою. Нѣсколько лѣтъ спустя ссылка была замѣнена смертной казнью, но этотъ законъ вскорѣ былъ отмѣненъ, такъ какъ ему не нашлось приложенія. Законъ 1811 года оказался достаточнымъ и положилъ конецъ работорговлѣ, по крайней мѣрѣ въ Британскихъ владѣніяхъ. Только островъ св. Маврикія нѣкоторое время еще продолжалъ заниматься ею. Островъ этотъ, уступленный Англіи Франціей въ 1810 г., три года спустя послѣ парламентскаго Акта, благодаря своей близости къ Африкѣ, былъ поставленъ въ особыя условія.

дѣлавшія невозможнымъ надзоромъ за нимъ; но и онъ скоро вынужденъ былъ покориться.

Франція.

Уничтоженію торговли невольниками во Франціи предшествовала страшная борьба между ея приверженцами и противниками и много прискорбныхъ излишествъ съ той и другой стороны. Западная часть Ст. Доминго, номинально принадлежавшая Испаніи, была населена флибустьерами, которые пользовались покровительствомъ и поддержкой французскаго правительства, и уступлена Франціи по Рисвикскому миру, въ 1697 году. Ежегодный ввозъ негровъ невольниковъ въ эту колонію былъ такъ великъ, что отношеніе между черными и бѣлыми около 1791 г. выражалось 16 : 1. Въ этомъ году во французской половинѣ Санъ-Доминго насчитывалось 480.000 черныхъ, 240.000 мулатовъ и только 30.000 бѣлыхъ. Французскій сводъ законовъ, изданный для урегулированія рабства на плантаціяхъ, извѣстенъ подъ именемъ Чернаго Кодекса (при Людовикѣ XIV, въ 1685 г.) [1]) но плантаторы обыкновенно пренебрегали его исполненіемъ, и даже свободные мулаты терпѣли большія униженія и притѣсненія. Въ 1788 году въ Парижѣ образовалось общество, получившее названіе «Societè des Amis des Noirs» и поставившее себѣ задачей уничтоженіе не только торговли рабами, но и самаго рабства. Предсѣдателемъ его былъ Кондорсэ [2]); въ числѣ членовъ назовемъ герцога де-ля-Рошфуко, аббата Грегуара, Бриссо, Клявьера, Петіона и Лафайетта; дѣятельнымъ членомъ-соревнователемъ былъ Мирабо. Импульсомъ параллельнаго движенія въ Англіи была религія, духъ христіанства; во Франціи — энтузіазмъ

---

[1]) См. приложеніе къ предыдущей главѣ. Ред.

[2]) Кондорсэ былъ авторомъ соч. Réflexions sur l' Esclavage des Négres, изд. подъ псевдонимомъ «M· Schwartz, Pasteur du Saint Evangile à Binnee».

гуманности въ соединеніи съ революціоннымъ движеніемъ

Въ 1789 году въ Парижъ явилось нѣсколько мулатовъ изъ Санъ-Доминго, съ цѣлью отстаивать права цвѣтного населенія этой колоніи передъ Національнымъ Собраніемъ. Декларація правъ человѣка въ августѣ 1789 года, казалось, шла на встрѣчу ихъ жалобамъ, но въ 1790 году, Національное Собраніе, въ виду ропота и недовольства плантаторовъ въ Санъ-Доминго, объявило, что конституція, составленная для метрополіи, не распространяется на колоніи и что Собраніе не намѣрено измѣнять системы внутренняго управленія или вводить какія бы то ни было новшества, прямымъ или косвеннымъ путемъ, въ уже установившіеся коммерческіе обороты колоній.—Это была своего рода санкція торговли невольниками. Винцентъ Ожé, одинъ изъ мулатовъ-делегатовъ, прибывшихъ въ Парижъ, возмущенный этимъ крушеніемъ надеждъ его единоплеменниковъ, возвратился въ Санъ-Доминго и тотчасъ по прибытіи написалъ письмо къ губернатору колоніи, возвѣщая ему о своемъ намѣреніи призвать мулатовъ къ оружію, если требованія ихъ не будутъ удовлетворены.—Онъ дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе, но такъ какъ единомышленниковъ у него оказалось мало, возстаніе было вскорѣ усмирено, и самъ Ожé принужденъ искать убѣжища въ испанской части острова. Впослѣдствіи его выдали, судили и приговорили къ смертной казни посредствомъ колесованія. Въ Парижѣ извѣстіе объ этой казни вызвало взрывъ негодованія противъ плантаторовъ; и въ Національномъ Собраніи, 15 мая 1791 года, по представленіи аббата Грегуара, рѣшено было, что «цвѣтные обитатели французскихъ колоній, если они рождены отъ свободныхъ родителей, имѣютъ право и должны быть допускаемы къ пользованію всѣми правами и привилегіями французскихъ гражданъ, между прочимъ могутъ быть избираемы на различныя должности, какъ въ при-

ходскихъ, такъ и въ колоніальныхъ собраніяхъ». 23 августа въ сѣверной части Санъ-Доминго вспыхнуло возстаніе негровъ; вскорѣ мятежъ охватилъ и западную часть острова, гдѣ жило населеніе смѣшанное, состоящее изъ мулатовъ и черныхъ. Инсургенты позволяли себѣ чудовищныя жестокости, но и плантаторы въ свою очередь варварски расправлялись съ ними. Французское собраніе, встревоженное этими сценами насилія, боясь потерять колонію, 24 сентября отмѣнило свое постановленіе отъ 15 мая. Эти прискорбныя колебанія положили конецъ всякимъ надеждамъ на примиреніе враждующихъ партій. Гражданскіе посредники (commissionaires civils), присылаемые изъ Франціи, ссорились съ губернаторомъ и призывали къ себѣ на помощь бунтующихъ негровъ. Бѣлые обитатели мыса Франсуа были умерщвлены, и большая часть города выжжена. Плантаторы отдались подъ покровительство Великобританіи, и англійскіе войска вступили въ колонію. Но ихъ было недостаточно, чтобы противостоять нападеніямъ республиканскихъ отрядовъ и взбунтовавшихся мулатовъ и негровъ; кромѣ того онѣ сильно страдали отъ заразныхъ болѣзней и въ 1738 году вынуждены были очистить островъ.

По удаленіи британцевъ, правленіе перешло въ руки Туссена Лювертюра (Toussaint l' Onverture): это былъ благороднѣйшій типъ изъ всѣхъ, какіе дала намъ африканская раса. Рабство исчезло: бывшіе невольники служили и работали теперь только по вольному найму, получая въ вознагражденіе третью часть произведеній земли, которую они воздѣлывали. Весь островъ принадлежалъ теперь Франціи, такъ какъ Испанія уступила ей свою часть по Базельскому договору. Туссенъ мечталъ для Санъ-Доминго о полной независимости на практикѣ, съ признаніемъ, въ теоріи, верховнаго владычества и исключительныхъ торговыхъ правъ Франціи. Мы не станемъ распространяться здѣсь о жестокомъ и вѣроломномъ поведеніи Бонапарта по отношенію къ острову и

самому Туссену [1]); въ концѣ концовъ черные прогнали войска, присланныя для ихъ усмиренія, и создали свою собственную конституцію, которая, впрочемъ, неоднократно подвергалась различнымъ измѣненіямъ. Несомнѣнно, что реставраціонное правительство, пытаясь овладѣть островомъ, имѣло намѣреніе возстановить рабство и даже торговлю невольниками, съ цѣлью пополнить убыль населенія. Бонапартъ впродолженіи «ста дней» окончательно уничтожилъ эту торговлю, но и ему не удалось привести въ повиновеніе обитателей Санъ-Доминго, или Гаити, такъ какъ островъ теперь носилъ уже свое настоящее имя. Бурбонамъ, послѣ Реставраціи, также не удалось возобновить торговлю невольниками: пришлось оставить всякую мысль о покореніи острова: въ 1825 году независимость его была признана оффиціально. Такимъ образомъ Франція лишилась самой важной своей колоніи, доставлявшей ей почти столько-же дохода натурою, сколько вся остальная Вестъ-Индія; а негритянская раса пріобрѣла первое и до сихъ поръ еще единственное независимое поселеніе за предѣлами Африканскаго материка.

Другія страны.

Англія не была первымъ государствомъ въ Европѣ, уничтожившимъ торговлю невольниками; пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ Даніи: 16-го мая 1692 года вышелъ королевскій указъ, требовавшій полнаго прекращенія работорговли съ 1802 года. Соединенные Штаты еще въ 1794 г. запретили своимъ подданнымъ вести торговлю невольниками съ чужими странами; теперь они запретили ввозъ рабовъ изъ Африки въ свои собственныя владѣнія. Указъ объ этомъ былъ изданъ 2-го марта 1807 г., но вступилъ въ законную

[1]) Читатели помнятъ, вѣроятно, сюжетъ Уордсворта: «Туссенъ, несчастнѣйшій изъ людей».

силу только 1-го Января 1808 г. На Вѣнскомъ Конгрессѣ (открывшемся 1-го ноября 1814 г.) было признано въ принципѣ необходимымъ прекратить торговлю невольниками въ возможно скорѣйшемъ времени: но установить сроки для прекращенія ея было предоставлено націямъ особыми договорами между собою. 30-го мая 1814 г. Франція заключила договоръ съ Великобританіей, по которому иностранцамъ запрещалось на будущее время ввозить рабовъ во французскія колоніи, а сами французы должны были прекратить торговлю съ 1-го Іюня 1819 г. Эта отсрочка была продиктована желаніемъ ввезти новый транспортъ невольниковъ въ Гаити, въ случаѣ, если Франціи удастся вернуть этотъ островъ. Бонапартъ, какъ мы уже видѣли, въ краткій періодъ своего вторичнаго владычества, уничтожилъ торговлю невольниками во Франціи, и указъ его былъ подтвержденъ вторымъ Парижскимъ миромъ 1815 г., ноября 20, но былъ признанъ французскимъ законодательствомъ только въ мартѣ 1818 г. Въ январѣ 1815 г. Португальскимъ подданнымъ было запрещено торговать невольниками сѣвернѣе экватора, и вообще всякая торговля ими должна была прекратиться и считаться противозаконной съ 21-го января 1823 г.: впослѣдствіи, срокъ прекращенія былъ отстроченъ до февраля 1830 г. Англія заплатила Португаліи 300,000 фунтовъ вознагражденія. 10-го Декабря 1836 г. вышелъ королевскій указъ, запрещавшій вывозъ рабовъ изъ португальскихъ владѣній; но указъ этотъ часто нарушался. Испанія по соглашенію съ Англіей рѣшила положить у себя конецъ торговлѣ невольниками въ 1820 г., причемъ Англія уплатила ей 400,000 фунтовъ вознагражденія. Голландія прекратила торговлю невольниками въ 1814 г.; Швеція въ 1813. По Гентскому миру, въ Декабрѣ 1814 г. Англія и Соединенные Штаты приняли на себя взаимное обязательство сдѣлать все, что было въ ихъ власти, для искорененія работорговли. Нѣкоторые изъ государствъ

Америки Южной, какъ напр. Ла-Плата, Венецуэла и Чили, прекратили ее у себя тотчасъ по пріобрѣтеніи ими независимости. Въ 1831 и 1833 гг. Великобританія вошла въ соглашеніе съ Франціей, съ цѣлью установить общій надзоръ за нѣкоторыми морями; къ этому соглашенію присоединилось большинство другихъ правительствъ, и, по Ашбертонскому договору (1842) съ Соединенными Штатами, было рѣшено держать постоянную соединенную эскадру у западнаго берега Африки. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, торговля невольниками, по крайней мѣрѣ подъ флагами западныхъ націй и для снабженія рабами ихъ колоній, легально прекратила существованіе.

*) Для болѣе успѣшнаго содѣйствія совершенному прекращенію работорговли нужно было имѣть дѣло не только съ покупателями рабовъ, но и съ продавцами ихъ. Поэтому необходимо было вступить въ договоръ и съ небольшими африканскими государствами, которыя должны были запретить въ своихъ предѣлахъ продажу и провозъ рабовъ. Взамѣнъ этихъ уступокъ и въ вознагражденіе туземныхъ царьковъ за получаемыя ими при этомъ потери, Франція и Англія обязывались обыкновенно доставлять ему 50 рублей, 100 штукъ сукна, 2 боченка пороху и столько же рому и красное платье съ эполетами и со шпагой. Въ промежутокъ времени между 1822—1845 г. было заключено болѣе 40 подобныхъ договоровъ, но, къ сожалѣнію, масса фактовъ показываетъ, что они далеко не всегда соблюдались. Эти предохранительныя мѣры, наравнѣ съ другими, не уничтожая совершенно зла, только уменьшали его.

*) Не смотря на запрещеніе со стороны закона, не смотря на особый надзоръ крейсеровъ, работорговля велась скрытнымъ образомъ и не прекращалась, продолжаясь подъ подложнымъ португальскимъ или испанскимъ флагомъ. Такимъ образомъ, въ 1823 г. было ввезено въ Бразилію 56,000 негровъ, 1828 г.—42,000, въ 1829—50,000 и въ 1830 г.—56,000 негровъ.

* Но съ этого времени, благодаря болѣе строгому надзору, работорговля нѣсколько уменьшилась, хотя и была еще значительна. По свидѣтельству Кларины (Clarigny) средній ежегодный ввозъ рабовъ на Кубу послѣ 1830 г. равнялся 25,000. Но еще въ 1844 г. Робертъ Пиль признавался съ трибуны, что ежегодная торговля поднялась до 100,000 человѣкъ, и что число невольниковъ не уменьшилось съ начала столѣтія, откуда онъ заключалъ, что договоры и крейсера не помѣшали торговлѣ и ни къ чему не привели.

* Въ томъ же 1844 г. лордъ Пальмерстонъ говорилъ: «по полученнымъ нами оффиціальнымъ донесеніямъ, оказывается, что въ Америкѣ высаживаютъ ежегодно отъ 120,000 до 160,000 невольниковъ. Вычислено, что изъ трехъ негровъ, захваченныхъ въ Африкѣ, только одинъ достигаетъ по назначенію. Дѣйствительно, негры, предназначенные для торговли, прибываютъ извнутри страны. Большинство ихъ плѣнники, захваченные въ тѣхъ войнахъ, которыя предпринимаются со специальной цѣлью запастись подобнымъ товаромъ, дающимъ при продажѣ большіе барыши. Но болѣе всего доставляетъ негровъ специальная охота на рабовъ и систематически организованное похищеніе людей внутри Африки. Когда желательно доставить на берегъ караванъ невольниковъ, наемники работорговца окружаютъ среди ночи мирную деревню, сжигаютъ ее, овладѣваютъ жителями, убивая сопротивляющихся. Послѣ этого они удерживаютъ только сильныхъ мужчинъ и женщинъ, а остальныхъ приносятъ въ жертву вмѣстѣ съ дѣтьми, недостигшими шестилѣтняго возраста, которыя не могли бы вынести утомительнаго пути».—Это было сказано въ 1844 году.

ГЛАВА VIII.

Уничтоженіе рабства негровъ.

Великобританія.

Тѣмъ временемъ въ Европѣ подготовлялась другая и болѣе радикальная реформа—уничтоженіе самаго рабства въ колоніальныхъ владѣніяхъ европейскихъ государствъ. Съ тѣхъ поръ какъ Англія прекратила торговлю невольниками, зло только усилилось, такъ какъ большинство другихъ государствъ продолжали эту торговлю. Въ виду грозящей опасности попасться англійскому крейсеру, каждый работорговецъ старался захватить на свой корабль какъ можно больше негровъ, и, когда поимка представлялась неизбѣжной, съ варварской жестокостью освобождался отъ своего груза. Да и сами крейсеры, въ своихъ собственныхъ интересахъ, предпочитали захватывать корабли, уже нагруженные, а не предупреждать нагрузку ихъ невольниками, такъ какъ въ награду имъ доставалась стоимость груза. По этому, изъ Африки вывозилось втрое больше негровъ, чѣмъ прежде, и двѣ трети ихъ погибало въ открытомъ морѣ. Не улучшилось съ прекращеніемъ британской торговли и положеніе негровъ въ Вестъ-Индіи. Интересы «работниковъ земли» и патроновъ ихъ здѣсь были совершенно различны: послѣдніе жили большею частью заграницей и нерѣдко, изъ желанія поскорѣе разбогатѣть или подъ гнетомъ нужды, забывали всякую гуманность ради наживы. Съ прекращеніемъ подвоза рабовъ, оставшимся

пришлось работать сверхъ силы. и число ихъ быстро уменьшилось. Въ 1807 г. въ Вестъ-Индіи насчитывалось 800.000 рабовъ: въ 1830—уже 700.000. Съ теченіемъ времени выяснилось, что зло можно было вырвать съ корнемъ, только уничтоживъ самое рабство. Въ тоже время долголѣтнія пренія относительно торговли невольниками, происходившія въ Англіи, пробудили общественную совѣсть и поставили на очередь вопросъ о законности самаго порядка вещей, изъ котораго могла возникнуть такая гнусная вещь, какъ эта торговля.

Въ 1821 году Вильберфорсъ предложилъ Томасу Фоуэллю Бёкстону (Buxton) провести этотъ вопросъ въ парламентѣ. Въ 1823 г. возникло анти-невольническое общество, дѣятельными членами котораго были, кромѣ Вильберфорса и Бёкстона, Захарія Маколей, д-ръ Лёшингтонъ и лордъ Сёрфильдъ. 5-го Мая того же года Бёкстонъ предложилъ Палатѣ урегулировать рабство въ британскихъ колоніяхъ. Онъ и его единомышленники требовали постепеннаго уничтоженія рабства съ замѣной его чѣмъ то вродѣ крѣпостного права для взрослыхъ рабовъ и освобожденіемъ дѣтей ихъ, родившихся послѣ извѣстнаго срока. Чаннингъ, въ противоположность Бёкстону и его приверженцамъ, настаивалъ на томъ, что метрополія должна только предложить колоніямъ ввести въ свое законодательство желаемыя улучшенія въ положеніи невольниковъ и обращеніи съ ними, не прибѣгая къ понудительнымъ мѣрамъ, обратиться къ послѣднимъ лишь въ случаѣ сопротивленія. Исключеніемъ являлся только островъ Тринидадъ, который, составляя собственность короны и не имѣя своего особеннаго законодательства, подлежалъ прямому воздѣйствію. Сообразно съ этимъ, колоніальнымъ властямъ былъ предложенъ рядъ строго обдуманныхъ мѣръ и реформъ.

Плантаторы заволновались и въ одинъ голосъ негодовали, что правительство увлекается идеями антиневольнической партіи. Въ Демерарѣ не удалось скрыть

отъ рабовъ полученіе ордера изъ метрополіи; они вообразили себѣ, что англійское правительство отпустило ихъ на свободу, и отказались работать, а когда ихъ стали принуждать, оказали открытое сопротивленіе. Область была объявлена на военномъ положеніи; всякіе безпорядки строго преслѣдовались; вся Англія въ одинъ голосъ возмущалась недостойнымъ поведеніемъ плантаторовъ относительно миссіонера Смита, благодаря ловкости Броугэма, съумѣвшаго искусно воспользоваться этимъ случаемъ въ интересахъ своего дѣла. Тѣмъ не менѣе дѣло освобожденія втеченіе нѣскольких лѣтъ весьма медленно подвигалось въ парламентѣ, хотя Бекстонъ. Уилльямъ Смитъ. Лешингтонъ, Броугэмъ, Макинтошъ, Буттерверсъ и Денманъ. съ помощью З. Маколея, Джемса Стефена и другихъ, дѣятельно вели борьбу, прерывая ее только для того, чтобы дать время колоніальнымъ правленіямъ ввести въ свое законодательство предписанныя имъ мѣры. Въ 1828 г. свободные цвѣтные жители колоній получили гражданскія права одинаковыя съ бѣлыми гражданами. Къ 1830 году вопросъ этотъ настолько назрѣлъ, что общество начало настоятельно требовать его разрѣшенія. Становилось очевиднымъ, что плантаторы не примутъ добровольно никакихъ мѣръ къ уничтоженію рабства, и руководители движенія рѣшили приложить всѣ старанія къ тому, чтобы осуществить въ ближайшемъ будущемъ свои желанія на практикѣ. Правительство продолжало колебаться и пыталось поправить дѣло палліативными мѣрами— смягченіемъ существующаго порядка вещей. Наконецъ, въ 1833 г., министерство графа Грея серьезно занялось этимъ вопросомъ и безъ особыхъ затрудненій добилось уничтоженія рабства: 7 Августа 1833 г. билль объ этомъ прошелъ въ Палатѣ Общинъ, а 28-го числа того-же мѣсяца удостоился королевскаго одобренія. На удовлетвореніе плантаторовъ было ассигновано 20,000,000 стерл. Полному освобожденію предшествовалъ семилѣтній подготовитель-

ный срокъ. Впродолженія этого времени рабы обязаны были работать на господъ 3/4 дня и, въ случаѣ нерадивости или невыполненія положеннаго урока, могли быть подвергнуты тѣлесному наказанію. За это хозяинъ долженъ былъ кормить ихъ и одѣвать. Всѣ дѣти до шести лѣтъ были объявлены свободными, и колоніальнымъ правленіямъ предлагалось позаботиться о нравственномъ и религіозномъ воспитаніи ихъ. Многіе находили неблагоразумнымъ оттягивать дальше эмансипацію. Въ Антигуа немедленно-же были освобождены всѣ рабы, и общественное спокойствіе не только не нарушилось, но Рождество 1833 года было первымъ здѣсь праздникомъ, въ который не пришлось объявлять край на военномъ положеніи, чтобы поддержать тишину. Не смотря на продолжительное и упорное сопротивленіе администраціи, Палата Общинъ постановила резолюцію—воспротивиться дальнѣйшему примѣненію переходной системы. Послѣ этого, колоніальныя законодательныя собранія поняли, что рабы больше не станутъ служить безвозмездно и работать на господъ; поэтому они сами сократили на два года срокъ предполагаемой подготовки и дали свободу рабамъ, вмѣсто 1840 года, въ августѣ 1838 г.

Другія страны.

Примѣру Англіи, съ теченіемъ времени, послѣдовали всѣ другія европейскія государства, а нѣкоторыя американскія и предупредили ее. Въ 1848 году Управленіе Колоній постановило немедленно-же освободить всѣхъ рабовъ во французскихъ колоніяхъ. Въ 1858 г. апрѣля 29-го, въ Португаліи былъ изданъ законъ, повелѣвавшій всѣмъ португальскимъ подданнымъ, владѣющимъ рабами, освободить ихъ черезъ двадцать лѣтъ отъ вышеписаннаго числа; а въ ожиданіи была установлена опека надъ невольниками. Этотъ законъ вошелъ въ силу съ 29 апрѣля 1878 г., и съ этого дня рабство въ Португальскихъ владѣніяхъ стало считаться противозаконнымъ.

Голландія освободила своихъ рабовъ въ 1863 г. Нѣкоторыя изъ Испанско-Американскихъ государствъ, объявивъ себя независимыми, приняли мѣры и къ прекращенію рабства въ своихъ предѣлахъ. Въ Мексиканской республикѣ окончательно оно было уничтожено декретомъ отъ 15 сентября 1829 г. Правительство Буэносъ-Айреса постановило считать свободными всѣхъ дѣтей, рожденныхъ отъ родителей-рабовъ послѣ 31 января 1813 г.; въ Колумбіи постановлено было освободить всѣхъ дѣтей рабовъ, рожденныхъ послѣ 16 іюля 1821 г., по достиженіи ими восемнадцатилѣтняго возраста.

* Результаты освобожденія сказались очень быстро. Въ 1842 г. лордъ Stanley говорилъ съ трибуны, что результаты освобожденія превзошли самыя пылкія ожиданія. Не только въ матеріальномъ благосостояніи негровъ, но также въ ихъ правахъ и привычкахъ произошелъ замѣтный прогрессъ; увеличилось количество браковъ, распространилось просвѣщеніе, уменьшилось число преступленій. Въ 1838 г. на Ямайкѣ было 2114 негровъ собственниковъ, а въ 1840 г. ихъ насчитывалось уже 7340. Въ Гвіанѣ составлялись цѣлыя общества негровъ, въ 150—200 человѣкъ, съ цѣлью пріобрѣтенія большихъ помѣстій въ 150—400 тысячъ франковъ. Освобожденные негры, въ продолженіе трехъ лѣтъ, купили земли на 2.500,000 франковъ [1]). По свидѣтельству одного изъ путешественниковъ негры были лучшими адвокатами и докторами въ колоніяхъ [2]) *.

Громадное значеніе для уничтоженія невольничества имѣло основаніе Британскаго и Иностраннаго Антиневольническаго Общества (British and Foreign Antislavery society), созданнаго главнымъ образомъ усиліями Іосифа Стерджа (Sturge) и Уилльяма Аллена для повсемѣстнаго уничтоженія невольничества и торговли невольниками.

1) Rapport de M. Chevalier, 2-e partie, 929.
2) Revue col. 1851, 7. 469.

Оно разсчитывало достичь своей цѣли, прибѣгая исключительно къ нравственнымъ, религіознымъ, вообще мирнымъ способамъ воздѣйствія, и неуклонно держалось этой мудрой политики. Оно знакомило англійское общество со всѣми событіями, имѣвшими отношеніе къ его великой задачѣ, и нерѣдко оказывало различнымъ государствамъ весьма полезное содѣйствіе въ періоды кризисовъ, отправляя особыя посольства или письменныя воззванія къ собственному и иноземнымъ правительствамъ.

Три наиболѣе важныхъ государства на Западѣ, гдѣ до сихъ поръ еще ничего не было предпринято для уничтоженія рабства, были: южные Соединенные Штаты, Куба и Бразилія.

Соединенные Штаты.

Наиболѣе выдающіеся изъ «отцовъ» Американскаго Союза въ принципѣ далеко не оправдывали невольничества. Вашингтонъ по духовной отпустилъ на волю всѣхъ своихъ рабовъ; онъ говорилъ Джефферсону, что «одно изъ его самыхъ горячихъ желаній—это узнать, что найдено средство положить конецъ рабству на его родинѣ законнымъ путемъ», и писалъ, что такому дѣлу онъ никогда не откажетъ въ своей помощи и поддержкѣ. Джонъ Адамсъ открыто высказывалъ свое отвращеніе къ рабовладѣльчеству, говоря, что «всѣ благоразумныя мѣры должны быть приняты для полнаго искорененія рабства въ Соединенныхъ Штатахъ». Мнѣніе Франклина мы уже приводили; Модисонъ, Гамильтонъ и Патрикъ Генри всѣ порицали принципы рабства. [1]) Наконецъ Джефферсонъ,

---

[1]) «Рабство», говоритъ Джорджъ Мосонъ изъ Виргиніи, вредитъ развитію искусствъ и промышленности. Бѣдняки презираютъ трудъ, потому что онъ — удѣлъ рабовъ. Рабство препятствуетъ иммиграціи бѣлыхъ . . . оно крайне пагубно вліяетъ на нравы. Каждый рабовладѣлецъ—своего рода маленкій тиранъ. Рабы навлекаютъ гнѣвъ небесный па наше отечество». (Взято изъ Division and Reunion Виль-

разсуждая о рабствѣ, говорилъ, что онъ «дрожитъ за свою родину, вспоминая, что Богъ справедливъ». На первомъ континентальномъ конгрессѣ, состоявшемся 1-го Марта 1784 г.), послѣ удаленія британскихъ войскъ, этотъ замѣчательный человѣкъ предложилъ утвердить составленный имъ сводъ законовъ для управленія территоріей, включавшей теперешніе штаты Теннесси, Алабаму и Миссисипи и которая уже перешла или имѣла перейти къ Соединеннымъ Штатамъ; въ этомъ сводѣ законовъ была слѣдующаго рода статья: «послѣ 1800 года ни въ одномъ изъ вышепоименованныхъ штатовъ не должно быть ни рабства, ни подневольнаго труда, иначе какъ въ видѣ кары за преступленія». Эта статья однакожъ не была принята. На Филадельфійскомъ конвентѣ составители конституціи были противъ рабства, но Южная Каролина и Георгія поставили признаніе его законности условіемъ своего присоединенія къ Союзу; въ федеральный договоръ включено было даже обязательство взаимной выдачи бѣглыхъ рабовъ. Однако-же термины «рабъ» и «рабство» не употреблялись въ текстѣ конституціи, ибо, по словамъ Мадисона, составителя ея «не хотѣли признавать правъ собственности человѣка надъ человѣкомъ»; кромѣ того Конгрессъ оставилъ за собой право по истеченіи двадцатилѣтняго срока воспретить ввозъ невольниковъ изъ другихъ странъ. Не слѣдуетъ забывать, что и до, и послѣ образованія Союза сѣверные штаты — начиная съ Вермонта въ 1777 г. и кончая Нью-Джерсеемъ въ 1804—или уничтожили рабство, или приняли

сона, стр 120). Модисонъ говоритъ, что въ странѣ, населенной рабами, неизбѣжно царятъ тупость и невѣжество. Джефферсонъ ясно предвидѣлъ конечный исходъ. Въ своей Автобіографіи, вспоминая о своемъ первомъ предположеніи - постепенно уничтожить рабство въ Виргиніи — онъ говоритъ (1821) : «общественное мнѣніе до сихъ поръ не хочетъ и слышать объ этомъ, но не далекъ день, когда оно пойметъ и признаетъ необходимость уничтоженія рабства, или, въ лучшемъ случаѣ, примирится съ ней. Несомнѣнно, въ книгѣ судебъ написано, что эти люди должны быть свободны».

мѣры къ постепенному уничтоженію его въ предѣлахъ своихъ владѣній. Но мѣры эти ограничивались главнымъ образомъ продажей сѣверныхъ невольниковъ на южные рынки.

Мы можемъ лишь вкратцѣ перечислить всѣ происки партіи сторонниковъ невольничества [1]). Постепенно она добивалась все большаго и большаго вліянія въ Союзѣ. Она настойчиво стремилась пріобрѣсти добавочную территорію, изъ которой могли бы развиться новые невольничьи штаты, съ цѣлью усилить свое представительство въ сенатѣ Союза, такимъ образомъ «особое учрежденіе» (peculiar institution) на Югѣ не только продолжало существовать, но и расширяло предѣлы своего дѣйствія.

Въ 1804 г. Америка купила у Франціи Луизіану, территорію, впослѣдствіи преобразованную въ четыре штата—штатъ того-же имени, Арканзасъ, Миссури и и Канзасъ. Покупка эта сдѣлана была не въ интересахъ защитниковъ невольничества, но тѣмъ не менѣе была для нихъ очень выгодна. Въ этой территоріи невольничество уже существовало; плантаторы распространили его далеко вдоль по западному берегу Миссисипи, такъ что въ 1818 г. они уже имѣли основаніе требовать причисленія Миссури къ Союзу въ качествѣ невольничьяго штата. Тутъ возникла первая серьезная борьба между представителями противоположныхъ партій; обѣ партіи были проникнуты сознаніемъ важнаго значенія новой территоріи, какъ центра колонизаціи. Послѣ долгихъ политическихъ пререканій, вопросъ былъ наконецъ разрѣшенъ признаніемъ Миссури невольничьимъ штатомъ, подъ условіемъ, однако, что предѣломъ невольничества къ Сѣверу долженъ считаться 36° 30' сѣверной широты. Послѣ этой существенной, хотя и не полной побѣды, ближайшимъ и довольно важнымъ шагомъ впередъ было для поборниковъ невольничества присоединеніе Техаса.

---

[1]) Have Pomer—буквально: невольничья держава.

Техасъ принадлежалъ къ Мексиканской Конфедераціи, образовавшейся въ 1824 г., три года спустя послѣ того, какъ Мексика сдѣлалась независимой, выйдя изъ подъ владычества Испаніи. Невольничество въ Техасѣ существовало, но въ конституціи этой области были приняты мѣры къ постепенному уничтоженію его, и ввозъ рабовъ былъ воспрещенъ. Вожди Юга давно точили зубы на эту область, видя въ ней обширное поле для развитія своего излюбленнаго учрежденія, а слабость Мексики поощряла къ аггрессивному образу дѣйствій. Толпы южанъ переселились въ Техасъ, забравъ съ собою своихъ рабовъ, хотя это было открытое нарушеніе конституціи.

Президентъ Мексики, Санта-Анна, некстати вздумалъ уничтожить федеральную систему и объявить всѣ области, входившія въ составъ конфедераціи, провинціями единой республики. Техасъ отказался признать себя таковой, изгналъ мексиканцевъ и объявилъ себя независимой республикой съ конституціей, санкціонировавшей невольничество. Американскіе плантаторы, имѣвшіе негласный, но бдительный надзоръ за страной, начали хлопотать о присоединеніи ея къ союзу. Благодаря множеству частныхъ интригъ и тайному соглашенію съ президентомъ Тайлеромъ (Tyler), обѣ палаты Конгресса въ 1845 г. постановили резолюцію о присоединеніи Техаса къ Союзу.

Затѣмъ послѣдовала война съ Мексикой, для которой не было подыскано даже благовиднаго предлога. Истиннымъ мотивомъ ея разумѣется было стремленіе невольничьей партіи расширить свои территоріальныя владѣнія съ цѣлью распространенія невольничества. Въ результатѣ Мексика отреклась отъ всякихъ притязаній на Техасъ и за предложенную ей сумму уступила Новую Мексику и Калифорнію. Вотъ какимъ образомъ былъ разрѣшенъ вопросъ объ уничтоженіи невольничества на почвѣ новыхъ территорій, и вотъ каковъ былъ исходъ борьбы враждующихъ партій.

Уже въ 1846 г. Вильмотъ внесъ свое предложеніе (Proviso) о томъ, чтобы на территоріяхъ, которыя еще могутъ быть пріобрѣтены отъ Мексики, не существовало невольничества, но это предложеніе не было принято. Въ Орегонѣ, также недавнемъ пріобрѣтеніи Союза, невольничество было запрещено въ 1848 г.; но Калифорнія и Новая Мексика, благодаря разногласію во мнѣніяхъ, пока вовсе не имѣли организаціи. Образовалась такъ называемая свободная земледѣльческая партія, которая не позволяла себѣ вмѣшиваться въ дѣла невольничьихъ штатовъ, но настаивала, чтобы невольничество было запрещено въ территоріяхъ. Тѣмъ временемъ, наплывъ эмигрантовъ изъ Европы, которые селились въ сѣверныхъ городахъ или уходили на западъ, способствовалъ усиленію свободныхъ общинъ въ ущербъ рабовладѣльческимъ. Въ особенности, въ Калифорніи, благодаря открытію золотыхъ розсыпей и появленію на нихъ совсѣмъ новаго, своеобразнаго населенія, состоявшаго главнымъ образомъ изъ европейцевъ и сѣверянъ, положительно преобладали антиневольническіе взгляды и мнѣнія.

Въ 1850 г. Генри Клей (Clay) предложилъ планъ компромисса, который и былъ принятъ въ томъ-же году. Основныя черты его были слѣдующія: принятіе Калифорніи въ число Штатовъ, съ сохраненіемъ его свободной конституціи; территоріальная организація Новой Мексики и Утаха, причемъ окончательно долженъ былъ быть разрѣшенъ вопросъ объ оставленіи или уничтоженіи тамъ невольничества; изданіе обязательнаго «Закона о бѣглыхъ невольникахъ» и уничтоженіи торговли ими въ округѣ Колумбіи. Компромиссъ этотъ былъ разсчитанъ на примиреніе партій, но едва-ли не онъ именно и вызвалъ окончательный кризисъ. «Законъ о бѣглыхъ невольникахъ» возбудилъ негодованіе сѣверянъ, какъ своею суровостью и жестокостью, такъ, и еще болѣе, требованіемъ, чтобы всѣ добрые граждане содѣйствовали его

выполненію — т. е. принципіальнымъ требованіемъ отъ всего Союза дѣятельной поддержки рабовладѣльчеству. Тамъ, гдѣ власти пытались силою принудить къ выполненію этого закона, имъ нерѣдко оказывали вооруженное сопротивленіе, и дерзко освобождали рабовъ; а многіе сѣверные штаты ввели въ свое законодательство особыя мѣры, парализующія или обходящія этотъ законъ.

Въ 1854 г. партіи невольничества удалось (Missouri Compromise) добиться отмѣны особаго закона о Миссури (1854 г.). На очереди стоялъ вопросъ объ организаціи территорій Канзасъ и Небраска, и м-ръ С. А. Дугласъ внесъ билль, очевидно основанный на предыдущемъ биллѣ, утвержденномъ въ 1850 г. и объявляющій «недѣйствительнымъ и утратившимъ значеніе» актъ 1820 г., по которому невольничество не могло распространяться далѣе 36° 30' сѣверной широты. Партія Юга извлекла изъ Миссурійскаго компромисса всѣ выгоды, какія онъ ей могъ доставить въ свое время, и теперь отбрасывала его за негодностью: подъ вліяніемъ этой партіи Конгрессъ замѣнилъ законъ 1820 г. другимъ, основаннымъ на принципѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Владычества скваттеровъ» (Squatter Sovereignty),—и требовавшемъ, чтобы населенію каждой территоріи была предоставлена свобода выбирать форму и сущность своихъ учрежденій, иными словами—чтобы во всѣ территоріи былъ открытъ доступъ невольничеству.

Тогда началась между Сѣверомъ и Югомъ борьба за первенство въ Канзасѣ. Съ сѣвера и съ юга туда стекались колонисты и поселенцы, устанавливая противорѣчивыя конституціи; наконецъ разгорѣлась настоящая гражданская война между партіями, потребовавшая вмѣшательства военныхъ силъ Союза. Въ число штатовъ былъ принятъ Канзасъ только въ 1861 г., но уже и теперь было ясно, что онъ войдетъ въ федерацію съ конституціей, исключающей невольничество.

Всѣ возстававшіе противъ билля о Небраскѣ соеди-

нились теперь въ великой «республиканской партіи», которая, состоя главнымъ образомъ изъ прежнихъ виговъ, поглотила въ себѣ и «свободныхъ земледѣльцевъ», и аболиціонистовъ. Эта партія объявила, что «ни Конгресъ, ни территоріальныя власти, и никакое общество, состоящее изъ отдѣльныхъ лицъ, не могутъ узаконить существованіе рабства на какой-бы то ни было территоріи», и настаивала на немедленномъ признаніи Канзаса свободнымъ штатомъ.

Упорно преслѣдуя намѣченную себѣ цѣль, рабовладѣльцы стремились теперь завладѣть Кубой и присоединить ее къ Союзу, въ чемъ имъ оказывалъ содѣйствіе сначала президентъ Пирсъ (Pierce), а впослѣдствіи Букананъ. Въ 1854 г. вопросъ этотъ обсуждали три министра иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ, и результатомъ ихъ совѣщаній явился «Остендскій манифестъ», въ которомъ объявлялось, что пріобрѣтеніе Кубы выгодно и желательно и что, если Испанія не захочетъ продать этого острова, Штаты скорѣе прибѣгнутъ къ насилію, чѣмъ позволятъ его «объафриканить». Въ Центральной Америкѣ проявились флибустьеры; правительство не поддерживало ихъ, но самый фактъ уже былъ яркой иллюстраціей духа и взглядовъ рабовладѣльческаго класса. Кое-гдѣ даже высказывалось желаніе оживить внѣшнюю торговлю невольниками.

Всѣ эти разнообразныя причины раздоровъ достойно завершились резолюціей по дѣлу Дрэда Скотта. Скоттъ былъ негръ и невольникъ; господинъ его поступивъ въ военную службу, взялъ его съ собой изъ Миссури (ихъ общей родины) сначала въ Иллинойсъ, гдѣ законы штата не допускали рабства, а потомъ въ территорію, нынѣ называемую Миннезотой, по Миссурійскому компромиссу находившуюся внѣ предѣловъ невольничества. По возвращеніи въ Миссури, негръ обратился въ судъ съ просьбой признать его свободнымъ, на основаніи того, что господинъ его утратилъ всѣ права за время его

(т. е. Скотта), пребыванія въ свободномъ штатѣ и свободной территоріи. Судъ Миссури высказался въ пользу негра, но дѣло пошло дальше, въ Высшій Федеральный Судъ, и тотъ произнесъ приговоръ противъ Скотта, (1856), на основаніи того, что онъ не былъ гражданиномъ Миссури и не имѣлъ locus standi въ судахъ этого штата. При этомъ случаѣ Федеральный Судъ высказалъ слѣдующіе общіе взгляды: Конституція разсматриваетъ раба не какъ личность, но какъ собственность, — конгрессъ обязанъ охранять интересы владѣльца такой собственности въ предѣлахъ всякой территоріи, принадлежащей Соединеннымъ Штатамъ, и не можетъ уклониться отъ этой обязанности до тѣхъ поръ, пока территорія не преобразится въ штатъ и не выйдетъ такимъ образомъ изъ подъ непосредственнаго надзора федеральнаго правительства. Такимъ образомъ оказывалось, что все, чего добивались даже наиболѣе сдержанные оппоненты Юга—уничтоженіе невольничества въ территоріяхъ—было противно конституціи Соединенныхъ Штатовъ.

Такой агрессивный образъ дѣйствій мало по малу пробудилъ духъ оппозиціи, рѣшительной и проникнутой глубокимъ убѣжденіемъ. Піонеромъ новѣйшаго аболиціонистскаго движенія явился Веніаминъ Лэнди (1789—1839). За нимъ послѣдовалъ Уилльямъ Ллойдъ Гаррисонъ (1805—1879), основавшій въ 1831 г. газету «Освободитель». Въ 1833 г. образовалось Американское Антиневольническое Общество. Газета и Общество поставили себѣ задачей одно и то-же—немедленное и полное искорененіе рабства во всей странѣ. Иляйджа П. Лёвджой (Lovejoy) (1802—1837)—истый мученикъ,—Вендель Филлипсъ, Чарльзъ Самнеръ, Джонъ Браунъ (род. въ 1800, повѣшенъ въ 1859)—всѣ они были, каждый на свой ладъ, вождями и старателями великаго дѣла. Лучшіе умственныя силы Америки, внѣ области практической политики, были всегда на сторонѣ партіи, враждебной невольничеству. Уилльямъ Э. Чаннингъ, Р. В. Эмерсонъ, поэты

Брайантъ, Лоуэлль, Лонгфелло, знаменитый Уиттиръ и позже Уитманъ, смѣло и убѣжденно проповѣдывали освобожденіе. Югъ и его партизаны на сѣверѣ дѣлали отчаянныя усилія, чтобы помѣшать свободному выраженію общественнаго мнѣнія относительно невольничества. Они требовали, чтобы антиневольническія петиціи даже не разсматривались въ Конгрессѣ. На митингахъ аболиціонистовъ толпа поднимала такой шумъ и гамъ, что приходилось раньше времени закрывать засѣданіе. Христіанскія церкви въ невольническихъ штатахъ, позорно нарушая свои самыя священныя обязанности, употребляли свое вліяніе на пользу рабовладѣльцевъ, пасторы проповѣдывали, что невольничество освящено Писаніемъ, и нерѣдко оправдывали даже звѣрства, которыя позволяли себѣ его защитники. * Такъ напр. 29 ноября 1860 г. преподобный Пальмеръ, пресвитеріанскій священникъ изъ Орлеана, слѣдующимъ образомъ выражалъ свои убѣжденія.

«Въ этой великой борьбѣ, восклицалъ онъ, мы защищаемъ интересы дѣла Божія и интересы дѣла религіи. Аболиціонистское направленіе есть направленіе атеистическое. Наше назначеніе—передать потомству нашу систему рабства и добиться права распространенія его вездѣ, гдѣ природа и Провидѣніе допустятъ его развитіе. Богъ насъ избралъ, чтобы быть защитниками рабства... Будемъ спасать Америку и міръ» [1]).

Два года спустя, 22 ноября 1862 г., протестантскіе епископы Юга обратились къ своимъ единовѣрцамъ съ пасторскимъ посланіемъ, въ которомъ объявляли, что южная церковь по отношенію къ защитѣ рабства вполнѣ единодушна. Послѣдовавшій въ непродолжительномъ времени новый манифестъ былъ подписанъ пасторами всѣхъ реформаторскихъ церквей и обращенъ къ христіанамъ цѣлаго міра. Въ немъ говорилось, между прочимъ, что «аболиціонизмъ есть преграда планамъ Божіимъ, что суще-

1) Sargent, de Philadelphie.—Les Etats confédérés et l'esclavage, 1864, p. 31 et 32.

ствованіе рабовъ даетъ намъ лишній поводъ благословлять Господа» [1]).

Тоже положеніе защищали и нѣкоторые журналисты: «рабство есть божеское учрежденіе, говорилось напр. въ газетѣ Southern Messager, это краеугольный камень нашей гражданской свободы».

«Рабство справедливо, естественно, и необходимо, говорилъ Ричмондъ Энквиреръ (Enquirer). Если кому и быть рабами, такъ чернымъ, потому что они способны только работать, но не повелѣвать... Право равенства мыслимо только между равными. Для остальныхъ же это ничто иное, какъ хаосъ.—Есть племена, рожденныя для рабства, и есть другія племена, рожденныя чтобы повелѣвать. Таковы принципы и античнаго міра. Мы защищаемъ ихъ своей жизнью. Въ настоящее время мы ненавидимъ все, что носитъ эпитетъ свободнаго: свободнаго негра, свободный трудъ, свободное общество, свободную школу и т. д. Пусть будетъ созданъ законъ, по которому всякій, заботящійся о бѣдныхъ и объ ихъ дѣтяхъ, могъ бы требовать отъ нихъ служенія себѣ и повиновенія» [2]). *

Но, не смотря на всѣ усилія, развязка близилась. Общественное мнѣніе на сѣверѣ было сильно возбуждено появленіемъ Хижины дяди Тома, романа м-рсъ Гэрріетъ Бичеръ-Стоу (1852 г.); по словамъ Сеньора, это былъ, въ формѣ романа, настоящій памфлетъ, направленный противъ закона о бѣглыхъ невольникахъ. Постепенно выяснилось, что безъ войны дѣло не обойдется. Избраніе президентомъ Авраама Линкольна, въ Ноябрѣ 1860 г. огромнымъ большинствомъ его приверженцевъ, опрокинувшее всѣ разсчеты южанъ, было сигналомъ къ возстанію Юга. Первый рѣшительный шагъ сдѣлала Южная Каролина. Власти этого штата, въ Декабрѣ 1860 г. постановили, что Южная Каролина разрываетъ союзъ, «существую-

1) Sargent, p. 33 et 34

2) Sargent, p. 36, 37 et 66.

щій между нею и другими штатами подъ именемъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ,» и приметъ мѣры къ тому, чтобы отнынѣ управляться самостоятельно, какъ независимая республика. Примѣру ея послѣдовали Георгія, Алабама, Миссисипи, Луизіана и Техасъ. Отпавшіе штаты образовали новый союзъ, къ которому, послѣ объявленія войны, примкнули еще Арканзасъ, Сѣверная Каролина, Виргинія и Теннесси. Это такъ называемые «Конфедеративные Штаты» сочинили себѣ временную конституцію; первымъ президентомъ былъ избранъ Джефферсонъ Дэвисъ.

Военныя дѣйствія открылись нападеніемъ конфедератовъ на федеральный гарнизонъ форта Сёмтера. Линкольнъ отвѣтилъ немедленнымъ призывомъ къ оружію волонтеровъ, и началась война, продолжавшаяся четыре года; счастье попеременно благопріятствовало враждующимъ партіямъ, но обѣ вносили въ дѣло одинаковую энергію, храбрость и самоотверженіе. Война окончилась сдачей конфедератскихъ генераловъ Ли и Джонстона генераламъ Гранту и Шерману, въ апрѣлѣ 1865 г.

Сѣверъ поднялъ оружіе просто въ защиту Союза, но наиболѣе дальновидные люди сразу поняли, а вскорѣ вслѣдъ за ними поняла и вся нація, что въ результатѣ войны должно было получиться или упроченное существованіе, или полное уничтоженіе рабства. Сьюардъ (Seward) говорилъ въ 1858 г. правду, что наступающая коллизія не есть что-либо случайное, искусственное, ненужное, она есть «неудержимое столкновеніе двухъ враждебныхъ силъ, изъ котораго Соединенные Штаты должны выйти и выйдутъ или націей, открыто рабовладѣльческой, или націей, признающей исключительно свободный трудъ». Въ томъ же году Линкольнъ говорилъ: «Либо противникамъ невольничества удастся остановить его дальнѣйшее распространеніе, и общественное мнѣніе успокоится, въ увѣренности, что полное уничтоженіе его — вопросъ только времени, либо поборники его добьются того, что

оно будетъ признано законнымъ во всѣхъ штатахъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ». Одна англійская газета въ 1861 г. увѣряла, что «невольничество играетъ лишь второстепенную роль въ американской политикѣ». На дѣлѣ—Югъ все время требовалъ и еще наканунѣ войны добивался отъ Сѣвера именно его сообщничества и содѣйствія въ дѣлѣ упроченія и распространенія невольничества.

Торжество Сѣвера было куплено дорогой цѣной, но результаты его вполнѣ вознаграждали за пролитую кровь и растраченныя сокровища. Гнетущій кошмаръ, давившій общественную жизнь Америки, отнынѣ разсѣялся, гибельный источникъ растлѣнія былъ удаленъ; милліонамъ человѣческихъ существъ открылась возможность умственнаго и нравственнаго развитія; опасность образованія крупнаго невольничьяго государства, которое могло причинить безконечно много зла и вреда всему человѣчеству, была предотвращена разъ навсегда. Многіе европейскіе политики—и между прочимъ Гладстонъ—совершенно не поняли значенія этого кризиса. Самъ Карлейль ополчился противъ Сѣвера, считая уничтоженіе рабства лишь отголоскомъ великаго демократическаго возмущенія, бунта (revolt) нашего вѣка; по его понятіямъ, прогрессъ долженъ былъ «идти своей чередой, не смотря на усилія разнаго рода крикуновъ».

Если-бы онъ взглянулъ на дѣло иначе, то, разумѣется, понялъ-бы, что вопросъ о невольничествѣ былъ только составной частью міровой проблемы пролетаріата, трансцендентальную важность которой громогласно признавалъ самъ-же онъ первый. Многіе малодушные люди также не рѣшались бороться до горькаго конца и склонялись въ пользу компромисса и совмѣстнаго существованія въ Штатахъ и свободы и рабства. Даже такой публицистъ, какъ Кернъ (Cairnes), явно симпатизирующій Сѣверу, отступалъ передъ мыслью возстановить цѣлость Союза. Но масса американскаго на-

рода судила болѣе благоразумно. Разъ взявшись за дѣло, она уже не оглядывалась назадъ, пока не довела его до конца. Возстановленіе Союза въ его первоначальномъ видѣ было необходимо для осуществленія ея великихъ задачъ, и даже тѣ, кто думаетъ, вмѣстѣ съ авторомъ этихъ строкъ, что Союзъ не долго просуществуетъ въ своихъ настоящихъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе радуются его возрожденію, потому что оно было необходимо для освобожденія черной массы и защиты ея отъ насилія, а также для введенія на Югѣ новаго общественнаго строя, основаннаго на свободномъ трудѣ.

Уже въ Сентябрѣ 1862 г. Линкольнъ публично объявилъ, что, если возставшіе Штаты не покорятся втеченіи трехъ мѣсяцевъ, то онъ даетъ свободу всѣмъ невольникамъ, находящимся въ предѣлахъ ихъ владѣній. Сообразно съ этимъ, 1-го Января 1863 г. онъ объявилъ этихъ невольниковъ свободными. Онъ позволилъ себѣ такъ поступить въ качествѣ главнокомандующаго національными войсками; но это, конечно, еще не влекло за собою прочной отмѣны института невольничества, освященнаго санкціей закона. Но въ 1865 г., послѣ пораженія Юга, необходимое большинство Штатовъ согласились внести въ конституцію измѣненія, предложенныя Конгрессомъ и гласившія: «Ни рабство, ни подневольный трудъ, за исключеніемъ таковыхъ въ видѣ наказанія за преступленіе, къ которому былъ законнымъ порядкомъ приговоренъ виновный въ этомъ преступленіи, не могутъ существовать въ Соединенныхъ Штатахъ, или мѣстностяхъ, имъ подвластныхъ». Вторая поправка, возведенная въ законъ въ 1868 г., гласила, что всѣ лица, рожденные въ Соединенныхъ Штатахъ — включая, слѣдовательно, и вольноотпущенныхъ, и потомковъ ихъ — суть граждане какъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ и тѣхъ штатовъ, въ которыхъ они имѣютъ постоянное мѣсто пребываніе; третье измѣненіе предоставляло всѣмъ граж-

данамъ право голоса безъ всякихъ ограниченій, обусловленныхъ «расой, цвѣтомъ или прежнимъ подневольнымъ состояніемъ».

* Не ограничиваясь однимъ фактомъ освобожденія невольниковъ, американцы много заботились объ улучшеніи положенія освобожденныхъ, объ ихъ просвѣщеніи. Еще съ 1862 г. начали устраиваться особыя училища для отпущенниковъ Сѣвера. Филантропическія общества всякаго рода оказывали полное содѣйствіе этому дѣлу. Обнародованіе декрета объ освобожденіи еще болѣе усилило это движеніе, вызвавъ появленіе новыхъ обществъ, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы оказать дѣятельную помощь неграмъ. Въ 1870 г. насчитывалось уже болѣе 4 тысячъ училищъ для негровъ на томъ самомъ Югѣ, гдѣ раньше не было ни одного.

Такъ какъ средствъ для выполненія тѣхъ задачъ, которыя поставили себѣ лучшіе люди, было слишкомъ недостаточно, то нѣкоторые изъ американцевъ, одушевляемые горячей любовью къ человѣчеству, не колеблясь, переплыли океанъ и появились въ столицахъ Европы съ единственной цѣлью вызвать общее сочувствіе къ освобожденнымъ и оказать матеріальную помощь. Такимъ образомъ 3 ноября 1865 г. въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ Лабуле, произошелъ митингъ въ пользу освобожденныхъ невольниковъ. А президентъ одного американскаго общества Лей, (Leigh), въ качествѣ представителя отъ негровъ, вызвалъ столь горячее сочувствіе въ Англіи къ освобожденнымъ, что пожертвованія въ ихъ пользу потекли быстро и достигли до 1 1/2 мил. франк. Тоже было въ Германіи, Голландіи, Швейцаріи и т. д «Словами, говорилъ Лей, нельзя дать понятія о бѣдствіяхъ несчастныхъ негровъ, которыхъ я только что посѣтилъ. Освобожденныхъ около 4 милліоновъ, изъ которыхъ 800.000 дѣтей и 100,000 сиротъ, множество слабыхъ и стариковъ, безъ средствъ, безъ одежды, безъ крова. Послѣ войны негры остались на землѣ, не зная,

что предпринять. Прежніе ихъ господа не могутъ дать имъ занятія, и имъ не чѣмъ платить, развѣ что росписками (des papiers sans valeur). Они, эти несчастные, безъ хлѣба и безъ средствъ, умоляютъ васъ о помощи. Таково положеніе вещей. Какъ помочь всѣмъ?— Вотъ нашъ планъ. Мы открыли школы, въ нихъ работаютъ женщины, которыя живутъ въ поселеніяхъ негровъ, проникаютъ въ ихъ хижины, обучаютъ ихъ, подкрѣпляютъ и распредѣляютъ между ними пособія. Правда, содержитъ школы и учителей и государство. Но оно уже столько сдѣлало, когда ему еще столько остается сдѣлать, что мы не можемъ просить отъ него еще большей помощи, а дѣйствуемъ уже сами». *

Трудно, однако-же, вывести заключеніе, что положеніе негровъ въ Америкѣ теперь уже окончательно опредѣлилось. Сліяніе двухъ расъ при помощи браковъ что́ многіе имѣли въ виду, представляется намъ въ высшей степени невѣроятнымъ. Неизгладимая разница въ цвѣтѣ будетъ всегда раздѣлять ихъ и препятствовать желательному единенію. Есть также основаніе бояться, что пренебрежительное отношеніе бѣлыхъ къ черным долго еще не измѣнится въ будущемъ и что, въ отвѣтъ, это будетъ вызывать въ черныхъ чувства зависти и недружелюбія; не говоря уже о частыхъ и прискорбныхъ инцидентахъ, подтверждающихъ наши опасенія на практикѣ, нелегко и въ теоріи повѣрить въ возможность прочнаго и мирнаго совмѣстнаго существованія, въ современномъ республиканскомъ и промышленномъ государствѣ, двухъ кастъ, господствующей и подчиненной, но надѣленныхъ конституціей и одинаковыми политическими правами. [1])

Огюстъ Контъ въ 1852 г. писалъ о невольничествѣ въ Америкѣ, называя его великой соціальной аномаліей,

---

[1]) Врядъ ли можно согласиться съ мнѣніемъ автора, неоправдываемымъ на дѣлѣ и нераздѣляемымъ такими авторитетными авторами, какъ напр. Брайсъ. Образованіе дѣлаетъ среди освобожденныхъ негровъ все

которая «не можетъ окончиться добромъ», [1]) и намекалъ, что лучшій способъ раздѣлаться съ нимъ, это утилизировать и расширить тотъ спеціальный очагъ, который угнетаемая раса уже создала себѣ въ Гаити. Чтобы искупить преступленіе, которымъ впродолженіи трехъ столѣтій пятнали себя всѣ западныя націи, какъ католическія, такъ и протестантскія, онъ предлагалъ каждой изъ нихъ внести извѣстную сумму и общими силами создать на американскомъ архипелагѣ новое отечество для потомковъ переселенныхъ въ Америку африканцевъ.

Другіе думали, что для освобожденныхъ негровъ самой природой предназначено мѣсто жительства—Африка и что подъ ихъ вліяніемъ и руководствомъ туземцы этого континента будутъ успѣшнѣе двигаться впередъ по пути цивилизаціи. Съ этой цѣлью Американскимъ Обществомъ Колонизаціи была основана колонія Либерія, теперь давно уже независимое государство; утверждаютъ, будто большинство негровъ въ южныхъ штатахъ постоянно томились сознаніемъ, что они лишены отчизны, и тоска эта утихала только тогда, когда они вступали на почву, гдѣ жили ихъ предки [2]). Найти особое и опредѣленное мѣстожительство, повидимому, не-

---

болѣе и болѣе быстрые успѣхи; тѣ самые люди, которые чуть-ли не тридцать лѣтъ тому назадъ носили цѣпи, въ настоящее время несомнѣнно проявляютъ полную способность принимать участіе въ политической жизни страны, одушевляться общественными идеями и принимать дѣятельное участіе въ ихъ осуществленіи. См. Брайсъ. Американск. Республика). Рус. пер. изд. Солдатенкова, т. III, стр. 508. Ред.

[1]) Позитивная политика, т. IV стр. 520.

[2]) Слѣдующія слова принадлежатъ человѣку, который самъ происходитъ изъ негритянской расы и отстаиваетъ переселеніе негровъ въ Африку.

«Въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на замѣтный прогрессъ въ области либеральныхъ идей, негръ все еще остается чужимъ. Права и привилегіи, дарованныя ему конституціональными законами, не обезпечиваютъ его отъ проявленій частной и общественной нетерпимости. Вокругъ него всѣ благоденствуютъ—промышленники, коммерсанты, политики;—онъ же не имѣетъ никакой доли участія въ этомъ благоденствіи и испытываетъ муки Тантала при видѣ почета, которымъ общество окружаетъ другихъ людей и который для него недоступенъ. Будущее не сулитъ ему ничего утѣшительнаго. Путь мужества и добродѣтели, поче-

обходимо для сохраненія достоинства и свободнаго развитія черной расы[1]), но нельзя и не слѣдуетъ навязывать его ей: затрудненіе будетъ разрѣшено только въ томъ случаѣ, если негры сами поймутъ, что «дѣло стоитъ того», и добровольно, отъ души согласятся на переселеніе

Куба.

Испанскій сводъ законовъ, изданный въ 1789 г., отличался большой гуманностью: поэтому, когда островъ Тринидадъ перешелъ во владѣніе Англіи, антиневольническая партія усиленно противилась—и съ успѣхомъ—попыткамъ плантаторовъ (1811) замѣнить на этомъ островѣ испанскіе законы британскими. Но, несмотря на эту всѣми признанную кротость законовъ, они такъ часто и такъ дерзко нарушались въ испанскихъ колоніяхъ, что

стей, наживы и славы открытъ для его бѣлыхъ сосѣдей и ихъ дѣтей, но ни онъ самъ, ни его дочери и сыновья не могутъ идти по немъ. Изъ того высокаго и возвышающаго душу товарищества, которое соединяетъ между собою различные элементы Европы, негритянское дитя, хотя и незаконно, исключено еще до своего рожденія».

Бляйденъ: Христіанство, исламъ и негритянская раса, стр. 398.

1) Джефферсонъ и его друзья, во время пересмотра законовъ Виргиніи, въ 1776—77 г., предложили планъ уничтоженія рабства посредствомъ эмансипаціи всѣхъ, рожденныхъ послѣ извѣстнаго дня и затѣмъ выселеніи ихъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста. Дѣвушекъ до 18 и юношей до 21 года слѣдуетъ воспитывать на общественный счетъ, обучая ихъ полезнымъ занятіямъ, а затѣмъ послать ихъ колонистами въ такое мѣсто, какое окажется наиболѣе удобнымъ по обстоятельствамъ даннаго времени, снабдивъ ихъ оружіемъ, домашними и ремесленными орудіями, зерномъ, сѣменами, домашнимъ скотомъ и т. д. Съ минуты выселенія Соединенные Штаты должны были считать ихъ свободнымъ и независимымъ народомъ и оказывать имъ помощь и покровительство до тѣхъ поръ, пока не окрѣпнутъ ихъ силы; а мѣсто выселившихся должно быть замѣщено бѣлыми переселенцами, вызванными изъ-за границы. По его мнѣнію, «двѣ расы, пользующіяся одинаковой свободой, не могутъ ужиться въ одномъ и томъ-же государствѣ». Въ 1820 году, если не ошибаюсь, онъ пишетъ: «Утрата этого вида собственности (невольниковъ), ибо таково ихъ неправильное названіе, — сущая бездѣлица, и о ней не стоитъ даже думать, если только этимъ путемъ можно достигнуть общей эманципаціи и экспатріаціи черныхъ: а я думаю, что постепенно и приложивъ должное стараніе, этого можно достигнуть.

д-ръ Р. Г. Мадденъ, который лично изучилъ положеніе дѣлъ на островѣ Кубѣ, писалъ въ 1840 г.: «Невольничество на Кубѣ губитъ болѣе человѣческихъ жизней, приноситъ болѣе вреда обществу, унижая раба и развращая господина, болѣе пагубно вліяетъ на здоровье и счастье обоихъ, чѣмъ въ какой-бы то ни было иной рабовладѣльческой странѣ на обитаемой поверхности земного шара». Кернъ въ 1862 г писалъ: «Въ наши дни на островѣ Кубѣ невольники получаютъ самую скудную пищу, выполняютъ самыя изнурительныя работы;—часть ихъ ежегодно погибаетъ въ медленной пыткѣ отъ непосильнаго труда и недостатка времени для отдыха и сна». Въ 1792 г. на островѣ было 84,000 невольниковъ: въ 1817—179,000; въ 1827—286,000 и въ 1873—436.000.

Въ 1870 г. испанскимъ законодательнымъ собраніемъ былъ изданъ законъ, по которому объявлялись свободными—всѣ рабы, уже достигшіе шестидесятилѣтняго возраста, или по достиженіи ими этого возраста, а также всѣ дѣти рабовъ, которыя родятся послѣ изданія закона. Эти послѣдніе должны были воспитываться до восемнадцати лѣтъ на счетъ господина; на это время ихъ отдавали въ ученье въ мастерскія и обучали различнымъ ремесламъ, доступнымъ ихъ возрасту. Этотъ законъ извѣстенъ подъ именемъ закона Морета, потому что его провелъ въ палатѣ депутатовъ сеноръ Моретъ и Прендергастъ, въ то время министръ колоній. По переписи 1867 г., всего населенія на Кубѣ считалось 1.370.211 человѣкъ, изъ которыхъ 764,750 бѣлыхъ и 605.461 черныхъ и цвѣтныхъ: изъ числа послѣднихъ 225,938 были свободны и 379,523—невольники. Въ 1873 году кубинцы опредѣляли населеніе своего острова въ 1.500.000—изъ которыхъ 500.000 или 1/3 были невольники.

* Вотъ что разсказываетъ капитанъ Трейчъ (Treuch), посѣтившій Кубу въ 1875 г. [1]) «Желая поближе позна-

[1]) Une visite à Cuba en 1875.—Публичная продажа рабовъ производилась тамъ ежедневно. Еще недавно печатались объявленія о ней:

*

комиться съ рабствомъ въ его настоящемъ видѣ, я получилъ позволеніе побывать на одной плантаціи сахарнаго тростнику недалеко отъ Гаванны.

«У самаго завода, я увидѣлъ человѣкъ 50 негритянскихъ дѣтей обоего пола, въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ; они были заняты тѣмъ, что сваливали тростникъ въ особый элеваторъ, поднимавшій его къ той машинѣ, которая растирала его. Эти несчастныя дѣти, принужденныя къ работѣ, превосходящей ихъ силы, и подъ палящимъ солнцемъ, безпрестанно обращали глаза къ страшному кожаному кнуту, которымъ размахивалъ стоявшій тутъ же взрослый негръ, всегда готовый испещрить имъ ихъ голыя спины за малѣйшее желаніе отдохнуть или отвѣдать кусокъ сахарнаго тростнику.

«Оставивъ мельницу, мы отправились въ бараки, служившіе жилищемъ для негровъ. Это были каменныя строенія, окруженныя двойной желѣзной рѣшеткой. Комнаты были снабжены запорами и задвижками. Онѣ представляли изъ себя ничто иное, какъ квадратныя берлоги, величиной въ 14 квадр. футовъ, самыя отвратительныя, какія только можно представить. Стѣны почернѣли отъ грязи. Поломъ служила сырая и нездоровая земля. Свѣтъ и воздухъ проникали только въ дверь. Вся мебель состояла изъ стола, скамьи и кровати съ изорваннымъ одѣяломъ. Всюду нечистота и насѣкомыя. Жилища китайскихъ кули гораздо здоровѣе, чѣмъ эти. Негровъ заставляютъ здѣсь работать изъ подъ бича и не менѣе какъ по 18 часовъ въ день, а это чрезвычайно много въ подобномъ климатѣ. По новому закону всѣ дѣти, рожденныя на Кубѣ, свободны, а между тѣмъ и ихъ принуждаютъ работать вплоть до 18 лѣтняго возраста въ уплату за пропитаніе. Здѣсь работаютъ 6 дней

«Въ субботу судебный приставъ будетъ продавать мебель, имущество, бѣлье, рабыню Христину 18 лѣтъ и восьмилѣтнюю лошадь,—все это изъ наслѣдства Жака Лаланъ» (Journal officil de la Martiniqun, 6 septembre, 1867.

въ недѣлю, и это подъ тропическимъ солнцемъ. Такой работы не выдерживаютъ самыя сильныя организаціи; онѣ быстро истощаются. Среднимъ числомъ. негръ работаетъ такимъ образомъ только пять лѣтъ. *

А въ1885 г. м-ръ Кроу (Crowe), генеральный консулъ острова утверждалъ. что «невольничество быстро вымираетъ:—черезъ годъ, много черезъ два, и самыя невинныя формы его прекратятъ свое существованіе».

Предсказаніе его скоро исполнилось. Плантаторы сильно страдали отъ низкихъ цѣнъ на сахаръ, стоявшихъ впродолженіи нѣсколькихъ сезоновъ подрядъ, и отъ тяжести налоговъ. повышенныхъ вслѣдствіе возстанія на островѣ, продолжавшагося съ 1868 до 1878 года. Многіе изъ нихъ были не въ состояніи выплачивать требуемые закономъ три доллара въ мѣсяцъ за каждаго раба, а въ случаѣ неустойки немедленно освобождали. Вообще, живая собственность доставляла столько хлопотъ и была такимъ непрочнымъ капиталомъ, что это значительно понижало ея цѣнность. Отпуски на волю сдѣлались обычнымъ явленіемъ. Все это клонилось къ уничтоженію невольничества, и въ октябрѣ 1886 года, испанское правительство нанесло рѣшительный ударъ уже отживающему учрежденію. Оно издало указъ о прекращеніи patrocinado или системы обученія въ мастерскихъ, установленной закономъ 1880 г. Отпущенные на волю рабы прежде поступали въ вѣдѣніе Хунтосъ (Iuntos) или контрольныхъ палатъ; теперь же государство непосредственно принимало ихъ подъ свое покровительство. и отъ нихъ требовалось только, чтобы они впродолженіи послѣдующихъ четырехъ лѣтъ обучились какому-нибудь мастерству. Таковы были послѣдніе слѣды рабства, исчезнувшаго и на островѣ Кубѣ.

Бразилія.

Въ 1826 г. Великобританія и Бразилія заключили между собой конвенцію относительно прекращенія тор-

говли невольниками: но конвенція эта сплошь и рядомъ нарушалась, несмотря на усилія англійскихъ крейсеровъ. Въ 1830 г. Бразильскій императоръ приравнялъ эту торговлю къ морскому разбойничеству; въ 1845 г. Англія по Абердинскому трактату присвоила себѣ право захвата подозрительныхъ судовъ въ бразильскихъ водахъ. Но, благодаря потворству мѣстной администраціи, въ Бразилію ежегодно ввозилось до 54,000 африканцевъ. Въ 1850 г. торговля невольниками окончательно прекратилась. Владѣльцы плантацій и пріисковъ вопіяли о національномъ бѣдствіи. Съ прекращеніемъ торговли, невольникамъ пришлось больше работать: многихъ изъ нихъ, которыхъ прежде употребляли для домашнихъ работъ, теперь отправили на плантаціи; но все же рабство въ Бразиліи всегда было легче, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 28-го Сентября 1871 года, обѣ палаты въ Бразиліи приняли законъ, извѣстный подъ именемъ закона Ріо-Бранко, имѣвшій цѣлью уничтоженіе невольничества во всей имперіи. Законъ этотъ не освобождалъ рабовъ, за исключеніемъ принадлежащихъ правительству, но облегчалъ ихъ освобожденіе и признавалъ свободными всѣхъ дѣтей, рожденныхъ отъ матерей-невольницъ послѣ дня изданія закона. Тѣмъ не менѣе, до достиженія ими двадцати одного года, эти свободныя дѣти должны были служить владѣльцамъ своихъ матерей. Въ законѣ этомъ была включена статья, по которой каждая провинція обязывалась ежегодно удѣлять изъ своихъ доходовъ (податей) извѣстную сумму на освобожденіе рабовъ посредствомъ выкупа ихъ у владѣльцевъ. За семь лѣтъ до изданія этого закона, императоръ Педро II, всегда употреблявшій свое вліяніе въ пользу свободы, отпустилъ на волю своихъ собственныхъ рабовъ и, послѣ 1871 г., многіе бразильянцы послѣдовали его примѣру. По переписи 1835 г. въ Бразиліи насчитывалось 2.100,000 невольниковъ. Въ началѣ 1875 г. ихъ считалось уже не болѣе 1,476,567 человѣкъ, но въ 1884 г. ихъ, говорятъ,

было до 3.000,000. На время страна раздѣлилась на двѣ части: въ одной по прежнему процвѣтало невольничество. въ другой—свободный трудъ. Невольничество постепенно сосредоточилось въ провинціяхъ, лежащихъ между Мараньономъ и Санъ-Пауло.

Въ 1880 г. депутатъ Іоахимъ Набуко, глава антиневольничьяго движенія, находя, что законъ 1871 г. дѣйствуетъ слишкомъ медленно, добился разрѣшенія внести билль о скорѣйшемъ освобожденіи невольниковъ и о полномъ уничтоженіи невольничества въ Бразиліи съ 1-го Января 1890 г. Правительство однако-же отказалось санкціонировать впредь такіе билли, на томъ основаніи, что задача эмансипаціи разрѣшена удовлетворительно и не требуетъ добавочныхъ законовъ. Вопросъ этотъ составлялъ главный предметъ обсужденія въ парламентскую сессію, открывшую свои засѣданія 8-го Марта 1885 г. Въ эту сессію прошелъ билль, извѣстный подъ именемъ закона Сарайвы, обманувшій ожиданія аболиціонистовъ. По этому биллю рабовладѣльцамъ полагалось непомѣрно высокое вознагражденіе за отпускъ на волю раба; кромѣ того, хотя невольники, достигшіе шестидесятилѣтняго возраста, становились свободными; всѣ они, кромѣ невольниковъ старше 65 лѣтъ, равно какъ и вышеупомянутыя дѣти невольницъ, должны были, по освобожденіи, еще три года служить своимъ господамъ за очень низкую плату, такъ что на практикѣ плантаторы получали этимъ путемъ добавочное вознагражденіе.

Однако, аболиціонисты, не смущаясь этимъ, продолжали свою пропаганду, да и общественное мнѣніе перестало удовлетворяться полумѣрами. Мало по малу сами рабовладѣльцы пришли къ убѣжденію, что имъ выгоднѣе будетъ пользоваться свободнымъ трудомъ и что рабству необходимо положить конецъ немедленно.

Министерство, составленное въ Маѣ 1888 г., внесло соотвѣтствующій билль въ камеру депутатовъ: билль былъ безъ замедленія принятъ, какъ этой камерой, такъ

и сенатомъ, и подписанъ, за отсутствіемъ императора, его дочерью, принцесой регентшей, которая воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы выразить свое личное сердечное сочувствіе дѣлу освобожденія.

Ввозъ рабочихъ въ колоніи.

Не одно европейское государство. послѣ запрещенія торговли невольниками. пыталось замѣнить подневольный трудъ въ своихъ колоніяхъ трудомъ привозныхъ рабочихъ. принадлежащихъ къ низшимъ расамъ; съ этими рабочими заключались долгосрочные контракты. Во многихъ мѣстахъ система эта съ теченіемъ времени выродилась въ нѣчто. очень похожее на узаконенную торговлю невольниками. Около 1867 г. мы впервые узнаемъ о соглашеніи такого рода между островами Южнаго моря и Новой Каледоніей и бѣлыми поселенцами острововъ Фиджи. Вначалѣ это было повидимому вполнѣ добровольное соглашеніе: но мало по малу алчные и безсовѣстные торговцы стали прибѣгать къ насилію и обману. Туземцевъ подъ ложными предлогами заманивали на корабли и тамъ удерживали силой: или просто захватывали ихъ врасплохъ на берегу. или забирали на челнокахъ и тащили на палубу корабля. Имъ даже не объясняли хорошенько, какого рода обязательство они заключаютъ. соглашаясь работать на плантаціяхъ, и нанимали ихъ на сроки болѣе долгіе. чѣмъ дозволялось закономъ. Вскорѣ поприще этой торговли расширилось. Въ 1884 г. общее вниманіе было привлечено къ Квинсланду, торговавшему жителями благодаря процессу корабля Hopeful[1]: правительство поручило особой коммиссіи острововъ Тихаго Океана разслѣдовать дѣло и навести справки о томъ. какими путями вербовались на корабли рабочіе-туземцы

[1]) Правительственный агентъ, вербовщикъ, капитанъ и весь экипажъ корабля Hopeful судились за проступки, совершенные ими во время набора и перевоза рабочихъ. Капитанъ и помощникъ его оказались виновными въ убійствѣ и были приговорены къ смертной казни, впослѣдствіи замѣненной пожизненной каторжной работой.

Новой Гвинеи, Луизіадскаго архипелага и группы островов у пролива D'Entrecasteaux, (Ю.-В. Тасманія).

Слѣдствіе, на которомъ было допрошено до пятисотъ свидѣтелей, обнаружило передъ нами цѣлую систему добыванія рабочихъ, которая по вѣроломству и жестокости не уступала прежней африканской торговлѣ невольниками. Коммиссія донесла (1885), что вся дѣятельность рабочаго корабля Hopeful представляла собою рядъ мошенническихъ продѣлокъ, обмановъ, ловкихъ похищеній и кровавыхъ убійствъ. Такой позорный образъ дѣйствій страшно озлобилъ островитянъ; они считали долгомъ вымещать свои обиды на каждомъ бѣломъ, котораго имъ удавалось заманить къ себѣ на берегъ, и благородный епископъ Меланезійскій, Джонъ Кольриджъ Паттсонъ, палъ жертвой ихъ мести на островѣ Пукапу, 20-го Сентября 1871 г.

Уже въ 1884 г. правительство Квинслэнда издало Сводъ постановленій для урегулированія этой отрасли промышленности; а послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ Коммиссіей 1885 г., правительство сэра Самюэля Гриффитса по истеченіи 1890 г. рѣшило прекратить выдачу патентовъ на ввозъ «Канаковъ», какъ ихъ называли, въ Квинслэндъ. Но плантаторы, обращая вниманіе правительства на то, что сахарное производство должно погибнуть съ прекращеніемъ ввоза цвѣтныхъ рабочихъ, просили по крайней мѣрѣ назначить извѣстный срокъ «для развитія земледѣлія подъ тропиками и плодоводства въ сѣверныхъ областяхъ». Первый министръ смягчилъ свой строгій взглядъ на это дѣло и колоніальнымъ указомъ 1892 г. разрѣшилъ продолжать торговлю; были сдѣланы попытки, чтобы этотъ указъ признало недѣйствительнымъ англійское правительство; но обратиться къ королевѣ, для того чтобы она наложила на него свое veto, не рѣшились: это былъ шагъ слишкомъ серьезный. Защитники торговли ссылались на то, что на Квинслэндскихъ плантаціяхъ съ черными обращаются по человѣчески—хотя и не могли отрицать поразительной смертности между

ними, и того, что съ 1885 г. не было заявлено ни объ одномъ доказанномъ случаѣ серьезнаго злоупотребленія плантатора своими правами. Поэтому указъ вступилъ въ законную силу. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, статьи его были пересмотрѣны Квинслэндскими властями и образовали, по словамъ лорда Райпона, «полный и тщательно составленный сводъ законовъ для защиты интересовъ земледѣльцевъ, какъ во время пребыванія ихъ на кораблѣ, такъ и въ періодъ работы ихъ на плантаціяхъ, и возвращенію на родину».

Надо надѣяться, что за исполненіемъ этихъ законовъ будетъ установленъ бдительный и твердый надзоръ, но на это трудно разсчитывать, ибо надзоръ этотъ необходимо долженъ быть порученъ властямъ, оффиціальное существованіе которыхъ главнымъ образомъ зависитъ отъ людей, заинтересованныхъ въ продолженіи и расширеніи такой торговли. Слѣдовало бы, выражаясь словами сэра Артура Гордона [1]), чтобы «присмотръ за наборомъ цвѣтныхъ рабочихъ, былъ порученъ королевскимъ чиновникамъ, которые должны быть помѣщены на нѣсколькихъ островкахъ въ западной части Тихаго Океана, и всѣ цвѣтные рабочіе, предназначенные къ отправленію въ Квинслэндъ, непремѣнно должны быть представлены тому или другому изъ этихъ чиновниковъ». Вся исторія этой системы доказываетъ, что индустріализмъ 19-го вѣка, не признающій надъ собою никакого нравственнаго авторитета, если его не сдерживаетъ въ границахъ власть закона, можетъ повести къ такимъ же преступленіямъ и насиліямъ въ области подневольнаго труда, какія совершались повсемѣстно европейцами во времена Кортеца и Пизарро.

---

1) Письмо въ Таймсъ, 5-го Января 1893 г. Сэръ Артуръ Гордонъ, нынѣ лордъ Стэнспоръ, былъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ главнымъ комиссаромъ Ея Величества въ Тихомъ Океанѣ.

ГЛАВА IX.

Рабство въ Восточной Европѣ и на магометанскомъ Востокѣ.

Мы уже видѣли, что послѣдніе признаки чудовищной аномаліи, именуемой современнымъ колоніальнымъ рабствомъ, исчезли во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ Европы и принадлежащихъ имъ колоніальныхъ владѣніяхъ. Намъ остается теперь разсмотрѣть рабство примитивнаго происхожденія, существовавшее до нашихъ дней, или по нынѣ еще существующее на Востокѣ.

Россія.

Россія—страна, не имѣющая общаго историческаго прошлаго съ такъ называемыми западными державами, и потому ее правильнѣе будетъ отнести къ восточнымъ. Рабство въ ней исчезло уже давно, но крѣпостное право продолжало существовать почти до нашихъ дней. Земледѣльческое населеніе этой страны въ самую отдаленную эпоху, доступную нашимъ изслѣдованіямъ, состояло изъ (1) холоповъ, (2) полу-свободныхъ земледѣльцевъ и (3) собственно крестьянъ—мелкихъ арендаторовъ или собственниковъ и членовъ общины. Источниками рабства здѣсь были, какъ и вездѣ—война и плѣнъ, добровольная самопродажа бѣдняковъ въ кабалу, продажа несостоятельныхъ должниковъ и наконецъ кары, налагаемыя закономъ за нѣкоторыя преступленія. Въ восемнадцатомъ столѣтіи мы уже находимъ сословіе крѣпостныхъ, составляющихъ

собственность землевладѣльцевъ, и крестьянъ государственныхъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, которая была собственностью государства. Это даже не adscripti glebae, хотя имъ и запрещено переселяться съ мѣста на мѣсто; въ императорскомъ указѣ 1721 г. говорится: «помѣщики продаютъ своихъ крестьянъ и дворовыхъ, даже не семьями, а порознь, какъ скотъ». Правительство сначала молча терпѣло это, взимая съ каждой купчей извѣстный процентъ въ пользу казны; впослѣдствіи же права помѣщиковъ на продажу крѣпостныхъ были формально подтверждены императорскими указами. Петръ Великій обложилъ все земледѣльческое населеніе подушной податью, обязавъ помѣщиковъ вносить «подушное» за своихъ крѣпостныхъ; а «гулящимъ людямъ» предоставлено было на выборъ: или поступить въ военную службу, или сѣсть на землю, т. е. приписаться къ какой-нибудь общинѣ, или-же сдѣлаться крѣпостными какого нибудь помѣщика. Высшей степени своего развитія въ области законодательной крѣпостное право достигло при Екатеринѣ II. Крѣпостныхъ покупали, продавали, дарили, иногда вмѣстѣ съ землей, иногда безъ нея, иногда цѣлыми семьями, иногда въ одиночку; запрещена была только публичная продажа ихъ съ аукціона, какъ «неподобающая европейской державѣ». Помѣщику предоставлено было право безъ всякаго суда ссылать непокорныхъ крѣпостныхъ въ Сибирь или отправлять ихъ на всю жизнь въ рудники, а если крѣпостной осмѣливался жаловаться на помѣщика, его наказывали кнутомъ и ссылкой на каторгу.

Первые симптомы реакціи противъ крѣпостного права проявились въ царствованіе императора Павла (1796—1801). Онъ особымъ указомъ запретилъ заставлять крестьянъ работать по праздникамъ и вообще работать на помѣщика болѣе трехъ дней въ недѣлю. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія тоже замѣтны слабыя попытки дальнѣйшихъ реформъ и даже недозрѣлые проэкты эмансипаціи, но рѣшительныя мѣры были приняты только императоромъ Алек-

сандромъ II. Послѣ Крымской войны въ 1857 г. Государь этотъ учредилъ особый совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ государства, подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ, получившій названіе Комитета о крѣпостномъ состояніи, и поручилъ ему выработать проэктъ эмансипаціи крестьянъ. Энергичнымъ и дѣятельнымъ членомъ этого комитета былъ великій князь Константинъ. Чтобы ускорить ходъ дѣла, воспользовались слѣдующимъ инцидентомъ. Въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, для урегулированія отношеній между помѣщиками и крестьянами были введены, въ царствованіе Николая I, такъ называемые «инвентари». Недовольные этимъ, помѣщики вздумали хлопотать о пересмотрѣ инвентарныхъ правилъ. Правительство истолковало ихъ просьбу въ смыслѣ желанія уничтожить у себя крѣпостное право, и въ 1857 г., Высочайшимъ рескриптомъ на имя генералъ-губернатора Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго, разрѣшено было учредить въ губернскихъ городахъ дворянскіе комитеты для выработки проэктовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, кромѣ того учреждена была еще дворянская комиссія въ г. Вильно. Вскорѣ затѣмъ всѣмъ губернаторамъ и предводителямъ дворянства былъ разосланъ циркуляръ, увѣдомлявшій ихъ о желаніи литовскихъ дворянъ и указывавшій, какихъ основныхъ принциповъ они должны держаться, «въ случаѣ если дворяне всѣхъ русскихъ губерній выразятъ подобное-же желаніе». Общественное мнѣніе было всецѣло на сторонѣ проэктируемой реформы; хотя изъ помѣщиковъ многіе и возставали противъ нея, но и они видѣли, что разъ ужъ реформа необходима, то въ интересахъ дворянъ слѣдуетъ хлопотать, чтобы выполненіе ея было поручено имъ-же самимъ, а не бюрократіи. Сообразно съ этимъ, втеченіе 1858 года были учреждены соотвѣтствующіе комитеты почти въ каждой губерніи, гдѣ существовало крѣпостное право. Изъ схемъ, составленныхъ этими комитетами, необходимо было составить одинъ общій планъ, и правительство учредило для этой цѣли особыя Редакціон-

ныя коммиссіи. Общій планъ былъ выработанъ и, несмотря на оппозицію нѣкоторой части дворянства, легко впрочемъ подавленную, 19-го Февраля (3-го Марта нов. стиля) 1861 года крѣпостное право въ Россіи прекратило существованіе. Въ манифестѣ были намѣчены слѣдующія положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (т. е. помѣщичьихъ): 1) бывшіе крѣпостные получили гражданскія права свободнаго земледѣльческаго сословія, а власть помѣщика была замѣнена сельскимъ самоуправленіемъ; 2) сельскія общества получили въ пользованіе землю, въ размѣрѣ, опредѣленномъ Положеніемъ, съ правомъ выкупа ея по соглашенію съ помѣщикомъ. 3) Выкупная сумма, въ опредѣленныхъ размѣрахъ, выплачивалась помѣщику правительствомъ, которое уже само взыскивало ее съ крестьянъ. Что касается дворовыхъ, они обязаны были еще два года послѣ манифеста служить помѣщикамъ, а затѣмъ получали полную свободу, но безъ права на земельный надѣлъ. Обязанность разъяснять смыслъ закона и вводить новые порядки, была возложена въ каждомъ уѣздѣ на одного изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ по выбору дворянъ; эти лица назывались мировыми посредниками. Мировые посредники вводили въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, по обоюдному согласію заинтересованныхъ сторонъ, такъ называемыя уставныя грамоты, регулирующія отношенія между крестьянами и помѣщикомъ. Свою трудную задачу они въ общемъ выполнили удовлетворительно и такимъ образомъ переворотъ совершился.

Финансовая организація дѣла была слѣдующая: размѣры крестьянскаго земельнаго надѣла и повинностей опредѣлялись смотря по мѣстности; правительство уплачивало помѣщику четыре пятыхъ опредѣленнаго выкупа, крестьяне—остающуюся $^1/_5$, всю сразу, или по частямъ; правительственная ссуда выдавалась имъ на срокъ девять лѣтъ, по 6 % годовыхъ. Помѣщикъ могъ требовать обязательнаго выкупа, но при этомъ долженъ былъ уже отказаться отъ одной пятой назначенной суммы. Всѣхъ

крѣпостныхъ, принадлежавшихъ помѣщикамъ, насчитывалось въ годъ эмансипаціи 21.625,609; изъ нихъ 20.158,231 крестьянъ и 1.467,376 дворовыхъ. Сюда не включены государственные крестьяне, составлявшіе около половины всего земледѣльческаго населенія. Они стояли въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ крѣпостные въ частныхъ имѣніяхъ; по словамъ м-ра Уоллеса, это было «нѣчто среднее между крѣпостной зависимостью и свободой». Сюда же относятся и крѣпостные въ бывшихъ монастырскихъ владѣніяхъ, впослѣдствіи секуляризованныхъ и взятыхъ въ казну еще при Екатеринѣ II. Особый разрядъ составляли крестьяне въ удѣльныхъ имѣніяхъ, составляющихъ собственность царской фамиліи; этихъ насчитывалось до трехъ съ половиною милліоновъ. Манифестъ 1861 года касался лишь крестьянъ помѣщичьихъ. Перемѣна эта, безъ сомнѣнія, была необходима и благотворна, но восторженныя ожиданія многихъ относительно ея непосредственныхъ экономическихъ и нравственныхъ результатовъ, повидимому, не оправдались, что объясняется главнымъ образомъ и даже исключительно нѣкоторыми деталями въ самой постановкѣ реформы. Какъ извѣстно, отмѣна крѣпостного права отразилась не одинаково на различныхъ губерніяхъ. Пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ окончательно выяснятся всѣ послѣдствія этой мѣры, и весьма возможно, что понадобится дальнѣйшее вмѣшательство закона для полнаго развитія содержавшихся въ ней зародышей общественнаго блага*).

---

*) Эта глава, въ виду ея краткости и незнакомства автора съ русскими источниками по исторіи крѣпостного права, требуетъ весьма значительныхъ дополненій. Напр. авторъ совершенно не разъясняетъ вопроса о происхожденіи крѣпостнаго права, совершенно умалчиваетъ объ участіи народа и литературы въ дѣлѣ освобожденія, и т. д. Оставляя эту главу на отвѣтственности автора, въ виду небольшого размѣра книги Ингрэма и громадной важности для русскаго читателя того вопроса, который затронутъ въ настоящей главѣ, редакція намѣрена посвятить исторіи русскаго крѣпостного права отдѣльный томъ «Культурно-исторической библіотеки», оставляя текстъ Ингрэма въ данномъ случаѣ почти безъ измѣненій, чтобы не нарушать цѣльности книги. Ред.

Магометанскія страны.

Рабство на магометанскомъ востокѣ есть рабство не земледѣльческое, а домашнее. Тамъ рабъ—членъ семьи; его любятъ, съ нимъ обращаются ласково. При Магометѣ рабство было уже укоренившимся учрежденіемъ, какъ у евреевъ, такъ и у аравійскихъ язычниковъ; и Коранъ признавалъ его, какъ признавалъ его законъ Моисея, какъ признавала его церковь въ первые вѣка христіанства. Религія Ислама старается смягчить суровость рабства и внушаетъ своимъ послѣдователямъ относиться къ рабамъ кротко и снисходительно. «Если кто изъ твоихъ рабовъ», говоритъ Коранъ, «пожелаетъ быть отпущеннымъ на волю, исполни его желаніе, если считаешь его достойнымъ, удѣли ему отъ сокровищъ, которыми онъ надѣлилъ тебя. Не принуждай къ грѣху своихъ рабынь... если онѣ желаютъ сохранить свою скромность. Но ежели кто и соблазнитъ единую отъ нихъ, поистинѣ Господь будетъ милостивъ къ ней и простится грѣхъ ея». (Кор., сура XXIV). * «Сколько разъ должно прощать рабу?» спрашивали у пророка, и онъ отвѣчалъ: «семьдесятъ разъ въ день, если желаешь заслужить благоволеніе Божіе». И далѣе: «не говорите: «мой рабъ», потому что мы всѣ рабы Аллаха, но говорите: «мой слуга или моя служанка»... Доставляйте ему добросовѣстно содержаніе и пищу и не задавайте ему работы, которая выше его силъ» [1]).

Мусульманскій законъ также благосклонно относится къ отпущенію на свободу. Въ глазахъ религіи это богоугодное дѣло. По словамъ пророка «правовѣрный, отпускающій на волю своего ближняго, освобождаетъ и самого себя отъ заботъ человѣческихъ и мученій огня вѣчнаго». Поэтому многіе мусульмане освобождали своихъ рабынь и рабовъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ рабства. Они

---

1) Sourate, 33.

выдавали ихъ замужъ или женили на своихъ дѣтяхъ и ввѣряли имъ высокія должности.

Освобожденіе матери-рабыни происходило послѣ рожденія перваго ребенка, котораго господинъ признавалъ своимъ. Мать считалась съ этого момента отпущенницей и не могла быть ни продана, ни подарена, а послѣ смерти господина становилась свободной. Самъ пророкъ установилъ этотъ обычай по случаю родовъ своей у рабыни Маріи, матери Ибрагима [1]).

Это покровительство, оказываемое рабамъ мусульманскимъ закономъ, имѣетъ мѣсто и въ магометанскихъ странахъ Африки, гдѣ обращаютъ въ рабство только плѣнниковъ. * Магометъ позволилъ своимъ послѣдователямъ и жениться на рабыняхъ одной съ ними вѣры, съ разрѣшенія ихъ господъ; нерѣдко за такой рабыней давалось хорошее приданое; если, послѣ брака, такая женщина оказывалась виновной въ прелюбодѣяніи, она несла наказаніе, вдвое меньшее противъ того, которое полагалось для свободной замужней женщины. На Востокѣ рабъ не считался существомъ низшаго разряда, рабское происхожденіе или рабство въ прошломъ не мѣшали ему достигнуть, по освобожденіи, высшихъ общественныхъ ступеней. Но, не говоря уже о вредномъ нравственномъ вліяніи, неизбѣжно присущемъ рабству, тѣмъ болѣе, что на Востокѣ оно не составляетъ даже политической необходимости,—что могло бы извинить его или примирить съ нимъ—не слѣдуетъ забывать, что за рабствомъ, въ какой-бы гуманной формѣ оно ни проявлялось, стоитъ работорговля, съ ея систематической охотой на людей, которая была и остается до сихъ поръ проклятіемъ Африки.

Теперь всѣ усилія западныхъ націй, повсюду принесшія такіе благодѣтельные результаты, должны были обратиться на исцѣленіе этой язвы Чернаго Континента Рѣшительный толчокъ новому движенію былъ данъ ге-

1) Barthélemy Saint Hilaire. Mahomet et le colon, 1865. Passim.

ройской и самоотверженной экспедиціей Ливингстона. Въ 1852 г. этотъ отважный путешественникъ отправился изъ земли Бехуановъ въ Сент-Поль де Лоанда, затѣмъ прошелъ черезъ весь материкъ до устья Замбези, и наконецъ скончался въ 1873 г. на берегу озера Бангвеоло, на рукахъ вѣрныхъ туземцевъ. Ливингстонъ первый запечатлѣлъ въ умахъ и сердцахъ своихъ согражданъ вѣрное представленіе объ ужасахъ невольничества и работорговли во внутренней Африкѣ. Уже незадолго до смерти онъ написалъ слѣдующія слова, которыя и вырѣзаны на его могилѣ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ:—«Въ своемъ одиночествѣ я могу только сказать: да снизойдетъ милость Божія на всякаго, будь онъ американецъ, турокъ или англичанинъ,—кто помогаетъ исцѣлить эту зіяющую язву міра».

Разсмотримъ сначала, въ какомъ положеніи дѣло находилось при Ливингстонѣ и что было сдѣлано для смягченія рабства позднѣе.

Въ эпоху колоніальной торговли невольниками, средоточіемъ ея въ Африкѣ была область, лежавшая между устьями рѣкъ Калабара и Боннея, куда плѣнныхъ негровъ привозили иногда изъ очень дальнихъ мѣстъ, изъ глубины материка. Эта береговая область, по словамъ Кларксона, поставляла въ колоніи ежегодно больше рабовъ, чѣмъ вся остальная Африка. Теперь предполагается, что въ западной части материка совсѣмъ не существуетъ вывоза рабовъ, но еще въ 1865 г. Камерону доставили свѣдѣнія совсѣмъ иного рода. Главныхъ центровъ невольничества, которые въ позднѣйшія времена снабжали рабами Египетъ, Марокко, Турцію, Аравію и Персію, всего три.

1. Суданъ, къ югу отъ Великой Сахары, представляетъ собою сплошное поле охоты на людей. Оттуда захваченныхъ негровъ отправляютъ на невольничій рынокъ въ Куку (въ Борну), гдѣ ихъ покупаютъ оптовые торговцы. * «На рынкѣ К у к а, разсказываетъ г. Берліу, этотъ товаръ выставляется во всемъ своемъ печальномъ безобразіи. Рабы грязны и прикрыты жалкими рубищами. Ихъ

осматриваютъ, измѣряютъ ихъ ростъ, открываютъ ротъ, чтобъ посмотрѣть зубы, освѣдомляются объ ихъ аппетитѣ, потому что аппетитъ считается признакомъ здоровья. Молодой парень стоитъ отъ 50 до 100 франковъ, молодая дѣвушка вдвое дороже; дитя или старикъ отъ 15 до 30 франковъ. Въ понедѣльникъ, базарный день, часто прибываютъ тысячи рабовъ, доставляемыхъ для продажи. Можно быть увѣреннымъ, что во всѣ другіе дни найдешь ихъ нѣсколько сотенъ. Это составляетъ около 5—6 тысячъ рабовъ еженедѣльно, а столицы сосѣднихъ государствъ должны составить столько же». * Вообще говоря, около 10,000 невольниковъ ежегодно проходятъ черезъ безплодную пустыню, подъ палящими лучами солнца, направляясь къ Мурзуку въ Феццанѣ, откуда ихъ уже разводятъ по разнымъ городамъ на сѣверномъ и восточномъ берегахъ Средиземнаго моря. Страданія ихъ въ дорогѣ ужасны; многіе не выносятъ ихъ, падаютъ и, покинутые, умираютъ въ пустынѣ. Рольфсъ говоритъ, что всякій, кто не знаетъ пути, по которому идутъ караваны, можетъ найти его, руководствуясь костями, бѣлѣющими направо и налѣво отъ дороги. Негровъ привозятъ въ Марокко также изъ Западнаго Судана и изъ Тимбукту. Центръ работорговли въ Марокко—Сиди-Гамедъ, или Мусса, городъ, лежащій въ семи дняхъ пути на югъ отъ Могадора, гдѣ каждый годъ бываетъ большая невольничья ярмарка. Оттуда невольниковъ развозятъ по разнымъ городамъ; больше всего ихъ идетъ въ Марокко, Фецъ и Мекинецъ [1]). Такимъ образомъ, около 4000 невольниковъ ежегодно остается въ самой странѣ, и налогъ на невольниковъ доставляетъ султану, назначающему его ad valorem, до 4800 ливровъ годового дохода. Всѣхъ негровъ-невольниковъ въ Марокко насчитывалось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до 50,000.

---

[1]) Публичная продажа невольниковъ была одно время запрещена въ приморскихъ городахъ, хотя и продолжалась внутри страны; но въ 1891 г. запрещеніе было отмѣнено.

2. Бассейнъ рѣки Нила, вплоть до большихъ озеръ. также имѣетъ большое значеніе для работорговли. Шайки разбойниковъ, опустошающія эту мѣстность и уводящія въ плѣнъ жителей, главнымъ образомъ, находятся на содержаніи у Хартумскихъ купцовъ. Ранѣе пойманныхъ невольниковъ провозили контрабандой въ Египетъ, но теперь ихъ, главнымъ образомъ, отправляютъ въ Турцію черезъ Красное море. Въ 1869 г. хедивъ Измаилъ поставилъ сэра Сэмюэля Бэкера во главѣ большого вооруженнаго отряда, съ помощью котораго ему поручалось «нанести рѣшительный ударъ торговлѣ невольниками въ ея отдаленномъ гнѣздѣ». Фирманъ хедива содержалъ слѣдующія инструкціи:—«покорить нашей власти страны, лежащія на югъ отъ Гондокоро, уничтожить тамъ работорговлю, ввести систему правильныхъ коммерческихъ оборотовъ, открыть навигацію на большихъ экваторіальныхъ озерахъ и учредить въ Центральной Африкѣ линію военныхъ станцій и торговыхъ конторъ». Многіе сомнѣваются въ искренности Измаила и предполагаютъ, что въ сущности онъ вовсе не желалъ прекращенія торговли невольниками, а только стремился расширить свои владѣнія, но, надо отдать справедливость Бэкеру—онъ думалъ иначе. Какъ онъ выполнилъ порученіе хедива, объ этомъ онъ самъ разсказываетъ въ своей книгѣ Измаилія (2 изд. 1879 г., рус. пер.). Онъ вернулся въ Каиръ въ Августѣ 1883 г. и заявилъ хедиву, что «весь Бѣлый Нилъ, на протяженіи 16000 миль, между Хартумомъ и Центральной Африкой, нынѣ очищенъ отъ гнусной торговли, которая до тѣхъ поръ грязнила его воды». Но не смотря на его энергическія усилія, еще вопросъ, была-ли достигнута цѣль его экспедиціи, и принесла-ли она существенную пользу.

Въ январѣ 1874 г. хедивъ уполномочилъ полковника К. Ж. Гордона продолжать дѣло Бэкера, назначивъ его съ этой цѣлью «губернаторомъ Экваторіальной области». Вскорѣ Гордонъ понялъ, что ему ничего не

удастся сдѣлать, пока его не назначатъ губернаторомъ всего Судана. и, вернувшись въ Каиръ, объявилъ хедиву, что не станетъ болѣе служить ему, если онъ не согласится расширить его полномочій; сообразно этому, полковнику Гордону было поручено управленіе всѣмъ Суданомъ. Тогда онъ весь отдался дѣлу уничтоженія торговли невольниками и, съ помощью своего умнаго и преданнаго секретаря, итальянца Ромоло Джесси, повелъ упорную войну съ работорговцами и наемными шайками разбойниковъ. Въ 1877 г онъ добился того, что Египетское правительство запретило продажу рабовъ изъ семьи въ семью (from family to family), назначивъ для прекращенія ея въ Египтѣ семилѣтній срокъ, а въ Суданѣ двѣнадцатилѣтній. Въ 1879 г. Измаилъ сложилъ съ себя вице-королевскую власть и передалъ ее сыну своему, Тевфику; Гордонъ подалъ въ отставку и. послѣ безуспѣшной экспедиціи въ Абиссинію, куда его послалъ новый хедивъ, совсѣмъ покинулъ Египетъ.

Послѣднее его появленіе въ Хартумѣ, куда онъ былъ посланъ англійскимъ правительствомъ на выручку осажденнаго египетскаго гарнизона, его благородная борьба, слишкомъ поздно подоспѣвшая помощь, и его смерть при исполненіи своихъ обязанностей (26-го Января 1885 г.)— извѣстна всѣмъ. Почти до конца онъ все надѣялся, что ему удастся пробиться къ Баръ-Эль-Газелу, гдѣ правилъ Джесси, и затѣмъ дѣйствовать совмѣстно со Стэнли на Конго. «Мы отберемъ», говорилъ онъ, «одну за другой, всѣ области у работорговцевъ;» но надеждамъ его не суждено было осуществиться. и мы боимся, что въ настоящее время на поприщѣ дѣятельности Гордона и Бэкера не осталось никакихъ слѣдовъ того. что было достигнуто ими [1]).

---

[1]) Махдизмъ и Египетскій Суданъ, Уингэта. Это живой и увлекательный разсказъ о смутахъ и бѣдствіяхъ, которыя начались съ удаленіемъ Гордона и достигли апогея въ 1883 г., когда Египтяне предоставили Суданъ собственной участи.

Д-ръ Эминъ-Паша, австріецъ, назначенный Гордономъ губернаторомъ египетскихъ экваторіальныхъ провинцій, одинъ боролся съ предстоявшими ему затрудненіями впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, безъ всякой помощи или поддержки извнѣ, и такъ хорошо управлялъ ввѣренными ему провинціями, что д-ръ Р. В. Фелькинъ, проѣзжавшій по нимъ въ 1879 г., говоритъ:—«Еслибъ не дикіе звѣри, вы могли-бы пройти всю страну, безъ всякаго оружія, кромѣ обыкновенной дорожной палки». Эминъ Паша достигъ уже замѣтныхъ результатовъ въ дѣлѣ смягченія ужасовъ работорговли въ управляемой имъ области, но въ 1885 г. онъ попалъ въ большую бѣду. Для освобожденія его была огранизована экспедиція подъ предводительствомъ Стэнли; этотъ послѣдній совершилъ свой достопамятный переходъ черезъ Конго, пробрался къ Эмину-Пашѣ и препроводилъ его до Восточнаго берега. Такимъ образомъ, экваторіальныя провинціи снова пришли въ прежнее варварское состояніе и остались открытыми для набѣговъ послѣдователей Махди и арабовъ—охотниковъ за невольниками. Таковы были печальныя послѣдствія колебаній и нерѣшительности англійской политики относительно этой области.

Въ самомъ Египтѣ, однако, многое было достигнуто, главнымъ образомъ благодаря добросовѣстному выполненію своихъ обязанностей покойнымъ хедивомъ Тевфикомъ († въ 1892 г.) и умѣлой тактикѣ сэра Эвелина Баринга (лордъ Кромеръ), способствовавшаго усиленію въ странѣ англійскаго вліянія. Какъ уже было сказано, Ея Британское Величество и хедивъ Измаилъ въ 1877 г. заключили между собою договоръ, по которому продажа невольниковъ негровъ и абиссинцевъ изъ семьи въ семью была воспрещена во всѣхъ мѣстностяхъ, лежащихъ между Александріей и Ассуаномъ, причемъ запрещеніе должно было вступить въ законную силу въ 1884 г. Нѣкоторое время не замѣтно было почти никакихъ результатовъ, благодаря трудности добыванія вѣрныхъ

свѣдѣній объ этихъ частныхъ коммерческихъ сдѣлкахъ, но въ настоящее время условія договора соблюдаются строго, и тайная продажа является исключеніемъ. Учрежденъ особый Невольничій Департаментъ, подчиненный верховной власти хедива и управляемый искуснымъ администраторомъ, полковникомъ Шефферъ-Беемъ; главную резиденцію свою этотъ департаментъ имѣетъ въ Каирѣ, что крайне затрудняетъ какъ ввозъ невольниковъ въ Египетъ, такъ и перепродажу уже имѣющихся въ странѣ невольниковъ другимъ владѣльцамъ. Въ 1894 г. трое пашей были арестованы и судимы военнымъ судомъ по обвиненію въ покупкѣ дѣвушекъ-невольницъ изъ Судана. Домашнее рабство все еще считается законнымъ, но если рабъ пожелаетъ быть отпущеннымъ на волю, ему стоитъ только обратиться въ вышеупомянутый департаментъ, чтобы ему (или ей) выдали увольнительное свидѣтельство; въ Каирѣ учреждено даже убѣжище, доставляющее пріютъ и покровительство освобожденнымъ невольницамъ.

3. Восточный берегъ Африки также долго велъ торговлю невольниками. Подвозили ихъ главнымъ образомъ изъ областей, лежащихъ къ югу отъ озера Ньяссы, по тремъ или четыремъ путямъ въ Ибо, Мозамбикъ, Анголу и Килиманъ. Мадагаскаръ и Коморскіе острова закупали невольниковъ преимущественно на Мозамбикскомъ берегу. Въ 1862 г. было высчитано, что изъ области Ньяссы ежегодно до 19,000 невольниковъ доставляется въ Занзибаръ, снабжавшій ими въ широкихъ размѣрахъ рынки Персіи и Аравіи. Ливингстонъ засталъ области, лежащія по рѣкѣ Ровумѣ и къ востоку отъ озера Ньяссы, совершенно опустошенными; онъ шелъ семь дней по землѣ Вяхіяо, не встрѣтивъ почти ни души; прежде эта мѣстность была довольно густо населена, но благодаря торговлѣ невольниками она совсѣмъ обезлюдѣла. По сторонамъ дороги онъ находилъ скелеты невольниковъ, которые, ослабѣвъ и не имѣя силы идти за караваномъ,

были убиты своими надсмотрщиками—арабами или португальцами; попадались и несчастные живые, но полумертвые отъ голода люди, которыхъ бросали умирать на дорогѣ за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ.

Въ 1873 г. къ Занзибарскому султану было отправлено посольство, во главѣ котораго стоялъ сэръ Бартль Фреръ, съ цѣлью заключить съ нимъ договоръ о прекращеніи работорговли; но, хотя въ силу этого договора, и прекратился вывозъ невольниковъ изъ Занзибарскаго порта, это не уничтожило работорговли вообще, а только дало ей нѣсколько иное направленіе. По слухахъ, теперь невольниковъ отправляютъ сухимъ путемъ на рынки въ Самали, въ Брову, Мерку и другіе города. На о. Мадагаскарѣ, куда невольники привозились съ Мозамбикскаго берега, ввозъ и продажа были запрещены, по крайней мѣрѣ въ Говашскомъ государствѣ, королевой Ранавалоной II въ Іюнѣ 1877 г.

Станціи, основанныя англійскими университетами, а также шотландскимъ духовенствомъ въ горной странѣ Шири и на берегахъ озера Ньясса, безъ сомнѣнія много способствовали уменьшенію торговли невольниками въ этихъ мѣстностяхъ. Говорятъ, будто въ 1876 г. всего 38 невольниковъ прошли южнымъ берегомъ озера Ньясса, тогда какъ прежде этимъ путемъ каждый годъ проходило до 10,000. Лейтенантъ О'Нейль, консулъ Ея Величества въ Мозамбикѣ, въ 1880 г. опредѣлялъ число невольниковъ, вывозимыхъ ежегодно изъ береговой области, лежащей между устьями рѣкъ Бовумы и Замбези, въ 3,000 человѣкъ. Но съ того времени торговля невольниками оживилась, вслѣдствіе усиленнаго спроса на слоновую кость; невольники и слоновая кость—это, что называется, «рука и перчатка», потому что слоновая кость доставляется изъ глубины страны къ берегамъ невольниками, которыхъ потомъ и продаютъ на вывозъ.

Торговля невольниками имѣетъ свои болѣе мелкія развѣтвленія по всей Африкѣ. Такъ, отъ Харары, въ землѣ

Сомали, отправляются караваны къ Берберскому побережью, гдѣ каждый годъ бываетъ большая ярмарка. Невольниковъ вывозятъ также изъ глубины страны Галла, изъ Гурачвы и изъ Абиссиніи, причемъ невольники-абиссинцы цѣнятся всего дороже.

Морская блокада восточнаго берега Африки далеко не вполнѣ достигла своей цѣли, хотя продержалась довольно долго. Не смотря на бдительность англійскихъ крейсеровъ и случайное присутствіе итальянскихъ и иныхъ военныхъ судовъ, вывозъ невольниковъ продолжается какъ съ Занзибарскаго берега, такъ, и еще въ большихъ размѣрахъ, съ береговъ Краснаго моря, которое, благодаря близости Аравіи, служитъ излюбленнымъ пріютомъ невольничьихъ кораблей. Успѣху этихъ морскихъ операцій много препятствовало упрямство Франціи, единственной изъ всѣхъ западныхъ державъ, которая не разрѣшаетъ англійскимъ офицерамъ вступать на бортъ судовъ, плавающихъ подъ ея флагомъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ-ли въ трюмѣ невольниковъ. Говорятъ, будто при желаніи, каждый корабль легко можетъ добиться права поднять французскій флагъ; стоитъ только подкупить кого слѣдуетъ. Французская торговля въ указанныхъ нами моряхъ ведется въ большихъ размѣрахъ и разростается съ каждымъ годомъ; слѣдовательно, сопротивленіе Франціи будетъ постоянно служить препятствіемъ къ уничтоженію торговли невольниками. Быть можетъ, можно было-бы устранить это препятствіе, войдя въ соглашеніе со всѣми западными державами и создавъ особую морскую полицію, представляемую соединенной эскадрой. Такой силѣ Франція едва-ли отказала бы въ правѣ визита. Но пока надо разсчитывать главнымъ образомъ на такія вліянія и способы воздѣйствія, какіе можетъ предоставить намъ самъ материкъ. Если эти внутреннія мѣры будутъ приведены съ должной энергіей, весьма вѣроятно, что блокаду Восточнаго берега можно будетъ совсѣмъ снять или по крайней мѣрѣ значительно

сократить число судовъ. Крупныя суммы, идущія на покрытіе издержекъ по морскимъ операціямъ, гораздо лучше употребить на то, чтобы «настигнуть зло на мѣстѣ его зарожденія и вырвать съ корнемъ» [1]).

Леопольдъ II, король Бельгіи, въ сентябрѣ 1876 г. пригласилъ всѣхъ ученыхъ географовъ на конференцію въ своемъ дворцѣ, для обсужденія вопроса объ изслѣдованіи Африки и цивилизаціи ея путемъ развитія торговли вообще и уничтоженія работорговли. Шесть европейскихъ державъ прислали своихъ представителей на этотъ съѣздъ, и такимъ образомъ было основано Международное Африканское Общество. Центральный комитетъ его образовалъ одну за другой семь экспедицій съ Восточнаго берега къ озеру Танганайка. Стэнли своимъ изслѣдованіемъ рѣки Конго привлекъ общее вниманіе къ западному берегу; въ 1879 г., уже будучи предсѣдателемъ (шефомъ) Общества, онъ отправился въ новую экспедицію для открытія источниковъ этой рѣки. Признаніе европейскими державами флага и территоріальныхъ правъ Общества, преобразовало его въ «Свободное государство Конго». Никакихъ транзитныхъ и таможенныхъ пошлинъ не налагалось на товары, привозимые во владѣніе Конго (впослѣдствіи, впрочемъ, это правило было измѣнено), и подданные всѣхъ странъ пользовались въ немъ одинаковыми личными правами и торговыми преимуществами. Главою новаго государства, съ согласія Бельгійскаго законодательнаго собранія, былъ избранъ король Леопольдъ. При устройствѣ и организаціи новаго государства ему оказывалъ дѣятельное содѣйствіе Стэнли, въ то время уже прославившійся своими африканскими экспедиціями, когда онъ нашелъ Ливингстона, пересѣкъ поперекъ африканскій материкъ и спустился къ источникамъ Конго. Позднѣе, король пожелалъ привлечь и Гордона къ участію въ своемъ пред-

[1]) Слова лорда Салисбюри въ его достопамятной рѣчи въ Гласго, въ Маѣ 1891 г.

пріятіи, и тотъ обѣщалъ ему свою помощь и содѣйствіе. Въ 1884 г. Гордонъ былъ вызванъ въ Конго и находился уже въ Брюсселѣ, на пути въ Африку, какъ вдругъ его отозвали назадъ; онъ вернулся и, по порученію правительства, тотчасъ же снова отправился въ свою послѣднюю геройскую, но злополучную экспедицію въ Хартумъ.

Съ теченіемъ времени государство Конго утратило свой интернаціональный характеръ и теперь находится въ прямой зависимости отъ Бельгіи. Много изслѣдованій было съ тѣхъ поръ произведено подъ покровительствомъ Конго, много учреждено торговыхъ станцій; въ самомъ государствѣ введена правильная администрація и начата постройка желѣзной дороги, которая пойдетъ далеко въ глубь страны, по теченію Конго. По слухамъ, государственные чиновники въ Конго нерѣдко жестоко обращаются съ туземцами и вообще относятся къ нимъ, какъ къ рабамъ. Злоупотребленія такого рода слишкомъ возможны, при существующихъ въ Европѣ взглядахъ на наши обязанности по отношенію къ расамъ, отставшимъ въ своемъ развитіи. Территорія государства Конго занимаетъ пространство въ 870,000 кв. м.; туземнаго населенія въ немъ 14 милліоновъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ Бельгія завладѣла территоріей Конго, послѣдовалъ такъ называемый «разрывъ Африки». Нѣкоторыя западныя державы изъявили притязанія на различныя области африканскаго материка, на томъ основаніи, которое Берлинскій конгрессъ призналъ единственнымъ рѣшающимъ принципомъ владѣнія— а именно, на основаніи «дѣйствительной оккупаціи» и соотвѣтственной охраны жизни и собственности туземцевъ. Много договоровъ было заключено съ царьками различныхъ племенъ; интернаціональная дипломатія употребила всѣ усилія, чтобы примирить интересы соперничающихъ державъ и предупредить возможность вооруженныхъ конфликтовъ. Такимъ образомъ страна была

раздѣлена на такъ называемыя «сферы вліянія» различныхъ европейскихъ государствъ. Можно сомнѣваться, имѣли-ли право эти государства вообще захватывать земли въ Африкѣ, но, хорошо оно или дурно, фактъ на лицо, и съ нимъ надо считаться. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ случаевъ, гораздо важнѣе и цѣлесообразнѣе справиться, какимъ образомъ отдѣльная личность или государство пользуются своей властью, нежели спорить о томъ, законно-ли имъ досталась эта власть. По меньшей мѣрѣ сомнительно, удалось-ли бы Европѣ добиться чего-нибудь положительнаго относительно прекращенія торговли невольниками на африканскомъ материкѣ, безъ помощи прочнаго и твердо поддерживаемаго мѣстнаго политическаго контроля. Всѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ насильственнаго вторженія въ цивилизованную общину, гдѣ результатомъ этого вторженія является нарушеніе и быть можетъ полное разрушеніе существующаго порядка вещей, который нелегко замѣнить другимъ, не могутъ быть примѣнены къ захвату страны, подобной Африкѣ, гдѣ господствуютъ по большей части насиліе и произволъ *).

Естественно желать, чтобы активное вмѣшательство Европы въ дѣла Африки было отложено до тѣхъ поръ, пока въ нашемъ обществѣ не разовьются болѣе правильныя понятія о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ племенамъ, стоящимъ на низшей ступени развитія; но, съ другой стороны, надо принять въ разсчетъ страшныя страданія, которыя до сихъ поръ терпѣли туземцы отъ своихъ безжалостныхъ палачей—эти страданія навѣрное тяжелѣе всѣхъ притѣсненій, какія можетъ принести съ собою владычество европейцевъ. Найдется, да

---

*) Не слѣдуетъ забывать, что европейцы-колонизаторы несутъ на Черный материкъ не только цивилизацію и культуру, но такой же произволъ и насиліе, противъ которыхъ они борятся во имя гуманности. Въ данномъ случаѣ аргументы автора нельзя не признать довольно таки шаткими. Пр. ред.

и нашлось уже, безъ сомнѣнія, много людей, которые, защищая оккупацію континента, лицемѣрно прикрываютъ знаменемъ національнаго долга свои собственныя стремленія къ наживѣ и заботы о личной выгодѣ; но тѣмъ не менѣе слова «національный долгъ»—не пустой звукъ. Что касается собственно Англіи, весьма возможно,—авторъ этихъ строкъ считаетъ это даже нравственно неизбѣжнымъ—что ея иноземныя владѣнія въ не-особенно далекомъ будущемъ распадутся и мѣсто ихъ займутъ новыя организаціи. Но, пока данное положеніе вещей существуетъ—а нѣтъ надобности ускорять развязку—на ней, уже въ силу ея владычества, лежатъ извѣстныя обязанности по отношенію къ человѣчеству, которыми нельзя пренебрегать, отъ которыхъ нельзя уклониться. Власть неизбѣжно влечетъ за собою отвѣтственность; кто-то удачно выразился о Великобританіи, что она «не имѣетъ права удерживать за собою свое удивительное положеніе въ свѣтѣ, не давая свѣту чего-нибудь взамѣнъ».

Между прочимъ, она можетъ оказать важную услугу міру, способствуя цивилизаціи Африки. Первое условіе этой цивилизаціи—прекращеніе торговли невольниками; все прошлое Англіи обязываетъ ее дѣйствовать въ этомъ направленіи. Она положила уже много времени и труда на дѣло уничтоженія этой гнусной торговли и теперь не можетъ нарушить «послѣдовательнаго хода своей нравственной политики»—«violate the continuity of her moral policy» [1]). Несомнѣнно, что послѣднія пріобрѣтенія ея въ Африкѣ значительно облегчаютъ ея задачу. Военныхъ дѣйствій много не предвидится. Конечно, въ сферѣ своего собственнаго вліянія она можетъ и должна будетъ осуществить часть программы, которой держа-

---

1) Слова м-ра Босворта Смита. Лордъ Розберри, съ одобреніемъ сославшись на нихъ (въ Октябрѣ 1892 г.) прибавилъ:—«Я лично думаю, что разъ взявъ на себя иниціативу этого великаго предпріятія (уничтоженія рабства), мы не можемъ отступить, если-бы даже и хотѣли».

лись древніе римляне по отношенію къ побѣжденнымъ расамъ—а именно: «pacis imponere morem»—поддерживать, если надо и силою, непрерывный миръ въ своихъ владѣніяхъ, но болѣе общей и такъ сказать повседневной задачей ея будетъ: наблюдать справедливость въ сношеніяхъ съ туземцами и упрочить положеніе мирной промышленности. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что, поступая такимъ образомъ, Англія будетъ въ то же время пользоваться выгодами отъ торговли, открытой ею на законныхъ основаніяхъ и находящейся подъ ея покровительствомъ; напротивъ, эта перспектива выгоды является стимуломъ—«безъ котораго рѣдко можетъ обойтись несовершенная человѣческая природа»,—къ усиленной дѣятельности, плодотворной, какъ для заинтересованнаго народа, такъ и для человѣчества вообще.

Могутъ замѣтить, и безъ сомнѣнія справедливо, что, ставя вопросъ такимъ образомъ, мы измѣняемъ обычный порядокъ, въ которомъ коммерсанты-спекуляторы помѣщаютъ, по степени важности ихъ, два главныхъ стимула человѣческой дѣятельности: общественную пользу и личную выгоду. Но вѣдь нельзя-же назвать несбыточной надежду, что современемъ возьмутъ верхъ побужденія высшаго порядка. Правда, нравственные принципы, которые должны руководить нашими отношеніями къ подчиненнымъ расамъ, еще не вполнѣ оцѣнены и не глубоко проникли въ сердца, но все-же теперь никто уже не станетъ защищать прежней политики третированія этихъ расъ просто какъ орудій для удовлетворенія алчности или честолюбія небольшой господствующей группы людей, никто не осмѣлится проводить эту политику на практикѣ, не встрѣтивъ осужденія и сопротивленія со стороны лучшихъ людей. Поддерживая авторитетъ правительства метрополіи, въ лицѣ его представителей, мѣстныхъ администраторовъ, мы получаемъ возможность противопоставить серьезную преграду проявленіямъ эгоистическихъ инстинктовъ торговцевъ или

искателей приключеній. Слѣдуетъ также пролить какъ можно больше свѣта на все, что дѣлалось и дѣлается въ Африкѣ и агентами различныхъ компаній, и лицами, облеченными властью делегатовъ, и обратить на образъ ихъ дѣйствій вниманіе цивилизованнаго міра. Развѣ нельзя надѣяться, что это вызоветъ соперничество въ добрыхъ начинаніяхъ, соревнованіе различныхъ державъ,—что каждая изъ нихъ другъ передъ дружкой будетъ стараться упрочить миръ и благоденствіе въ «сферѣ своего вліянія» и съ чувствомъ законной гордости будетъ указывать на выгодное положеніе и быстро подвигающееся впередъ «развитіе туземнаго населенія, находящагося подъ ея покровительствомъ». Въ 1888 г. въ лагерѣ противниковъ рабства появился новый боецъ, представлявшій собою крупную силу. То былъ кардиналъ Лявижери, архіепископъ Алжирскій и Карфагенскій, на котораго папа Левъ XIII возложилъ миссію проповѣдывать новый крестовый походъ противъ африканскаго рабства. Впервые онъ проповѣдывалъ въ церкви св. Сульпиція въ Парижѣ, а затѣмъ, на большомъ публичномъ митингѣ въ Лондонѣ. По его иниціативѣ въ нѣкоторыхъ континентальныхъ столицахъ были основаны антиневольническія общества. Программа дѣйствій, предложенная имъ и принятая этими обществами, рѣзко отличалась отъ политики Британскаго Общества. Лавижери былъ сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ и совѣтовалъ послать въ Африку вооруженный отрядъ изъ пяти или шестисотъ человѣкъ,—по его мнѣнію, этого было достаточно, чтобы уничтожить «шайку разбойничьей сволочи», опустошавшую область Великихъ Озеръ. Люди опытные и знакомые съ мѣстностью, слѣдовательно, болѣе другихъ компетентные, не одобряли его плановъ. Они тоже находили, что необходимо устроить нѣсколько рядовъ военныхъ станцій, подобныхъ уже существующимъ въ Эминѣ, и содержать на каждой изъ нихъ вооруженный гарнизонъ для защиты туземнаго

населенія и европейскихъ торговыхъ поселковъ отъ нападенія разбойничьихъ шаекъ; но аггрессивная экспедиція вглубь страны, по ихъ мнѣнію, стоила-бы многихъ жизней и повела-бы только къ тому, что торговля невольниками проложила-бы себѣ новые пути. Что-бы тамъ ни думали о его системѣ, но еслибы кардиналъ прожилъ дольше, онъ несомнѣнно подвинулъ бы впередъ дѣло уничтоженія невольничества и зажегъ-бы пламя энтузіазма къ этому дѣлу въ католическихъ странахъ Европы. Но онъ умеръ—надо полагать, истощенный тяжелымъ и непрерывнымъ трудомъ—въ ноябрѣ 1892 года.

Въ высшей степени замѣчательнымъ событіемъ въ борьбѣ противъ торговли невольниками и счастливымъ предзнаменованіемъ для будущаго является недавній союзъ западныхъ и нѣкоторыхъ восточныхъ державъ, публично осудившихъ работорговлю и принявшихъ на себя взаимныя обязательства въ видахъ ея уничтоженія. Подобнаго рода манифестаціи бывали, правда, и раньше. Какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г., такъ и на Веронской конференціи 1822 г., по инициативѣ британскаго правительства, былъ поднятъ вопросъ о торговлѣ невольниками и вынесенъ ей былъ обвинительный приговоръ. На Берлинской конференціи (1884—1885 г.), въ лицѣ своихъ представителей, различныя державы приняли на себя обязательство сдѣлать все, зависящее отъ нихъ, чтобы положить конецъ, какъ самой торговлѣ, такъ и сухопутнымъ и морскимъ операціямъ, имѣющимъ цѣлью добываніе невольниковъ. Но еще болѣе важными и знаменитыми являются постановленіе конференціи 1889 г. По внушенію англійской королевы, дѣйствовавшей на основаніи резолюціи Палаты Общинъ, починъ въ этомъ дѣлѣ взялъ на себя король Бельгійскій. Засѣданія конференціи открылись 18-го Ноября 1889 г., а Генеральный протоколъ (General act), заключающій въ себѣ резюме всѣхъ засѣданій, помѣченъ 2-мъ Іюля 1890 г.

Въ этомъ протоколѣ, въ числѣ наиболѣе дѣйстви-

тельныхъ средствъ для противодѣйствія работорговлѣ въ глубинѣ Африки— кромѣ соотвѣтствующей организаціи европейскихъ гарнизоновъ и доставленія имъ средствъ къ вооруженной защитѣ—приводится: проведеніе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, открытіе пароходства на водахъ, доступныхъ для навигаціи, устройство телеграфныхъ линій и ограниченіе подвоза огнестрѣльнаго оружія и амуниціи. Державы, принимавшія участіе въ конференціи, «обязывались послѣдовательно содѣйствовать, насколько позволятъ обстоятельства—вышеуказанными средствами, или иными, какія они найдутъ пригодными—прекращенію торговли невольниками, каждое государство въ своихъ владѣніяхъ и подъ своимъ собственнымъ руководительствомъ. Это международное соглашеніе подписали представители: Германіи, Австріи, Бельгіи, Даніи, Испаніи, Государства Конго, С. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Великобританіи, Италіи, Персіи, Португаліи, Россіи, Швеціи и Норвегіи, Турціи, Занзибара и, нѣсколько позже—Нидерландовъ. Французская Палата Депутатовъ возстала противъ обязательной взаимной визитаціи судовъ, какъ оскорбительной для чести національнаго флага, и вначалѣ отказывалась утвердить протоколъ конференціи. Но когда выяснилось, что державы требуютъ права визитаціи только съ цѣлью осмотра корабельныхъ документовъ, для провѣрки національности флага, безъ производства обыска на суднѣ, для нахожденія невольниковъ—каковое право Франція признала за ними уже много лѣтъ, назадъ—и что это право будетъ примѣняться только въ извѣстныхъ предѣлахъ и лишь къ судамъ съ малой нагрузкой. какъ всѣ невольничьи—затрудненія были устранены, и Палата утвердила протоколъ. Если всѣ державы. приславшія своихъ представителей на конференцію, добросовѣстно и съ должной энергіей будутъ выполнять принятыя на себя обязательства, торговля невольниками недолго просуществуетъ въ той части Африки, которая подлежитъ сферамъ ихъ вліянія.

Кларксонъ и Бёкстонъ (Buxton) въ самомъ началѣ борьбы противъ работорговли и рабства, проповѣдуя всевозможные способы противодѣйствія имъ, ясно видѣли въ то-же время, что единственный вполнѣ дѣйствительный способъ—это развитіе правильной и законной торговли въ самой Африкѣ. Въ своей книгѣ Торговля невольниками и средства противъ нея, изданной въ 1840 г., Бекстонъ указывалъ именно на это средство. Несчастная экспедиція къ Нигеру (1841 г.) имѣла въ виду ту-же цѣль; заинтересованныя въ дѣлѣ лица все больше и больше проникались сознаніемъ того, что только этимъ путемъ можно прійти къ радикальному рѣшенію великой проблемы. Нѣкоторое время думали, что Сьерра-Леоне можетъ служить центромъ для распространенія промышленности и цивилизаціи между туземцами континента; а съ этой цѣлью въ 1822 г. была даже основана американцами колонія Либерія (въ 1847 г. объявившая себя независимой республикой); но ни та, ни другая не оправдали возложенныхъ на нихъ ожиданій; хотя, по всей вѣроятности, оба поселенія принесли свою долю пользы. Въ настоящее время приняты новыя и, насколько можно судить, болѣе дѣйствительныя мѣры для достиженія той же великой цѣли.

Въ различныхъ сферахъ вліянія европейскихъ государствъ общепринятая система введенія и расширенія торговли—традиціонная: это система учрежденія привилегированныхъ компаній. Компаніи эти получаютъ право вести торговлю въ извѣстныхъ предѣлахъ, заключать договоры съ начальниками туземныхъ племенъ, строить форты, содержать въ нихъ войска и полицію, издавать и слѣдить за выполненіемъ законовъ, выработанныхъ ими для наилучшаго управленія пожалованной имъ территоріей. Въ Африкѣ въ настоящее время оперируютъ три такихъ британскихъ компаніи—Королевская Нигерская, Государственная—Британская Восточно-Африканская и Британская Южно-Африканская. Всѣ онѣ обя-

зуются, при учрежденіи, дѣлать все, зависящее отъ нихъ, для уничтоженія невольничества.

Въ низовьяхъ Нигера британскій протекторатъ былъ установленъ Національной Африканской Компаніей, которая первая завладѣла этой рѣкой и завела на ней оживленную торговлю. На Берлинской конференціи Великобританія предъявила притязаніе на всѣ области, лежащія по Нигеру; въ настоящее время, въ силу королевской грамоты и договоровъ съ туземными племенами, за Королевской Нигерской Компаніей, какъ она теперь называется, обезпечено исключительное право власти, какъ надъ обоими берегами рѣки, такъ и надъ данницей ея, страной Бинуэ.

Восточно-Африканская Компанія, учрежденная въ 1888 г., оперируетъ на британской территоріи, лежащей къ сѣверу отъ германской «сферы вліянія» и простирающейся въ глубь страны до озера Викторія Ньянца. Она водворилась также въ Угандѣ, лежащей къ сѣверо-западу отъ этого озера, и заключила торговые договоры съ начальниками мѣстныхъ племенъ, распространивъ такимъ образомъ британское владычество надъ всей областью, находящеюся между берегомъ и границей. Но, въ виду запрещенія устанавливать пошлины и трудности непрерывнаго сообщенія съ моремъ, Компанія вскорѣ увидала себя вынужденной покинуть позицію, занятую ею въ Угандѣ, и предложила правительству принять на себя заботу о ея интересахъ въ этой мѣстности. Одно время поднятъ былъ вопросъ о полномъ отказѣ отъ Уганды, но общественное мнѣніе такъ сильно возстало противъ этого шага, что въ концѣ 1892 г. сэръ Джеральдъ Порталь, уже оказавшій своему отечеству важныя услуги въ Занзибарѣ, былъ посланъ въ Уганду для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ и для изысканія наилучшаго образа дѣйствій по отношенію къ этой мѣстности.

Онъ рѣшительно возсталъ противъ эвакуаціи, на слѣдующихъ основаніяхъ: — Англійское правительство

уже скомпрометтировано соглашеніями, въ которыхъ компанія вошла съ туземцами, ибо послѣдніе считаютъ эти соглашенія равносильными установленію британскаго протектората, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ, если не всѣ, были формально утверждены государственнымъ секретаремъ. Партіи: протестантская, католическая и магометанская уже давно ведутъ между собою гражданскую войну, которая разгорится еще пуще съ удаленіемъ англичанъ; въ случаѣ этого удаленія страна наводнится арабскими купцами, которые силою заведутъ въ ней торговлю; а между тѣмъ Уганда, въ качествѣ естественнаго ключа ко всей долинѣ Нила и къ богатѣйшимъ мѣстностямъ Центральной Африки, представляетъ собою всѣ данныя какъ для процвѣтанія обширной и выгодной торговли, такъ и для того, чтобы сдѣлаться исходнымъ пунктомъ всѣхъ мѣръ и усилій, направленныхъ къ прекращенію работорговли. Вслѣдствіе этого представленія правительство рѣшило учредить въ Угандѣ правильную администрацію и объявить эту страну подъ британскимъ протекторатомъ.

Но С.-Дж. Порталь рекомендовалъ еще и другую мѣру и усиленно настаивалъ на необходимости ея осуществленія. Онъ утверждалъ, что есть только одно средство «нанести рѣшительный ударъ работорговлѣ—это провести желѣзную дорогу» отъ Момбасскаго берега до восточнаго берега озера Викторія Ньянца, или по крайней мѣрѣ до Кикуту, и въ заключеніе прибавлялъ: «Я, не колеблясь, утверждаю, что, пока этотъ шагъ не будетъ сдѣланъ, никакая организація, или административная система не помогутъ горю; никакіе планы просвѣщенія этой страны не могутъ осуществиться на практикѣ. Постройка этой желѣзной дороги, во первыхъ, уничтожитъ на всемъ протяженіи ея систему переноски тяжестей людьми, главнымъ образомъ обусловливающую продолженіе работорговли; во вторыхъ, будетъ служить стимуломъ и средствомъ къ введенію внѣшней торговли.

т. е. къ вывозу произведеній, доставляемыхъ областью Ньянцы. Правительство въ 1891 г. ассигновало 20,000 фунтовъ на предварительные изысканія, но отказалось «пока» выдать субсидію или гарантировать постройку проэктируемой желѣзной дороги. Невольно припоминается другой случай, когда подобныя же колебанія привели къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Уже въ 1883 г. графъ Дюфферинъ, будучи спеціальнымъ коммиссаромъ въ Египтѣ, рекомендовалъ постройку «желѣзной дороги отъ Суакима до Бербера, или, еще лучше, до Шенди на Нилѣ», какъ первый шагъ къ возстановленію спокойствія въ Суданѣ. Его поддерживалъ и Гордонъ, но правительство отвергло ихъ ходатайство, и отказу этому до нѣкоторой степени слѣдуетъ приписать послѣдовавшія затѣмъ прискорбныя событія.

Южно-Африканская Компанія, пожалованная королевской грамотой въ 1889 г., производитъ свои торговыя операціи въ обширной области, «лежащей непосредственно къ сѣверу отъ британской земли Бехуана, на сѣверъ и на западъ отъ Южно-Африканской республики и къ западу отъ Португальскихъ владѣній». Недавно она обратила на себя общее вниманіе завоеваніемъ территоріи Матабеле. Мы не станемъ разбирать обстоятельствъ, сопровождавшихъ это завоеваніе. Въ результатѣ оказывается, что краткій періодъ военныхъ дѣйствій, хотя и отмѣченный нѣкоторыми прискорбными инцидентами, положилъ конецъ военной организаціи страны, которая обѣщала въ будущемъ быть такимъ же неисчерпаемымъ источникомъ зла для туземнаго населенія, какимъ она была въ прошломъ, и въ частности избавилъ Машоновъ отъ притѣсненій и жестокостей, которыя они терпѣли отъ воинственныхъ Матабеле. Оправдаетъ-ли Компанія свой образъ дѣйствій гуманнымъ и справедливымъ отношеніемъ къ побѣжденнымъ африканцамъ, и съумѣетъ-ли она избѣжать вооруженнаго конфликта съ своими европейскими сосѣдями, что можетъ сопровождаться весьма серьез-

ными осложненіями—на эти вопросы пока еще нельзя отвѣтить. Можно сказать только, что изъ всѣхъ компаній, существующихъ въ Африкѣ, эта—имѣя своимъ базисомъ цивилизованную мѣстную общину—можетъ, умѣло пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, наиболѣе дѣйствительно способствовать уничтоженію рабства въ глубинѣ Африки и вообще цивилизаціи этой страны.

Ливингстонъ настоялъ на необходимости имѣть свободный путь черезъ землю Ньяссы къ морскому берегу,—этотъ путь представляютъ собой рѣки Шире и Замбези. Кромѣ того была построена дорога, извѣстная подъ именемъ Дороги Стивенсона, соединяющая озеро Ньясса съ озеромъ Танганайка. Эта дорога имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ она пересѣкаетъ большинство путей, по которымъ движутся караваны невольниковъ изъ глубины страны къ восточному берегу. Для торговли это также самая удобная дорога въ глубинѣ континента. Компанія Африканскихъ озеръ, основанная въ 1878 г.[1]), владѣетъ цвѣтущими плантаціями въ этой мѣстности: частныя лица, англичане и шотландцы, также успѣшно занимаются здѣсь разведеніемъ кофе, сахарнаго тростника и пшеницы.

Три мусульманскихъ государства, которыя обращаютъ на себя наше особенное вниманіе, коль скоро рѣчь заходитъ объ уничтоженіи рабства, суть: Занзибаръ, Турція и Марокко. Первое важно потому, что оно наиболѣе доступно нашему контролю; второе—въ виду обширности своихъ владѣній и, слѣдовательно, степени своего вліянія; третье—въ виду сильнаго, хотя и не непреодолимаго сопротивленія, которое оно оказываетъ всякому давленію извнѣ. О Центральномъ и Восточномъ Суданѣ безполезно и говорить, пока еще не представляется никакой возможности полезнаго практическаго вмѣшательства въ ихъ дѣла, хотя въ будущемъ эта возможность почти навѣрное явится для Великобританіи и Италіи. Отвѣтствен-

1) Эта Компанія въ 1892 г. присоединилась къ Британской Южно-Африканской Компаніи.

ность за Западный Суданъ, насколько онъ вообще принадлежитъ какой-либо европейской націи, падаетъ на Францію.

Занзибаръ.

Покойный Саидъ Бургашъ, султанъ Занзибарскій, неоднократно издавалъ различные законы и постановленія, направленные противъ торговли невольниками, но законы эти оставались мертвой буквой. Въ виду Англо-Германскаго договора, заключеннаго 1-го Іюля 1890 г., британское правительство изъявило намѣреніе установить свой протекторатъ надъ Занзибаромъ и Пембой. 1-го Августа того-же года султанъ особымъ декретомъ воспретилъ въ своихъ владѣніяхъ вымѣнивать, покупать и продавать невольниковъ—домашнихъ слугъ и иныхъ. Всѣ торговцы невольниками и маклера были объявлены подлежащими строгому наказанію: по смерти владѣльца. рабы ipso facto дѣлались свободными, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они переходили къ его законнымъ дѣтямъ и наслѣдникамъ. Всякій невольникъ отнынѣ получалъ право откупиться на свободу за умѣренную цѣну. (Послѣдняя статья была. впрочемъ, впослѣдствіи измѣнена, въ виду волненія, вызваннаго ею между арабами). Такимъ успѣхомъ мы обязаны въ сильной степени британскимъ резидентамъ: сэру Дж. Кирку и полковнику Эйяну Смиту. которые, въ своихъ сношеніяхъ съ султаномъ, руководствовались главнымъ образомъ осторожностью, не менѣе необходимой. въ такихъ вещахъ, чѣмъ усердіе. Продолжая начатое ими, необходимо слѣдовать той-же системѣ постепеннаго и строго обдуманнаго воздѣйствія, которая уже дала такіе блестящіе результаты въ Египтѣ. Благоразумно будетъ усилить кару, налагаемую за торговлю невольниками. Прекратится-ли рабство, т. е. другими словами, перестанетъ-ли оно существовать въ глазахъ закона: слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ временному введенію системы регистраціи невольниковъ; слѣдуетъ-ли дать законную силу эдикту, объявлявшему свободными

всѣхъ дѣтей, рожденныхъ послѣ 1-го Января 1890 г..—всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только на мѣстѣ умными и компетентными администраторами, которые должны проявить въ своихъ дѣйствіяхъ рѣшительность и быстроту, насколько это совмѣстно съ поддержаніемъ установившагося соціальнаго порядка и съ требованіями справедливости.

Турція.

Турецкіе государи въ послѣднее время выказываютъ положительное намѣреніе ввести у себя реформы, иниціатива которыхъ принадлежитъ западнымъ государствамъ. Въ 1846 г. султанъ издалъ фирманъ, въ которомъ утверждая Мохаммеда-Али намѣстникомъ покоренныхъ провинцій Судана, онъ въ то-же время объявлялъ торговлю невольниками «противной законамъ религіи и справедливости»; а въ 1857—58 гг. послѣдовали одинъ за другимъ фирманы, воспрещавшіе работорговлю въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Въ 1889 г. былъ изданъ законъ, объявлявшій свободными всѣхъ черныхъ рабовъ, владѣльцы которыхъ не могутъ представить удостовѣренія о томъ. что они удерживаютъ ихъ при себѣ на законномъ основаніи; такимъ рабамъ немедленно выдавалась вольная. Исправительный судъ въ Константинополѣ выдаетъ свидѣтельства объ увольненіи всѣмъ африканцамъ, состоящимъ въ домашнемъ услуженіи, которые обращаются къ нему прямо или черезъ посредство британскаго посольства. Представитель Порты подписалъ вмѣстѣ съ другими Генеральный Протоколъ Брюссельской конференціи 1890 г., и въ томъ-же году губернаторамъ всѣхъ провинцій былъ разосланъ циркуляръ, приглашавшій ихъ зорко и бдительно слѣдить за прекращеніемъ контрабанднаго ввоза африканскихъ рабовъ.

Все, что необходимо теперь для Турціи,—тоже можно сказать и о Персіи, также подписавшей Протоколъ Брюссельской конференціи—это неусыпная бдительность ея

чиновниковъ, съ обращеніемъ въ случаѣ надобности, къ содѣйствію мѣстныхъ властей, или къ главѣ государства.

Марокко.

Больше всего затрудненій при уничтоженіи рабства, по всей вѣроятности, представитъ собою Марокко. Слѣдуетъ, однако, принять въ соображеніе, что въ этой странѣ съ рабами обращаются сравнительно хорошо. Сэръ Дж. Друммондъ Гей утверждаетъ, что «хозяева на смертномъ одрѣ почти всегда отпускаютъ на волю своихъ рабовъ... но рабы эти большею частью добровольно остаются жить въ семействѣ покойнаго хозяина, въ качествѣ домашнихъ слугъ». Жестокость состоитъ собственно въ поимкѣ невольниковъ и въ доставленіи ихъ на рынки. Но пока существуетъ невольничество и спросъ на невольниковъ, трудно предупредить охоту на черныхъ въ Суданѣ и страданія ихъ при переходѣ черезъ пустыню. Кромѣ того, даже самая мягкая форма рабства заключаетъ въ себѣ столько зла и вреда, что полное уничтоженіе его въ высшей степени желательно.

Управленіе Марокко носитъ вообще ретроградный характеръ, опасный для общественнаго спокойствія, и многіе полагаютъ, что только соперничество и интернаціональная зависть удерживаютъ европейскія державы отъ насильственнаго вмѣшательства въ дѣла этого государства. Но противъ такого вмѣшательства найдутся весьма серьезныя возраженія. Не слѣдуетъ затѣвать войны съ цѣлью (какъ часто эта цѣль бываетъ только предлогомъ!) насильственно навязать правильно организованному государству внутреннія реформы, или — употребляя любимое выраженіе коммерсантовъ-спекуляторовъ — «открыть свободный доступъ» въ новую страну иноземнымъ капиталамъ и предпріимчивости. Но и при логическомъ ходѣ вещей весьма возможно, что у Марокко выйдетъ столкновеніе съ которой нибудь изъ европейскихъ державъ: въ случаѣ войны и удачнаго исхода ея

для европейскаго государства, вполнѣ естественно будетъ потребовать отъ правителя Марокко, чтобы онъ запретилъ торговлю невольниками и принялъ мѣры къ полному уничтоженію рабства въ своихъ владѣніяхъ. Примѣръ Турціи показываетъ намъ, что подобнаго рода мѣры вполнѣ совмѣстимы съ магометанскимъ закономъ.

Но такія случайности нѣтъ надобности принимать въ соображеніе. Здѣсь, какъ и вездѣ, надо разсчитывать главнымъ образомъ на мирное воздѣйствіе—на тайную работу скрытыхъ общественныхъ силъ, на развитіе промышленности и торговли, на постепенный ростъ и распространеніе гуманныхъ идей, на вліяніе братскихъ увѣщаній. Лучшіе изъ магометанъ осуждаютъ работорговлю и возстаютъ противъ рабства. Саидъ Амиръ Али въ своей книгѣ «Критическій разборъ жизни и ученія Магомета» приглашаетъ своихъ единовѣрцевъ согласиться съ нимъ и «открыто признать, что религія ихъ осуждаетъ рабство, и законъ вѣры порицаетъ его». Западныя державы должны относиться къ мусульманскимъ государямъ дружественно и съ уваженіемъ и каждый шагъ впередъ въ желаемомъ направленіи со стороны этихъ послѣднихъ принимать съ сердечной признательностью. Мы должны быть терпѣливы, если восточные народы, менѣе просвѣщенные, чѣмъ ихъ правительства, вслѣдствіе глубоко укоренившихся въ нихъ предразсудковъ, будутъ сами тормозить осуществленіе реформъ, которыя западному человѣку представляются явно и даже настоятельно необходимыми. Въ конечномъ исходѣ сомнѣваться нельзя; это вопросъ только времени. По мѣрѣ того, какъ восточные расы будутъ придвигаться ближе къ цѣли всякаго общественнаго прогресса—жизни, наполненной мирной общественной, промышленной и умственной дѣятельностью, въ духѣ единой всеобщей религіи—послѣдніе остатки учрежденія, именуемаго рабствомъ, быть можетъ, медленно, но неизбѣжно исчезнутъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Объ употребленіи словъ «рабъ» и «рабство».

По небрежности или по любви къ реторикѣ, многіе авторы придаютъ словамъ «рабъ» и «рабство» весьма произвольное значеніе. Такъ, возставая противъ такъ называемаго «подчиненія женщинъ», они опредѣляютъ этимъ терминомъ положеніе женщины въ современномъ западномъ обществѣ—тогда какъ слово «рабыня» не можетъ быть примѣнено даже къ женамъ индійскихъ зенана; точно также они называютъ и современнаго рабочаго «рабомъ задѣльной платы», хотя его и поддерживаетъ могущественный рабочій союзъ. Страсть имѣетъ свой собственный языкъ; поэтамъ и ораторамъ, безъ сомнѣнія, дозволительно подразумѣвать подъ словомъ «рабство» положеніе подданныхъ какого-нибудь государства, которые лишены всякихъ гражданскихъ или политическихъ правъ; но, въ соціологическомъ изслѣдованіи. вещи должны быть называемы собственными именами и, насколько возможно, не должно быть разногласія въ пониманіи этихъ именъ.

И однако, употребляя слово «рабство» даже въ чисто научномъ смыслѣ, поистинѣ затруднительно опредѣлить точный смыслъ его. Это происходитъ отъ того обстоятельства, что основныя черты этого учрежденія съ давнихъ поръ прогрессивно измѣнялись и по желанію

отдѣльныхъ лицъ, и въ силу требованій общественнаго прогресса. По нашему мнѣнію, существенная, характерная особенность рабства заключается въ томъ, что господинъ владѣетъ личностью своего раба, хотя права, вытекающія изъ такого владѣнія, могутъ подвергаться разнообразнѣйшимъ ограниченіямъ. Переходъ отъ рабства къ крѣпостному праву въ гражданскихъ общинахъ начинается съ той минуты, какъ господинъ добровольно, или по принужденію, лишается своей собственности, олицетворяемой личностью раба, и сохраняетъ право только на его трудъ и услуги, или на извѣстную часть этихъ услугъ. Въ сельской жизни, гдѣ ходъ развитія болѣе медленный, соотвѣтствующая стадія наступаетъ съ той минуты, когда, согласно основнымъ принципамъ феодализма, личныя отношенія помѣщика къ крѣпостному замѣняются территоріальными.

Было-бы ошибкой понимать слишкомъ буквально языкъ закона, опредѣляющаго положеніе крѣпостного. Въ земледѣльческой жизни еще сильнѣе, чѣмъ городской, было замѣтно несоотвѣтствіе между юридической логикой и обычаемъ; несоотвѣтствіе это уцѣлѣло и послѣ перехода отъ крѣпостного права къ свободѣ, такъ что, въ то время, какъ, въ теоріи, положеніе крестьянина все еще оставалось не многимъ лучше положенія раба, на практикѣ онъ почти во всѣхъ отношеніяхъ могъ дѣйствовать, какъ человѣкъ свободный.

II.

Рабство у евреевъ.

Еврейскія войны въ первыхъ стадіяхъ національной жизни этого народа отличались особенной суровостью, чтобы не сказать жестокостью. Цѣлью этихъ войнъ было не подчиненіе коренныхъ обитателей Палестины, но истребленіе ихъ, хотя цѣль эта и не была вполнѣ достигнута (2 Паралипоменонъ, IX, 7, 8). Воззрѣнія древняго народа—обладали тѣми-же изолирующими свойствами и естественно требовали принесенія въ жертву поклонниковъ другихъ, враждебныхъ божествъ. Истинный монотеизмъ, тамъ, гдѣ онъ развился постепенно и былъ въ должной степени подготовленъ нормальными антецедентами, видитъ въ побѣжденномъ врагѣ служителя того же божества какъ и у побѣдителя, и отсюда рождается чувство общности, которое въ свою очередь ведетъ къ милосердію. Мало по малу, евреи все глубже и глубже чувствовали связь, соединяющую ихъ съ остальнымъ человѣчествомъ, и войны ихъ становились менѣе кровавыми. Подъ тѣмъ-же вліяніемъ смягчались и наиболѣе жестокія особенности рабства, и въ зрѣлый періодъ еврейской исторіи отношенія между господиномъ и рабомъ, насколько они продолжали существовать, носятъ замѣчательно чистый и гуманный характеръ [1]). «Въ Ветхомъ

[1]) Какъ и слѣдовало ожидать, мы замѣчаемъ у нѣкоторыхъ писателей особенно вѣрное отношеніе къ рабству у древнихъ евреевъ; они

Завѣтѣ», говоритъ Эвальдъ, [1]) «рабство появляется внезапно, въ исторіи Авраама, [2]) какъ уже вполнѣ развившееся учрежденіе, хотя раньше о немъ нигдѣ не упоминается, кромѣ какъ въ пророчествѣ Ноя своимъ сыновьямъ, въ самомъ началѣ исторіи человѣческой расы». (Кн. Бытія, IX. 25, 27).

Источниками рабства здѣсь были, какъ и у другихъ народовъ: (1) Война, хотя, въ силу указанныхъ нами ея характерныхъ особенностей, она никогда не доставляла большого количества рабовъ мужчинъ; (2) похищенія (Исходъ, XXI. 16; Второзаконіе, XXIV. 7); (3) пріобрѣтеніе путемъ покупки, которое по свидѣтельству книги Бытія (гл. XVII) практиковалось уже во времена Авраама; евреямъ дозволялось имѣть рабами чужеземцевъ, но не своихъ единоплеменниковъ (Левитъ, XXIV. 44); (4) кара, налагаемая закономъ: несостоятельный должникъ, не имѣя другихъ средствъ къ расплатѣ, принужденъ былъ отдавать кредитору своихъ дѣтей, жену, а иногда расплачиваться и собственной своей особой. (2 Царствъ IV. 1); (5) рожденіе.—Рабы, «рожденные въ домѣ», пользовались наибольшимъ довѣріемъ и уваженіемъ своихъ господъ; на нихъ возлагались важныя домашнія обязанности; случалось даже, что хозяинъ усыновлялъ такого раба и дѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ. (Бытія, XV, 3).

Всѣ рабы, евреи или не евреи по происхожденію, подвергались обрѣзанію и такимъ образомъ присоединя-

---

чрезвычайно снисходительно смотрятъ на нѣкоторыя характерныя черты этого рабства, вовсе, однако, не проявляя такой снисходительности по отношенію къ соотвѣтствующимъ чертамъ у другихъ народовъ и, напротивъ, отвергаютъ или умаляютъ достоинство всякихъ проявленій гуманности, которыя мы находимъ у этихъ другихъ народовъ.

[1]) Antiquities of Jsrael, англ. пер. Солли, стр. 111.

[2]) Мы должны съ нѣкоторою осторожностью относиться къ описаніямъ патріархальныхъ обычаевъ и учрежденій; онѣ далеко не точно рисуютъ раннія времена жизни еврейскаго народа; въ нихъ сильно сказывается вліяніе идей и обычаевъ позднѣйшаго времени.

лись къ іудейской религіи; они раздѣляли съ своими хозяевами субботній отдыхъ и принимали участіе въ праздникѣ Пасхи. Господинъ, избившій своего раба (или рабыню), если тотъ (или та) умиралъ отъ жестокихъ побоевъ, подлежалъ наказанію, но какому именно—законъ не опредѣлялъ; но если рабъ жилъ еще день послѣ побоевъ, господина оставляли на свободѣ, на томъ основаніи, что рабъ — «его деньги». Если рабу нанесены были серьезныя поврежденія, законъ отпускалъ его на волю. Въ общемъ, законъ Моисея рекомендовалъ гуманное обращеніе съ рабами, напоминая народу, что и его предки были нѣкогда рабами въ Египтѣ (Второз. V, 16 и XVI, 14). Но законъ этотъ тѣмъ не менѣе ставилъ цѣлую пропасть между народомъ-избранникомъ и окружающими его племенами.

Еврейскій рабъ, по истеченіи полныхъ лѣтъ службы господину, получалъ свободу, но жена его, которую далъ ему господинъ, и дѣти, рожденныя отъ нея, оставались собственностью господина. Въ случаѣ, если рабъ сдѣлался рабомъ, уже будучи женатъ (несостоятельный должникъ), по истеченіи законнаго срока оба супруга получали свободу. Если рабъ не желалъ воспользоваться этимъ случаемъ и получить свободу, а предпочиталъ добровольно закрѣпостить себя господину, оба шли въ ближайшій храмъ Іеговы, гдѣ соглашеніе ихъ освящалось символическимъ обрядомъ, совершаемымъ въ присутствіи и при участіи священника: послѣдній прикладывалъ ухо раба къ двери или къ дверному косяку и придерживалъ его въ то время, какъ хозяинъ прокалывалъ его насквозь шиломъ. Присутствіе священника служило поручительствомъ въ томъ, что рабъ дѣйствительно добровольно отказывался отъ свободы. Рабыня, проданная по причинѣ бѣдности своимъ отцомъ, точно также на седьмомъ году службы получала свободу. Если господинъ сдѣлалъ ее своей наложницей и открыто признавалъ ее таковой, онъ могъ развестись съ ней, но

уже не могъ продать ее; если онъ отдалъ ее въ наложницы своему сыну, то долженъ былъ обращаться съ нею, какъ съ дочерью. Если онъ удерживалъ ее при себѣ, но бралъ, кромѣ нея, еще другую наложницу, она имѣла право требовать отъ своего господина всѣхъ прерогативъ полу-жены, т. е. «пищи, одежды и выполненія брачныхъ обязанностей»; въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ дать ей свободу.

Освобожденіе еврейскихъ рабовъ послѣ шести лѣтъ службы, по мнѣнію Эвальда, довольно рано вышло изъ употребленія. Во Второзаконіи мы находимъ уже семилѣтній срокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предписаніе отпускать раба не съ пустыми руками, но удѣлять ему малую часть своего имущества, чтобы ему было съ чѣмъ начать свободную жизнь (Втор. XV, 13, 19).

Послѣ возвращенія изъ плѣна, рабство, хотя и не было уничтожено законнымъ образомъ, продолжало существовать только въ большихъ и богатыхъ домахъ. Впослѣдствіи оно видоизмѣнилось въ отношенія, напоминавшія отношенія кліента къ патрону; бывшій рабъ не составлялъ болѣе собственности патрона, но оставался такъ сказать прикрѣпленнымъ къ его дому и обязанъ былъ оказывать ему различныя услуги, взамѣнъ которыхъ ему оказывалось покровительство. Такія отношенія были наслѣдственны.

III.

Рабство въ древнемъ Египтѣ, Ассиріи, Персіи и Китаѣ.

Послѣдующія страницы содержатъ въ себѣ сущность немногихъ достовѣрныхъ свѣдѣній, какія дошли до насъ относительно рабства у вышепоименованныхъ древнихъ націй.

Египетъ.—Рабство въ древнемъ Египтѣ поддерживалось и питалось тѣми-же источниками, какъ и у другихъ древнихъ націй, главнымъ образомъ войнами царей; мы часто встрѣчаемъ на памятникахъ изображенія вереницы плѣнныхъ, азіатовъ и негровъ, и читаемъ о рабахъ, которые получались въ видѣ дани изъ Эфіопіи. (Герод. III, 97.)

Плѣнные, надо полагать, вообще становились собственностью государства; ими пользовались для выполненія колоссальныхъ общественныхъ работъ, для сооруженія плотинъ, каналовъ и т. д.; они-же воздвигали храмы, обелиски и пирамиды. (Ibid. II. 108.)

Нѣкоторые правители заставляли заниматься этими работами туземное населеніе; передача этихъ работъ плѣннымъ чужеземцамъ несомнѣнно была пріятна Египтянамъ (Діод. I, 56), и Сезострисъ первымъ сталъ придерживаться этой популярной политики и оставилъ по себѣ очень добрую память, тогда какъ, наоборотъ, всѣ порицали Хеопса, который посылалъ на общественныя работы египтянъ. (Герод. II, 124).

Что касается рабовъ частныхъ лицъ, повидимому, и законъ, и обычаи страны гарантировали уважительное отношеніе къ нимъ. Убійство раба наказывалось смертью; бѣглый рабъ всегда могъ найти убѣжище въ храмѣ. (Герод. II, 113.)

Владѣльцы рабовъ обязаны были заносить имена ихъ въ правительственные списки, такъ что всякій, незаконно удерживаемый въ рабствѣ, могъ требовать, чтобъ его отпустили на волю.

Ассирія.—Памятники Ниневіи изобилуютъ толпами плѣнныхъ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей—захваченныхъ во время воинственныхъ экспедицій ассирійскихъ правителей.

Евнухи, также въ большомъ количествѣ изображаемые на памятникахъ, нерѣдко занимали важныя должности въ царскомъ дворцѣ или въ администраціи: большинство изъ нихъ выходило изъ рабскаго состоянія.

Дощечки, найденныя въ дворцѣ Ассурбанипала, заключаютъ въ себѣ написанные на двухъ языкахъ юридическія формулы, относящіяся къ бѣглымъ рабамъ, а также къ продажѣ и выкупу ихъ.

Персія.—Рабство было въ высшей степени распространено между Мидянами, а послѣ завоеванія Мидіи распространилось и по всей обширной Персидской имперіи. Рабы выполняли различныя работы, сообразно мѣстнымъ условіямъ провинцій, гдѣ они жили—стерегли стада, воздѣлывали землю, занимались промышленностью и торговлей, а также служили при ярмаркахъ и въ частныхъ домахъ, особенно у представителей высшихъ классовъ, которые любили окружать себя роскошью. Въ большихъ домахъ очень цѣнились евнухи, которые составляли стражу гаремовъ. Въ арміи Ксеркса было много рабовъ (Герод. VII, 96.); во времена Ксенофонта большая часть персидской кавалеріи состояла изъ нихъ. Защитники Тира, такъ мужественно выдержавшіе осаду Александра, были по большей части потомки возставшихъ рабовъ, которые

заняли мѣста своихъ господъ. Justin сообщаетъ намъ, что у Парфянъ, при Крассѣ, большую часть арміи составляли рабы; по словамъ его, рабы эти воспитывались въ семьяхъ своихъ хозяевъ наравнѣ съ дѣтьми; ихъ заботливо обучали верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ изъ лука (гл. XII. § 2.)

Китай.—Китай никогда не раздѣлялся на касты, благодаря тому, что въ этой странѣ фетишизмъ взялъ верхъ надъ теологизмомъ и перешелъ на степень общаго народнаго вѣрованія. Рабство существовало и въ Китаѣ, но въ малыхъ размѣрахъ, за исключеніемъ общественныхъ и императорскихъ помѣстій. Источники его были тѣ-же, что и вездѣ. Иногда рабство являлось карой за нѣкоторыя преступленія, особенно за политическія. Продажа дѣтей родителями совершалась съ дозволенія императоровъ, и можно думать, что это было только видоизмѣненіемъ древняго обычая подкидывать дѣтей. Война уносила не мало рабовъ: въ каждой войнѣ съ бродячими расами, жившими бокъ-о-бокъ съ его тѣсно-сплоченнымъ, промышленнымъ населеніемъ, Китай терялъ больше плѣнныхъ, чѣмъ получалъ ихъ.

Права господина надъ рабомъ и обязанности послѣдняго не ограничивались никакими сроками и переходили по наслѣдству; тѣмъ не менѣе рабство выразилось здѣсь въ очень мягкой формѣ. И народные обычаи, и законы охраняли жизнь и личность раба. Семья его жила въ домѣ господина, нерѣдко на равной ногѣ съ семействомъ послѣдняго.

Домашнія рабыни стояли немногимъ ниже младшихъ женъ, которыя также пріобрѣтались путемъ покупки и были подчинены старшей женѣ. Рабы мужчины нерѣдко пользовались неограниченнымъ довѣріемъ своихъ господъ и имѣли на нихъ большое вліяніе. Рабство въ Китаѣ никогда не было распространено собственно въ народѣ. Свободный трудъ господствовалъ въ странѣ и удовлетворялъ потребности каждой семьи, доставляя ей боль-

шинство предметовъ первой необходимости, такъ что въ домашнемъ производствѣ не было надобности; кромѣ того, сыновній долгъ, занимающій первое мѣсто среди правилъ нравственности, освященныхъ обычаемъ и поддерживаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, обязывалъ дѣтей лично служить своимъ родителямъ, что устраняло необходимость не только рабскихъ, но и вообще наемныхъ услугъ [1]).

---

[1]) См. Валлона, Esclavage dans l'Antiquité, т. I стр. 21—59, сравните его статью о Китаѣ съ источникомъ, откуда она заимствована, т. е. съ мемуаромъ Біо въ Journal Artistique, за Мартъ 1837 г., 3-я серія, т. III.

IV.

Рабство въ древней и современной Индіи.

Въ Законахъ Ману (пер. Бурнелля и Гопкинса) мы читаемъ, (VIII. 415):

«Человѣкъ, взятый въ плѣнъ на войнѣ, рабъ, который служитъ изъ-за пищи, рожденный въ домѣ, купленный, подаренный, ранѣе принадлежавшій отцу своего настоящаго владѣльца, и человѣкъ, который отработываетъ подать (или долгъ)»—вотъ семь видовъ рабовъ.

Къ этому прибавлено (416), что рабъ не можетъ имѣть собственности; все, что онъ пріобрѣтаетъ, принадлежитъ тому-же, кому принадлежитъ и онъ самъ. Свидѣтельство раба не принимается во вниманіе (VIII. 66. 70.), за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда недостаетъ компетентныхъ свидѣтелей. Хозяинъ съ своей стороны не долженъ сердиться на рабовъ, но долженъ переносить обиды безъ гнѣва (IV. 181, 185).

Обязанность судра (низшей изъ четырехъ индійскихъ кастъ)—служить другимъ кастамъ, главнымъ образомъ, браминамъ; но, въ случаѣ, если эти послѣдніе недостаточно заботятся о пропитаніи, или не находятъ примѣненія труду судра, они могутъ служить и кшатріямъ, и даже богатымъ ваисіямъ. Униженное положеніе судра сказывается во многихъ, относящихся къ нимъ поста-

новленіяхъ закона. Тѣмъ не менѣе, судры не были рабами: они могли предлагать свой трудъ по выбору, кому угодно, и требовать соотвѣтственнаго вознагражденія. Они могли также по произволу выбирать себѣ ремесло; за ними признавалось право на собственность; иногда они даже наживали большія состоянія. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что они были рабами государства. «Положеніе ихъ», говоритъ Эльфинстонъ, было несравненно лучше положенія общественныхъ рабовъ въ нѣкоторыхъ древнихъ республикахъ, и тѣмъ болѣе положенія средневѣковыхъ крестьянъ, или иныхъ извѣстныхъ намъ классовъ, находившихся въ состояніи рабства» [1]).

Тотъ-же авторъ въ 1839 г. писалъ: «домашнее рабство въ мягкой формѣ существуетъ почти повсемѣстно. Рабы—всѣ, родившіеся въ домѣ хозяина, дѣти, проданныя своими родителями въ голодные годы, а также дѣти, украденныя Бонджарами, бродячимъ пастушескимъ племенемъ, которое заработываетъ себѣ пропитаніе, перенося зерно и товары изъ одной части страны въ другую... Съ домашними рабами обращаются почти такъ-же, какъ и со слугами, только связь ихъ съ семействомъ хозяина считается болѣе прочной. Сомнѣваюсь, чтобы ихъ когда-нибудь продавали; и вообще они мало обращаютъ на себя вниманія, такъ какъ по виду ничѣмъ не отличаются отъ свободныхъ людей». Но краденыхъ дѣвочекъ-

---

[1]) «Арріанъ съ восторгомъ восклицаетъ, что всѣ индѣйцы свободны. (Инд. гл. X). По его словамъ, у нихъ, какъ и у лакедемонянъ, уроженецъ Индіи не можетъ быть рабомъ; но, въ противоположность лакедемонянамъ, они не держатъ въ рабствѣ другихъ народовъ. Страбонъ, напротивъ, сомнѣвается въ полномъ отсутствіи рабства въ Индіи и, указывая на домашнихъ рабовъ, предполагаетъ существованіе цѣлаго сословія рабовъ. Возможно, что мягкая форма рабства, въ которой находились судры, могла ввести въ заблужденіе грековъ, привыкшихъ видѣть у себя дома совсѣмъ другое; но еще вѣроятнѣе, что остатки рабства, еще существовавшіе во времена Ману, совершенно исчезли ко времени царствованія Александра». (Эльфинстонъ, Исторія Индіи, стр. 261, 5 изд. Cowell'a).

подростковъ нерѣдко продавали съ низкими цѣлями, и онѣ «были предоставлены на произволъ страстей своихъ хозяевъ и ревнивой жестокости хозяекъ». Онъ прибавляетъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи рабовъ можно встрѣтить не только въ домахъ богатыхъ и знатныхъ людей, но и «въ домахъ земледѣльцевъ, гдѣ они находятся совершенно на положеніи членовъ семьи». У древнихъ индусовъ не было рабовъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ; въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ полосахъ встрѣчаются и такіе рабы, но они получаютъ вознагражденіе за свой трудъ и очень мало стѣснены въ своемъ поведеніи. Мы находимъ ихъ въ Малабарѣ и на крайнемъ югѣ, а также въ Бенгаліи и Бегарѣ и на нѣкоторыхъ плоскогоріяхъ. Но число ихъ, въ сравненіи съ общимъ количествомъ населенія Индіи, весьма незначительно, и во многихъ частяхъ этой страны неизвѣстно самое названіе земельнаго рабства».

Всѣ мѣры, принятыя англійскимъ правительствомъ относительно рабства въ Индіи, перечислены въ слѣдующей выдержкѣ изъ письма м-ра Юстэса Скотта, изъ Бомбея, напечатаннаго въ Anti-Slavery-Reporter, за Мартъ 1885 года:

«Общія постановленія закона о рабствѣ въ Индіи заключаются въ краткомъ уставѣ, раздѣленномъ на четыре параграфа и утвержденномъ въ 1843 г. Первый параграфъ запрещаетъ продажу какой-бы то ни было личности (person), или права на ея подневольный трудъ. Второй—запрещаетъ насильно принуждать личность къ выполненію обязанностей, вытекающихъ изъ чьихъ-нибудь правъ собственности на эту личность. Третій—запрещаетъ присвоивать себѣ чью-либо собственность, подъ тѣмъ предлогомъ, что владѣлецъ ея—рабъ. Четвертый признаетъ всякое оскорбленіе, нанесенное личности, находящейся въ состояніи рабства, равносильнымъ и наказуемымъ наравнѣ съ оскорбленіемъ, нанесеннымъ свободному человѣку»

Похищеніе съ цѣлью обращенія въ рабство наказуется десятилѣтнимъ изгнаніемъ; покупка свободной личности или обращеніе съ нею, какъ съ несвободной— семилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ; профессіональная торговля рабами—пожизненной ссылкой. Судья Скоттъ утверждаетъ, что въ 1855 г. торговля рабами, въ небольшихъ размѣрахъ, еще существовала между туземными индійскими племенами.

V.

Рабство у Варварійскихъ корсаровъ.

Варварійскія государства впервые сдѣлались грозны для Европы вслѣдствіе завоеваній двухъ пиратовъ— Горука (вѣрнѣе Уруха) и Гайрадина (Кейр-ед-динъ) Барбароссы. Первый овладѣлъ Алжиромъ въ 1517 г.; ему наслѣдовалъ братъ его, Гайрадинъ, уступившій свои владѣнія Портѣ и за это назначенный беглербегомъ Алжира, а впослѣдствіи главнокомандующимъ Оттоманскимъ флотомъ. Онъ и его послѣдователи чайками летали по морямъ, сражались съ христіанами, захватывали въ плѣнъ ихъ суда и собирали дань съ береговъ Средиземнаго моря. Барбаросса завладѣлъ Тунисомъ, и, хотя Карлъ V, въ 1535 г., вернулъ Тунисъ Франціи, эта потеря немногимъ ослабила власть и могущество пиратовъ. Походъ Карла V на Алжиръ въ 1541 г. окончился самой плачевной неудачей. Синьянъ Паша взялъ Триполи, который защищали рыцари ордена св. Іоанна, а Окіали отнялъ Тунисъ. Благородная защита Мальты Лявалеттомъ нанесла серьезный ударъ могуществу Турокъ; но только въ битвѣ при Лепанто (1571) они окончательно утратили свое первенство на морѣ. Съ этихъ поръ барбарійскіе корсары становятся просто морскими разбойниками. Излюбленнымъ мѣстопребываніемъ ихъ были, втеченіи трехъ столѣтій, Алжиръ и Тунисъ; оттуда

они дѣлали морскіе набѣги на берега Средиземнаго моря и отчасти Атлантическаго океана, грабили берега Испаніи, Сардиніи, Корсики, Неаполя и Сициліи, выжигали города и села, уводили въ плѣнъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Западныя державы, частію въ силу привычки, частію изъ зависти другъ передъ другомъ, терпѣли обиды отъ корсаровъ и даже платили имъ дань. Было сдѣлано нѣсколько слабыхъ попытокъ уменьшить зло, причиняемое ими, но попытки оказались безплодными; первой побѣдой надъ корсарами мы обязаны двумъ американцамъ, морскимъ офицерамъ—Преблю и Декатуру. Въ 1816 г. лордъ Эксмутъ добился отъ беевъ Туниса и Триполи обѣщанія уничтожить у себя рабство христіанъ; подобное же требованіе было предъявлено Алжиру, но тотъ отказался удовлетворить его. Тогда лордъ Эксмутъ вторгнулся въ Алжиръ, уничтожилъ его флотъ, обратилъ его укрѣпленія въ груды развалинъ и заключилъ съ алжирскимъ беемъ договоръ, по которому обращеніе въ рабство военноплѣнныхъ на будущее время замѣнялось обмѣномъ ихъ съ непріятелемъ. Но пираты не прекратили своихъ набѣговъ до тѣхъ поръ, пока Франція не нанесла ихъ могуществу окончательнаго удара въ 1830 г. За это мы должны быть ей благодарны, хотя и не можемъ не порицать ее за упорную оккупацію страны, не смотря на обѣщаніе вывести оттуда свои войска, за ту политику, которой она долго держалась по отношенію къ арабамъ и кабиламъ, и за произвольный захватъ Туниса.

Нѣкоторое понятіе о количествѣ христіанъ, находившихся въ рабствѣ у пиратовъ и работавшихъ на галерахъ или на берегу, мы можемъ получить изъ слѣдующихъ фактовъ: по взятіи Туниса Карломъ V. 20.000 рабовъ были освобождены или оружіемъ его воиновъ, или по договору съ правителемъ, власть котораго онъ возстановилъ [1]). Въ Донъ-Кихотѣ мы читаемъ, что

---

1) **Карлъ Пятый, Робертсона, кн. V, Sub. fin. (Рус. пер.).**

непосредственнымъ результатомъ битвы при Лепанто явилось освобожденіе 15,000 рабовъ. «Въ 1634 г. отецъ Данъ нашелъ 25,000 рабовъ—христіанъ въ городѣ Алжирѣ и его окрестностяхъ» [1]). Къ 1816 г. число это значительно уменьшилось; лордъ Эксмунтъ освободилъ всего 1642 человѣка, которые всѣ были рабами въ самомъ Алжирѣ.

По прибытіи въ городъ, плѣнныхъ продавали съ аукціона, по одиночкѣ, такъ что семьи сплошь и рядомъ разъединялись; затѣмъ ихъ заковывали въ тяжелыя цѣпи и бросали въ обширные остроги или темницы при частныхъ домахъ; работы они выполняли самыя тяжелыя, какъ-то: добываніе камня въ каменоломняхъ, переноска и обтесываніе его. Иногда хозяева обращались съ ними очень жестоко, но, повидимому, не часто; страданія ихъ были главнымъ образомъ нравственныя, а не физическія. У нихъ были свободные отъ работы дни и часы, и порою имъ удавалось скопить достаточно денегъ, чтобы откупиться на свободу.

Всѣмъ извѣстно, что авторъ Донъ-Кихота провелъ долгіе годы въ плѣну въ Алжирѣ. Въ 1875 г. при возвращеніи его на родину изъ Италіи, гдѣ онъ служилъ въ испанской арміи, галера, на которой онъ плылъ, была захвачена мавританскими корсарами, и всѣ христіане, находившіеся на ней, въ томъ числѣ и онъ, отправлены въ качествѣ плѣнныхъ въ Алжиръ. Тамъ онъ попалъ въ число рабовъ одного корсарскаго капитана, Дели-Меми, арнаутскаго ренегата, который обращался съ нимъ очень сурово, съ цѣлью заставить его обратиться къ своимъ друзьямъ и получить богатый выкупъ. Сервантесъ во все время рабства выказывалъ неизмѣнныя благородство и величіе души. Онъ неоднократно составлялъ планы бѣгства, и послѣдній изъ нихъ вѣроятно

1) С. Ленъ Пуль: Варварійскіе корсары, стр. 235 (Изъ Le Pere Dan, Histoire de Barbarie et de ses Corsaires. 1649).

осуществился-бы, еслибъ не вѣроломство одного изъ товарищей, которые уговорились бѣжать одновременно съ нимъ. Въ концѣ концовъ, въ 1586 г. Сервантесу была возвращена свобода; часть выкупа внесли за него родственники; остальное было пополнено изъ фонда, ассигнованнаго правительствомъ на освобожденіе испанскихъ плѣнныхъ въ Алжирѣ. Иные предполагаютъ, что въ лицѣ «плѣннаго» въ Донъ-Кихотѣ онъ вывелъ самого себя и разсказалъ исторію собственнаго рабства. Это, повидимому, ошибка; но несомнѣнно, что только благодаря личному опыту онъ могъ достигнуть такого близкаго знакомства съ условіями жизни и обычаями Алжира, какое обнаруживается въ этомъ романѣ, а также въ Espanola Inglesa, одной изъ его Novelas Exemplares.

Въ интересахъ справедливости не слѣдуетъ забывать, хотя и рѣдко кто упоминаетъ объ этомъ, что корсарами были не только турки или варварійцы, но и христіане, и эти христіане владѣли рабами мусульманами, точно такъ же, какъ мусульмане держали у себя рабовъ христіанъ. На судахъ Доріа, какъ и на галерахъ Драхута, веслами управляли рабы; Францискъ I, отпуская Гайрадина изъ Тулона, отпустилъ вмѣстѣ съ нимъ и 400 магометанъ, которые были рабами на галерахъ.

VI.

Выкупъ плѣнныхъ.

Съ давнихъ поръ усилія католическаго духовенства и, подъ его вліяніемъ, богатыхъ католиковъ были направлены на выкупъ христіанъ, томившихся въ плѣну у Сарраациновъ, Мавровъ и другихъ «невѣрныхъ». Послѣдующія замѣтки даютъ понятіе о томъ, что было сдѣлано въ этомъ направленіи.

Епифаній, епископъ Павіанскій, былъ посланъ Теодорикомъ († 562 г. по Р. Х.) «освободить изъ неволи всѣхъ, проданныхъ или случайно попавшихъ въ плѣнъ и томившихся въ рабствѣ за Альпами. Убѣдительное слово Епифанія проникло въ сердца Гундобальда Бургундскаго и его военачальниковъ, и епископъ возвратился въ Павію, ведя за собою 6,000 скованныхъ невольниковъ, освобожденныхъ благодаря его заступничеству» [1]).

«Для выкупа плѣнныхъ и рабовъ, каноническими правилами разрѣшалось даже продавать монастырскія земли».

Григорій Великій († 604 по Р. Х.) «санкціонировалъ великую побѣду духа надъ буквой религіи, разрѣшивъ не только отчужденіе церковныхъ имуществъ, но даже

---

[1]) Milman, Latin Christianity (1855) I, стр. 295.

и продажу священныхъ сосудовъ съ алтаря для выкупа плѣнныхъ»[1]). (Въ этомъ онъ лишь послѣдовалъ примѣру св. Амвросія). Въ Посл. VI, 35, Григорій говоритъ: «Et sacrorum canonum et legalia statuta permittunt ministeria Ecclesiæ pro captivorum esse redemptione reddenda».

Королева Батильда, супруга Кловиса II Невстрійскаго (седьмое столѣтіе) сама была нѣкогда плѣнницей и впослѣдствіи жертвовала крупныя суммы на выкупъ плѣнныхъ[2]).

Св. Илія (Eloy), впослѣдствіи епископъ Нойонскій, (седьмое ст.) былъ душою преданъ дѣлу освобожденія плѣнныхъ; онъ выкупалъ ихъ на свой собственный счетъ. «Если ему случалось услыхать, что тамъ-то предстоитъ продажа плѣнныхъ, онъ немедленно пускался въ путь и покупалъ человѣкъ 20—30, а то и 50 или 100 сразу. Выкупивъ ихъ, онъ спѣшилъ представить ихъ королю и отпустить на свободу съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей»[3]).

Отецъ Іоанна Дамаскина (восьмое ст.) пожертвовалъ все свое огромное состояніе на выкупъ плѣнныхъ христіанъ[4]).

Въ позднѣйшее время были основаны два религіозныхъ ордена съ спеціальной цѣлью выкупа христіанъ, томившихся въ плѣну у невѣрныхъ—орденъ св. Троицы (Тринитаріанцевъ) и орденъ Матери Божіей Милосердія (Notre Dame de la Merci). Первый былъ основанъ папой Иннокентіемъ III, по настояніямъ С. Іоанна де Мата и С. Феликса де Валуа, для выкупа христіанъ, взятыхъ въ плѣнъ маврами или сарацинами. Де Мата былъ

---

1) Milman, Latin Christianity (1855), I, стр. 295.

2) Ibid., II. стр. 221.

3) Приведено Майтландомъ, Dark Ages, стр. 88, со ссылкой на Жизнь св. Иліи—С. Оуэна, Архіепископа Руанскаго, въ Spicilegium D'Achery, II, стр. 76. 2.

4) Milman, II, стр. 164.

первымъ генераломъ ордена, главная резиденція его была во Франціи, въ Серфруа, возлѣ Мо. Вліяніе ордена быстро росло: вскорѣ отдѣленія его появились въ Италіи, въ Испаніи, Португаліи, Польшѣ, Венгріи, на Британскихъ островахъ и даже въ Америкѣ.

Въ восемнадцатомъ столѣтіи ордену принадлежало до 300 домовъ: но теперь, когда въ немъ уже не оказывалось надобности, орденъ прекратилъ свое существованіе [1]). Около половины семнадцатаго столѣтія было констатировано, что во Франціи этотъ орденъ выкупилъ до 30.000 плѣнныхъ, а въ Кастиліи и Ліонѣ болѣе 11,000. Члены его во Франціи назывались матюренами.

Орденъ Божіей Матери-Милосердія былъ основанъ въ 1218 г., по настоянію С. Петра Ноланскаго, который имѣлъ право въ силу власти, данной королю Аррагонскому основывать новые ордена безъ особаго разрѣшенія папы. Вначалѣ это былъ орденъ военный. Главной резиденціей его была Барцелона. Въ 1230 г., онъ былъ утвержденъ папой Григоріемъ Девятымъ. Орденъ этотъ имѣлъ отдѣленія во Франціи и особенно значительныя— въ Америкѣ. Между членами его выдѣлились своимъ самоотверженіемъ и набожностью Св. Раймундъ Ионнатъ и Св. Петръ Пасхаль.

---

[1]) Монталамберъ, въ своемъ введеніи къ Исторіи Св. Елизаветы Венгерской, 1837, говоритъ: «Jusqu'á nos jours ces deux congrégations ont continué leur pacifique et périlleuse croisade». Но послѣдній изъ этихъ эпитетовъ давно уже сдѣлался непримѣнимъ.

VII.

Рабство, какъ промышленная система.

По словамъ Адама Смита[1]), «изъ опыта всѣхъ вѣковъ и націй явствуетъ, что въ концѣ концовъ работа, исполняемая свободными людьми, обходится дешевле, чѣмъ работа, выполняемая рабами». Это онъ объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что суммами, ассигнованными на содержаніе рабовъ, распоряжается небрежный хозяинъ или безпечный надсмотрщикъ, тогда какъ свободные рабочіе сами закупаютъ себѣ пищу и матерьялы, съ той расчетливостью и бережливостью, какими всегда отличаются бѣдняки. Кромѣ того, трудно ожидать отъ раба, чтобы онъ работалъ такъ же прилежно, какъ свободный человѣкъ. Вѣдь его не побуждаетъ къ этому перспектива личной выгоды; естественно, что онъ старается увильнуть отъ работы. Вообще, стимулами къ пользованію трудомъ рабовъ служили гордость и властолюбіе хозяевъ, но укорениться эта система могла только тамъ, гдѣ это позволяли условія обработки земли; такъ, британскія сахарныя и табачныя плантаціи приносили такъ много дохода, что ихъ можно было воздѣлывать руками невольниковъ; разведеніе же пшеницы и вообще хлѣбныхъ растеній требовало свободныхъ рабочихъ.

---

[1]) О богатствѣ народовъ, кн. I, гл. VII, и кн. III, гл.—II. (Рус. пер.).

Дж. Е. Кернъ въ своей достойной вниманія книгѣ, озаглавленной The Slave Power, подробно разсматриваетъ условія, необходимыя для процвѣтанія рабства, какъ индустріальной системы. На изученіе этого вопроса его навело то обстоятельство, что рабство, первоначально существовавшее во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, въ сѣверныхъ стало быстро клониться къ упадку и постепенно исчезло, тогда какъ на югѣ оно, наоборотъ, росло и усиливалось и, наконецъ, достигло такого значенія, что весь общественный строй Юга долженъ былъ приспособиться къ нему.

Признавъ неудовлетворительными объясненія этого факта, основанныя на разницѣ общественнаго положенія и привычекъ первыхъ поселенцевъ Сѣвера и Юга, на вліяніи климата и природной лѣности негровъ, Кернъ по своему опредѣляетъ условія, отъ которыхъ дѣйствительно зависитъ успѣхъ невольническаго режима.

Единственное экономическое преимущество, которое дастъ рабство, это то, что хозяинъ, имѣя неограниченную власть надъ своими рабочими и располагая всецѣло плодами ихъ труда, можетъ дать этому труду наиболѣе совершенную организацію, по произволу классифицировать и распредѣлять его, или же сосредоточить въ одномъ, извѣстномъ пунктѣ, такъ какъ стоимость этого труда никогда не подымется выше расходовъ на содержаніе рабочихъ. Съ другой стороны, подневольный трудъ представляетъ тройную невыгоду: 1) люди работаютъ неохотно и потому требуютъ за собой строгаго надзора; 2) они неловки, неискусны,—поэтому имъ можно поручать только самыя грубыя работы, довѣрять только самыя грубыя орудія; и 3) подневольному труду недостаетъ разнообразія: рабъ выучивается разводить напр. какое нибудь зерновое растеніе, и всю жизнь разводитъ только его одно, не умѣя приняться ни за какую другую работу.

Сѣверъ, по условіямъ своего климата и почвы, спо-

собенъ производить только зерновые хлѣба, не требующіе особенно искусныхъ комбинацій работы; рабочіе здѣсь разбросаны на большомъ пространствѣ—слѣдовательно, присматривать за ними не такъ-то легко. Въ виду этого, система невольничьяго труда не подходила къ условіямъ жизни сѣвера и была замѣнена системой мелкаго землевладѣнія, причемъ всѣ необходимыя работы на участкахъ выполняли самъ фермеръ и его семья; работы эти были довольно разнообразны, но развитія и сообразительности бѣлыхъ оказывалось достаточно для выполненія ихъ, а личный интересъ подстрекалъ работать скоро и добросовѣстно.

Для успѣшнаго пользованія трудомъ рабовъ необходимы: правильная классификація ихъ, сообразно экономическимъ требованіямъ, и единая твердая власть, завѣдующая и направляющая всѣ ихъ усилія. Кромѣ того, существенно необходимъ также бдительный надзоръ и, слѣдовательно, сосредоточеніе большого числа рабочихъ на небольшомъ пространствѣ. Для успѣшнаго разведенія табака и хлопчатой бумаги требуются именно такія условія; сообразно съ этимъ, тамъ, гдѣ почва и климатъ благопріятствовали разведенію табака и хлопчатника, невольничество укоренилось и вошло въ обычай. Плодородная южная почва не требовала для обработки своей ни особенно тонкихъ орудій, ни особеннаго умѣнья отъ рабочихъ. А если, за недостаткомъ отдыха, земля истощалась и переставала производить, рядомъ лежали обширныя пространства еще невоздѣланной, дѣвственной земли, и всѣ усилія владѣльцевъ были направлены только къ тому, чтобы постепенно расширить свои владѣнія и арену спеціальнаго производства.

Кернъ разюмируетъ результаты своихъ изслѣдованій такимъ образомъ: «Для процвѣтанія рабства, какъ индустріальной системы, требуются слѣдующія условія: 1. Изобиліе плодородной почвы; 2. Культура такихъ продуктовъ, которые бы для успѣшнаго разведенія своего

требовали организаціи труда въ широкихъ размѣрахъ и допускали концентрацію его. Благодаря соединенію именно этихъ условій, рабство удержалось [1]) въ Южныхъ Штатахъ Америки, и вслѣдствіе отсутствія ихъ оно исчезло въ Сѣверныхъ Штатахъ».

Припомнимъ, что хлопчатобумажная промышленность на Югѣ очень быстро развилась до огромныхъ размѣровъ, благодаря прогрессу въ области механическихъ изобрѣтеній. «Съ тѣхъ поръ, какъ Эли Уитней изобрѣлъ трепальную машину (1793 г.)», говоритъ професоръ В Вильсонъ [2]), «даже неискусный рабочій можетъ очистить отъ сѣмянъ въ день тысячу фунтовъ хлопка, тогда какъ прежде онъ могъ очищать пять—шесть фунтовъ. Югъ быстро шагнулъ впередъ и по производству хлопка чуть-ли не сразу занялъ первое мѣсто во всемъ свѣтѣ. Въ 1792 г., за годъ до изобрѣтенія Уитнея, изъ Соединенныхъ Штатовъ вывезено было всего 138,328 фун. хлопка, въ 1804 г. было вывезено 38.118,041 ф.; а въ эпоху первой борьбы за распространеніе рабства (миссурійскій компромиссъ), вывозъ хлопка дошелъ до 127,860,152 ф., а стоимость его поднялась отъ семи съ половиной болѣе чѣмъ до двадцати-двухъ милліоновъ долларовъ». Это чрезвычайно подняло значеніе рабства; вначалѣ его отстаивали по привычкѣ и изъ страха передъ послѣдствіями эмансипаціи; теперь оно уже является ни болѣе ни менѣе, какъ неустранимымъ экономическимъ условіемъ жизни и развитія Юга».

---

1) Кернъ писалъ въ 1862 г.
2) Division and Reunion (1829—1889).

VIII.

Феодальная система отъ ея возникновенія до конца XIII вѣка.

(Histoire générale, Lavisse et Rambeaud)

Страны, вошедшія въ составъ имперіи Карла Великаго, подверглись въ теченіе X вѣка глубокому преобразованію, подробности котораго неизвѣстны за неимѣніемъ документальныхъ данныхъ. Въ смутный періодъ, слѣдовавшій за распаденіемъ имперіи Каролинговъ, къ концу XI вѣка, возникла та новая организація, которую историки называютъ феодальнымъ строемъ. Она образовалась медленно, безъ вмѣшательства правительства, безъ помощи писаннаго закона, безъ всякаго общаго соглашенія между частными лицами, единственно только благодаря тѣмъ постепеннымъ измѣненіямъ, которыя въ разное время, но почти одинаковымъ образомъ произошли во Франціи, Италіи, христіанской Испаніи и Германіи. Впослѣдствіи, начиная съ конца XI в., система эта была перенесена въ Англію и южную Италію, въ XII и XIII в. въ Латинскія государства Востока и, начиная съ XIV в., въ страны Скандинавскія.

Режимъ этотъ, выросшій естественнымъ путемъ, безъ всякаго общаго плана, никогда не отличался однообразіемъ и большой правильностью своихъ отправленій, поэтому и невозможно вкратцѣ представить вполнѣ точно его изображеніе, невозможно выразить какой нибудь

строгой и точной формулой ни одного изъ обычаевъ того времени, нельзя ничего сказать объ этихъ обычаяхъ общаго, что бы не находилось въ противорѣчіи съ частными случаями. Вотъ почему еще ни одинъ ученый не рѣшился издать общаго изслѣдованія о феодальной системѣ. Въ настоящее время можно попытаться собрать только отдѣльныя, наиболѣе характеристическія черты общественнаго строя и обычаевъ феодальныхъ странъ отъ X—XIII в.

Общество раздѣлялось тогда на два класса: на крестьянъ, населявшихъ обширныя помѣстья (домены), и землевладѣльческую аристократію, состоявшую, во первыхъ, изъ людей военныхъ и, во вторыхъ, изъ духовныхъ лицъ.

Начиная съ IX вѣка, въ имперіи Каролинговъ почти не остается мелкихъ собственниковъ, которые сами занимались бы обработкой земли, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ отдаленныхъ прибрежныхъ и горныхъ областей да городскихъ (banlieue) округовъ Юга. Литтре говоритъ, что не было ни одного клочка земли, который бы не принадлежалъ сеньеру или духовенству. Вся территорія раздѣлялась на обширныя помѣстья—домены, превосходившія своей величиной всѣ крупныя владѣнія настоящаго времени. Большая часть современныхъ французскихъ коммунъ (общинъ) ни что иное, какъ старые домены. Въ каждомъ доменѣ земли раздѣлялись на двѣ неравныя части; меньшая, запасная земля (indominicata), на которой жилъ самъ собственникъ или управляющій считалась его личной собственностью и обработывалась непосредственно въ его пользу: все, что она ни производила, принадлежало собственнику. Остальная часть распредѣлялась между извѣстнымъ числомъ крестьянскихъ семействъ, живущихъ на доменѣ. Чаще всего они жили въ хижинахъ, скученныхъ возлѣ дома господина, такъ что составлялось селеніе (village). Каждое семейство обработывало свой кусокъ земли, состоявшій изъ нѣсколь-

кихъ небольшихъ участковъ, разбросанныхъ по всему домену. Эти хлѣбопашцы пользовались получаемыми продуктами, но оплачивали это право извѣстными податями и службой собственникамъ, въ зависимости отъ которыхъ они и находились. Эти подати и услуги видоизмѣнялись до безконечности, такъ какъ ни сами онѣ, ни величина участковъ не регламентировались закономъ, а опредѣлялись только заключаемыми договорами или установившимся обычаемъ страны, но тѣмъ не менѣе они почти вездѣ были очень схожи межъ собою, благодаря однообразнымъ условіямъ жизни. Съ подобной организаціей можно познакомиться изъ Полиптика аббата Ирминона, написаннаго въ концѣ царствованія Карла Великаго. Этотъ Полиптикъ, по словамъ Герара, представляетъ оффиціальное и полное описаніе имуществъ, доходовъ и правъ аббатства Сенъ-Жерменъ де Пре.

Для составленія подобнаго рода описаній нарочно назначались особые комиссары, собиравшіе на мѣстѣ, подъ присягой, всякаго рода свѣдѣнія о земляхъ и объ оброкахъ и повинностяхъ, лежащихъ на нихъ по мѣстному праву и обычаю. Въ случаѣ надобности, эти документы служили основаніемъ и для правосудія, такъ какъ въ нихъ исчислялись права господина и обязанности плательщиковъ. Въ Полиптикѣ аббата Ирминона каждому домену посвящена особая глава, гдѣ обозначена запасная земля хозяина, находящаяся въ его непосредственномъ пользованіи, и земли, распредѣленныя между крестьянами, при чемъ указанъ размѣръ каждаго участка, опредѣлены лежащіе на немъ оброкъ и барщина, перечислены семейства, живущія на участкахъ, съ обозначеніемъ количества членовъ каждой семьи. Полиптикъ упоминаетъ о трехъ классахъ людей: свободныхъ, колонахъ и сервахъ (serfs). Свободный человѣкъ опредѣляется, какъ пользующійся правомъ «идти, куда онъ хочетъ, безъ того, чтобъ какой нибудь господинъ могъ потребовать его обратно. Колонъ связанъ съ обработкой чужой земли.

доходами съ которой онъ пользуется на условіи опредѣленныхъ повинностей. Жить и умереть подобно растенію на почвѣ, на которой онъ родился,—таково его назначеніе. Наконецъ сервы или рабы принадлежали господину и могли быть продаваемы и отчуждаемы, какъ и всякая другая движимая собственность. Земли аббатства, находившіяся въ цвѣтущемъ состояніи, раздѣлялись на участки свободные и рабскіе; первые, большіе по величинѣ, принадлежали свободнымъ держателямъ (tenanciers), а вторые, меньшіе, были заселены рабами, но это дѣленіе строго не соблюдалось, и въ томъ же Полиптикѣ свободные держатели занимаютъ рабскіе участки и наоборотъ. Эти мелкіе участки назывались мансами. Манса колона была наслѣдственна и обложена опредѣленнымъ оброкомъ.

Въ названномъ аббатствѣ было 1650 мансъ, 2788 семействъ, всего около 10,000 человѣкъ. Почти всѣ работы въ аббатствѣ выполнялись сервами при помощи барщины. Оброки за землю выплачивались и деньгами и натурой: зерномъ, скотомъ, птицей, виномъ, тканями, медомъ, воскомъ, масломъ, мыломъ, дровами, бочками, желѣзомъ, земледѣльческими орудіями. Существовала и подушная денежная подать, назначаемая произвольно господиномъ. Еще въ 1789 г. аббатство, хотя и значительно уменьшившееся, имѣло болѣе 300,000 франковъ дохода.

Вотъ, напримѣръ, описаніе домена Palaiseau.

«Въ Palaiseau есть земля господина съ домомъ и съ другими необходимыми постройками. — Пахатной земли 6 нарѣзокъ, содержащихъ 287 боннье, на которыхъ можно посѣять 1300 четвериковъ зерна; подъ виноградникомъ находится 127 десятинъ, съ которыхъ можно получить 800 мѣръ вина; подъ лугомъ 100 десятинъ, дающихъ 150 возовъ сѣна. Подъ лѣсомъ, въ которомъ можно откормить 50 свиней, считается въ общемъ одна миля въ окружности. Есть три мельницы, приносящихъ обро-

ку 154 четверика. Есть церковь со всею необходимою обстановкою».

«Вальфридъ, колонъ, и его жена, колона, люди изъ Сенъ-Жерменъ, имѣютъ при себѣ двухъ дѣтей по имени..... Онъ занимаетъ 2 свободныя мансы. За каждую мансу платитъ онъ одного быка, вспахиваетъ подъ озимь 4 туаза (шестифутовая сажень); отбываетъ барщину, извозъ, задѣльныя работы, когда ему приказываютъ, платитъ 3 цыпленка, 15 яицъ. Германъ, колонъ, и его жена, колона, люди изъ Сенъ-Жерменъ, имѣютъ при себѣ 5 дѣтей... Онъ занимаетъ одну свободную мансу, содержащую 10 бонньe пахатной земли, 2 1/2 арпана подъ виноградникомъ, 1/2 арпана подъ лугомъ. Платитъ столько же». (Слѣдуетъ 110 подобныхъ статей о колонахъ, занимающихъ по одной мансѣ).

«Мавръ, сервъ, и его жена, свободная, люди изъ Сенъ-Жерменъ, имѣютъ при себѣ двухъ дѣтей... Гентольдъ, колонъ изъ Сенъ-Жерменъ. Эти люди занимаютъ одну рабскую мансу, содержащую 2 бонньe пахатной земли, 2 1/2 арпана подъ виноградникомъ, 1 1/2 арпана подъ лугомъ. Они отбываютъ барщину на 8 арпанахъ виноградника, платятъ по мѣрѣ вина, 2 сетье горчицы, 3 курицы, 15 яицъ, отбываютъ задѣльныя работы, барщину, извозъ.

Инвентарь доменовъ Карла Великаго 810 г. указываетъ на такой же порядокъ вещей на одномъ островѣ маленькаго озера въ Баварскихъ горахъ (Staffelsee). Въ зависимости отъ этого домена находились 83 свободныя мансы. Шесть изъ нихъ должны были ежегодно доставлять по 14 мѣръ зерна, по 4 свиньи, по 2 курицы, по 10 яицъ, по 1 сетье льна, по 1 сетье чечевицы, отбывать по 5 недѣль барщины, запахать по 3 межи земли, накосить на лугу господина и свезти возъ сѣна и т. п».

Слишкомъ рѣдкіе памятники IX и X в. не позволяютъ утверждать, что точно такъ же были устроены всѣ

домены. Есть между ними и такія, гдѣ все неопредѣленно: нѣтъ однообразія ни въ величинѣ участковъ, ни въ лежащихъ на нихъ оброкахъ и барщинѣ. Часто вмѣсто мансы встрѣчается colonica (поселеніе колонъ), и тогда держатели разбросаны по всему домену, а не живутъ возлѣ дома господина.

Въ концѣ IX в., въ Cartulaire de Saint Bertin, за монастырями числится 360 рабовъ, сотня сервовъ и свободные колоны, платящіе оброкъ и обязанные двумя днями барщины въ недѣлю, тогда какъ на сервахъ лежатъ три дня барщины и всевозможныя повинности. Рабы отдаютъ господину все свое время, исполняя разныя работы, получаютъ только пищу и платье и не пользуются никакой свободой,—это настоящіе земледѣльческіе рабы. Сервы имѣютъ и для себя три дня въ недѣлю. Въ XII в. въ аббатствѣ Мармутье находились рабы, лишенные мансъ и исполнявшіе разныя внутреннія работы; ихъ только кормили, но не платили имъ; они находились въ распоряженіи управляющаго и дѣлали все, какъ serfs de corps. Нужно замѣтить, что мансы состояли не только изъ полей и фермъ, но заключали въ себѣ и мастерскія, въ которыхъ мужчины и женщины работали на аббатство. Женщины занимались пряденьемъ, крашеньемъ, изготовленіемъ платья. Эти женскія мастерскія сохранили названіе гинекеевъ и часто служили для разврата, такъ что названіе женщины гинекея въ IX в. было синонимомъ куртизанки.

Подобный экономическій режимъ, за которымъ можно признать римское происхожденіе, господствовалъ во всей древней территоріи Галліи, за исключеніемъ горныхъ областей Пиренеевъ и въ окрестностяхъ древнихъ римскихъ городовъ, и въ особенности на югѣ, въ долинахъ Роны и Соны, а въ XIII вѣкѣ почти во всей Франціи.

Онъ же существовалъ и въ Италіи въ XIII вѣкѣ, но въ наиболѣе богатой части территоріи (dans la ban-

lieue des villes) въ городскихъ округахъ собственники отдаютъ земли арендаторамъ или фермерамъ, часто по вѣчному договору, древней эмфитеозѣ (emphythèose). Въ Испаніи также было населеніе крестьянъ держателей, но въ странахъ, оставшихся христіанскими, многіе хлѣбопашцы жили въ укрѣпленныхъ бургахъ, а въ другихъ, завоеванныхъ у Мавровъ, частью сохранилась сельская организація Востока.

Въ Германіи, гдѣ мелкіе собственники были, можетъ быть, многочисленны еще во времена Карла Великаго, обработка земли держателями (tenanciers) (вѣроятно введенная монастырями и принцами) скоро распространилась по всей странѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ Альпійскихъ областей и равнинъ, сосѣднихъ съ Сѣвернымъ моремъ, гдѣ сохранились крестьяне собственники. То-же самое было и въ скандинавскихъ странахъ, но только послѣ XIV вѣка.

Англія, какъ видно изъ кадастра, составленнаго норманскими королями, была покрыта большими владѣніями, раздѣленными на мелкіе участки (parcelles), которыми пользовались держатели путемъ барщины и уплаты повинностей. Такая организація, кажется, еще предшествовала норманскому завоеванію.

И такъ, во всей цивилизованной Европѣ господствовала система крупной собственности, наслѣдственныхъ леновъ, повинностей и барщины. На западѣ она простиралась до Валисскихъ и Шотландскихъ горъ, на югѣ до мусульманскихъ странъ; этотъ режимъ распространялся и на востокѣ, по мѣрѣ цивилизаціи славянскихъ народовъ.

Въ своихъ основныхъ чертахъ эта организація установилась съ X вѣка; окончательно сформировавшеюся она является къ концу XI и почти не измѣняется до XIV вѣка. Попытаемся же разсмотрѣть положеніе крестьянъ за этотъ періодъ времени.

Крестьяне живутъ на господскихъ доменахъ. Жи-

лище самого господина укрѣпляется, иногда превращается въ замокъ, окруженный на большомъ пространствѣ виноградниками, лугами, прудами, лѣсами, составляющими запасную землю. Около него сгруппированы жилища держателей, изъ которыхъ одни, болѣе зажиточные (по-нѣмецки vollbauer), владѣютъ запряжкой воловъ, имѣютъ настоящій домъ, построенный вокругъ двора и примыкающій къ саду, а другіе, неимущіе, обитаютъ въ простыхъ хижинахъ, состоящихъ изъ одной постройки. Благодаря приросту народонаселенія, образуются деревни, а иногда, не рѣдко, и мѣстечки, обнесенныя стѣной (bourg). Во Франціи это скопленіе хижинъ называютъ ville (отъ древняго римскаго названія домена—villa), а крестьяне vilains; въ Англіи аналогичное значеніе имѣетъ окончаніе ham, а въ Германіи heim и hausen. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, а особенно въ XII в., главнымъ образомъ въ Германіи, по такому же образцу создаются новыя деревни на мѣстахъ пустынныхъ или расчищенныхъ отъ лѣса. Вся территорія деревни раздѣлена на мелкіе участки, находящіеся въ пользованіи крестьянъ и переходящіе отъ отца къ сыну. Участки эти обыкновенно состояли изъ нѣсколькихъ длинныхъ полосъ, разсѣянныхъ по домену. Такое дробленіе, восходящее къ давнему времени, отвѣчало трехпольной системѣ, очень употребительной въ IX и X вѣкѣ (озимое, яровое и земля подъ паромъ). Съ теченіемъ времени оно еще болѣе распространилось, по крайней мѣрѣ во Франціи, такъ какъ держатели имѣли право подраздѣлять свои держанія для другихъ владѣльцевъ, лишь бы послѣдніе выполняли всѣ повинности. Въ Германіи держанія стали нераздѣльны, и съ XII вѣка образовался классъ зажиточныхъ крестьянъ.

Все населеніе доменъ обозначалось однимъ названіемъ rustici (крестьяне), vilains, bauer (хлѣбопашецъ). Смыслъ, приданный во Франціи слову vilain, показываетъ, что остальные классы вообще не дѣлали различія между крестьянами, и всѣхъ ихъ одинаково

презирали. Между тѣмъ этотъ низшій классъ не былъ такъ однороденъ: онъ заключалъ въ себѣ людей, положеніе которыхъ вначалѣ было совсѣмъ другое, и это различіе было достаточно велико, чтобъ составить еще двѣ категоріи, обозначенныя во французскихъ актахъ того времени двумя различными названіями: рабовъ и свободныхъ.

Сервы были потомки или, по крайней мѣрѣ, преемники древнихъ римскихъ рабовъ (servi). Но положеніе ихъ съ теченіемъ времени постепенно улучшалось. Господинъ, бывшій въ тоже время и собственникомъ, видѣлъ въ рабахъ орудіе для обработки земли и требовалъ, чтобъ рабы извлекали для него выгоду изъ помѣстій. Сельскихъ рабовъ перестали продавать, они получили право жениться и оставались на одномъ и томъ же доменѣ, представляя изъ себя родоначальниковъ хлѣбопашцевъ. Каждое семейство пользовалось отъ господина участкомъ земли, переходившимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и сервъ сдѣлался ленникомъ, у котораго господинъ не отнималъ уже своего участка. Однимъ тѣмъ фактомъ, что рабы обращены были въ хлѣбопашцевъ и что господинъ не требовалъ отъ нихъ личной службы, рабство перешло въ крѣпостное состояніе [1]). Нѣчто обратное существовало въ XVIII в. въ Россіи, когда помѣщики, назначая своихъ крѣпостныхъ въ должности лакеевъ и горничныхъ, вводили рабство, подобное античному.

Сервъ получалъ держаніе не даромъ, а за извѣстныя повинности и барщину, часто опредѣляемыя въ какомъ угодно количествѣ. По энергичному выраженію того времени, онъ былъ «taillable et corvéable à merci», т. е. облагался податью и барщиной по произволу. Но сила обычая въ средніе вѣка была такова, что часто устанавливались повинности опредѣленныя, сверхъ которыхъ

1) Въ средніе вѣка существовали, какъ очень рѣдкое явленіе, рабы, исполнявшіе должность прислуги (des serfs servant de domestiques), но не они имѣются въ виду, когда говорится о сервахъ.

господинъ уже ничего не могъ требовать; но съ другой стороны не всегда необходимо было непремѣнно быть сервомъ, чтобъ быть «taillable à merci» (облагаемымъ податью по произволу). Характерными повинностями въ положенiи средневѣковаго серва были тѣ, которыя указываютъ еще на личную зависимость; таковы: la capitation, le formariage, la main-morte, (подушная подать, налогъ за право вступать въ бракъ и «мертвая рука»): Capitation—это была поголовная ежегодная подать, напоминающая оброкъ русскихъ крѣпостныхъ, наложенная господиномъ въ силу его абсолютнаго права; это было воспоминанiе о рабствѣ.—Когда крѣпостные одного и того же собственника вступали между собою въ бракъ, господинъ ихъ относился къ этому безразлично, такъ какъ они не выходили изъ подъ его зависимости, и такой бракъ оплачивался небольшой податью. Если же, напр., крѣпостная женщина выходила замужъ за чужого человѣка, она тѣмъ самымъ уже ускользала изъ подъ власти собственника; поэтому требовалось и его согласiе на этотъ бракъ. Это согласiе получалось цѣною особой подати—formariage.

«Мертвая рука» (выраженiе это вошло въ употребленiе въ концѣ XI вѣка)—право господина на наслѣдство своего серва, если онъ умиралъ, не оставивши дѣтей, которыя бы жили вмѣстѣ съ нимъ. Побочные родственники и дѣти, живущiя въ другомъ мѣстѣ, не считались наслѣдниками лена умершаго, а если и получали его, то за выкупъ, иногда довольно высокiй. Величина его часто опредѣлялась обычаемъ и частными договорами. Въ Англiи, Германiи и Фландрiи это право ограничивалось предварительнымъ вычетомъ изъ наслѣдства въ пользу господина какой нибудь вещи или одной головы скота. По той же причинѣ, по какой сервъ лишенъ былъ права завѣщать свой ленъ послѣ смерти, онъ и при жизни своей не могъ его продавать или отчуждать безъ особаго согласiя господина. Сервъ настолько былъ связанъ съ своимъ леномъ, что

ни господинъ не могъ согнать его, ни самъ онъ не имѣлъ права удалиться съ своего лена съ цѣлью поселиться въ другомъ мѣстѣ. Если же онъ рѣшался на это безъ позволенія господина, послѣдній, по «праву преслѣдованія», могъ его розыскать и заставить вернуться. Сеньеры въ собственныхъ интересахъ принимали различныя мѣры противъ бѣгства, вступали между собой въ соглашенія, чтобы возвращать другъ другу бѣглецовъ, и производили слѣдствія, чтобъ ихъ розыскивать. Но строгость права преслѣдованія была рано смягчена, и уже въ XII вѣкѣ во Франціи установился обычай, по которому крѣпостной могъ торжественно предупредить своего господина (это называлось отречься) и, отказавшись отъ всего своего имущества, получить право уйти и поселиться на чужбинѣ.

Крѣпостное состояніе существовало подъ разными названіями во всей Европѣ. Повидимому сервы-то и составляли массу сельскаго населенія со временъ Карла Великаго.

То зависимое положеніе, въ которомъ находились сервы, сообщалось даже самому лену, и свободный человѣкъ, жившій на такомъ ленѣ, становился сервомъ. Въ противоположность этому, и сервъ могъ обратиться въ свободнаго человѣка. Освобожденіе получалось или посредствомъ особаго символическаго обряда, подобно освобожденію древняго раба, лично отъ господина, или посредствомъ писаннаго акта (хартія); послѣдняя форма освобожденія—единственная, сохранившаяся въ продолженіе среднихъ вѣковъ. Преобладало освобожденіе не единичное, а коллективное, когда однимъ актомъ получали свободу всѣ сервы какого нибудь домена или участка.

Разумѣется, господинъ поступалъ подобнымъ образомъ вовсе не изъ великодушія, такъ какъ сервы покупали свою свободу или за деньги, или обязывались за себя и за своихъ потомковъ нести пожизненныя повинности, которыя напоминали бы имъ объ ихъ прежнемъ положеніи.

Господинъ же, взамѣнъ этого, отказывался требовать отъ нихъ собственно рабскихъ повинностей, особенно «мертвой руки»; часто также онъ отказывался отъ произвольныхъ повинностей, обязываясь брать только опредѣленную дань, но это не являлось необходимымъ послѣдствіемъ освобожденія. Положеніе освободившагося зависѣло единственно отъ тѣхъ условій, которыя выговорены были въ письменномъ договорѣ (хартіи). Онъ оставался попрежнему на доменѣ; вся разница между ленникомъ свободнымъ и ленникомъ-сервомъ обусловливалась только величиной повинностей, и положеніе освободившихся не измѣнялось настолько, какъ это можно бы думать на основаніи нѣкоторыхъ высокопарныхъ выраженій хартіи, восхваляющихъ благодѣяніе свободы. Такъ какъ подобное освобожденіе было очень выгодно помѣщикамъ, то случалось иногда, что они насильно заставляли сервовъ покупать себѣ свободу, если послѣдніе отказывались платить за нее сумму, назначенную въ актахъ.

Кромѣ крѣпостныхъ, существовали въ средніе вѣка и свободные люди, жившіе на доменахъ въ качествѣ фермеровъ или арендаторовъ. Они обрабатывали землю и пользовались ея продуктами, уплачивая за это арендную плату, или отдавая часть жатвы. Сеньеръ не имѣлъ права ни отнять у нихъ землю, ни увеличить арендную плату. Подъ условіемъ уплаты прежнихъ повинностей, они могли свободно располагать своимъ леномъ, завѣщать его, отчуждать и даже дробить на участки, по крайней мѣрѣ во Франціи. Тѣ изъ свободныхъ, которые находились въ наиболѣе благопріятномъ положеніи, уплачивали ежегодно только опредѣленную, издавна установленную сумму (cens). большинство же обложено было различными податями, иногда даже произвольными, но обратившимися въ правильныя только благодаря своей давности. Часто господинъ продавалъ за деньги условіе, ограничивавшее каждую повинность опредѣленными размѣрами.

Возможно, что въ XIII вѣкѣ оставались еще свободные люди, обложенные произвольными повинностями и барщиной, но во всякомъ случаѣ ихъ было немного.

Были еще свободные люди, такъ называемые гости (hôtes) или иностранцы, принятые на домены вѣроятно съ цѣлью расчистки и обработки земли.

Нормандскіе bordiers, англійскіе cottagers, нѣмецкіе kossath были мелкіе ленники, оплачивавшіе пользованіе леномъ больше барщиной, чѣмъ податями. Число крѣпостныхъ, не пополнявшееся новыми рабами, а убывавшее благодаря освободительнымъ грамотамъ, постепенно уменьшалось, и въ XII вѣкѣ въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ (Италія, югъ Франціи. Нормандія) уже остались только свободные крестьяне.

Положеніе средневѣковаго крестьянина характеризуется той полной зависимостью, въ которой онъ находился отъ своего сеньера (dominus, herr, seigneur). Такимъ сеньеромъ могъ быть рыцарь, графъ, король, епископъ, воинъ, аббатъ, женщина. Выраженіемъ этой зависимости являлись многочисленные оброки и барщины, требуемые господиномъ за право пользованія его землей. Интересно, что эти отношенія обозначались словомъ exploitation, вошедшимъ въ употребленіе именно съ того времени. Вопросъ о томъ, какъ сложились эти отношенія, есть одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ исторіи среднихъ вѣковъ. Несомнѣнно только, что съ одной стороны всякія повинности вытекали изъ самаго факта пользованія землей помѣщика, а съ другой являлись результатомъ насилія, захвата и обмановъ. Извѣстны примѣры, что разныя должностныя лица присваивали себѣ навсегда тѣ права, которыя были связаны только съ ихъ должностью (напр. права пошлинъ или запрещеній, право взиманія штрафовъ); свѣтскія лица стали требовать въ свою пользу ту десятину, которая первоначально предназначалась церкви; сеньеры облагали податями крестьянъ чужой территоріи подъ предлогомъ

защиты ихъ отъ грабежа (т. е. отъ собственныхъ нападеній); помѣщики незаконно увеличивали повинности своихъ ленниковъ, и т. п. Мало-по-малу, и государственныя повинности превратились въ частныя, владѣльческія. Вначалѣ крестьяне еще могли отличать повинности, считавшіяся законными, отъ незаконныхъ вымогательствъ, которыя они называли «дурными обычаями»: «mauvaises coutumes» (особенно часто употреблялось это выраженіе въ XI вѣкѣ), но съ теченіемъ времени всѣ онѣ были узаконены обычаемъ, и получили позднѣе неточное названіе феодальныхъ правъ (неточное, потому что онъ не имѣли ничег ообщаго съ fief'омъ) и, оставаясь по существу однородными, въ разныхъ мѣстахъ получили только разныя названія. Эти обязательства можно свести къ тремъ категоріямъ: повинности, оброкъ и барщина (redevances, prestations, corvées).

Повинности уплачивались деньгами или натурой, въ опредѣленные сроки или по поводу извѣстныхъ актовъ. Кромѣ подушной подати, деньгами уплачивались такія, какъ цѣна выкупа, оброкъ и бирочная подать. Оброкъ —это поземельная рента, вродѣ арендной платы, установленная древнимъ обычаемъ. Если она не уплачивалась въ опредѣленный срокъ, сеньеръ могъ отобрать держаніе (tenure) или, по крайней мѣрѣ, вытребовать всю сумму съ добавочнымъ штрафомъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ существовали подати съ дома или съ очага (masurage, focage, fumage).

Бирочная подать (la taille) собиралась съ каждой семьи одинъ или нѣсколько разъ въ году. Самое слово, не встрѣчающееся раньше XI вѣка, означаетъ нарѣзку, дѣлаемую ножомъ на биркѣ въ моментъ уплаты. Эта подать сдѣлалась настолько всеобщей, что выражала собой вообще повинности,—такъ говорили: «taillable à merci». Крестьяне стремились обратить эту подать изъ произвольной, какой она была вначалѣ, въ опредѣленную, чего и достигли почти вездѣ въ концѣ XIII вѣка, часто по-

купкой особыхъ договоровъ, ограничивавшихъ ее извѣстной суммой. Какъ произвольная подать, она взималась въ слѣдующихъ случаяхъ въ пользу сеньера: когда онъ поступалъ въ рыцари, когда отправлялся въ Святую Землю, попадалъ въ плѣнъ или выдавалъ замужъ дочерей. Не разъ жены вступались за бѣдныхъ держателей (tenanciers), что и породило трогательную легенду о леди Годивѣ [1]).

Цѣна выкупа (taxe de rachat) представляла древнюю натуральную повинность, отмѣняемую по соглашенію съ господиномъ.

Повинности натурой собирались въ опредѣленное время разными продуктами: такимъ образомъ въ пользу сеньера высчитывалась предварительно часть сноповъ ржи (champart, gerbage), овса (avénage), сѣна (fènage), часть собраннаго винограда (vinage, complant), куръ, воска, также дань зерномъ или деньгами съ каждой головы скота (съ быка, барана, свиньи или козы).

Многіе акты оплачивались извѣстными повинностями, и число такихъ актовъ въ теченіе среднихъ вѣковъ увеличивается. Въ XIII в. уже введена цѣлая система налоговъ, взимаемыхъ при переходѣ держанія въ другія руки путемъ передачи или продажи (laudes et ventes), или посредствомъ наслѣдованія (reliet или rachat). Кромѣ того сеньеръ пользовался правомъ «мертвой руки» (main morte) на наслѣдство серва и правомъ на выморочныя имущества. Существовали также проѣздныя пошлины за право передвиженія по дорогамъ, мостамъ, рѣкамъ и пр. Еще Карлъ Великій обращалъ вниманіе Missi dominici на то, чтобы не требовали никакой дорожной пошлины тамъ, гдѣ нѣтъ мостовъ или рѣкъ, чтобъ никого не принуждали проходить непремѣнно по мосту, когда можно пройти въ другомъ мѣстѣ, чтобъ на равнинѣ не было ни моста, ни заставы, и чтобы въ такомъ случаѣ не

---

1) Баллада Теннисcона. Рус. пер. въ «Дѣлѣ» 1869 г.

требовалось никакой дорожной пошлины. Практиковалась также группа пошлинъ торговыхъ и промышленныхъ, за продажу зерна, соли, мяса, товаровъ; были пошлины на мясныя лавки, на рынки, на ульи, на ярмарки.

Существовали еще особыя повинности, извѣстныя подъ общимъ именемъ banalités (отъ слова ban— распоряженіе, приказаніе господина, которое обязательно должно выполняться его подчиненными). Собственной властью господинъ могъ отводить какія угодно пространства земли подъ заповѣдные лѣса для охоты, и не только на своемъ собственномъ доменѣ, но и на земляхъ своихъ подчиненныхъ, изгоняя такимъ образомъ цѣлыя семьи изъ ихъ жилищъ и владѣній. Герцогъ Нормандскій разорилъ 26 приходовъ, чтобъ образовать изъ нихъ лѣсъ на пространствѣ 30 миль. Въ XIII—XIV вѣка эти, насилія считались такими же законными, какъ и барщина. Жители разоряемыхъ мѣстностей, своимъ энергичнымъ отпоромъ, современемъ заставили сеньеровъ уступить, но подъ условіемъ обложенія податью каждой десятины земли, виноградника или луга, входившихъ въ составъ такихъ заповѣдныхъ мѣстъ. По предписанію господина, держатели должны были молоть зерно на его мельницѣ, печь хлѣбы въ его печи, пользоваться его тисками для выжиманія винограда, и все это за извѣстный оброкъ, выплачиваемый по большей части натурой (мукой, хлѣбомъ, виномъ). Право рубки дровъ въ лѣсу сеньера, право пользованія его пастбищами, право рыбной ловли въ его водахъ также покупалось цѣною извѣстныхъ повинностей. При покупкѣ и продажѣ обязательно было пользоваться вѣсами и мѣрой сеньера, что давало поводъ къ новымъ повинностямъ. Въ теченіе извѣстнаго промежутка времени, слѣдовавшаго за жатвой, держатель не имѣлъ права продавать свой хлѣбъ, во избѣжаніе конкурренціи съ продаваемымъ въ это время хлѣбомъ господина.

Право суда, принадлежавшее сеньеру и служившее

для него источникомъ дохода, было также формой эксплоатаціи держателя сеньеромъ; самое слово exploit означаетъ судебныя формальности; говорили—«taillable et justiciable» или «éxploitable». Въ актахъ, гдѣ перечисляются статьи дохода, упоминается и право суда сейчасъ же послѣ земель, виноградниковъ, лѣсовъ, луговъ и мельницъ. Въ средніе вѣка почти во всѣхъ документахъ слово justice обозначало право взимать штрафы или доходы со штрафовъ. Приговоръ могъ быть или произвольнымъ, или ограниченнымъ, и штрафъ могъ измѣняться по волѣ господина или быть величиной опредѣленной. Такса штрафовъ сдѣлалась опредѣленною, и былъ установленъ штрафъ за каждое преступленіе. Часто штрафная такса устанавливалась контрактомъ, который заключался между сеньеромъ и крестьянами. Вотъ съ какой точностью опредѣлены напр. штрафы въ 1239 г. въ одномъ изъ бельгійскихъ селеній (Sirault).

«За ругань 4 су; за безчестье 5 су. За ударъ 10 су, а если ударъ до крови 20 су. Если кто извлечетъ отточенное оружіе, но не ударитъ, платитъ 20 су. За ударъ палкой 20 су, а если до крови 40 су. За ударъ отточеннымъ оружіемъ 60 су».

Право сеньера было неограничено и въ такихъ важныхъ преступленіяхъ, какъ убійство, поджогъ, похищеніе и, большею частью, воровство. Къ сеньеру поступали какъ судебныя пошлины, такъ и имущества преступниковъ, наказываемыхъ смертью или изгнаніемъ.

Изъ повинностей судебныхъ произошли и тѣ, которыя уплачивались держателями за увольненіе ихъ отъ необходимости присутствовать на трехъ годичныхъ судебныхъ засѣданіяхъ, также пошлины съ тѣхъ, кто велъ тяжбу предъ судомъ сеньера, и пошлины, уплачиваемыя за составленіе и удостовѣреніе частныхъ актовъ.

Существовалъ еще особый родъ повинностей (prestations), представляющихъ собой неправильный оброкъ, требуемый сеньеромъ часто безъ всякаго названія. Нап-

болѣе употребительная форма этихъ повинностей, такъ наз. droit de gîte et procutation, заключалась въ томъ, что крестьяне должны были принимать сеньера (часто даже не владѣльца деревни), когда онъ пріѣзжалъ въ деревню, давать ночлегъ ему и его свитѣ, помѣщеніе собакамъ, лошадямъ, соколамъ, и обязаны были кормить какъ людей, такъ и животныхъ. Обязательство это было очень разорительно для крестьянъ и мало-по-малу урегулировалось. Обычаемъ было установлено, что сеньеръ имѣлъ право требовать угощенія не больше трехъ разъ въ году; опредѣлено было также, сколько людей и животныхъ онъ могъ привести съ собой, и на какое количество блюдъ и хлѣба онъ имѣлъ право. Впослѣдствіи и этотъ оброкъ превратился въ опредѣленную годовую сумму.

Т. наз. droit de prise состояло въ томъ, что сеньеръ могъ брать у крестьянъ все, что только ему нужно для дома: съѣстные припасы, вьючныхъ животныхъ, плуги, кормъ для скота, даже постели, обыкновенно за сумму денегъ, произвольную или опредѣленную.

«Право кредита» позволяло сеньеру забирать у купцовъ въ долгъ разные предметы, обыкновенно на ограниченный срокъ.

Барщина, заключавшаяся въ обязательствѣ лично выполнять извѣстную работу, существовала еще до Среднихъ вѣковъ, и въ двухъ видахъ: частный собственникъ требовалъ барщины въ свою пользу, а государство налагало ее на населеніе для поддержки дорогъ и мостовъ Въ Средніе вѣка хотя встрѣчаются оба эти вида, но особенно важна барщина въ пользу собственника. Держатели обязаны были помогать сеньеру пахать поля, разработывать виноградники, жать и убирать хлѣбъ, косить луга и убирать сѣно. По большей части подлежащіе барщинѣ отбывали ее опредѣленное количество дней въ году, работая то одними руками, то своимъ скотомъ, плугами и повозками. Иногда обычай рѣшалъ, что сеньеръ будетъ кормить ихъ и какъ именно кормить.

Кромѣ полевыхъ работъ, на нихъ лежали и разныя другія: они должны были привозить дрова, камень, разные предметы меблировки и продовольствія, исполнять порученія господина; они обязаны также поддерживать дороги, поправлять постройки, чистить рвы и пруды сеньера, помогать ему въ войнѣ, ходить на денную и ночную стражу въ замокъ, рыть канавы, дѣлать частоколы, строить укрѣпленія, оказывать помощь въ случаѣ пожара или наводненія.

Отъ прежнихъ государственныхъ барщинъ осталась лишь обязанность поддерживать дороги, мосты и плотины, но современемъ трудно было отличить эти барщины отъ частныхъ, введенныхъ владѣльцемъ ради собственной выгоды.

Сеньеръ обыкновенно не управлялъ самъ своимъ помѣстьемъ, такъ какъ это было слишкомъ хлопотливо при такомъ количествѣ и разнообразіи повинностей, какія лежали на его подчиненныхъ. Обязанность эта выпадала на управителя (древне-римскій villicus) и часто утверждалась за одной и той же фамиліей, а съ XI вѣка помѣстье управлялось наслѣдственнымъ меромъ, котораго господинъ не могъ болѣе отставить. Управитель, обыкновенно крестьянинъ, иногда сервъ, пользуясь всѣми правами господина, эксплоатировалъ его запасную землю, наблюдалъ за выполненіемъ барщины, взималъ опредѣленные налоги и устанавливалъ повинности, измѣняющіеся, обыкновенно послѣ совѣщанія съ почетными деревенскими жителями, «чтобы знать силы каждаго»; онъ отдавалъ на откупъ пекарню, мельницу, тиски, базарную площадь, провозглашалъ чрезъ глашатая разныя постановленія (bans). подвергалъ аресту преступниковъ, взималъ штрафы, казнилъ осужденныхъ. Онъ не получалъ жалованья, а пользовался частью доходовъ, которые могъ устанавливать по собственному произволу. Съ XII вѣка во Франціи превотства сдавались на откупъ. Такая система способствовала всякимъ злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ.

Вотъ въ чемъ состояли повинности крестьянъ въ XIII вѣкѣ, въ одномъ изъ духовныхъ помѣстій въ Нормандіи, зависѣвшемъ отъ Монъ-Сенъ-Мишельскаго аббатства, гдѣ положеніе ихъ было еще довольно благопріятно. Держатели должны были привозить камень, растворять известь и помогать каменьщикамъ, они должны были косить, сушить и привозить сѣно въ обитель по требованію. Въ Августѣ должны сжать хлѣбъ, сложить въ снопы и убрать въ гумно. Собственныхъ сноповъ они не могутъ убирать до тѣхъ поръ, пока сборщикъ податей не выдѣлитъ изъ нихъ слѣдуемой части, которую они должны свезти въ податную ригу въ то время, какъ ихъ хлѣбъ остается подъ дождемъ и непогодой. Въ Сентябрѣ, въ праздникъ Богородицы должна быть доставлена дань со свиней (porcage). Въ праздникъ св. Діонисія нужно уплатить оброчныя деньги, въ Рождество доставить куръ. Обязательно уплатить 2 сетье ячменя и четверть пшеницы. Къ Вербному Воскресенью должно платить овцами (moutonage); если не доставлено въ срокъ, сеньеръ взимаетъ штрафъ по собственному произволу. Къ Пасхѣ, въ видѣ барщины, крестьяне должны пахать, сѣять, боронить. Если крестьянинъ продастъ землю, 1/3 ея цѣны принадлежитъ сеньеру; если выдастъ замужъ дочь куда-либо внѣ помѣстья, онъ платитъ 3 су свадебной подати. Молоть долженъ онъ на мельницѣ сеньера, печь хлѣбъ въ его пекарнѣ; его жена носитъ хлѣбъ, она платитъ за печеніе хлѣба, за горчицу, «aïage»; пекарша бранится, потому что она «очень заносчива и горда, а содержатель жалуется, что онъ не получилъ своей части, и клянется, что печь будетъ плохо вытоплена и хлѣбъ выйдетъ совсѣмъ сырой и дурного качества». Послѣдняя подробность показываетъ, до какой степени крестьянинъ подвергался всякимъ придиркамъ низшихъ управителей.

Вышеописанная средневѣковая система эксплоатаціи представляетъ собой какъ бы соединеніе всѣхъ системъ, дѣйствующихъ на нашихъ глазахъ порознь.

Въ настоящее время большое хозяйство ведется крупными собственниками, а малое—мелкими собственниками, тогда какъ средніе вѣка были эпохой крупной собственности и малаго хозяйства, такъ какъ большая часть помѣстья сеньора распредѣлялась между крестьянами. Въ настоящее время крупные собственники обрабатываютъ землю наемными поденщиками или сдаютъ фермерамъ или арендаторамъ на извѣстный срокъ. Въ средніе же вѣка одни и тѣ же лица служили даровыми поденщиками на личномъ участкѣ владѣльца и арендаторами на остальныхъ земляхъ, которыхъ онъ самъ не обрабатывалъ и которыхъ не могъ отнять у нихъ. Средневѣковый ленникъ пользовался болѣе прочной собственностью и болѣе походилъ на собственника, чѣмъ нынѣшній фермеръ, владѣющій землей временно. Тѣмъ не менѣе феодальныя подати были такъ ненавистны народу, что потребовалось уничтожить ихъ. Во всей Европѣ крестьяне, сдѣлавшись наслѣдственными владѣльцами, перестали смотрѣть на ленъ, какъ на собственность, обремененную повинностями; они почувствовали самихъ себя собственниками. Сеньеръ казался имъ паразитомъ, не дающимъ имъ ничего взамѣнъ того, что получалъ онъ самъ.

Другая характерная черта феодальнаго режима заключалась въ томъ, что надъ сеньеромъ не было власти государства, которая могла бы явиться тѣмъ посредникомъ между нимъ и крестьянами, какимъ является между помѣщиками и фермерами государство современное. Одинъ французскій юристъ XIII вѣка сказалъ: «Между тобой и твоимъ крестьяниномъ одинъ только судья—Богъ». Въ большинствѣ странъ ленники не имѣли даже права собираться безъ позволенія господина для обсужденія своихъ общихъ интересовъ. Недозволенное собраніе считалось проступкомъ и наказывалось произвольнымъ штрафомъ. Крестьяне находились въ зависимости отъ сеньера и его управляющаго, произволъ которыхъ не ограничивался никакой высшей властью.

Въ заключеніе нужно замѣтить, что существовали въ средніе вѣка и полные собственники, не зависѣвшіе отъ сеньеровъ, а подчиненные только королю, иногда даже соединенные въ общины. Но во всякомъ случаѣ это были немногочисленныя и на большихъ разстояніяхъ разсѣянныя группы. Это были аллодіальные владѣльцы Аквитаніи, горцы Беарна, Бигорры и страны Басковъ, свободные люди Швица и Аппенцеля, свободные крестьяне Альпъ, Вестфаліи и Фрица, фермеры въ Нормандіи, англійскіе свободные ленники и долгосрочные арендаторы въ Италіи.

IX

Право первой ночи

(Droit de markette)

(Tourmagne).

Это позорное право—наслѣдіе тѣхъ временъ, когда еще не совершился переходъ рабства въ крѣпостное состояніе. Владѣлецъ рабынь, какъ мы видѣли въ I и II главѣ, не только обольщалъ ихъ, но и могъ даже позорно торговать ими. Въ теченіе долгихъ вѣковъ, разстояніе между рабомъ и сервомъ было такъ невелико, что и съ сервами обращались какъ съ рабами. Въ историческихъ документахъ, предшествующихъ XII в., именно въ дошедшихъ до насъ капитуляріяхъ, полиптикахъ, въ собраніяхъ монастырскихъ актовъ, не встрѣчается никакого упоминанія о droit de markette, равно какъ и о другихъ противоестественныхъ правахъ, которымъ центральная власть не могла противодѣйствовать. Только позднѣе XIII вѣка начинаютъ подниматься протесты, доходящіе и до высшихъ судебныхъ мѣстъ. Право, о которомъ идетъ рѣчь, практиковалось во всѣхъ государствахъ Европы, гдѣ только рабство перешло въ крѣпостное состояніе. «Синьоры, говоритъ аббатъ Велли (Velly [1]), изобрѣли право первой ночи, извѣстное подъ именемъ droit de markette. Первый документъ, упоминающій о немъ, есть расписка (reconnaissance) 1228 г., помѣщенная бенедиктинцемъ dom Carpen-

[1]) Histoire de France, 1710.

tier въ «Glossarium novum». Сеньоръ de la Fère, при пожалованіи мѣстнымъ жителямъ освободительной грамоты, хлопочетъ о томъ, чтобы выговорить себѣ droit de markette. Сохранился еще судебный приговоръ, отъ 18 іюля 1302 г., въ силу котораго супруги Bécaron, послѣ разслѣдованія дѣла, принуждены были повиноваться господину Бланкфоръ (de Blanquefort), т. е. мужъ долженъ былъ, въ силу этого приговора, уступить синьору право первой ночи; приговоръ формулированъ въ такихъ словахъ, которыя могутъ быть выражены только по латыни [1]).

Другой документъ относится къ 1538 г. Сеньоръ de Louvie присвоилъ себѣ право первой ночи надъ деревней Аасъ (Aas). «Всѣ поженившіеся должны прежде всего представить своихъ женъ сеньору для его удовольствія». Если родится ребенокъ мужского пола, онъ признается свободнымъ, потому что очень возможно, что это сынъ сеньора» [2]). Другой документъ 1674 г. выражается въ томъ же духѣ. Монтень, въ XVI вѣкѣ, говоритъ объ этомъ правѣ тоже какъ о существующемъ фактѣ [3]).

Іезуитъ Папepброхъ (Paperbroch), упоминая о существованіи droit de markette въ различныхъ странахъ еще въ концѣ XVII в., говоритъ, что отъ него все же можно было откупиться. Флешье въ 1664 г. сообщаетъ, что въ Овернскомъ судѣ сеньоръ de Monnallat, «найдя, что древніе обычаи были лучше новыхъ, не желалъ упускать своего droit de markette». Повинность эта замѣнена была денежными подарками. Le Dictionnaire de Trévoux выражается уже такъ: «Право первой ночи есть омерзительное и несправедливое право, похищенное сеньерами и установленное страннымъ обычаемъ. Оно вышло изъ употребленія, замѣнившись денежными и дру-

---

[1]) Maritus ipse, femora nuptae aperiet, ut dominus primitias delibet facilius.—Bibl. Hist. des chevaliers, XII, 4 cahier, p. 322.

[2]) Delagreze, conseiller á Pau.—Essai sur le droit du seigneur.

[3]) Livre I-er, ch, XXII.

гими повинностями». Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода позорное право существовало и было замѣнено денежной повинностью. Его присвоили себѣ не только феодалы, но и аббаты. Дѣйствительно, по сообщенію Bouthors'a, въ 1507 г. пользовался этимъ правомъ аббатъ de Blaugy. Тоже дѣлали амьенскіе епископы. Boerius утверждаетъ, что онъ видѣлъ передъ Буржскимъ судомъ одного приходскаго священника, который увѣрялъ, что нѣкогда, по обычаю, и онъ пользовался своимъ правомъ первой ночи, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ ему не платили положенной пошлины. Но чаще всего лица духовнаго званія замѣняли droit de markette опредѣленными повинностями и платежами. За деньги мужъ получалъ право пользоваться этими правами первыя три ночи. Эта статья дохода была измышлена въ воспоминаніе о свадьбѣ Товіи.

X.

Средневѣковыя волненія. Багоды. Жакерія.

(Tourmagne, Rambead et Lavisse).

Въ періодъ господства Римлянъ, низшіе классы народонаселенія страдали отъ тяжести римскихъ налоговъ, увеличившихся еще благодаря массѣ привилегій, дарованныхъ высшему классу. Мелкіе разоренные собственники наполняли тюрьмы и умирали въ нищетѣ. По свидѣтельству Сальвіана и Лактанція, нищета пожирала людей, и цѣлыя провинціи пустѣли. Нужны были драконовскіе законы, чтобы привязать владѣльца къ землѣ, отъ которой онъ отказывался. Такое положеніе дѣлъ вызвало цѣлый рядъ возстаній багодовъ (Bagaudes), продолжавшихся отъ III—X в. и всюду распространявшихъ пожары и грабежи. «Мы называемъ мятежниками, писалъ Сальвіанъ, людей ограбленныхъ, измученныхъ и разоренныхъ неправедными и жестокими судьями, тѣхъ, которыхъ мы сами заставили сдѣлаться преступниками Не нечестность-ли, не казни-ли и грабежи судей, превратившіеся въ законные налоги, сдѣлали ихъ такими?»

Багодами назывались галльскіе крестьяне и сервы, возмутившіеся противъ гнета римскихъ налоговъ. Подавленные трудомъ и униженные багоды поднялись повсемѣстно въ числѣ до 100,000 человѣкъ, и разрушали города и дома. Много разъ побѣждаемые, они снова поднимались, пополняя свои ряды рабами, колонами и ра-

зоренными крестьянами. Не разъ они удалялись въ лѣса и горы, откуда безпрестанно возобновляли свои набѣги и грабежи. Они угрожали опасностью римскому господству. Послѣ временнаго затишья, въ V в. мятежники появились снова еще въ большемъ числѣ, такъ какъ къ нимъ примыкали не только рабы и бѣдные колоны, но и города, и цѣлыя провинціи, томившіеся подъ тяжестью всякихъ фискальныхъ злоупотребленій. Они изгнали римскихъ начальниковъ, которые только грабили ихъ, а не защищали отъ варваровъ. Они устроили въ глубинѣ Арморики (нынѣ Бретани) федерацію съ демократическими учрежденіями. Но эта нестройная и неоднородная толпа не могла создать ничего прочнаго; она боролась еще нѣкоторое время, пока не была окончательно разбита Аэціемъ въ 440 г. Эти возстанія представляли собой частичныя возмущенія побѣжденныхъ и угнетенныхъ народовъ.

Лишь спустя много времени, стали соединяться и сговариваться между собой сервы и крестьяне въ одномъ изъ угловъ Нормандіи. «Сеньеры, говорили они, дѣлаютъ только зло, ежедневно забираютъ нашъ скотъ за барщину; судамъ, тяжбамъ и разнымъ требованіямъ конца нѣтъ. У насъ нѣтъ никакой защиты отъ нихъ. Зачѣмъ намъ терпѣть такое обращеніе? Развѣ мы не такіе же люди, какъ и они? Итакъ, возстанемъ, поклянемся противодѣйствовать имъ, и современемъ будемъ по собственному желанію располагать полями и лѣсами». Но прежде чѣмъ они умѣли организоваться, объ этомъ провѣдалъ герцогъ Ричардъ, схватилъ всѣхъ вожаковъ и приказалъ отрѣзать имъ руки и выколоть глаза. Другіе, повѣствуетъ лѣтописецъ, возвратились къ своему плугу.

Спустя 25 лѣтъ, поднялись въ свою очередь противъ сеньеровъ крестьяне бретонскіе, перебили многихъ владѣльцевъ и жгли замки. Но чтобы разсѣять и уничтожить эту голую и безоружную толпу, было достаточно

нѣсколькихъ рыцарей. Около этого же времени жители Камбрэ возстали противъ своего епископа, но послѣднему не стоило большого труда усмирить ихъ. Таковы были слабыя и единичныя вспышки отъ X до XII в.

Но вотъ въ началѣ XIII вѣка вспыхиваетъ религіозное и политическое движеніе среди сервовъ и крестьянъ центральныхъ провинцій. По свидѣтельству лѣтописца, противъ сеньеровъ поднялись цѣлыя тысячи пастуховъ (pastoureaux). Вооружившись вилами и палками, они грабили замки и монастыри, провозглашая всеобщую свободу. Но сеньеры, безъ малѣйшаго труда разсѣяли ихъ. Въ 1251 г., по голосу особаго пророка, собралась новая толпа пастуховъ, но на этотъ разъ уже съ согласія королевы Бланки, такъ такъ дѣло касалось освобожденія Святой Земли. Пастухи эти также были вооружены топорами и палками. Число ихъ, не перестававшее пополняться бандитами и нищими изъ всѣхъ странъ, достигло 100,000 человѣкъ. Они раздѣлились на три шайки, и прошли по Франціи съ грабежами и вымогательствами. Король приказалъ преслѣдовать ихъ. Въ концѣ концовъ шайки эти были уничтожены одна за другой въ Буржѣ, Бордо и Марсели.

Спустя 70 лѣтъ, въ 1320 г. образовалась новая толпа пастуховъ для освобожденія Святой Земли. Скоро они составили цѣлую армію. Сначала смиренные и жившіе подаяніемъ, вскорѣ они стали принимать къ себѣ разныхъ бродягъ (routiers) и бандитовъ; начались безпорядки и грабежи. Такимъ способомъ они направились въ Лангедокъ, гдѣ совершили всевозможныя насилія. Въ концѣ концовъ они погибли въ болотахъ, окруженные со всѣхъ сторонъ и осажденные въ Эгмортѣ (Aigues-Mortes).

Въ 1358 г. произошло новое возстаніе крестьянъ, извѣстное подъ именемъ Жакеріи. Въ это время Франція вела Столѣтнюю войну съ Англіей, тяжелымъ бременемъ ложившуюся на ея народонаселеніе. Къ бѣдствіямъ

войны присоединился продолжительный голодъ, а за нимъ страшная моровая язва 1348 г., которая унесла треть населенія. Крестьяне жили въ большой нищетѣ. Вооруженныя шайки всюду разоряли села и деревни. Искать защиты было не у кого, такъ какъ сеньоры только эксплоатировали населеніе, а не защищали его. Часто они даже сами принимали участіе въ этихъ вооруженныхъ отрядахъ, грабившихъ жителей. Въ битвѣ при Пуатье попался въ плѣнъ чужеземцамъ король и множество рыцарей. Нужно было ихъ выкупать изъ плѣна. Эта повинность тоже легла на крестьянъ.

Угрозами и всякими насильственными мѣрами, у нихъ вымогались послѣднія средства. Изгнанные изъ собственныхъ жилищъ, эти несчастные укрывались въ лѣсахъ и пещерахъ. Не доставало только повода для проявленія той ненависти, которою были проникнуты эти озлобленные и угнетенные люди. Такимъ поводомъ послужило приказаніе, въ силу котораго они должны были укрѣплять замки и крѣпости, другими словами на собственныя средства и собственными руками возобновить тѣ самыя опоры, которыя содѣйствуютъ еще большему гнету. Чаша переполнилась. 21 мая 1358 г. поднялось возстаніе въ Оверни и Бовези (Beauvaisis). Предводителемъ возстанія явился Вильгельмъ Карлъ (Guillaume Karle), у котораго была своя печать и знамя. Онъ прозвалъ себя Jacques Bonhomme—Яковъ Простота, и его называли королемъ Жаковъ: этимъ послѣднимъ именемъ назывались возмутившіеся крестьяне. Мятежники, не имѣя въ рукахъ оружія, дѣйствовали безпорядочно и непослѣдовательно и, разбросавъ свои силы по разнымъ мѣстамъ, разрушали замки, встрѣчавшіеся на пути и безжалостно истребляли ихъ владѣльцевъ. Въ непродолжительномъ времени возстаніе распространилось по всѣмъ направленіямъ, и мятежниковъ насчитывалось болѣе 100,000 человѣкъ. Замки и крѣпости разрушались одни за другими. Возстаніе получило имя «Ужасовъ» (les effrois).

Оно насчитывало до 159 отдѣльныхъ пунктовъ. Съ Жаками вступилъ въ соглашеніе Марсель, глава происходившаго въ это время въ Парижѣ возмущенія буржуазіи. Вокругъ Парижа разгорѣлось настоящее народное возстаніе (Jacquerie), правильное, методическое. Соединенными силами возставшіе хотѣли овладѣть замкомъ Мо (Meaux), гдѣ укрылся дофинъ съ своимъ семействомъ и со многими знатными дамами. Поднялись и вооружились всѣ окрестные крестьяне, и пошли на приступъ.

Но эту голую, плохо дисциплинированную толпу разбить было не трудно, что и не замедлило случиться. Послѣ пораженія ея началась настоящая рѣзня. Городъ Мо былъ ограбленъ и сожженъ. Пожаръ продолжался двѣ недѣли. Всѣ окрестныя деревни, жители которыхъ принимали участіе въ осадѣ, были разорены. Въ то же время Карлъ Злой напалъ на бовезскихъ Жаковъ (Beauvaisis), захватилъ Вильгельма Карла и разбилъ его небольшое войско. Тогда началось ужасное мщеніе, и раздался общій крикъ: «Смерть виланамъ!» Первые «ужасы» произошли въ концѣ мая, а къ 24 Іюня между Сеной и Марной было умерщвлено уже до 20,000 крестьянъ. Возстаніе прекратилось, хотя причины его просуществовали послѣ того цѣлые вѣка.

XI.

Африканскіе, индійскіе и китайскіе кули.

Tourmagne.

Еще задолго до окончательнаго уничтоженія работорговли сказалась потребность въ работникахъ не-невольникахъ. Всѣ колоніи стали изыскивать средства запасаться ими, не прибѣгая ни къ торговлѣ, ни къ рабству. И вотъ на смѣну невольникамъ появились индійскіе и китайскіе «наемные рабочіе», извѣстные подъ названіемъ кули. Ими то и рѣшили замѣнить Американскія колоніи своихъ черныхъ невольниковъ въ то самое время, когда поднялся и разсматривался уже вопросъ объ освобожденіи этихъ послѣднихъ.

Начиная съ 1815 г. Англія перевозила въ свою африканскую колонію Маврикія осужденныхъ индусовъ изъ Калькутты, съ цѣлью замѣнить ими невольниковъ, которыхъ уже перестали привозить. Такъ какъ сдѣланный опытъ показался удачнымъ, то въ слѣдующіе годы ввезено было уже около 100,000 индусовъ. Этому примѣру послѣдовали и другія англійскія колоніи. Ямайка и Гвіана пользовались исключительно индійскими рабочими вплоть до 1842 г., и только съ этого времени начали ввозить китайцевъ, равно какъ и свободныхъ или освобожденныхъ африканцевъ, которые за условленную плату нанимались на опредѣленный срокъ.

Въ 1826 г. подъ вліяніемъ этихъ примѣровъ, тоже

началось и во французскихъ колоніяхъ. Губернаторъ острова Бурбона ввезъ туда первыхъ работниковъ изъ Индіи, а въ 1843 г. были наняты и китайцы. Но лишь въ 1845 году ввозъ иностранныхъ рабочихъ во французскія колоніи Антильскаго архипелага былъ разрѣшенъ закономъ.

Въ концѣ концовъ болѣе чѣмъ за 20 лѣтъ до освобожденія невольниковъ, колоніи всѣхъ національностей уже пробовали допускать на свою территорію, какъ свободныхъ дешевыхъ рабочихъ—индусовъ, китайцевъ и африканцевъ.

Послѣ повсемѣстнаго прекращенія работорговли и постепеннаго уничтоженія невольничества всѣми европейскими націями (за исключеніемъ Италіи), всѣ колоніи стали заботиться о такой эмиграціи, которая пополнила бы убыль рабочихъ рукъ, являющуюся результатомъ освобожденія.

Во французскихъ колоніяхъ, декретомъ 1852 г. подробно устанавливались всѣ условія иммиграціи. Рабочій нанимался, въ присутствіи консула, на пятилѣтній срокъ. По истеченіи этого срока рабочій имѣлъ право получить деньги на путевыя издержки для себя и для своей семьи, чтобы возвратиться на родину; эту сумму онъ могъ получить и въ той странѣ, если изъявлялъ желаніе наняться на особый срокъ. Договоры заключались самые подробные. Въ нихъ опредѣлялось на время переѣзда мѣсто, постель, одежда и пища. При высадкѣ на берегъ французскій консулъ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы принимались во вниманіе всѣ условія договора. Заключалъ договоры съ транспортными обществами губернаторъ колоніи. Эти общества обязывались за условленную цѣну ввозить на Антильскій архипелагъ опредѣленное число кули. Въ 1860 г. было ввезено въ различныя французскія колоніи около 200,000 индусовъ и около 100,000 африканцевъ, китайцевъ же не болѣе 2,000. Въ это самое время Англіей было нанято 150,000 индусовъ,

28,000 африканцевъ и 2,000 китайцевъ. Тоже дѣлали въ большей или меньшей степени другія державы. Китайская эмиграція, одно время запрещенная правительствомъ, снова была дозволена послѣ Пекинскаго договора въ 1861 г. и съ этого времени сдѣлалась настолько значительной, что китайцы вытѣснили и индусовъ, и африканцевъ. Китайца предпочитали за его умѣренность, послушаніе и трудолюбіе [1]).

Ихъ ввозили предпочтительно предъ африканцами еще потому, что вывозъ этихъ послѣднихъ какъ бы воскрешалъ негроторговлю; случалось, дѣйствительно, что, для доставки на прибрежный рынокъ черныхъ работниковъ, приходилось прибѣгать къ прежнимъ средствамъ: т. е. къ войнѣ, къ похищенію, вообще къ насилію. Наемъ хотя и былъ совершенно законнымъ, но разумѣется не свободнымъ, потому что нанимался тотъ, кого насильно привели на берегъ, такъ что подобная вербовка являлась тою же работорговлей. Вслѣдствіе возмущенія африканцевъ, нанятыхъ такимъ способомъ французскими промышленниками, и захватившихъ въ плѣнъ корабль, нагруженный живою кладью, между Франціей и Португаліей возникли дипломатическія распри. Коммиссія, на обязанности которой было уладить дѣло, открыла цѣлый рядъ злоупотребленій, которыми сопровождалась вербовка рабочихъ-негровъ, и рѣшительно запретила ее. Это событіе и послужило поводомъ къ тому, что «наниматели» оставили негровъ и обратились къ Индіи, а въ особенности къ Китаю, который и сталъ доставлять съ тѣхъ поръ весь контингентъ иммигрантовъ.

Воздержные, послушные и трудолюбивые, китайцы съ выгодой замѣнили негровъ. Хозяинъ и кормилъ, и одѣвалъ ихъ, а чтобъ вознаградить себя за расходы по найму и доставкѣ, назначалъ имъ самую умѣренную плату.

---

1) Revue Col., décembre, 1860.

Поставщики такихъ наемныхъ рабочихъ, дѣлая свое дѣло, прибѣгали къ помощи лжи, обѣщаній и вину. Низшіе полицейскіе чиновники сообщали свѣдѣнія о достоинствахъ и нравственныхъ качествахъ вербуемыхъ китайцевъ и въ сомнительныхъ случаяхъ не принимали ихъ; такой пріемъ нѣсколько улучшилъ составъ эмигрантовъ: большая часть ихъ—ремесленники, землепашцы и чернорабочіе. Пропьянствовавъ нѣсколько дней и дойдя до полусознательнаго состоянія, они принимаютъ всѣ предложенныя ими условія, въ силу которыхъ они, на цѣлыхъ 6 лѣтъ, лишаются свободы, за что получаютъ по 4 піастра или 10 франковъ въ мѣсяцъ; при этомъ они должны дѣлать все, что имъ прикажетъ ихъ новый хозяинъ.

Разъ кули подписалъ, въ присутствіи чиновника, такой договоръ, ему даютъ новые панталоны изъ голубой бумажной ткани, доходящіе до колѣнъ, и куртку безъ рукавовъ изъ той же матеріи. Въ тоже время, въ моментъ подписанія контракта, онъ получаетъ авансомъ 4 обѣщанные піастра. На корабль сажаютъ отъ 400 до 500 кули. Когда корабль уже совершенно приготовился къ отплытію, капитанъ даетъ знать губернатору, и тотъ посылаетъ оффиціальныхъ агентовъ опросить эмигрантовъ и получить отъ нихъ нѣкоторыя показанія. Остаются на кораблѣ только тѣ, кто выражаетъ рѣшительное желаніе отправиться. Цѣна за перевозку бываетъ отъ 400 до 500 франковъ. По прибытіи на мѣсто назначенія рабочихъ нанимаютъ подобно тому, какъ нѣкогда покупали рабовъ. Ихъ ощупываютъ и очень подробно разсматриваютъ; за рабочаго, нанимаемаго на 6 лѣтъ, даютъ отъ 1500 до 2500 франковъ.

Въ Гаваннѣ китайцевъ отсылаютъ на плантаціи табаку или сахарнаго тростника, или же возлагаютъ на нихъ самыя тяжелыя и опасныя работы. Четыре піастра, получаемые кули за свой трудъ и еле достаточныя для его жалкаго существованія, дѣлаютъ его положеніе гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ даже положеніе негра.

Чаще всего онъ вынужденъ входить въ долги у своего хозяина, такъ что когда оканчивается срокъ перваго найма, его удерживаютъ на второй, а иногда и на всю жизнь. Замѣчено, что кули возвращается на родину очень рѣдко; китайцы же не возвращаются въ свое отечество почти никогда. Эти факты объясняютъ, почему китайцы все рѣже и рѣже нанимаются на Антильскіе острова, а больше отправляются въ Австралію, Америку и Калифорнію.

Въ Перу кули назначаются для обработки земли, для разведенія виноградниковъ и на плантаціи сахарнаго тростнику, или копаютъ гуано и грузятъ корабли. Въ такомъ климатѣ и при такой заражающей работѣ смертность среди нихъ ужасающая. Вотъ что говорилъ одинъ англійскій депутатъ въ Палатѣ Общинъ, въ 1873 г.: «Участь кули въ Перу ужасна. Ихъ бьютъ, сажаютъ на цѣпь и продаютъ, какъ нѣкогда били и продавали негровъ. Не надѣясь убѣжать, кули часто кончаютъ жизнь самоубійствомъ. При продажѣ имѣній, кули входятъ въ инвентарь, подобно быкамъ и баранамъ. Судьба кули, «добровольнаго» работника, замѣнившаго собою негра, почти не лучше судьбы его предшественника». О томъ же свидѣтельствуютъ M. Duvergier de Hauranne: «Почти вездѣ, въ Китаѣ, въ Индіи, среди малайцевъ, кули набираютъ не путемъ насилія, а путемъ ложныхъ обѣщаній, что еще хуже. Будучи фактически рабами, они въ то же время не рабы, потому что нанимаются какъ бы добровольно. Они свободны, но это свобода каторжника, который влачитъ свою жизнь въ оковахъ. Ихъ водятъ скованными, какъ водили и негровъ. Въ качествѣ свободныхъ людей, они должны оплачивать свой переѣздъ, но, за несостоятельностью, ихъ продаютъ какъ нѣкогда продавали должниковъ въ древнемъ Римѣ, только продаютъ не на вѣки, а на 5 или на 6 лѣтъ рабства, по истеченіи которыхъ отеческій и покровительствующій законъ, заботясь о томъ, чтобы они не впали

въ вредную для здоровья праздность, обязываетъ ихъ продаваться еще на 4 года».

Въ Полинезіи Англичане также ввели систему найма. Нанявши туземцевъ, они перевозятъ ихъ съ одного острова на другой. Они установили такую организацію труда, которая дѣлаетъ населеніе частью свободнымъ, частью рабами. Вотъ что разсказываетъ одинъ профессоръ Лондонскаго университета, познакомившійся съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ [1]). «Пища этихъ людей въ Квинслэндѣ состояла изъ тыквъ и испортившагося маису. Два раза въ недѣлю они получали 1|2 литра испортившагося рису. Я сравнивалъ ихъ съ рабами и нахожу ихъ положеніе гораздо хуже. Я былъ на плантаціи, когда прибылъ въ гавань корабль съ живымъ грузомъ. У многихъ изъ кули я замѣтилъ ссадины на ногахъ,—слѣды кандаловъ. Бѣднякамъ полагалось два дня на постройку хижинъ; послѣ этого ихъ раздѣляли на отряды, а затѣмъ гнали на работу. Это дѣлали бѣлые надсмотрщики, которые отвѣчали за выполненіе урочной работы, задаваемой на каждый день.—Если сочувствіе къ неграмъ повело къ уничтоженію рабства, то должна быть уничтожена и эта постыдная торговля, изъ сочувствія къ островитянамъ.

«Я имѣлъ случай познакомиться съ тѣмъ, какъ обращаются съ этими несчастными, говоритъ Куперъ [2]); я утверждаю, что система обращенія съ ними слишкомъ похожа на рабство, и что терпѣть се дальше—немыслимо... Если канаки не жалуются, то только потому, что боятся, и что ихъ владѣльцы являются въ то жъ время и ихъ судьями. Кромѣ того, они не знаютъ англійскаго языка, а мѣстной прессы, достаточно независимой, чтобы разоблачать эти злоупотребленія, также не существуетъ».

---

1) Etudes aux Colonies, Londres, 1871.

2) Cooper. Un continent perdu, p. 127.

XII.

Библіографія.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о различныхъ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ рабству и крѣпостному праву, читатель найдетъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ, которыми пользовался также и авторъ этой книги.

О рабствѣ у древнихъ: H. Wallon. (Г. Валлонъ). Histoire de l'Esclavage dans l'Antiquité. 3 т., 1847, 2-е изд. 1879 г.; A. Boeckh, Public Economy of Athens, англ. пер. J. Cornevall Lewis, 1828 г. 2-е изд. 1842; William Blair, Inquiry into the State of Slavery among the Romans, from the Earliest Period to the Establishment of the Lombards in Italy, 1833 г.; Dureau de la Malle, Economie Politique des Romains, 2 т. 1840; M. Troplong, De l'influence du Christianisme sur le Droit Civil des Romains, 2-е изд. 1855 г.

О рабствѣ и крѣпостномъ правѣ въ средніе вѣка: Q. Humbert, статья «Colonat» въ Dictionnaire des Antiquités grecques et Romaines, Daremberg'a и Saglio; I. Yanovski, De l'Abolition de l'esclavage ancien au Moyen Age et de sa transformation en servitude de la glèbe. (Валлонъ и Яновскій вмѣстѣ составляли мемуаръ для соисканія преміи, объявленной въ 1837 г. Академіей Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ; часть мемуара, составленная Валлономъ, послужила основой вышеупомянутаго сочиненія его Histoire de l'esclavage dans l'antiquité; Яновскому ранняя кончина помѣшала напечатать свою половину мемуара, и она была издана уже послѣ его

смерти, въ 1860 г., но это только неотдѣланный набросокъ); E. Biot, De l'abolition de l'esclavage ancient en Occident, 1840; Benjamin Guérard, Prolegomènes au Polyptyque d'Irmion, 1844 и Cartulaires de France, 1840—57; Fustel de Coulanges, Histoire des Institutions Politiques de l'anncienne France (изд. только 2-я часть, 2-е изд. 1877 г.) и Recherches sur quelques problèmes d'histoire, 1885 (въ послѣднемъ сочиненіи обстоятельно разработанъ весь вопросъ о colonatus, на основаніи оригинальныхъ текстовъ); S. Sugenheim, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa 1861 г,; Stubbs, Constitutional History of England, 3 т. 1874—78.

О колоніальномъ рабствѣ и торговлѣ невольниками: Washington Irving, Life and Voyages of Christopher Columbus, 1828 г., выдержавшее много изданій; Arthur Helps, Life of Las Casas, 1868 г.; Bryan Edwards, History, Civil and Coumercial, of the British West-Indies, 1793 г. 5-е изд. въ 5 т. 1819 г.; Thomas Clarkson, History of the Rise, Progress and Accomplishment of the Abolition of the African Slave Trade by the British Parliament, 2 т. 1808 г.; T. Fowell Buxton, African Slave Trade, 2-е изд. 1838 г. и The Remedy, a Sequel, 1840 г.; Memoirs of Sir T. F. Buxton, изданные его сыномъ Чарльзомъ Бакстономъ, 3-е изд. 1849 г. О рабствѣ въ Сѣверной Америкѣ: G. M. Stroud, Laws Relating to Slavery in America, 2-е изд. 1863 г. Dr. Wodrow Wilson, Division and Reunion (1824—1889), 1893 г. H. Greeley, The American Conflict, 1865 г.; John E. Cairnes, The Slave Power, its Character, Career, and probable Desings, 1862 г., 2-е изд. 1863 г.

О рабствѣ въ Бразиліи: Fletcher and Kidder, Brazil and the Brazilians, 9-е изд. 1879 г.

Матеріалами изъ новѣйшей исторіи африканской работорговли, а также египетскаго и турецкаго рабства могутъ служить: Ismailia, 1874 г. соч. Sir. S. W. Baker (рус. пер.), записки Ливингстона и біографическія замѣтки Гордона, затѣмъ, большинство документовъ, опубликованныхъ Британскимъ и Иностраннымъ Антиневольническими Обществами; далѣе: Cardinal Lavigerie and the African Slave Trade, изд. R. D. Clarke, 1889 г. I. S. Keltie, Partition of Africa, 1893 г.

Существуютъ еще два сочиненія A. Tourmagane'a, озаглавленныя Histoire de l'Esclavage ancien et moderne, изд. въ 1880 г., и Histoire du servage ancien et moderne, изд. 1879 г., заключающія въ себѣ много интересныхъ фактовъ изъ исторіи рабства и крѣпостного права; но эти сочиненія написаны поверхностно и безъ должной критической оцѣнки; авторъ сильно повторяется и уклоняется въ сторону, заговаривая о предметахъ, неимѣющихъ никакого или почти никакого отношенія къ его главной темѣ. Поэтому, въ дополненіе къ книгѣ Ингрема, издательница сочла полезнымъ заимствовать изъ трудовъ Турманя лишь нѣкоторый фактическій матеріалъ, оставляя въ сторонѣ его обобщенія и выводы. Когда предлагаемая книга была уже написана и сдана въ печать, въ руки автора попало сочиненіе каноника (нынѣ епископа) Brownlow. озаглавленное: Lectures on Slavery and Serfdom in Europe (1892 г.) Онъ нѣсколько преувеличиваетъ дурныя стороны древняго рабства, тогда какъ зло, заключавшееся въ немъ, было и само по себѣ достаточно велико, а также долю участія церкви въ его уничтоженіи. Вліяніе церкви сыграло тутъ несомнѣнно важную роль, но надо принять въ разсчетъ еще болѣе важное вліяніе измѣнившихся соціальныхъ условій. Наиболѣе широкія и философскія взгляды на рабство вообще мы найдемъ въ Опытѣ Юма, On the Populousness of Ancient Nations; въ Phi-

fosophie Positive Конта. т. V и въ Politique Positive, т. III. Экономическія свойства рабства, при условіи взгляда на него, какъ на систему организаціи труда, подробно разсматриваются въ Wealth of Nations, Смита (рус. пер.), кн. III, гл. 2; въ Political Economy Дж. Ст. Милля (рус. пер), кн. II, гл. 5; и въ Slave Power, Дж Э. Керна, гл. 2.

По исторіи крѣпостного права въ Россіи см. во первыхъ, общіе очерки русской исторіи:

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Экономическій, государственный и сословный строй. Спб. 1896 г. 1 р.—Проф. Ключевскій. Лекціи русск. исторіи, читанныя въ Москов. университетѣ. Трачевскій. Русская исторія. Изд. 2-е. Спб. 96 г. 8 руб.—По исторіи крестьянскаго и крѣпостного права: Г. Елисѣевъ. Когда благоденствовалъ русскій мужикъ (по книгѣ Аристова: «Промышленность древн. Руси».) Отеч. зап. 69 г. № 1. Сергѣевичъ. Юридическ. древности. 2 т. (Т. I. Территорія и населеніе). Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. М. 90 г. 2 р.—К. Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія. (Въ книгу вошелъ очеркъ исторіи крѣпостного права XVII—XVIII в.). Соколовскій П. Экономическій бытъ крестьянъ передъ прикрѣпленіемъ. Спб. 75 г. Костомаровъ Н. Монографіи. Т. II. (Въ него вошла статья «Бунтъ Стеньки Разина». Первыя главы этой книги даютъ яркую характеристику положенія крестьянъ въ началѣ XVII в.). Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянъ Лѣво-Бережной Украйны. Рус. Бог. 94 г. Его-же. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ. Спб. 90 г. Семевскій В. Крестьяне въ Сибири (печатается). Семевскій. Крестьяне при Екатеринѣ II. Спб 81 г. Т. I. Введеніе. (Крестьяне крѣпостные и посессіонные). Введеніе къ этой книгѣ въ болѣе полномъ видѣ см. Рус. М. 81 г.—2 р. Его-же. Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ. 1760—64 г. В. Евр. 77 г. 1—2. Его-же. Казенные крестьяне при Екатеринѣ. Рус. Ст.

79 г. 1—6. Его-же. Крестьяне вотчинъ духовенства во второй половинѣ XVIII в. Рус. М. 92 г. 9, 10. Его же. Пожалованіе населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II. Отеч. зап. 77 г. 8. Его-же. Пожалованіе населенныхъ имѣній при Павлѣ I. Рус. М. 82 г. 12. Общій очеркъ исторіи крестьянъ XVIII в., сост. В. Семевскимъ, приложенъ къ «Программамъ для самообразованія», изд. особымъ отдѣломъ при Педагогич. музеѣ въ Спб., ц. 40 к. Шашковъ С. Крестьяне при Екатеринѣ II и Павлѣ I. «Слово» 81 г. 2—4. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. 3 т. Спб. 84 г. Мордовцевъ. Политическія движенія русскаго народа. 3 т. (III т.—исторія Гайдамачины). Семевскій В. Крестьянскій вопросъ во II половинѣ XVIII стол. и въ первой половинѣ XIX стол. 2 т. Спб. 88 г. Ц. 6 р. О военныхъ поселеніяхъ см. у Богдановича. Исторія Александра I. Т. V и VI. Также и Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. Изд. Рус. Старины. Бунтъ военныхъ поселянъ. Изд. Рус. Стар. Спб. 70 и 71 г.—Исторія крестьянъ въ XIX в., см. Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время. (Т. II, I половина). Шашковъ. Крѣпостные крестьяне передъ освобожденіемъ. «Слово» 81 г. 4. Славутинскій. Генералъ Измайловъ и его дворня. «Древ. и Новая Россія», 76 г. 9—12. Исторія паденія крѣпостного права, см. Иванюкова. Паденіе крѣпостного права. Спб. 81 г. (То же, въ От. зап. 80—81 г. «Роль правительства, дворянства и литературы въ паденіи крѣпостного права»). Головачевъ А. Десять лѣтъ реформъ. Спб. (и въ Вѣстн. Евр. 70-хъ годовъ). Ходскій. Земля и земледѣлецъ. Т. II. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. М. 96 г.—2 р. 50 к.

Кромѣ того краткая исторія крестьянъ въ книгѣ Васильчикова «Землевладѣніе и земледѣліе».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе автора 1

ГЛАВА I.

Введеніе 5

Дополненіе. Положеніе рабовъ въ Греціи 34

ГЛАВА II.

Рабство въ древней Греціи 31

Дополненіе I. Хлѣбъ, зрѣлища, гладіаторы и возстаніе ихъ . . 91

Дополненіе II. Отношеніе къ рабству философіи и христіанства . 133

ГЛАВА III.

Рабство въ древнемъ Римѣ 44

ГЛАВА IV.

Переходъ къ крѣпостному праву. 123

ГЛАВА V.

Уничтоженіе рабства 133

Дополненіе. Нѣкоторые подробности о работорговлѣ и о положеніи африканскихъ невольниковъ 180

ГЛАВА VI.

Африканская торговля невольниками и рабство негровъ. . . 169

ГЛАВА VII.

стр.
Прекращеніе колоніальной торговли невольниками 191

ГЛАВА VIII.

Уничтоженіе рабства негровъ 205

ГЛАВА IX.

Рабство въ Россіи и на магометанскомъ Востокѣ 235

ПРИЛОЖЕНІЕ.

стр.
I. Объ употребленіи словъ «рабъ» и «рабство» 269
II. Рабство у евреевъ. 271
III. Рабство въ древнемъ Египтѣ, Ассиріи, Персіи и Китаѣ . 275
IV. Рабство въ древней и современной Индіи 279
V. Рабство у варварійскихъ корсаровъ 283
VI. Выкупъ плѣнныхъ 287
VII. Рабство, какъ промышленная система 290
VIII. Феодальная система отъ ея возникновенія до конца XIII вѣка 294
IX. Право первой ночи 316
X. Средневѣковыя возстанія. Багоды. Жакерія. 319
XI. Африканскіе, индійскіе и китайскіе кули 324
XII. Библіографія 333

